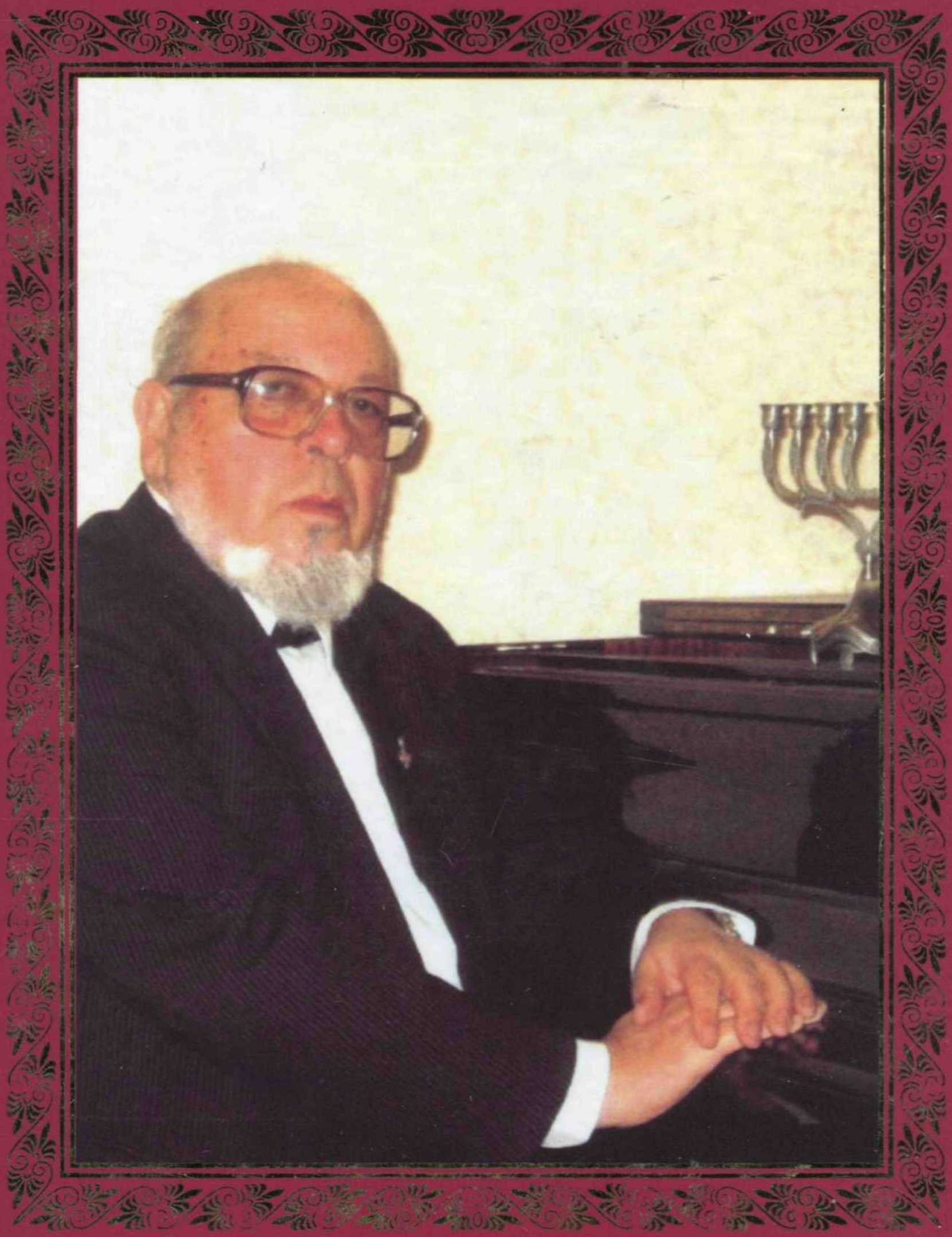
Серго БЕНГЕЛЬСДОРФ

ЖИЗНЬ В ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Светлой памяти моих незабвенных родителей - еврейской поэтессы Любы Вассерман и еврейского актера Моисея Бенгельсдорфа - посвящаю

Серго Бенгельсдорф

ЖИЗНЬ В ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

008(4)
Б 46

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAŢIONALE A CĂRŢII

Бенгельсдорф, Серго Жизнь в еврейской культуре / Серго Бенгельсдорф.
– Ch. : "ELAN-POLIGRAF", 2007. – 328 p.
ISBN 978-9975-9665-6-6
500 ex.

008(4)
Б 46

© Серго Бенгельсдорф
© "ELAN POLIGRAF"

Издательско-полиграфическая фирма
"ELAN POLIGRAF"
MD-2069, Республика Молдова
г.Кишинев, ул. Месаджер, 7
Тел.: (373 22) 74-58-00; тел./факс: 74-65-00
E-mail: info@elan.md; www.elan.md

ISBN 978-9975-9665-6-6

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мои друзья, приятели давно советовали - издай, наконец, сборник своих статей, у тебя их так много, ты печатаешься и в Молдове, и в России, в США, в Израиле, пора уже иметь и свою книгу. Но как-то не получалось, жизнь все гнала вперед, появлялись новые статьи, творческая работа музыканта - исполнителя и педагога, постоянный выпуск радиопрограмм «Идиш лебн» («Еврейская жизнь») не давали возможность остановиться, оглянуться. Но вот на горизонте замаячила круглая дата - 70 лет, это ли не повод пишущему человеку выпустить хотя бы одну в жизни книгу, обобщить то, чем я занимался последние, самые счастливые 18 лет своей жизни - возрождением еврейской культуры?

В 1989 году в Молдове было создано Общество еврейской культуры, неизменным членом Правления которого я был все эти годы, и работа моя шла по двум направлениям - еврейская музыка и еврейская журналистика, т.е. по тем двум специальностям, которыми я владею. И если музыка - это концерты, создания новых программ с композиторами, литераторами, певцами, музыкантами, поиски и возрождение к жизни забытых произведений еврейской классики, то журналистика - это постоянное освещение важных событий, происходящих в сфере еврейской культуры, еврейской жизни не только в Молдове, но, в силу моих постоянных командировок и гастролей, далеко за ее пределами.

Когда начал собирать материал, увидел, что кроме всех событий, которые описываю в статьях, вырисовывается и физиономия автора, т.е. получается книга о времени и о себе. Отсюда и название - «Жизнь в еврейской культуре», отсюда и внутренняя драматургия книги, состоящей из 6 глав, где в первых двух рассказывается о родном городе автора - Биробиджане - и его незабвенных родителях, давших вместе с городом ему еврейское начало, а так же о его главном Учителе в жизни - профессоре Ленинградской консерватории Исааке Давидовиче Гликмане. Следующие три главы можно объединить одним названием, созвучным с названием книги - «Жизнь в еврейской культуре». И, наконец, последняя 6 глава рассказывает о концертной деятельности автора, который, благодаря постоянной работе над новыми программами еврейской музыки превратился, по образному выражению профессора Гликмана, «из обслуживающего исполнителей критика в обслуживаемого концертанта». Профессия музыканта всегда была для меня очень важной в творческой жизни, поэтому мне хотелось осветить в книге эту ипостась, но, естественно, не своим пером.

Сказать, что книга появилась на свет по мановению волшебной палочки - было бы большой натяжкой. Автору пришлось немало походить “с протянутой рукой”, чтобы “раскрутить” сильных мира сего из еврейского бизнеса. Одни сразу отказывали, заявляя, что история развития еврейской культуры в независимой

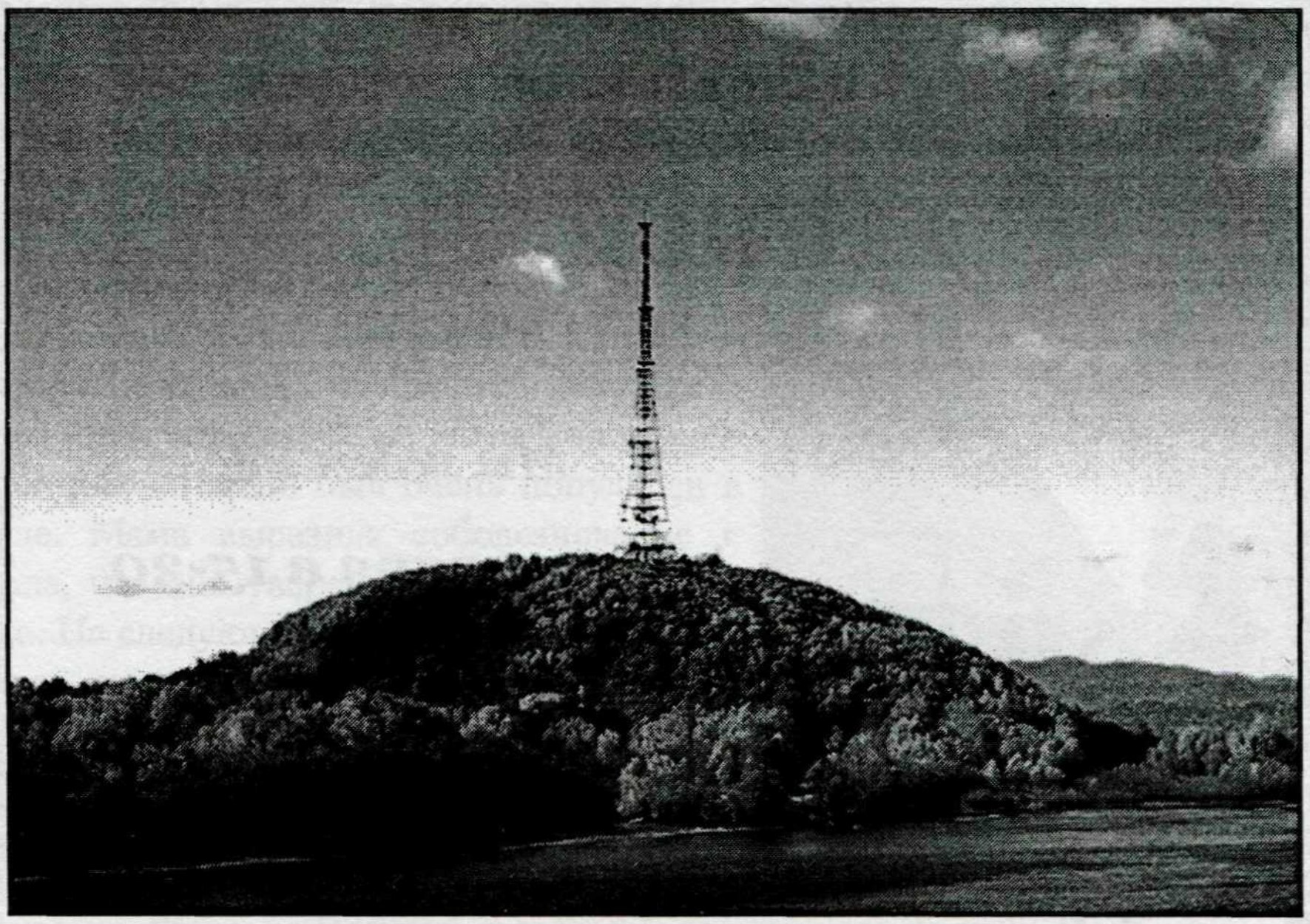
Молдове их не интересует. Другие клятвенно обещали помочь, но когда дело доходило до конкретной спонсорской помощи, делали вид, что их это не касается. И потому я благодарю тех, кто все-таки откликнулся на мой призыв о помощи - Еврейский конгресс Молдовы, господ Шабатая Ханукаева (Кишинев), Леонида Черняка (Москва). И моя особая благодарность американско-еврейскому распределительному комитету "Джойнт", его руководству в Иерусалиме и Молдове за самый главный спонсорский вклад в издание этой книги.

Серго Бенгельсдорф

Глава Первая

МОЙ БИРОБИДЖАН

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЕВРЕЙСКОЕ АГЕНСТВО
"СОХНУТ"

Клуб еврейской музыки проводит вечер

"Из дальних странствий возвратясь...".

Серго Бенгельсдорф - мастер искусств, руководитель клуба рассказывает о поездках группы "Ворт ун нигн" - "Слово и мелодия" на фестиваль в Биробиджан и в Израиль.

В вечере участвуют певицы - дипломанты Международного конкурса Анжела Пихут и Инна Лось.

Мы ждем Вас

20 января в 15-30

по адресу:
ул.Пушкина, 24,
4 этаж,
Актовый зал

Серго Бенгельсдорф

БИРОБИДЖАН, КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

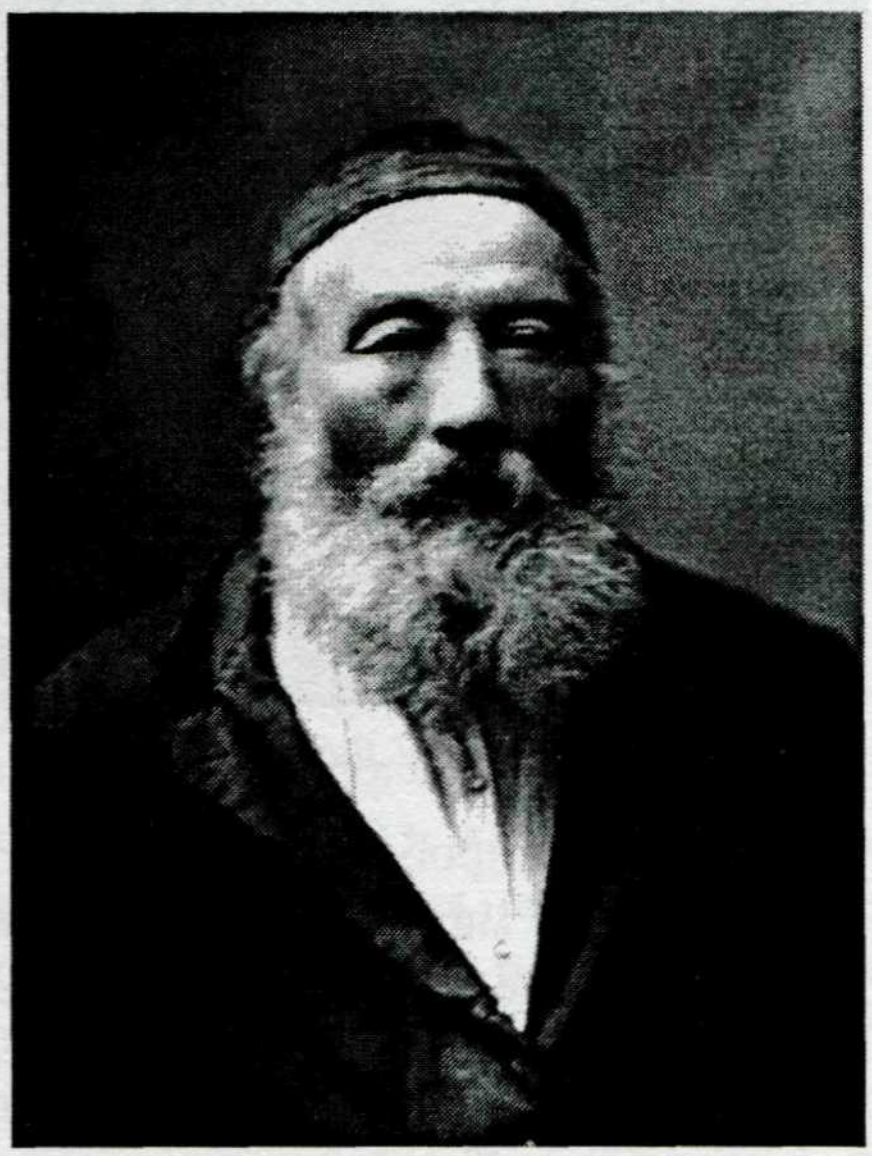
В одном из стихотворений известной русской поэтессы еврейского происхождения Маргариты Алигер есть такие строчки: «Родину себе не выбирают... родину на свете получают»...

Судьбе было угодно, чтобы моей родиной оказался Биробиджан, далекий, таинственный город на краю России, почти у берегов Тихого океана, который до сих пор вызывает живой интерес у евреев во всех уголках земного шара.

Я родился в роковом 37-м, когда безумство сталинского режима достигло апогея. Люди тысячами исчезали по ночам из своих квартир и больше никогда уже не возвращались. Как считала мама, я был ее спасителем, потому что с грудными младенцами на руках не брали. А папа, когда ему сообщили по секрету добрые знакомые, что за ним должны прийти, срочно уехал, будто бы на курорт, и более года не появлялся в Биробиджане.

Меня часто спрашивают: откуда у человека из еврейской семьи такое странное имя - Серго? Как рассказывали мои родители, они собирались назвать новорожденного красивым еврейским именем деда (маминого отца) Шамай, что отвечает нашим традициям. Но советские времена не всё решали родители.

Маме в роддом позвонил тогдашний редактор газеты «Биробиджанэр Штерн» Эммануил Казакевич, будущий знаменитый русский писатель, поздравил с рождением сына и среди новостей сообщил о кончине Серго Орджоникидзе, который был очень популярен в народе. Мама выразила соболезнование и сказала, что она уверена в рождении новых Серго. На следующий день в «Биробиджанэр Штерн» появилась заметка: поэтесса Люба Вассерман родила сына и назвала его в память Орджоникидзе.

Дед, отец матери - Шамай Вассерман

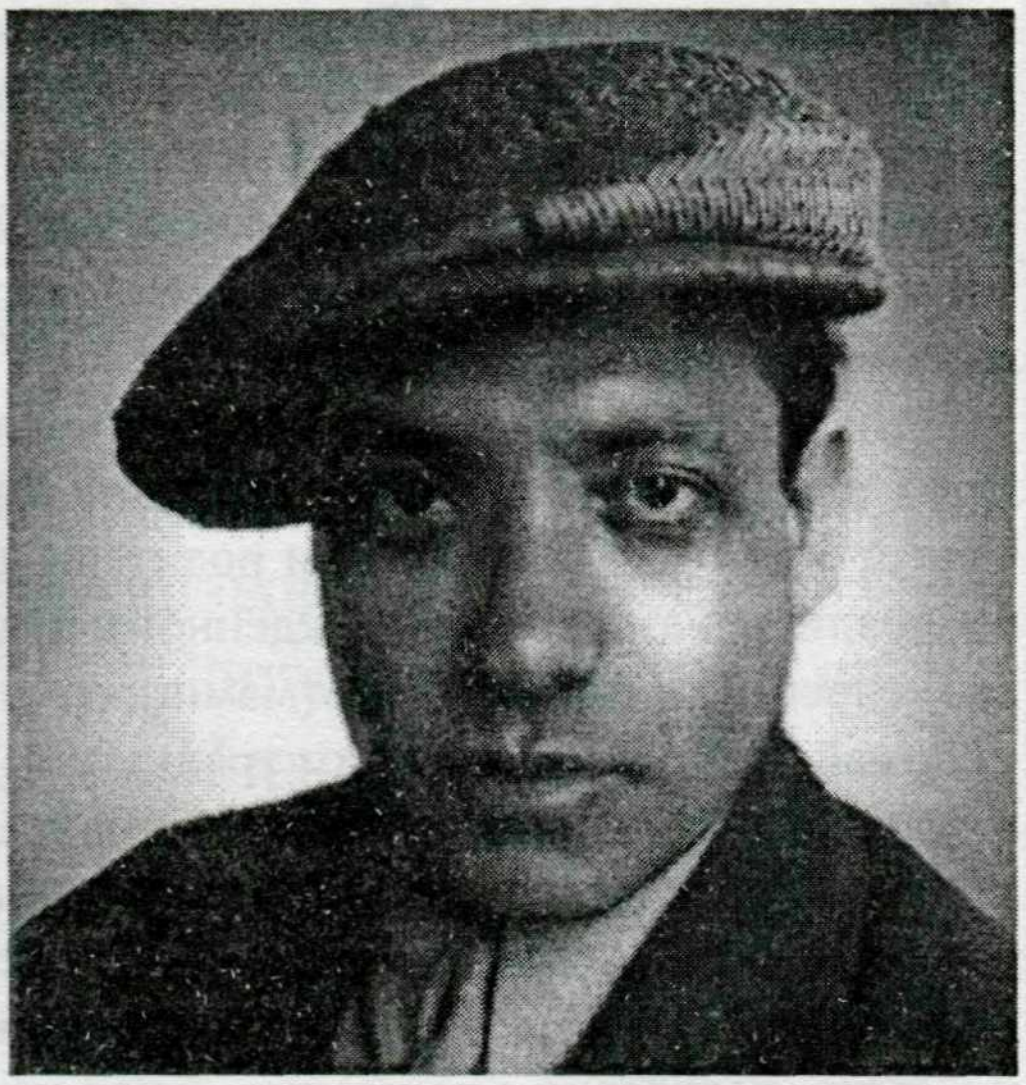
Мои родители - еврейский актер и режиссер Мойше Бенгельсдорф и еврейская поэтесса Люба Вассерман - были одними из первых переселенцев, приехавших строить на Дальнем Востоке еврейский национальный очаг. Тогда еще не было Израиля, и многим евреям, особенно из бедных слоев, казалось, что в Советском Союзе, где нет эксплуатации, безработицы, где человек человеку, как утверждала сталинская пропаганда, «друг, товарищ и брат», они сумеют построить еврейский социалистический рай. Мой папа приехал в Биробиджан из Аргентины, из

Буэнос-Айреса. Там он работал в портняжной мастерской и увлекался еврейским самодеятельным театром. Помню его аргументы в пользу Биробиджана: в Аргентине тогда, как и во всем западном мире, был кризис, он работал всего две недели в месяц, и этого ему хватало на безбедную жизнь, хотя безработица и тяготила молодого здорового парня.

И когда приехали советские агитаторы и расписали жизнь в Советском Союзе, играя на национальных струнах евреев, папа быстро поддался этой пропаганде, рассуждая, что если при кризисе он неплохо живет, то как прекрасно будет жить в стране, где отсутствует безработица.

Мать - Вассерман Любовь Шамовна

Отец - Бенгельсдорф Моисей Абрамович

Приехав в Биробиджан, папа сразу же попал на лесоповал в тайгу: требовался строительный материал - бревна, из которых был построен вначале деревянный город. Там, вместе с другими переселенцами из Америки, Аргентины, Бразилии, Европы, он познакомился со всеми «прелестями» дальневосточной природы - комарами, гнусом, болотами.

Из леса папу «вытащило» его увлечение театром. Его направили в Москву на учебу - в Еврейское театральное училище при ГОСЕТе, который возглавлял тогда великий Михоэлс. Проучившись четыре года, папа вместе с театральным коллективом, созданным из воспитанников училища, вернулся на работу в Биробиджан.

Еще в Москве отец познакомился с мамой, которая в то время училась в университете на еврейском рабфаке. Она приехала в Москву из Палестины, куда ее ранее вызвал из польского местечка Славатич родной брат Иосиф. В Палестине она работала домработницей и нянечкой в одной из больниц Иерусалима, участвовала в антианглийских демонстрациях, из-за чего англичане выслали ее из страны, и

она оказалась в Москве. Еще в Палестине мама начала писать стихи на идиш, там вышла первая книга стихов «Фарнахтн», а в Москве она совершенствовалась по еврейскому языку и литературе. Выйдя замуж, уехала с папой в Биробиджан, имея профессию еврейской журналистки и призвание поэтессы.

Я с родителями, Биробиджан, 1948 год

Первые годы жизни моих родителей в Биробиджане были счастливыми. Несмотря на угрозы сталинских репрессий, начинавших к сороковому году ослабевать, несмотря на суровый климат с морозной длинной зимой и жарким коротким летом, со «знаменитыми» биробиджанскими комарами, несмотря на жуткие бытовые условия - с водой в колодце и «удобствами» во дворе (до сих пор не могу понять, как наши голые задницы выдерживали тридцатиградусный мороз), несмотря на вечную проблему добывания пищи и одежды, - они, первостроители, были энтузиастами-идеалистами, искренне верящими, что строят свой национальный очаг, где соберутся все евреи.

Как бы в подтверждение этого, сразу после окончания войны в Биробиджан начала прибывать новая волна переселенцев из Украины, Белоруссии, Молдавии. Евреи, лишившиеся всего во время войны, оставшиеся на пепелищах родных домов, охотно откликнулись на призывы вербовщиков, прибывших из Биробиджана. Я помню, как мы, школьники, бегали с цветами на вокзал, где по прибытии каждого эшелона с переселенцами играл духовой оркестр и произносились пламенные речи.

Пожалуй, эти годы, с 1945-го по 1948-й, были самыми счастливыми в жизни моих родителей. Еврейская культура дышала полной грудью. Биробиджанский ГОСЕТ радовал новыми постановками. В детстве я пересмотрел все спектакли этого театра, а многие из них запомнил почти наизусть, потому что папа брал меня с собой даже на репетиции. Помню «Колдунью» Гольдфадена, «Двести тысяч», «Тевье-молочник», «Стемпеню» Шолом-Алейхема, «Уриэль Акоста» Гуцкова, «Восстание в гетто» Галкина, «Бойтрэ», «Бар-Кохба»... Были и пьесы современных биробиджанских авторов: «Милх ун оныk» («Молоко и мед») Эммануила Казакевича, «Он из Биробиджана» Бузи Миллера. По моим детским понятиям, это был замечательный театр с яркими актерами - воспитанниками Михоэлса, с изобретательной режиссурой (среди которой выделялись спектакли М.Гольдблата), с талантливой сценографией и профессионально крепким оркестром. Зрительный зал всегда был заполнен, и спектакли принимали с большим энтузиазмом. Театр много гастролировал по Дальнему Востоку, а во время войны уехал больше чем на год в Среднюю Азию. Мама тогда работала в литературном вещании радио, делала интересные программы на идиш, печаталась в газете «Биробиджанэр Штерн», в журнале «Биробиджан».

Я помню, как в нашем доме собирались артисты театра, мамины коллеги по перу, среди которых были Бузи Миллер, Гершл Рабинков, Исроэл Эмиот, Сальвадор Боржес, Нахум Фридман, Бер Слуцкий, как в наш дом заходили приезжавшие в Биробиджан Дэр Нистэр, Иосиф Керлер, Шмуэл Гордон. Какие жаркие споры разгорались, какие протекали литературные и театральные диспуты, как все верили в будущее Биробиджана, в будущее еврейской автономии!

Я в те годы пошел в школу, с 1944-го по 1949-й учил идиш - отсюда умение читать и писать на родном языке. И за это моя благодарность Биробиджану и, конечно же, родителям, потому что в нашем доме говорили только на идиш. Да и материально, насколько я помню, мы, биробиджанцы, жили после войны лучше, чем в других регионах Дальнего Востока. В то время нам очень помогали американские евреи. Не знаю, шла эта помощь через «Джойнт» или через другие американские еврейские организации, но хорошо помню вкус американского горького шоколада в блоках, вареной колбасы в длинных металлических коробках, американской говяжьей тушенки. А как красиво мы, дети, были одеты на концертах! Помню, как выступали в Хабаровске на краевой олимпиаде, и весь зал разразился аплодисментами при виде хора еврейских детей из Биробиджана, одетых в белоснежные блузки с бордовыми бантами вместо галстуков и в бордовые панбархатные штанишки. И вся эта роскошь, на фоне ужасающей всеобщей нищеты, была из американских посылок. А какой праздник был в городе, когда американские евреи прислали в Биробиджан 4 турбины для местной электростанции - и мы после войны не знали проблем с электричеством. А 120-местный огромный автобус, присланный из США, сразу переправили в Хабаровск, так как он не мог развернуться на узких улочках маленького города. Этот автобус служил городу долгие годы, и я, уже бу-

дучи студентом Хабаровского музыкального училища, часто ездил на нем... Всю свою помощь американские евреи адресовали на имя председателя облисполкома Зильберштейна, которого они, видимо, не зная советской субординации, именовали «президентом еврейской республики», что потом дало повод «славным советским чекистам» создать в 1949 году «Биробиджанское дело», обвинив руководство области в заговоре «с целью создания независимой еврейской республики, выхода из СССР и присоединения к Америке». Ну, чем не копание туннеля из Дели до Лондона из замечательного фильма «Покаяние»?

После маминого возвращения из лагеря, 1956 год

Возможно, не будь сталинского погрома 1949 года, еврейский национальный очаг мог бы еще развиваться, потому что после войны в Биробиджане существовали для этого все условия: еврейские школы, библиотека им. Шолом-Алейхема, еврейское радио, еврейский театр, а главное - было население, владеющее мамэлошн - то есть носители этого языка и потребители этой культуры.

Тогда, в 1949 году, почти одновременно арестовали всех руководителей еврейской автономной области, всех еврейских писателей (в том числе и мою маму), других представителей интеллигенции; закрыли еврейский театр, школы, а в библиотеке им. Шолом-Алейхема сожгли все еврейские книги. В общем, был настоящий погром, ничем не уступающий гитлеровскому. Оставили только газету «Биробиджанэр Штерн», где переводились на идиш официальные материалы из партийных

газет.

Для нашей семьи это был полный крах. Мама на долгие семь лет оказалась в сталинских лагерях, а мой бедный папа в одночасье лишился любимой жены, любимой творческой работы и вынужден был, чтобы прокормить себя и своего сына, пойти чернорабочим на швейную фабрику. Я, конечно, ребенком не ощущал весь ужас нашего положения, но в 13 лет, продолжая учиться в школе, пошел работать пианистом в культпросветучилище, чтобы как-то материально поддержать в конец растерявшегося отца. От нас в страхе стали отворачиваться знакомые, боялись с нами заговорить, мы поддерживали отношения только с семьями таких же репрессированных, ездили вместе в Хабаровскую тюрьму отвозить передачи. Там целый год томились наши близкие, а потом все они получили по 10 лет лагерей и были отправлены в Сибирь.

Последняя фотография родителей

Так, на мой взгляд закончился Биробиджан. После всех репрессий люди стали бежать оттуда, и когда, после смерти Сталина, после возвращения из лагерей биробиджанской интеллигенции начали делать попытки возродить еврейскую культуру (мой папа возглавил еврейский самодеятельный театр, опять на радио появились

еврейские программы, «Биробиджанэр Штерн» стал редактировать Бузи Миллер, и газета приобрела еврейское лицо), - возрождать её уже было не для кого: в Еврейской автономной области евреев осталось незначительное меньшинство, а с началом массовой эмиграции в Израиль Биробиджан стал почти «юденфрай». И в этом заключается главный парадокс Биробиджана последних 15 лет: с началом перестройки издали новые буквари и учебники на идиш, в Биробиджане открыли Педагогический институт с факультетом идиш, раз в два года проводят международные фестивали еврейской музыки, куда приглашают лучших еврейских музыкантов из России и стран СНГ (я был участником трех таких фестивалей), Америки, Израиля. Но идиш в школах и институтах учат не евреи, публика на фестивалях почти не еврейская, губернатор Еврейской области не еврей, потому что русское большинство в условиях демократии выбрало его. (При советской власти ЦК партии разыскивало по всей стране партийного еврея и ставило его во главе Биробиджана).

И всё-таки, признаюсь, до сих пор часто вспоминаю город своего детства и юности, как каждый еврей вспоминает свой штэтл, откуда он вышел. И когда случается бывать там на фестивалях, вижу, подъезжая к городу со стороны Хабаровска, возникающую вдали знаменитую сопку, как бы парящую над городом, и все внутри сжимается от волнения, не могу сдержать слез. Тени незабвенных родителей, отдавших свою жизнь Биробиджану, встают перед мной.

Я же лично обязан Биробиджану, атмосфере моего детства тем, что сохранил в себе еврейство на всю жизнь. Да, я могу жалеть, что мои родители, как и все их поколение, было вынуждено под страхом сталинизма отказаться от соблюдения еврейских традиций (с которыми я познакомился в Кишиневе, приехав сюда на учебу в консерваторию: здесь, из-за того что Советы пришли фактически после войны, идишкайт еще жил, отмечались еврейские праздники, люди ходили в синагогу, а в Биробиджане её открыли совсем недавно - наверное, для гостей).

И все же, благодаря Биробиджану, я никогда не забывал своих корней, никогда не стеснялся своей национальности, всегда был верен языку своей мамы - мамэлошн.

Теперь стараюсь передать любовь к идишу свои ученикам - юным певцам, а также молодежи из «Гилеля». Надеюсь, что первый учебный год, недавно закончившийся, даст импульс молодым вернуться к своему языку, потому что идиш не надо учить - его надо вспомнить: он генетически заложен в память каждого еврея.

СЛОВО О МАМЕ

В тихом углу кишиневского еврейского кладбища есть одно скромное надгробие, состоящее из небольшой мраморной тумбы с открытой книгой на ней. И каждый, знающий язык идиш, может прочитать стихи в этой книге.

Они называются: «Мой дом».

Я закрываю глаза и хочу вспомнить,
Что же я здесь, когда приехала, увидела?
Маленькую станцию, разросшиеся клены,
Спящую в голубизне тайгу.
Приземистые домики, облитые солнцем,
Беленькие бараки, покрытые росой,
Стремительную Биру, которая вливается
В широкий Амур, могучий, голубой.

(Построчный перевод)

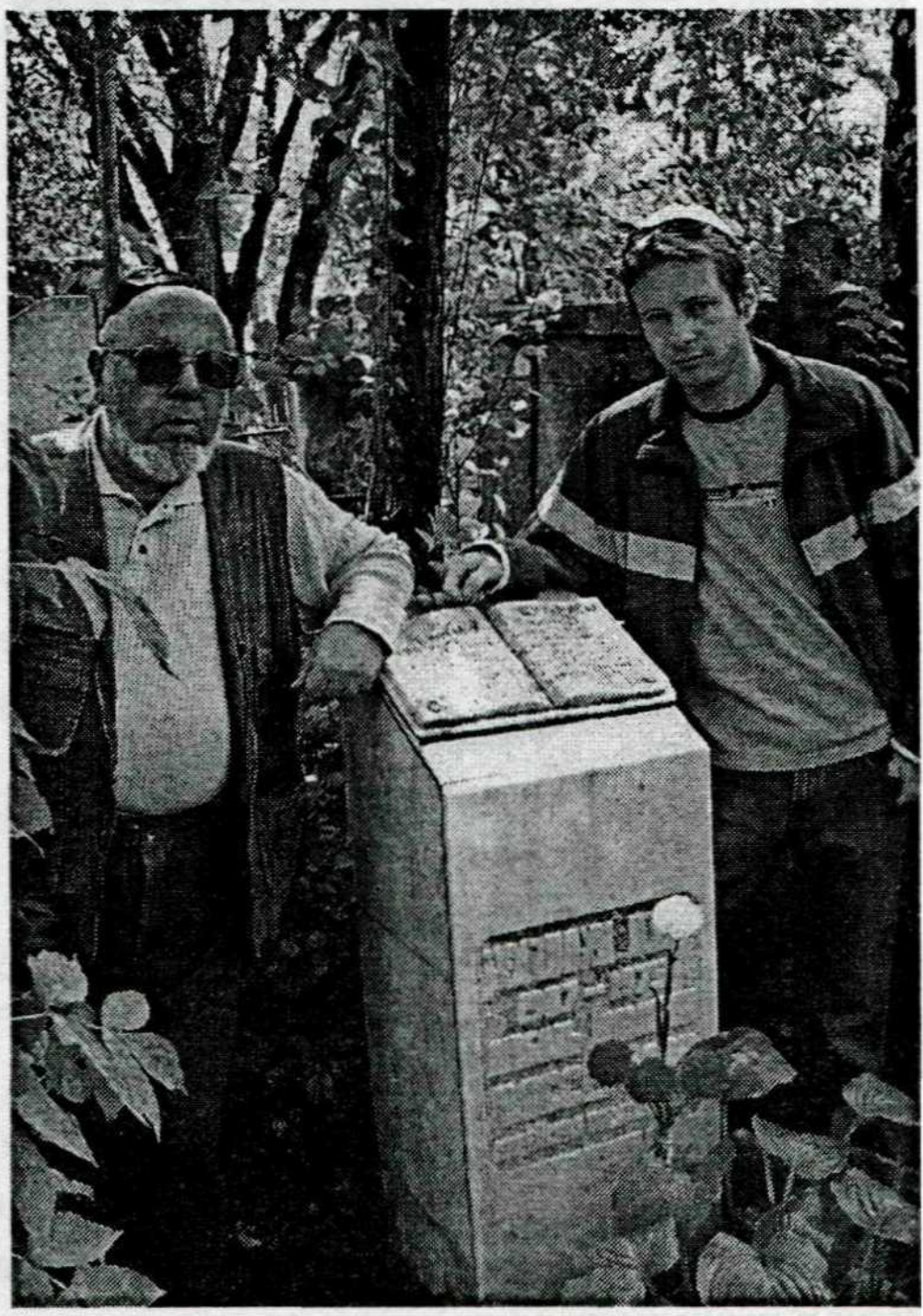
Да, «Мой дом» - это Биробиджан, город, который хотя и не был местом рождения, но оказался для Любы Вассерман ее жизнью, ее вечной любовью.

Она приехала в Биробиджан в начале тридцатых годов и стала активным строителем Еврейской автономной области, вошла в первую писательскую группу, в которой были Давид Бергельсон, Эммануил Казакевич, Бузи Миллер, другие прозаики и поэты. В своем творчестве мама воспевала биробиджанскую землю, дальневосточную природу, красоту созидательного труда еврейских первопроходцев. В ее стихах, в ее поэтическом доме навек прописаны биробиджанские улицы, парки, тополиные аллеи и скамейки над вечерней Бирой. И уже будучи последние годы

Мемориальная доска на доме в Биробиджане, где жила Любовь Вассерман

жизни в Кишиневе, куда я, после смерти отца, перевез ее, тяжелобольную, мама все время тосковала по Биробиджану. Все ее помыслы, разговоры, письма к друзьям, стихи были наполнены Биробиджаном. И даже последние в жизни стихи, написанные на больничной койке Кишиневской травматологической больницы, так и назывались - «Биробиджан - мой дом», «Моим биробиджанским друзьям».

На могиле матери вместе с внуком Ильей

Мама прожила не такую уж большую - 67 лет, но очень тяжелую жизнь. Здесь и нищее, сиротское детство в польском местечке Славатич, и трудная жизнь домработни:цы и нянечки в Иерусалимской больнице в ее Палестинской юности. Но самые тяжелые испытания достались ей в Биробиджане, когда бесчеловечный сталинский режим обрек хрупкую женщину, мать, поэтессу, находящуюся в расцвете творческих сил, на долгих семь лет заточения, насильственно оторвав ее от любимого города, дома, дорогих ее сердцу мужа и сына.

Она чудом выжила в сибирских лагерях, но оправиться от этой трагедии уже не смогла до конца своих дней. Из заключения мама вернулась тяжело больной, в свои 49 лет выглядела глубокой старухой, получала нищенскую пенсию по инвалидности. Но писательское творчество поддерживало ее дух, хотя каждое слово давалось с большим трудом, и каждое новое стихотворение оканчивалось «скорой помощью», уколами, таблетками или больничной койкой.

Так она жила до самой смерти, но, видимо, в силу своего доброго, мягкого характера мама не озлобилась за свою исковерканную жизнь. До конца дней она продолжала считать, что всем в жизни обязана Советской стране, превратившей безграмотную, голодную местечковую девушку в известную еврейскую поэтессу. Сталинский террор она считала трагической ошибкой Сталина, который во имя «светлого будущего» стрелял по своим. Наверное, сейчас, после того, что мы узнали о «великом друге и вожде», мама бы иначе взглянула на «ошибки» величайшего палача всех времен и народов.

Мама никогда не рассказывала, что писала в лагере стихи, так же, как никогда не вспоминала о своем первенце – сборнике стихов, изданных в 1931 году в Иерусалиме - городе своей юности. Сталинский Дракон, физически уничтожавший и

калечивший людей, вселял в них и великий Страх, преследовавший всю жизнь. Только так я могу объяснить мамино умолчание.

У памятника Любы Вассерман - внучка Ася и земляк поэтессы Петр Штульзафт, 1980 год

Мы с женой и дочерью у маминой могилы, 1978 год

Но вот недавно, перебирая ее архив, я обнаружил старую потрепанную тетрадь с карандашными каракулями, на которую раньше не обращал внимания. А когда начал разбирать записи, то не мог остановить слез. Возможно, так сильно подействовали стихи, потому что почти в каждом она говорит с болью и тоской о своем единственном ребенке, т.е. обо мне. Читая мамины стихи, передо мной вставало детство - голодное, холодное, без материнской ласки, с ранним взрослением - в 13 лет пришлось начать работать, чтобы помочь в конец растерявшемуся отцу, который до конца своих дней задавал трагический вопрос – за что репрессировали его жену. За что женщину, преданную всей душой своей стране, идеям социализма, смяли, растоптали, лишили самого дорогого - свободы? Это многомиллионнное «за что?» с потрясающей силой обозначил А.Солженицын в «В Архипелаге ГУЛАГе». Но в мамином стихотворении в поэтической форме тот же вопрос - это проклятие извергу, сотворившему самое гнусное преступление в человеческой истории.

В подборку в журнале «Кодры» вошли также и мамины стихи разных лет в переводе биробиджанского поэта, маминого литературного ученика Леонида Школьника, ныне депутата Верховного Совета СССР. Думается, что вместе с «лагерной»

тематикой, такие стихи, как жанровая сценка «Славатич», лирические «Ланды-ши», трагические «Мое мертвое местечко» и «Годовщина» дадут русскоязычному читателю Молдовы определенное представление о жизни и творчестве скромной еврейской поэтессы Любы Вассерман, обретшей вечный покой в земле Молдовы.

Но художник не умирает после своей физической смерти. Он живет в своих творениях, в своих учениках, в своих наследниках. Думаю, что мое участие в возрождении еврейской культуры в Молдове - это продолжение жизни в этой культуре моих незабвенных родителей – еврейского актера Моисея Бенгельсдорфа и поэтессы Любы Вассерман.

БИРОБИДЖАНСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР

Мои самые ранние и самые сильные воспоминания далекого детства - волшебство еврейского театра. Я родился в семье актера Биробиджанского государственного еврейского театра (ГОСЕТа) Моисея Бенгельсдорфа и еврейской поэтессы Любы Вассерман. Мои родители, как и многие евреи-романтики и энтузиасты приехали в этот Дальневосточный край, чтобы строить свой еврейский дом - Еврейскую автономную область.

В те годы еще не было еврейского государства Израиль, и они, наивные мечтатели, приехали из различных стран мира (мой папа, например, приехал из Аргентины) в СССР, в страну, где под песню Дунаевского и Лебедева-Кумача “Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек”, сажали в тюрьмы и лагеря миллионы невинных. О трагедии поколения этих чистых и светлых людей (моя мама тоже не избежала сталинской “мясорубки”, отсидев 7 лет в ГУЛАГе) можно рассказывать много, но мои воспоминания о другом.

В Биробиджане перед войной 1941-45 годов открылся еврейский театр. Все его актеры, в том числе и мой папа, были выпускниками Московского еврейского театрального училища, которое существовало при Московском ГОСЕТе. Художественным руководителем и театра, и училища был великий актер Соломон Михоэлс, которого в 1948 году уничтожили сталинские палачи. О Биробиджанском театре-детище Михоэлса, можно говорить как о высокопрофессиональном коллективе. Конечно, в моем детстве такого термина “высокопрофессиональный” я не знал, но в мою память так глубоко врезались и так ярко запечатлелись спектакли этого театра именно потому, что они были поставлены и игрались на очень высоком уровне.

Часто случалось, что моя мама, поэтесса и журналистка, выезжала в командировки по районам области или уходила вечером на дежурство в типографию, где выпускалась еврейская газета “Биробиджанэр штерн”, и тогда папа брал меня с собой в театр на спектакли и репетиции.

Таким образом, я знал почти наизусть весь текущий репертуар театра. И днем, в общеобразовательной школе, вместе с актерскими детьми, чье детство, как и мое, проходило за кулисами этого театра, мы разыгрывали сцены из спектаклей на языке идиш, который и сохранился, благодаря театральному детству, в моей памяти и душе до сих пор...

Минувшим летом я принимал участие в Международном семинаре по языку идиш, который проходил в живописной окрестности Киева - Пуще Водице. Я вел музыкальные занятия семинара, а американка Сарра Файнштейн руководила драматическим кружком. Она решила поставить с семинаристами известную оперетту основателя современного еврейского театра Аврома Гольдфадена "Колдунья" и пригласила меня быть музыкальным руководителем постановки. Каково же было мое и всех присутствующих удивление, когда оказалось, что спустя более 50 лет я помнил наизусть всю музыку спектакля, весь текст музыкальных номеров, подавал реплики и пел вместе со всеми участниками! Я как бы опять окунулся в атмосферу своего детства, в яркий праздничный мир "Колдуньи", мир еврейского театра. Кроме "Колдуньи", я помню и остроумную комедию об еврейском Ходже Насредине - Гершеле из Острополья, трагедию Самуила Галкина "Восстание в гетто", изумительно тонкую по своему философскому звучанию пьесу Шолом-Алейхема "Тевье-молочник" и его же комедию "200000"...

Печален, как и в "Тевье - молочнике", финал Биробиджанского ГОСЕТа. После убийства Михоэлса в СССР началась травля еврейской интеллигенции, аресты ее лучших представителей. В 1949 году в Биробиджане арестовали еврейских писателей, закрыли еврейские школы, эта же судьба постигла и театр. Актеры, кто мог, уехали из Биробиджана, а мой папа вынужден был устроиться чернорабочим на швейную фабрику...

И все-таки я благодарен своему биробиджанскому детству за то, что остался евреем, любящим и знающим свою культуру, свой язык. А те семена, которые посеяли мои незабвенные родители, Биробиджанский еврейский театр, еврейская аура, окружавшая меня в те годы, проросли и дали свои плоды.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЩЕДРОЙ ОСЕНИ

(путевые заметки)

Так случилось, что первые рецензии, появившиеся в молдавской прессе на премьеру нашего литературно-музыкального вечера «Ворт ун нигн», я отослал на свою родину - в Биробиджан. Мне хотелось рассказать землякам о том, что нить еврейской культуры, которой отдали жизнь мои незабвенные родители - поэтесса Любовь Вассерман и еврейский актер и режиссер Моисей Бенгельсдорф, не прервалась, что несмотря на все притеснения, испытанные в сталинские и пос-

лесталинские времена, она подобно птице Феникс, вновь восстает из пепла, а определенную лепту в ее возрождение вносит бывший биробиджанец, принявший эстафету от своих родителей.

Премьера наша прошла минувшей весной. И вдруг я получаю из Биробиджана письмо, в котором было сказано, что народная артистка Молдовы Нинель Каменева, солистка Молдавского оперного театра Ирина Мишура-Лехтман и автор этих строк приглашаются на фестиваль еврейской музыки и песни.

Первая реакция - смятение. Побыватъ на родине, где давно не был, прикоснуться к святым родительским могилам, привести с собой талантливых актрис, способных своим искусством порадовать дорогих земляков! Было от чего прийти в волнение. Но восторг быстро испарился, когда напомнила о себе проза жизни. Смогут ли мои милые, очаровательные коллеги, обладающие, кроме артистического дарования, «счастьем» быть женщиной в нашей стране, играющие на сцене графинь, герцогинь, принцесс, а в жизни тягающие неподъемные сумки добытчиц пропитания - смогут ли они оторваться от повседневных забот, от престарелых родителей и малых детей и умчаться куда? За тридевять земель, за десять тысяч километров, за восемь часовых поясов.

В общем, и телеграмма об участии в фестивале была отправлена, и билеты куплены, а сомнения в реальности поездки не проходили. С кем останутся маленькая дочь Ирины, старая больная мама Нинель? Вопросы, вопросы... Но тут дружно вмешались родственники, товарищи по работе - клятвенно обещали заботиться о старых и малых, а нам наказали не уронить честь Молдовы.

Ранним октябрьским утром наша маленькая группа (в ее состав еще вошел музыковед З.Л.Столяр, полетевший в Биробиджан по собственной инициативе) «встала на крыло» и отправилась в дорогу. В аэропорту Домодедово в ожидании самолета на Хабаровск первый сюрприз - встреча с Марией Биешу. Мы не поверили своим глазам: вчера еще она пела в «Дон Карлосе» на фестивале «Приглашает Мария Биешу», а сегодня уже летит на открытие концертного сезона в Алма-Ату. Но, кажется, неугомонная Мария пришла в еще большее изумление, когда узнала, что мы летим в Биробиджан, на фестиваль еврейской музыки. Взяв с меня обещание (а мы с ней однокурсники по Кишиневской консерватории и большие приятели), что я и с ней выучу еврейские народные песни, которые она очень любит, она умчалась на посадку.

В Хабаровске, когда мы приземлились, было пять часов утра, и в это предрассветное время аэропорт выглядел неприглядно. В грязном закутке мы ждали почти два часа свой багаж. Кругом сновали какие-то пьяные, неопрятные фигуры - прямо герои горьковского «Дна», везде грязь и мусор.

Тут нас ждал еще один «сюрприз»: встречавшая дама из Хабаровской филармонии сказала, что несмотря на предварительную договоренность, наши концерты в Хабаровске не состоятся. Из всех коллективов, участвующих в фестивале еврейской музыки, Хабаровск решил пригласить только эстрадный ансамбль «Цайт».

Можно понять руководителей филармонии - для них и в Хабаровске, и в Биробиджане мы были «темной лошадкой», «котом в мешке», а тут - известный и в стране, и за рубежом еврейский коллектив. И все-таки было очень обидно: ведь Хабаровск - город моей юности, здесь я делал первые шаги в профессиональном искусстве, закончив музыкальное училище по классу фортепиано, и поэтому хотелось выступить перед своими педагогами, соучениками, друзьями юности. Понятно настроение, с которым мы начинали заключительный этап путешествия из Хабаровска в Биробиджан.

Вот поезд медленно пересек величественный Амур по самому длинному в СССР железнодорожному мосту, вот проплыла мимо станция Волочаевка со своей знаменитой сопкой Июнь-Корань. А когда увидел за окном залитые солнцем хороводы берез, сверкающую всеми осенними красками ее величество тайгу, плохое настроение улетучилось, а в памяти всплыли строки маминого стихотворения «Дальневосточная осень» - о времени года, которое она любила больше всего:

«Не слышны в мягком мху
шаги мои,
бушует осень радугой немыслимой,
тайга пожаром яростным горит,
наедине я со своими мыслями»,

(перевод с еврейского)

Биробиджан встретил дивной погодой, ярким и в то же время мягким солнцем, и сразу же тронул своим вниманием. Прямо к вагону, по перрону подъехал микроавтобус, который ждал нас. И хотя от вокзала до гостиницы 5-7 минут хода, нас загрузили в «Тошибу» и доставили в отель.

В первое же утро я высказал пожелание съездить на могилу к папе. Через пару часов та же «Тошиба» стояла у гостиницы. В течение продолжительного визита в город мертвых, где, кроме могилы отца, я посетил всех дорогих мне, уже ушедших из жизни представителей поколения родителей - первых жителей и строителей еврейского национального очага на Дальнем Востоке, «Тошиба» перевозила меня из одного «квартала» в другой, ставшего за долгие годы огромным лесным кладбищем.

Надо сказать, что и «город живых» очень вырос и изменился со дня нашего последнего свидания. Во время экскурсии по городу я не узнавал многие места. В моем детстве Биробиджан был, в основном, деревянным, с двухэтажными бревенчатыми срубами, в которых топили дровами и углем, воду носили из колодцев, а удобства, извините, находились во дворе. Сейчас же проезжая по улице Шолом-Алейхема - главной магистрали города - увидел множество пятиэтажных зданий, построенных из белого кирпича, придающего этим, в общем-то однообразным, строениям приветливый вид. Конечно, город, которому недавно исполнилось 50 лет, с населением в 80 тысяч человек не поражает архитектурными шедеврами. Но

в нем есть какая-то прелесть, оригинальность, связанная с близостью к природе Биробиджан очень зелен, но зелень не рукотворная, специально высаженная, ка часто бывает в больших городах, а естественная, оставленная строителями горо да, пробивавшими просеки-улицы в тайге. Таков и городской парк - бывший ле на острове, к которому когда-то вели деревянные мосты через широкую проток Биры. И, конечно, украшает город сама красавица Бира - быстрая, чистая, холод но-голубая.

Она звенит, бурлит она
напротив моего окна.
Загадочная, как века,
струится горная река.
И дни, и ночи напролет
Песнь песней мне она поет.

Это тоже мамины строки...

Во время экскурсии по городу мы посетили рабочий поселок, носящий имя Ио сифа Бумагина, возложили цветы к его памятнику. К этому человеку, повторивше му в далеком польском городе Вроцлаве подвиг Александра Матросова, в наше группе отношение особое. Кишиневский композитор Владимир Биткин написа прекрасное сочинение на стихи Арона Вергелиса «Песнь об Иосифе Бумагине - развернутую вокальную балладу. Мы с Ириной Мишурой-Лехтман разучили эт произведение, выступали с ним на последнем съезде композиторов Молдавии, гд оно получило очень высокую оценку. Тепло принималось оно на всех наших кон цертах в разных городах страны, на радио и телевидении.

Во время автобусной экскурсии по городу, вспоминая его первостроителей, мо лодая учительница-гид упомянула и моих родителей. «В начале тридцатых годов - говорила она, - в Еврейскую автономную область начали приезжать евреи со все го мира. Так, из Палестины приехала поэтесса Люба Вассерман, а из Бразилии - е будущий муж, актер и режиссер Моисей Абрамович Бенгельсдорф». «Позвольте, перебил я юного гида, - почему из Бразилии? Он приехал в Биробиджан из Арген тины». - «А вы откуда знаете? - удивленно спросила она. «А я в некоторой степен его родственник: фамилия моя тоже Бенгельсдорф, а отчество Моисеевич». «Д сын он его, сын!» - закричала на весь автобус Нинель Каменева, и в ответ раздалс дружный смех. Смотрю, а у Нелли на глазах слезы. Потом, она объяснила, что е тронуло внимание к памяти моих родителей, которое она постоянно ощущала Биробиджане.

Какие еще перемены произошли в городе моей юности? Больше стало вывесо на еврейском языке, увеличился объем радиовещания на идиш, создано областно телевидение; интересней стала газета «Биробиджанэр штерн», которая когда-то, основном, переводила официальные материалы ТАСС и центральных газет, и н имела своего лица.

А как же было раньше? - спросит удивленный читатель. Ведь всё, о чем идет речь - атрибуты национальной автономии. А раньше, последние 40 лет было никак. Все было уничтожено во время погрома 1949 года.

Я отлично, помню этот черный год, когда в Биробиджан приехал сталинский опричник Шкирятов (так и хочется сказать - Скуратов) и объявил все партийное и советское руководство области, всю еврейскую творческую интеллигенцию буржуазными наионалистами, космополитами, врагами народа, стремящимися вывести Еврейскую автономную область из состава СССР. И вот этот бред сивой кобылы стал основанием для массовых репрессий в Биробиджане. В кровавую мясорубку, устроенную сталинскими палачами, попала и моя мама, отдавшая семь лет своей жизни тайшетскому лагерю и вернувшаяся оттуда пожизненным инвалидом.

Потерял работу после закрытия прекрасного Биробиджанского ГОСЕТа мой отец, вынужденный пойти на швейную фабрику рядовым рабочим. На долгие годы остался я полусиротой, с 13 лет начав зарабатывать на хлеб, лишившись возможности из-за закрытия еврейских школ учиться на родном языке.

Погром 1949 года перечеркнул все. А ведь я помню рассказы родителей, их друзей о том, с каким энтузиазмом на поездах, пароходах (помните фильм «Искатели счастья»?) ехали евреи со всего мира строить свой национальный дом на свободных землях Дальнего Востока. С каким трудом отвоевывали они у тайги каждый метр земли, осушали болота, строили первые дома.

А что здесь было?
Дебри да болота,
да черная в бочажинах вода.
Была работа до седьмого пота.
в тот год, когда мы прибыли сюда.

(Л.Вассерман «Мой дом». Перевод с еврейского)

Вспоминаю послевоенный Биробиджан, когда мы детьми каждый день бегали на вокзал с букетами цветов, встречая эшелоны евреев-переселенцев из разрушенных войной западных районов страны. Процветала культура: Биробиджанский ГОСЕТ приглашали на гастроли по всей стране, местные писатели активно творили во славу своего дальневосточного дома, идиш звучал на улицах, в школах, детских садах. И вот в одночасье все рухнуло. С уничтожением еврейской культуры, физической расправой над ее носителями область стала терять свой национальный характер. Начался массовый отток евреев в другие города Дальнего Востока, в Центральные районы страны.

Последующие попытки - уже во времена Хрущева и Брежнева - как-то оживить в Биробиджане еврейскую жизнь (ведь во всем мире смеялись над тем, что в руководстве Еврейской автономии не было евреев, что в школах не изучается родной язык, не было очагов национальной культуры) заметных результатов не принесли. Срубленное сталинскими извергами еврейское дерево не давало побегов. (Впро-

чем, как и по всей стране).

Похоже, что сейчас в Биробиджане делается новая попытка - видимо, уже последняя - к воскрешению утраченного. Я имею в виду изучение идиш в некоторых школах и детских садах, открытие кафедры идиш в местном пединституте. Вопрос о том, удастся ли это при нынешней численности еврейского населения.

Еще одна новая краска в общественной жизни Биробиджана - развивающиеся контакты с Израилем. Ведь еще несколько лет назад слова «Израиль», «еврей» были под запретом. Теперь израильтяне в Биробиджане частые гости, они оказывают методическую помощь в изучении двух еврейских языков, знакомят биробиджанцев с историей еврейского народа, его традициями. Во время нашей поездки, которая совпала с праздником Суккот, гость из Иерусалима – психолог Ихиел Шерешевский впервые в истории Биробиджана организовал празднование Суккота, связанное с окончанием уборки урожая. Он же звуками древнего шофара открыл Всесоюзный фестиваль еврейской музыки и песни.

Жаль, конечно, что из-за наших визовых рогаток не сумели приехать на фестиваль зарубежные артисты, и он не стал международным, но праздник еврейской музыки в Биробиджане все-таки состоялся. Были три гала-концерта в переполненной филармонии, кстати, самой роскошной на Дальнем Востоке, были встречи творческих коллективов с биробиджанцами на предприятиях, в учебных заведениях. Порадовал высокий профессиональный уровень московского камерного оркестра «Вивальди», ансамбля старинной музыки «Иберия-консорт» из Тбилиси, камерного еврейского музыкального театра, недавно гастролировавшего в Молдове, инструментального ансамбля «Алия» из Куйбышева.

Уже одни названия говорят о широкой географии участников фестиваля. А открытие фестиваля камерной симфонией Дмитрия Шостаковича, посвященной памяти жертв фашизма и войны, в блестящем исполнении оркестра «Вивальди» придало фестивалю определенную направленность, уходящую в сторону от привычной эстрадизированной музыки. Эту же линию продолжила наша группа «Ворт ун нигн», которая по признанию зрителей, участников и гостей фестиваля, прессы, радио и телевидения стала здесь подлинным открытием. Я бы мог привести очень много высказываний: мы собрали в Биробиджане обильную прессу о нашей группе, но ограничусь несколькими, особенно нам дорогими.

Газета «Взгляд» опубликовала впечатления от фестиваля жительницы Биробиджана М. Фурман: «Наконец-то я дожила до такого дня, когда услышала столько замечательных песен на языке моего детства, когда я слушала в исполнении Нелли Каменевой стихи Любы Вассерман, то вспомнила ее, наше детство и юность. И не могла сдержать слез. Коллектив кишиневцев показался мне самым близким и родным...».

Инна Славская - солистка ансамбля «Цайт» - из выступления по областному радио: «Мне очень понравилась группа «Ворт ун нигн». Это - изумительное исполнение - и вокальное, и драматическое, Это - прекрасно».

Хаим Бейдер, московский еврейский поэт - в интервью журналисту А.Чернявскому: «У кишиневцев прекрасный грамотный еврейский язык, на высоком уровне их исполнительское искусство».

По словам заслуженного деятеля искусств Молдовы музыковеда Зиновия Столяра, опубликованным в газете Общества еврейской культуры Молдовы «Ундзер кол» («Наш голос»): «…в Биробиджане собрался значительные творческий потенциал и доказал, что еврейская культура у нас не только не исчезла, но существует и способна к самовозрождению в условиях благотворных перемен, происходящих в нашем обществе. С этой точки зрения переоценить фестиваль в Биробиджане просто невозможно. Для советских евреев музыкальный праздник в Еврейской автономной области - большая духовная поддержка».

А нам - участникам - фестиваль подарил несколько дней общения с чудесной публикой, знакомства с интересными, творческими людьми, возрождающими в огромной стране еврейскую культуру. И когда в раннее, опять солнечное, но уже подернутое первым морозом утро, мы все собрались для отъезда на биробиджанском вокзале, то чувствовали себя давними друзьями, обменивались адресами, а руководитель оркестра «Вивальди» Светлана Безродная обещала все сделать, чтобы фестиваль в том же составе повторил свои выступления в Москве. К сожалению, в данном случае желаемое пока не совпало с возможностями...

Пожалуй, самым трудным испытанием для нашей группы оказалась обратная дорога. Сказались и напряжение ежедневных концертов, и прощальный банкет в ночь отъезда, устроенного хозяевами с дальневосточным размахом, еврейским духом (гефилте фиш) и со «столичными» напитками. Перефразируя рассказ Шолом-Алейхема «Два антисемита», в эту ночь «было съедено и выпито все, что еврею запрещается есть и пить». А тут еще продолжение банкета в Хабаровске с друзьями юности до самого самолета, а тут еще перелет до Москвы на час дольше, чем в обратном направлении…

В общем, когда после штурма автобуса-экспресса в Домодедово, мы выпали из него во Внуково, я не узнал своих милых спутниц. Желтая Нелли и зеленая Ирина дуэтом стонали, что этот перелет отнял у них год жизни, что больше никогда они не поедут в такие далекие поездки. Одна глотала таблетку за таблеткой, другая была чуть ли не в обморочном состоянии, а я не шутку перепугался, глядя на их страдания. Но тут случилось маленькое чудо: мои умирающие лебеди обнаружили во Внуково промтоварные киоски, ожили, расправили крылья и полетели, приземляясь около каждого из них. «Да, - подумал я восхищенно, - какую все-таки могучую силу придает нашим женщинам постоянный поиск дефицита: он воскрешает их к жизни!».

Конечно, в Кишиневе все тяготы дороги быстро забылись, остались только прекрасные воспоминания об осеннем Биробиджане, и уже через месяц мы втроем летели в такую же далекую Алма-Ату, где дали три концерта в чудесном зале местной филармонии. Прямо оттуда Ирина полетела в Вильнюс, где с огромным успе-

хом (свидетелей которого был автор этих строк) выступила в партии Адальжизы в спектакле Литовского оперного театра «Норма». Словом, с легкой руки Биробиджанского фестиваля мы прожили щедрую творческую осень...

Признаюсь, что для этих путевых заметок долго искал финальную точку. Не хотелось писать что-то затертое, банальное. И вот сама жизнь подсказала финал в форме недавно полученной телеграммы: «Октябре 1991 Биробиджане состоится третий фестиваль еврейской музыки и песни. Приглашаем принять участие. Просим сообщить ваше решение».

До скорой встречи, родной Биробиджан!

МОЯ ДУША ПОЛНА

16 октября двери городской музыкальной школы были широко открыты для всех любителей еврейской песни, музыки и почитателей таланта нашего земляка С.М.Бенгельсдорфа. Оказалось, что визит Серго Моисеевича в Биробиджан не случаен. Маэстро принимал участие в концертах, посвященных столетию создания дальневосточной еврейской общины, проходивших на днях в Хабаровске. Серго Моисеевич заметил, что соглашаясь на участие в праздновании, он думал о возможности побывать в родном Биробиджане, встретиться с друзьями и близкими, увидеть мемориальную доску в честь матери - биробиджанской поэтессы Любы Вассерман.

- Биробиджан, - признался Серго Моисеевич, - всегда был и будет для меня родиной, здесь мои корни. Приезжая в город детства, я всякий раз испытываю глубокое волнение…

Как истинно творческий человек маэстро не мог не порадовать биробиджанцев своим искусством. Без объявлений, афиш и прочих рекламных «штучек» для узкого круга зрителей в музыкальной школе состоялся его концерт. Под аккомпанемент Серго Моисеевича его воспитанница Наталья Дигоре исполняла еврейские романсы, детские шуточные песни. В заключение Наташа спела знаменитый еврейский вальс. Цветы, аплодисменты, слова благодарности... Вот и закончился чудесный праздник. Прежде чем покинуть наш город, артисты нашли время для беседы с корреспондентом «БШ».

- Серго Моисеевич, ваши дальневосточные гастроли закончились. Все ли получилось так, как хотелось?

- Да. Хотя я человек и суеверный, но все же скажу: так хорошо, как сегодня, мне еще никогда не было. Душа моя, как говорится, полна. Все, о чем я думал, собираясь на Дальний Восток, получилось и даже с лихвой. Я счастлив, что удалось побывать в Биробиджане. Кто знает, будет ли у меня еще такая возможность?

- Недавно вам присвоено почетное звание «Маестру ын артэ», а в марте

будущего года вам исполняется 60 лет. Не последует ли за этим переоценка творчества?

- Вполне возможно. За свою долгую жизнь я испытал не так уж мало. Первая переоценка произошла после того, как я закончил консерваторию. Учеба давалась мне тяжело. Я по натуре человек усердный и добросовестный. Мне всегда казалось, что у меня что-то не получается. Поэтому я очень много занимался, и каждый экзамен становился для меня почти пыткой. Закончив консерваторию, я облегченно вздохнул и некоторое время чувствовал себя Аркадским принцем. Появилось много друзей, и я ударился, как говорится, в гульбу. Впрочем, это продолжалось недолго. Однажды почувствовал: меня не устраивает тот образ жизни, который я веду. Стало чего-то не хватать. В общем, через год «вольной» жизни я получил направление на работу в оперный театр.

Театральная жизнь настолько увлекала меня, что я решил вместо пианиста стать оперным режиссером. Взялся за изучение музыкальной драматургии, основ режиссуры, писал статьи и рецензии на музыкальные спектакли, так сказать, пробовал себя в роли музыкально-театрального критика. С этим «багажом» знаний я и приехал в Ленинград, где мне посчастливилось познакомиться с И.Д.Гликманом - близким другом Д.Шостаковича. Исаак Давидович стал для меня учителем на всю жизнь. Он - мой творческий идеал. Три года учебы в аспирантуре под его руководством были, пожалуй, самыми лучшими в моей жизни. Исаак Давидович сильно повлиял на мои творческие взгляды.

Переосмысление ценностей связано с появлением в моем творчестве еврейской тематики. Все то, чем я занимался до этого, относилось к классической музыке. Но я не забывал свою принадлежность к еврейской культуре. Умалчивание и принижение всего еврейского я всегда воспринимал с болью. В душе постоянно жил протест. С возрождением еврейской культуры, начавшемся в 1989 году, появилась реальная возможность изучать, исполнять еврейскую музыку.

А начал я с того, что написал очерк в местную газету о солисте кишиневского оперного театра, народном артисте Молдовы Борисе Раисове. В нем я рассказал о детстве Бориса в гетто, о том, как на его глазах фашисты расстреляли почти всю семью, и что его настоящая фамилия Кац... Этот материал попал на глаза редактору московского журнала «Советиш геймланд», которому в 1981 году исполнилось 20 лет. В связи с намечавшимся празднованием меня и Бориса попросили сделать юбилейную программу.

Надо заметить, тогда наше выступление прошло с ошеломляющим успехом. После этого мы дали еще несколько аншлаговых концертов в Москве, Киеве и Кишиневе, но, к сожалению, на этом наши «еврейские» гастроли закончились. Из-за административных проволочек мы не смогли выступать с новой программой еще добрых три года... А потом умер Борис Раисов... С началом перестройки запрет на еврейскую культуру был снят, но это уже другая история...

Мне удалось побеседовать и с певицей Натальей Дигоре, которая, как оказалось,

стала исполнять еврейские песни совсем недавно, и идишем пока не владеет. В дальнейшем Наташа собирается его выучить, так как считает это своим долгом. Около двух лет назад она не без удивления узнала, что ее бабушка по материнской линии - еврейка.

Открытие вызвало у тогда еще студентки консерватории большой интерес к истории и культуре еврейского народа. К счастью, примерно в то же время в местной газете появилось объявление об открытии студии еврейской песни под руководством С.Бенгельсдорфа. Так сложился этот творческий союз, благодаря которому Наташа отложила свою поездку в Израиль, где она собиралась поступить в аспирантуру.

- Общение с Серго для меня ценно и важно, - говорит Н.Дигоре. - Я счастлива, что мне довелось учиться у этого талантливого и прекрасного человека. Возможно, эти мгновения будут самыми лучшими в моей жизни…

Мы же, в свою очередь, рады тому, что Серго не забывает родной Биробиджан, газету, где когда-то работала и творила его мать Люба Вассерман, и очень надеемся на новые встречи с маэстро.

А.МАКИЕВСКАЯ

УДИВИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Октябрь подарил мне приятную встречу с замечательным человеком, бывшим биробиджанцем, знакомым многим людям, Серго Моисеевичем Бенгельсдорфом, которого я знала лишь по короткой переписке. И вот он на Родине - в Биробиджане.

- Серго Моисеевич, примите от имени молдаван, живущих на Дальнем Востоке, искренние поздравления с присвоением Вам звания «Маестру ын артэ».

В наше трудное время, я думаю, только счастливый случай помог Вам снова побывать в родных краях.

- Да, именно счастливый случай. Меня пригласили на 100-летие Хабаровской еврейской общины. Меня и певицу Наталию Дигоре. Это были счастливые дни, но самый счастливый день для меня - это приезд в Биробиджан.

На встречу с родным городом всегда приезжаю с трепетом в душе. Это незабываемые часы, я здесь побывал на могиле отца, встретился с друзьями моего детства. А на этот раз впервые увидел мемориальную доску на стене дома, где жила моя мама, поэтесса Любовь Вассерман. Спасибо биробиджанцам за память и доброту.

- Как Вам кажется город после длительной разлуки?

- Город растет, обновляется. Я увидел добротные здания из красного кирпича

большой рынок, множество магазинов, но мне больше по душе маленькие деревяшки. Они будоражат мою душу, потому что именно в такой дом привезла меня мама из роддома. Я видал этот дом № 17 по улице Ленина. Еще стоит…

- Жаль, что Вам не удалось побывать в воскресной школе, здесь многое делается для возрождения еврейской культуры. А как в Молдове, где живет много евреев, решается этот вопрос?

- Многое делается. Только в Кишиневе работают две государственные школы, два садика, в Академии открыт факультет иврит, идиш, иудаика. Ведутся теле- и радио передачи на идиш и иврите, работает прекрасная библиотека имени Ицика Мангера, организовываются фестивали еврейской музыки, встречи с представителями еврейских общин городов России и СНГ, а также Израиля.

В Кишиневе живет прекрасный талантливый человек, композитор Злата Ткач. Она выпустила сборник еврейской музыки «Имя доброе твое», который посвящен мне. Один экземпляр я подарю музыкальной школе Биробиджана.

- Вы живете на моей родине. Как живет сейчас Молдова?

- Не могу хвастаться ничем. Плохо там, жизнь очень трудна. Заработная плата до того мизерная, что больно говорить. Самая маленькая пенсия - 18 лей. Это 18 тысяч рублей! Мы, работники культуры, не получили августовскую зарплату. Очень дорого все, в том числе и продукция, выращенная на полях Молдовы. Живем, кто как может, у кого как работает голова.

Многие выражают недовольство руководству Молдовы. Сейчас республика в предверии президентских выборов 17 ноября. Кто из кандидатов победит, покажет время. Но надеемся, что новый президент будет более разумным человеком и сможет положить конец такой тяжелой жизни.

- Спасибо Вам за подарок. Кассеты с записями молдавской музыки, прозы и поэзии - большая подмога для передачи «Ноутэць дин Молдова». Я думаю, что мы и дальше будем сотрудничать, обмениваться материалами для ваших передач на идиш и для передач на молдавском языке.

- Рад сотрудничать, знаю как тяжело жить далеко от родных мест. Каждая весточка дорога, тем более на родном языке.

Очень хочу приехать на 60-летний юбилей моего города, приехать и подарить наши песни. Поездка будет для меня подарком, потому что весной я тоже юбиляр.

- С какими чувствами покидаете родные края?

- Всегда здесь остается частица моего сердца. Со спокойной душой покидаю Биробиджан. Рад, что был на могиле отца, как будто поговорил с родителями. Спасибо друзьям, которые пришли на встречу со мной и до скорого свидания.

- Передайте Молдове большой дальневосточный привет.

- Обязательно передам.

- Счастливого Вам пути!

- Спасибо.

Беседовала Ефимия МИГУНОВА

Серго Бенгельсдорф

ГЛАВНАЯ НОТА

Десятилетний мальчик подошел к роялю, белым платочком протер клавиши инструмента, сел и заиграл. Уверенно, вдохновенно. За ним следили счастливые глаза мамы, одобрительно кивали преподаватели. Уже тогда, после первого в жизни мальчишки концерта в музыкальной школе, от него ждали многого...

...Седовласый метр музыки приехал в город своего детства. Концерты шли с большим успехом. Как всегда. Но в душе все не проходило какое-то беспокойство. Какая, какая музыка, какая главная нота не сыграна им? Он шел по своей улице, все такой же зеленой и тихой, мимо "деревяшки", в которую его принесла когда-то из роддома мама, когда вдруг услыхал от кого-то из свиты местных экскурсоводов-доброхотов, что еще жива его первая учительница. Она уже не встает с постели...

- Адрес, ее адрес!? - потребовал музыкант.

... Через несколько часов он уже был в доме этой женщины с двумя певицами. Он дал ей концерт по полной программе. Она заслужила этого. Она, а не цари и президенты! Он играл, а старая учительница все так же одобрительно кивала ему головой, пока не затихла последняя, самая главная нота.

Все это - эпизоды из творческой и человеческой биографии Серго Моисеевича Бенгельсдорфа - удивительного по таланту пианиста, нашего земляка, сына известной поэтессы Любови Вассерман. Вчера он дал прекрасный концерт фортепианной музыки в детской музыкальной школе города Биробиджана. Родного города.

Сначала известный музыкант поприветствовал собравшихся в небольшом актовом зале школы любителей музыки по-русски и по-еврейски, представил свою партнершу - солистку Кишиневской филармонии Наталию Дигоре и рассказал, как он попал на этот раз в родные края.

- Меня пригласил на Дальний Восток мой бывший однокашник Марк Миллер - сын писателя Бузи Миллера. Марк сейчас возглавляет еврейское культурно-просветительское общество города Хабаровска, а в эти дни отмечалось столетие еврейской общины этого города. Честно говоря, мне даже не верилось, что смогу скоро посетить родные края.

Сейчас проще слетать на гастроли в Израиль. Но я снова здесь. Это родная земля. Здесь могила отца. Я впервые увидел мемориальную доску на доме, где жила моя мама. И сердце бьется, когда я вижу сопку и нашу "деревяшку" на улице Ленина, 17. Я буду играть сегодня для своих земляков...

И была музыка: веселая и задумчивая, народная, классиков еврейской музыки и современных композиторов, которая не могла никого оставить равнодушным. Да и скажите, как можно не заинтересоваться пьеской неизвестного автора со смелым названием "Танец раввина" или отказаться услышать "Еврейский вальс"?

И, конечно, хочется высказать восхищение чудесным сопрано Наталии Дигоре, исполнявшей еврейские песни под блистательный аккомпанемент. Для Наталии, всего полгода назад окончившей Кишиневскую консерваторию, эта поездка по

Дальнему Востоку была первой гастролью. Но можно с уверенностью сказать, что тот, кто услышал хоть раз ее пение, захочет этого еще неоднократно. Исполнение веселых и печальных народных песен она превратила в мини-спектакли: песни можно было не только услышать, но и увидеть!

На память городу и школе маэстро подарил музыкальные сборники еврейских песен, изданные в Молдавии. Кстати, есть в них одно крупное произведение профессора музыкальной академии Молдавии Златы Ткач. Это положенная на музыку поэма Любови Вассерман "Славатич".

Уже после концерта Серго Моисеевич выразил большое желание приехать на празднование шестидесятилетия Биробиджана. Конечно, с уже полюбившейся биробиджанцам Наталией Дигоре.

Виктор АНТОНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЮНОСТЬ

1.Увертюра.

Признаюсь, что когда в середине лета минувшего года получил приглашение от председателя Хабаровского еврейского культурно-просветительского общества "Шалом" Марка Миллера приехать осенью с концертами в Хабаровск на столетие Дальневосточной еврейской общины, то не поверил в реальность этого проекта. Очень проблематичным казалось путешествие Москва-Хабаровск-Москва. Ведь мы должны были с молодой певицей Натальей Дигоре, которую пригласили вместе со мной, найти на двоих тысячу долларов, чтобы купить билеты в один конец, за которые с нами в Хабаровске потом бы рассчитались.

Но когда Марк позвонил и сказал, что нас в Москве ждут билеты на самолет в Хабаровск на такое-то число, на такой-то рейс, я понял, что поездка состоится.

Несколько слов о Марке Миллере, благодаря стараниям которого я так неожиданно опять попал на землю своей юности. В наших биографиях есть много общего. Мы - земляки, оба входили в первую тысячу детей, рожденных в Биробиджане, оба родились в роковом тридцать седьмом. Его отца Бузи Миллера и мою маму Любу Вассерман объединяла и общая профессия - они были еврейскими писателями, и общая трагическая судьба: ночью 4 июля 1949 года сталинские опричники произвели в Биробиджане массовые аресты политических руководителей Еврейской автономной области и представителей еврейской творческой интеллигенции. Так у нас с Марком в одну "варфоломеевскую ночь" закончилось "счастливое детство". Чтобы поддержать семью, где было еще двое маленьких детей, 13-летнему Марку пришлось бросить школу и устроиться учеником на завод.

Тогда же началась и моя трудовая деятельность. Мой отец - актер Биробиджанского еврейского театра, лишившись в одночасье жены, работы (театр немедленно

был закрыт), находился в невменяемом состоянии, несколько раз пытался покончить с собой. Я вынужден был начать подрабатывать аккомпаниатором в культурно просветительском училище. Как уж там играл в 13 лет, не помню, но педагоги относились ко мне тепло, жалели "сиротку". А с Марком мы начали встречаться у ворот Хабаровской тюрьмы, куда в течение 10 месяцев, пока шло "следствие", возили передачи своим родителям, а потом их отправили на долгие годы в сибирские лагеря. С той поры наши дороги как-то разошлись. Я уехал сначала в Хабаровск, поступил там в музыкальное училище, а через 4 года, по окончании училища, отправился на учебу в Кишинев.

Когда меня спрашивают, почему я уехал учиться на другой конец огромной страны, неужели ближе к Дальнему Востоку не было консерваторий, то всегда отвечаю: "Спасибо великому вождю всех народов!". Шел 1955 год, наступила "хрущевская оттепель", но мама еше находилась в "знаменитом" Тайшетлаге, и я, заполняя анкету в отделе кадров, на вопрос о родителях ответил, что мама - домохозяйка, в надежде, что пока документы придут для проверки из Кишинева в Биробиджан, мама уже будет дома. Так и случилось, они вернулись через 7 лет постаревшими, больными людьми, некоторые из той группы погибли в тюрьмах и лагерях, но наши родители, слава Б-гу, выжили.

В те годы я часто приезжал в Биробиджан, сначала на каникулы, потом в отпуск. Мои родители поддерживали с семьей Миллеров самые теплые отношения. Но с Марком мы не встречались. К тому времени, пройдя трудовой путь от простого рабочего до директора завода, он переехал в Хабаровск, куда его пригласили возглавить крупное предприятие. (Замечу в скобках, что хабаровские евреи в основном, выходцы из Биробиджана). Два крупных сталинских погрома - в 1937 и в 1949 годах - привели к тому, что приехавшие из многих стран мира идеалисты, мечтавшие построить свой еврейский дом в Биробиджане (Израиля еще не было на карте мира), начали в панике разбегаться. Многие из них осели тогда в Хабаровске. Сегодня евреев в Хабаровске осталось около 5 тыс. человек.

После смерти моих родителей и отца Марка мы с ним на долгие годы совсем потеряли друг друга. И вдруг, пару лет назад, кишиневский режиссер Илья Шац, будучи в Петербурге на одном из еврейских семинаров, знакомится там с Марком Миллером и привозит от него письмо, из которого я узнаю, что Марк возглавляет в Хабаровске краевое еврейское культурно-просветительское общество "Шалом", что у него дети, внуки, что жива его мама, жена Бузи Миллера Анна Абрамовна, которая с дочерью Софой и ее семьей переехала в Израиль, и т. д. У нас завязалась оживленная переписка, он мне рассказывал о деятельности общества, присылал газету, которую они издают, "Вестник "Шалома". Я, в свою очередь, начал посылать ему "Истоки", качество которых в Хабаровске, по его отзывам, высоко оценивают. Вот так, на новом уровне отношений, восстановилась наша дружба, и мы с Марком рассматриваем ее как продолжение той еврейской нити, которая тянется от наших незабвенных родителей. Так и родилось приглашение на юбилейные

торжества в Хабаровск.

2.Дорога на Восток (Дальний).

Сказать, что семичасовой перелет из Москвы в Хабаровск был для нас с Наташей утомительным, значит, погрешить против истины. Мы летели в большом, но полупустом самолете Ил-62, с вышколенными стюардессами, с заметно изменившимся в лучшую сторону сервисом, когда не просто вкусно кормят на протяжении всего полета, но и подносят по желанию что-то выпить. А желание такое было, потому что всю ночь мы праздновали день, вернее, ночь рождения. Дело в том, что в одном самолете с нами летел в Хабаровск на юбилейные торжества ансамбль клезмерской музыки "Симха" из Казани. С ее руководителем - заслуженным артистом России Леонидом Сонцем мы знакомы с 1991 года, когда вместе выступали на фестивале еврейской музыки в Биробиджане. Потом мы встречались с ним на таком же фестивале в Санкт-Петербурге, приезжал он и в Кишиневский "Джойнт", словом, когда мы встретились с ним в Москве в аэропорту Шереметьево, то обнялись, как близкие друзья.

Леонид Сонц - добрый, отзывчивый человек, преданный еврейской музыке, еврейской культуре. Профессионал высокого класса, отличный скрипач, он бросил работу в Казанском симфоническом оркестре и полностью посвятил себя еврейской общине Казани. Он возглавляет там Общество еврейской культуры, в 1989 г. создал превосходный клезмерский ансамбль "Симха", где играет первую скрипку. Концерты ансамбля с успехом проходили в Москве, Ульяновске, Одессе, Запорожье, ансамбль побывал в Израиле, Испании, Италии, других странах Средиземноморья.

И так случилось, что один из музыкантов "Симхи" - Аскар Курбангалеев (а в "Симхе", наряду с евреями, еврейскую музыку играют и татары, и русские, и представители других национальностей) во время полета в Хабаровск оказался именинником. Всю ночь в нашем салоне не смолкало веселье...

Удивительное все-таки зрелище - восход солнца при полете на Восток на высоте 10 000 метров со скоростью 900 км в час. Я много раз летал по этой трассе в своей молодости и никогда не переставал восхищаться переливом красок утренней зари, напоминающих краски Святослава Рериха в его индийских пейзажах. Причем утро наступает стремительно: в Москве была еще глубокая ночь, а мы подлетали к Хабаровску уже при ярком свете дня.

А когда под крылом проплыл величавый Амур с его многочисленными, на весь горизонт протоками, как будто море с островами, - я ощутил возвращение в страну своей юности.

3.Хабаровск.

С первых же минут пребывания на хабаровской земле мы почувствовали и

теплоту дальневосточной осени (а это время года здесь всегда самое лучшее), и сердечность хозяев фестиваля. У трапа нас встречал мой дорогой друг Марк со своими коллегами - членами правления еврейского культурно-просветительского общества “Шалом”, представители краевого телевидения и радио. Первые интервью, которые уже вечером передало местное телевидение, - и нас отвозят в лучшую хабаровскую гостиницу “Центральную”. Дав возможность отдохнуть с дороги, переключиться на местное время, которое на 8 часов разнится с Кишиневом (признаться, перестроить свой организм на новый биоритм нам так и не удалось за всю неделю на Дальнем Востоке, отсюда рождались всякие курьезы, когда ночью мы бодрствовали, а днем засыпали чуть ли не стоя), наши хозяева закатили для Казани и Кишинева вечер встречи в корейском ресторане, где все было очень вкусно и очень остро.

В общем, хозяева дали нам понять, что хотя евреи в Азии и остаются евреями, но у них здесь свой специфический азиатский колорит. За дружеским столом было сказано много теплых слов и в адрес гостей, и в адрес хозяев, и о мировом еврействе, и о государстве Израиль. Но после такой праздничной увертюры следующие три дня были наполнены трудной, серьезной работой - концертами в Хабаровске и Биробиджане.

Утро второго дня пребывания на Дальнем Востоке началось с нашей репетиции в филармонии, благо, что она оказалась недалеко от гостиницы, и мы с Наташей прогулялись пешком по центру Хабаровска, бывшей улице Карла Маркса, ныне проспекту Муравьева-Амурского, названному так в честь первого губернатора Дальневосточного края. Эта улица мало изменилась с тех пор, как я учился в Хабаровске в далекие уже 50-е годы. Те же здания, построенные в основном в сталинскую эпоху, тот же Центральный гастроном, построенный еще до революции в стиле “русский ампир” самыми богатыми купцами на Дальнем Востоке братьями Чуркиными, тот же кинотеатр “Гигант”, куда мы студентами часто бегали “в киношку”, но сейчас его размеры показались намного скромнее. И в то же время центральная улица, да и весь город выглядят сейчас совершенно иначе. Исчезла былая суровость его облика. Многочисленные витрины новых магазинов, кафе, ресторанов придали Хабаровску, как и нашему Кишиневу, нарядность, живость, праздничность. Появилась масса японских легковых машин, заполонивших весь город. Но главное, что появились продукты, товары в магазинах. Ведь Дальний Восток всегда отличался от западных регионов страны плохим снабжением, люди здесь всегда жили тяжело, плохо питались в отсутствие своих овощей и фруктов. Сейчас же, встречая на каждом углу американский виноград, китайские и японские фрукты - ананасы, бананы, апельсины, мандарины, я отказывался верить своим глазам. Сразу вспомнил, как мы с моей будущей женой студентами стояли в гастрономе Чуркина в очереди несколько часов за корейскими мандаринами, которые вдруг “выбросили”. Но нам они так и не достались, видимо, потому глубоко врезался в память этот случай. Конечно, цены на фрукты, овощи, хлеб (кстати,

покупал в Хабаровске хлеб “Кишиневский”), да на все, кроме рыбы, на Дальнем Востоке гораздо выше, чем у нас. Но и зарплата там намного выше, думается, что средний уровень жизни у дальневосточников выше, чем в нашей бедной Молдове. А когда-то все было наоборот.

г. Хабаровск, день окончания училища с моим педагогом Галиной Борисовной Дивитияровой, июнь 1955 год

Что еще привлекло наше внимание во время короткой прогулки по центральной улице Хабаровска? Многочисленные афиши, извещающие о Днях еврейской культуры в связи со столетием еврейской общины города. Среди них были и афиши нашего с Наташей сольного концерта в зале филармонии, а в афише гала-концерта, наряду с артистами из США, России, самого Хабаровска, мы с Наташей были названы почему-то “группа Серго Бенгельсдорфа” (г. Кишинев). Первый гала-концерт, как и все фестивальные мероприятия, был организован с большим размахом. Зрительный зал крупнейшего в Хабаровске театра Музыкальной комедии был заполнен до отказа. Принимали очень горячо и “Симху”, и детский танцевальный ансамбль “Мазлтов” из Биробиджана, и флейтистку Вивиан Гутман из США, и, конечно, Вадима Мулермана, кумира 60-х, ныне живущего в Америке. С Вадимом мы встретились как добрые знакомые. В начале 90-х годов он дважды приезжал в Кишинев со своим Театром еврейской песни, я тогда с ним познакомился, писал рецензии на его концерты. Вадим сказал в Хабаровске, что до сих пор помнит кишиневские гастроли, что, лучше, теплее публики, чем в Молдове, он не встречал даже на своей родной Украине. Сейчас он в Америке преподает в детском музыкальном театре в маленьком провинциальном городке, но скучает по своей публике, с удовольствием приехал бы на гастроли в Молдову. Конечно же, время

наложило отпечаток на певца, но голос его по-прежнему молод, он так же легок и артистичен на сцене, и так же трогательно звучит его песня "Дорогие мои евреи, дорогие мои собратья...".

Мы с Наташей открывали гала-концерт двумя песнями - "Шолом-алейхем" в обработке Златы Ткач, которую Наташа пела на иврите, и "Идишер валс" Зиновия Компанейца на стихи Арона Вергелиса. Первую песню приняли прекрасно, а со второй случился маленький казус. Дело в том, что пульт для нот на рояле в театре Музыкальной комедии держался на одном шурупе (остальные три кто-то выкрутил). И когда во время исполнения "Еврейского вальса" я переворачивал страницу, пульт наклонился, и ноты посыпались вниз. Слава Б-гу, что они задержались у меня на коленях, и, играя одной рукой, другой я начал судорожно ставить ноты на пульт. Они меня не очень слушались, опять упали, я начал опять их собирать, а Наташа в это время, не дрогнув ни одним мускулом, продолжала петь. В конце концов, ноты удалось установить, и закончили мы "Вальс" под гром аплодисментов, а я оценил мужество и выдержку Наташи и сделал для себя вывод, что во время концерта желательно, чтобы рядом был помощник. И такой человек нашелся на следующий день во время нашего концерта в краевой филармонии. Им оказался руководитель "Симхи" Леонид Сонц, который добровольно предложил свои услуги. После концерта я сказал, что своим успехом мы обязаны и Леониду Сонцу, мастерски переворачивавшему нотные страницы.

Это, конечно, шутка, но серьезно второй день фестиваля был для нас самым трудным. С утра - запись на телевидении, где нам с Наташей пришлось пару часов "жариться" под юпитерами в студии, когда снимали о кишиневских гостях получасовую программу, а в 4 часа дня - сольный концерт в филармонии. Вот отрывок из рецензии на наш концерт из хабаровской газеты "Вестник "Шалома": "...Для Серго Бенгедьсдорфа, нашего земляка, тот концерт был особенным: выпускник Хабаровского музыкального училища середины 50-х годов, а затем и консерватории, но уже Кишиневской, он вернулся на свою "малую родину" мэтром, известным музыкантом и педагогом. Бенгельсдорф-пианист, обладающий незаурядным мастерством, которому доступны и тончайшие нюансы, и масштабный охват непростых по форме произведений, познакомил нас с творчеством современного еврейского композитора Молдовы Златы Ткач ("Четыре миниатюры из еврейского фольклора").

Порадовала слушателей и молодая певица, дипломант Международного конкурса в Румынии Наталья Дигоре, обладательница лирического сопрано прекрасного тембра. В сопровождении своего учителя С.Бенгельсдорфа она исполнила несколько еврейских народных песен в обработке З.Ткач, а также песни З.Ткач и З.Компанейца на стихи еврейских поэтов. Особый интерес представляет цикл детских песен на стихи Л.Квитко "Флиендике ойсиес" ("Летящие буквы"), в исполнении которых певица выявила всю глубину содержания, одновременно согрев их большим, трепетным чувством...".

Конечно, концерт в Хабаровской филармонии был памятным для меня во многих отношениях. И до концерта, и после него ко мне за кулисы приходили друзья и знакомые по хабаровской юности. Эти пожилые люди, иных невозможно было уже узнать, называли себя, и сразу вспоминались студенческие дни, восходы солнца над Амуром, концерты больших Мастеров, на которые мы бегали в ту же самую филармонию (здесь я впервые услышал М.Ростроповича, Я.Флиера, Д.Шафрана...). Вспоминали свою альма-матер - музыкальное училище и наших педагогов, которых уже, к сожалению, почти никого нет в живых. Кстати, наш третий концерт в Хабаровске был запланирован в концертном зале музыкального училища как своеобразный творческий отчет бывшего студента перед нынешними. Но перед самым нашим приездом в этом зале обвалился потолок – знакомая картина всеобшей бедности в искусстве во всем СНГ, - и концерт пришлось отменить.

Но самое сильное впечатление после концерта в филармонии осталось от знакомства с послом Израиля в России госпожой Ализой Шенар. Марк Миллер с присущим ему размахом сумел выписать из Москвы на юбилейные торжества большую часть израильского посольства во главе с Чрезвычайным и Полномочным послом. После концерта Ализа Шенар - эта привлекательная, обаятельная и мудрая женщина - пригласила нас с Наташей в комнату в филармонии, где расположились израильские гости, и поблагодарила за доставленное удовольствие. Особенно понравились ей обработки еврейских народных песен, сделанные Златой Ткач, и “Еврейский вальс”. Оценив ситуацию, я тут же, вспомнив о своей второй профессии радиожурналиста, выхватил из сумки с нотами “Панасоник” (благо он всегда в поездках со мной), и госпожа Шенар любезно согласилась дать интервью для радио Молдовы.

- Я хочу сказать, что сегодня у нас праздник, он у нас общий, мы все вместе празднуем столетие еврейской общины Хабаровска. Этот праздник евреи Хабаровска могут праздновать, не боясь ничего. Мы сидели в этом зале, с удовольствием слушали песни на иврите, на идише, которые вы исполняли, мы закончили этот концерт церемонией исполнения нашего национального израильского гимна “Хатиква”, и мне на минуту показалось, что так было всегда. Я должна была сама себе напомнить, что не всегда было так. Еще несколько лет назад мы были свидетелями совершенно другого времени, достаточно тяжелого. И поэтому нам нельзя воспринимать это как само собой разумеющееся. Нам всегда надо помнить во время любого еврейского праздника, то, чего мы достигли, и это нужно хранить...

Естественно, что Ализа Шенар говорила на иврите, ее переводила сотрудница посольства, и когда Ализа закончила, переводчица - уже немолодая женщина - вдруг обратилась ко мне: “Передайте, пожалуйста, привет Кишиневу!” В ее глазах светилась грусть, а голос так нежно звучал, что я невольно спросил: “А кому Вы хотите передать привет в Кишиневе?” - “Нет, никому, просто моему городу, из которого я давно уехала”.

Ну что ж, я выполняю ее просьбу.

4.Биробиджан.

В то утро, когда мы выезжали в Биробиджан, выпал первый снег. Он, видимо, шел всю ночь, потому что мы пробирались на Хабаровский вокзал через сугробы. Живя в Молдове, я уже забыл о зиме в середине октября, а для дальневосточников это привычное дело. Но только мы переехали Амур по самому длинному в России (12 км) железнодорожному мосту, как зима отступила, и вновь дальневосточная осень засверкала всеми своими яркими красками. А я выступил перед Наташей в роли гида, рассказывая ей о том отрезке Транссибирской железной дороги длиной в 170 километров, который помню наизусть: проделывал его во времена своей юности очень часто.

Вот проплыла мимо знаменитая Волочаевка с сопкой Июнь-Корань и памятником на ее вершине, где было пролито столько крови во имя "светлого будущего". Вот промелькнули "танцующие" березовые рощи - эффект танца у меня всегда возникал во время многочисленных виражей, закладываемых поездом. А вот появилась "ее величество" тайга, и сразу вспомнилось мамино стихотворение "Дальневосточная осень". И когда увидел вдали покрытую лесом сопку, единственную вершину, возвышающуюся над ровным рельефом Биробиджана, то сердце, как всегда, учащенно забилось, и ком подступил к горлу. Ком, потому что перед самым городом проезжаешь Валдгеймское кладбище, где покоится мой отец, где спят вечным сном десятки людей из моего детства, отрочества, взрослой жизни...

В Биробиджане нас встретили работники областного отдела культуры и сразу же предоставили машину, благодаря которой мы за один день сумели выполнить всю намеченную программу. Первый наш визит был в город мертвых, на могилу папы, Бузи Миллера, других дорогих мне людей из поколения родителей - первопроходцев, первых жителей и строителей Биробиджана. Тяжелая им досталась доля, суровый климат с морозной, длинной зимой, с коротким и жарким летом, изобилующим дождями, комарами, гнусом, вечная нужда с проблемами добывания дефицитных продовольственных и промышленных товаров. Но они были идеалистами и энтузиастами, они верили, что строят свой национальный очаг, в котором соберутся все евреи. Это была трагедия светлых и чистых людей, покинувших свои насиженные места, свои страны, обманутых сталинской пропагандой и советской системой. Часть из них после 49-го года разъехались кто куда, а многие навсегда остались в этом огромном теперь лесном городе вечного покоя...

Теперь, конечно, жду от своих читателей главного вопроса: "А остались ли в Биробиджане вообще евреи? Что представляет сейчас из себя еврейская автономия?"

На эту тему у меня была беседа с главным редактором газеты "Биробиджанэр штерн" (кстати, единственной ежедневной газеты в странах СНГ, выходящей на двух языках - идише и русском) Инной Самуиловной Дмитриенко. Она рассказала, что в последние годы из Биробиджана в Израиль и Америку эмигрировало много евреев, в основном, по экономическим причинам, так как бытовой антисе-

митизм в Биробиджане даже в сталинские годы не чувствовался. Но когда ведешь полунищенское существование, а твои родственники, друзья присылают в письмах цветные фотографии и яркие рассказы о своей сытой, обеспеченной жизни, то начинаешь думать, и дальше путь известен - ОВИР, чемодан, вокзал... Но вот что любопытно. Инна Самуиловна рассказывала, что количественно состав еврейского населения Биробиджана почти не меняется, он колеблется от 5 до 7 тысяч. Происходит это потому, что многие дети от смешанных браков, а таких в Биробиджане всегда было много, ранее скрывавшие свои еврейские корни, теперь объявляют себя евреями.

Если государственный антисемитизм в СССР заставлял евреев всякими путями открещиваться от своей нации, то теперь чувство гордости за свое еврейство, позиции, которые занимает в мире еврейское государство Израиль, способствуют росту национального самосознания евреев во всех странах СНГ.

Что же касается внешних атрибутов еврейской автономии, то они как будто все налицо. Уже на железнодорожном вокзале тебя встречает название города на идише и русском языках. Такие же двуязычные вывески - на всех государственных учреждениях. О газете я уже упоминал, на радио и телевидении каждый день - еврейские передачи. В педагогическом институте и педучилище готовят педагогов по языку идиш. В нескольких школах дети изучают идиш и иврит, есть и еврейская воскресная школа. Такую картину нарисовала главный редактор "Биробиджанэр штерн", и все-таки у меня большие сомнения в перспективе существования еврейского очага на Дальнем Востоке. Слишком мал процент еврейского населения в области и в Биробиджане, в частности. Да и тяжелое экономическое положение в Биробиджане, когда фабрики и заводы простаивают, люди не имеют работы, способствует эмиграции в разные страны.

Но, как говорит в одном известном стихотворении Маргарита Алигер, - "родину себе не выбирают". Биробиджан - моя родина, здесь я рос, учился, благодаря Биробиджану и своим родителям приобщался к еврейской культуре, к языку идиш, который учил в школе, и за это признателен своему городу. И за то, что он хранит память о моих незабвенных родителях.

Из прессы я знал, что на доме по Театральному переулку, где жила мама, установили в ее честь мемориальную доску. И вот сразу после визита в редакцию, в сопровождении газетного фотографа мы отправились к этому дому. В памяти ожило ясное сентябрьское утро 1973 года, когда тяжелобольную маму, после смерти отца, я увозил навсегда из этого дома в Молдову. Мама прожила в Кишиневе еще два года, страшно тосковала по Биробиджану, каждый день писала туда письма своим друзьям, стихи в "Биробиджанэр штерн". Она умерла в 1975 году, покоится на старом Кишиневском еврейском кладбище, и на ее памятнике в виде раскрытой книги выбито стихотворение "Майн гейм" ("Мой дом") - конечно, о Биробиджане.

Мы с Наташей постояли у мемориальной доски, возложили цветы, и ощущение было, что я поговорил с мамой.

Потом был наш концерт в зале музыкальной школы, программа была та же, что и в Хабаровске, принимали очень тепло, а после концерта директор воскресной еврейской школы Анна Писаревкер начала умолять, чтобы мы подарили ей цикл Златы Ткач на стихи Квитко "Алэфбэйс". Она хочет со своими детишками учить еврейский алфавит с музыкой Златы Ткач. Вернувшись в Хабаровск, я тут же сделал копию этого цикла и переслал в Биробиджан.

После концерта звучало много слов благодарности в наш адрес, было несколько интервью для телерадиокомпании "Бира", для биробиджанских газет (кстати, они опубликовали и прислали нам в Кишинев обширные и теплые статьи о пребывании в Биробиджане). Но особенно тронули старые биробиджанцы, знавшие еще моих родителей. Они организовали после концерта такой импровизированный митинг, на котором вспоминали папу и маму, и основная мысль у всех выступавших была, что сын принял от родителей эстафету в деле всей их жизни - развитии еврейской культуры.

Вот с этим светлым настроем - что жизнь все-таки прожита недаром, что на шестидесятилетие моя малая Родина преподнесла великолепный подарок - поездку в юность, - я вернулся домой.

И ВНОВЬ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЮНОСТЬ

(О фестивале еврейской культуры в Биробиджане)

1.Эта счастливая цифра «5».

На склоне лет начинаю верить в магику цифр. Пять лет назад, накануне своего шестидесятилетия я получил из Хабаровска приглашение на фестиваль еврейской культуры, посвященный 100-летию еврейской общины в этом дальневосточном городе. Естественно, что приглашение принял, с благодарностью, потому что, говоря «Хабаровск», я в мыслях произносил «Биробиджан» - город моего рождения, детства и юности, город, где обрел вечный покой мой папа - еврейский актер и режиссер Моисей Бенгельсдорф, где жила и творила моя мама - еврейская поэтесса Люба Вассерман, и в ее честь установлена мемориальная доска на доме, где она жила. В наше суровое время попасть на Дальний Восток - несбыточная мечта для нищей интеллигенции, к коей я себя отношу. И когда тебя везут за казенный счет в родные далекие края - отказаться невозможно. Так было 5 лет назад.

И вот сейчас, накануне своего 65-летия, получаю из Биробиджана следующий факс: «Уважаемый Серго Моисеевич! Приглашаем Вас и Вашу группу «Ворт ун нигн» - «Слово и мелодия» в составе 3-х человек на Международный фестиваль еврейской культуры, который состоится в городе Биробиджане с 10-го по 14-е октября 2001 года. С уважением, директор Областной филармонии Г.Герман».

2.Сборы.

Естественно, что я ответил согласием и принялся со своими молодыми певицами Анжелой Пихут и Инной Лось - моими воспитанницами и по музыкальному ВУЗу, и по творческим мастерским при еврейском общинном центре при библиотеке им. Ицика Мангера - готовиться к ответственным гастролям. Когда подготовка была в полном разгаре, из Биробиджана пришел новый факс, что фестиваль переносится на месяц, потом его отложили еще на две недели, и я уже было решил, что все рухнуло.

Как выяснилось, у организаторов фестиваля были финансовые проблемы, но в конце концов нашелся мощный спонсор – израильский «Сохнут» (с его руководителем в России Каролем Унгером мы познакомились на фестивале, и он - выходец из Румынии - с удовольствием говорил по-румынски с моими певицами в далеком Биробиджане, а так же наговорил на иврите на мой диктофон живой привет Розе Бен Цви - своей коллеге в Кишиневе).

Конечно, мне было досадно, что фестиваль перенесли на конец ноября. Первоначальная намеченная дата - пожалуй самое лучшее время года на Дальнем Востоке. Уже нет летней жары с сопутствующими ей знаменитыми дальневосточными комарами и гнусом, а солнце еще днем светит ласково, и на улице довольно тепло. В начале же ноября здесь обычно устанавливается настоящая зима с глубоким снегом и сильными морозами.

Помня свою дальневосточную юность, я велел молодым певицам – южным растениям – приготовить теплую обувь – валенки, бурки, завернуться в шубы, одев как можно больше теплого белья. И вот в такой экипировке мы «встали на крыло» и полетели в Москву.

3.Особенности сервиса Московских аэропортов.

Москва подтвердила, что мы правильно выбрали форму одежды. Там бушевала пурга, из-за которой наш самолет кружил лишних пол-часа в воздухе: расчищали посадочную полосу от снега. По прибытии во Внуково к нашему самолету минут 30 не подавали трапа и мы, как заложники, сидели в закрытой машине. Но особенно наплевательское отношение почувствовалось в зале для иностранных пассажиров (ведь в России мы теперь такие!). Там скопились пассажиры из трех рейсов из бывших союзных республик - человек 300. И мы вынуждены были простоять около 3-х часов, чтобы пройти пограничный контроль, потому что из восьми пропускников работало только два, где очень неторопливые пограничницы изучали наши удостоверения личности. Стоя в этой огромной очереди, я невольно вспомнил международный аэропорт им. Бен Гуриона в Израиле, в котором огромное количество пропускных пунктов позволяет пройти пограничный контроль за считанные минуты. Мы сначала решили, что в хамском отношении к своим бывшим согражданам есть какой-то политический акцент. Но с таким же отношением мы

столкнулись и во время полета по внутренней российской авиалинии - Москва - Хабаровск.

Тема "заложники" проявилась и здесь. Точно по расписанию нас усадили в самолет, но он оторвался от земли только через 4 часа. Командир корабля приносил свои извинения, объясняя, что должны обработать снаружи самолет против обледенения, что чистят взлетную полосу, но неужели все это нельзя было сделать до посадки в самолет, или при таких форсмажорных обстоятельствах оставить на несколько часов людей в просторном и светлом холле аэропорта, а не держать их в духоте (вентиляция на стоянке не работала) и в голоде (кормить начали только после взлета). Видимо, ненавязчивый сервис из советских времен до сих пор живет и здравствует в московских аэропортах.

4.Полет на Восток.

Сам же полет проходил нормально. Мы летели 8 часов, и время пролетело незаметно, т.к. в перерыве между обильными и вкусными кормежками мы общались с нашими коллегами по еврейскому искусству, летящими вместе с нами в Биробиджан, с которыми были уже знакомы по разным еврейским фестивалям, и с которыми встретились в аэропорту Домодедово, как со старыми друзьями. Это - клэзмерский ансамбль "Алэвай" из Тулы и группа "Кармель" из Москвы, это - главный кантор Петербургской хоральной синагоги Барух Финкельштейн. В самолете же мы познакомились с еще тремя участниками фестиваля - москвичами Матвеем Гейзером - известным писателем, Владимиром Двинским - кинорежиссером, чей фильм о жизни ушедшего еврейского местечка "В субботу я король" уже завоевал несколько престижных премий, и с Александром Левенбуком - художественным руководителем московского театра "Шалом".

Первый сюрприз, который нас ожидал в Хабаровске - ни одной снежинки, температура воздуха +8 градусов. Такая погода держалась все три дня фестиваля, как будто, по заказу. И только накануне отъезда ночью выпал глубокий снег и резко похолодало. Естественно, что мои девицы дуэтом набросились на меня с упреком за свои теплые одежды, и от экзекуции меня спасли только мои земляки - биробиджанцы, встретившие нашу группу в Хабаровском аэропорту и подтвердившие правоту моих слов в отношении погоды в ноябре. Они сказали, что такой теплой осени на Дальнем Востоке еще никогда не было.

Вторым сюрпризом для меня явился новый автомобильный мост через Амур. Обычно, прилетая в Хабаровск, я добирался до железнодорожного вокзала, а оттуда уже поездом в Биробиджан, т.к. Амур можно было пересечь только по железной дороге или на пароме в летнее время. И вот сейчас над грандиозным железнодорожным мостом длиной в 12 км надстроили шоссейный мост, и за два с половиной часа (расстояние между двумя городами 170 км) мы подкатили из аэропорта к Биробиджанской гостинице "Восток".

5.Фестивальные дни.

К сожалению, из-за четырехчасового опоздания самолета у нас оказался скомканным первый день фестиваля. Предполагалось, что мы после такого длительного перелета отдохнем несколько часов, а вечером пойдем на открытие фестиваля. Но мы прибыли в Биробиджан уже вечером и вместо филармонии оказались в объятиях Морфея. Как сказал нам на следующий день Матвей Гейзер - самый выносливый из нашей группы - мы много потеряли. Фестиваль открылся спектаклем Владивостокского академического театра драмы "Поминальная молитва" Григория Горина по мотивам повести Шолом-Алейхема "Тевье-молочник". По словам Гейзера, это была лучшая постановка "Поминальной молитвы" из всех, которые он видел в Москве и других городах.

Вообще, хозяева фестиваля - очень гостеприимные и отзывчивые - представили для гостей такой насыщенный "план работы", что каждый день (а их было вместе с открытием четыре) приходилось решать сложные вопросы - куда идти, что смотреть? В областную библиотеку им.Шолом-Алейхема, где открылась выставка книжных изданий из ее еврейского отдела, или на выставку картин "Еврейский мотив" израильского художника Олега Фиррера, на встречу с Матвеем Гейзером, где он рассказывал о своей известной книге "Жизнь и смерть Соломона Михоэлса" или на презентацию альбома песен "Шалом, Биробиджан"? А еще хотелось пойти в Общинный центр "Фрейд" ("Радость"), который не так давно открылся, благодаря энергичным усилиям его руководителя Льва Тойтмана, подлинного энтузиаста еврейской жизни в Биробиджане. В этом Центре состоялась презентация замечательного альбома графики талантливой художницы Розы Строковой, посвященного буквам еврейского Алэфбейса, где каждая буква несет определенный художественный образ, связанный с библейской тематикой. Похвально, что такой альбом под названием "Символы вечности" издан в Биробиджане. В этом же Общинном центре "Фрейд" мы попробовали блюда еврейской кухни на кулинарной выставке "Блюда моей бабушки".

Пока все мои описания шли вокруг различных городских адресов фестиваля. Но главный его адрес был все-таки - Областная филармония. Это здание, построенное в 1984 году к пятидесятилетию Еврейской Автономной области, выделяется среди массовой застройки Биробиджана пятиэтажными коробками своей оригинальностью, модерной архитектурой, напоминающей океанский лайнер. А интерьер филармонии с большим концертным залом, амфитеатром спускающимся к сцене, и с уютными грим-уборными, где можно перед концертом распеться, разыграться и просто отдохнуть - создает творческую атмосферу. Этот фестиваль был для меня третьим, и каждый раз, выходя на сцену филармонии, глядя в переполненный зал, испытывал желание вдохновенно творить для своих земляков.

Все четыре фестивальных вечера в филармонии проводились концерты, в которых кроме уже упомянутых коллективов из Тулы и Москвы, кантора из Петербурга приняли участие и группа из Израиля - певица Рут Левин (кстати, ученица

знаменитой Нехамы Лифшиц), скрипач Моти Шмидт и пианистка Регина Дрикер. Моя группа "Ворт ун нигн" выступала в одном концерте с известными эстрадными певцами - Аллой Йошпой и Стаханом Рахимовым. Эта супружеская пара еврейки и узбека тепло и проникновенно пела еврейские песни.

С искусством всех участников фестиваля удалось познакомиться на грандиозном заключительном гала-концерте, где к остальным концертантам добавились еще еврейские артисты из Хабаровска, Новосибирска и самого Биробиджана. Этот концерт, с огромными детскими и молодежными хоровыми и танцевальными коллективами, с воздушными шарами, взлетевшими в финале в воздух и хлопьями конфетти, напомнил по форме правительственные концерты из советских времен. Но по содержанию, несмотря на то, что на сцене и в переполненном зале находилось довольно мало евреев, (впрочем и в самом Биробиджане их осталось немного) дух этого концерта был ярко национальным - музыка, танцы, песни - все еврейское. И, конечно, изюминкой концерта было выступление трех профессиональных певцов из Китая. Как трогательно, старательно выговаривая на идише каждое слово, пели китайские артисты "Тум балалайку"!

Мне кажется, что участие артистов, певцов - не евреев в еврейском искусстве - какая-то историческая закономерность. Сколько выдающихся композиторов, музыкантов - евреев по национальности внесли свой весомый вклад в развитие культуры тех народов, среди которых они жили и живут. И вот теперь происходит "возвращение долгов".

6.О группе «Ворт ун нигн».

И в заключение, несколько слов о нашей группе. Мы за 3 дня выступили в трех концертах. Первый был в редакции местной газеты "Биробиджанэр Штерн" в рамках встречи сотрудников редакции с группой "Ворт ун нигн". Главный редактор газеты Инна Самуиловна Дмитриенко и старые сотрудники вспоминали время, когда туда приносила стихи моя незабвенная мама (ее фотография до сих пор висит на "стенде памяти"), я рассказывал о последних годах жизни мамы в Кишиневе, читал ее стихи на идиш и в переводе на русский язык, а потом Анжела и Инна пели, пели и соло, и дуэтом, и, несмотря на совершенно разбитое, старое фортепиано, пели много, вдохновенно, и публика их не отпускала.

На следующий день мы дали полное часовое отделение в филармонии, а во 2-м отделении выступили уже упомянутые Алла Йошпе и Стахан Рахимов, и для нас это было честью работать с ними в одном концерте. На гала-концерте, несмотря на огромное количество участников, нашей группе предоставили 5 номеров: я прочитал на идиш и на русском стихи мамы о Биробиджане, затем девочки спели два дуэта - один из кинофильма "Искатели счастья", а другой - "Приезжайте к нам в Капрешты" на музыку Златы Ткач, а так же каждая из них еще спела на идише по сольному номеру. Принимали нас очень хорошо, а на торжественном закрытии

фестиваля заместитель губенатора области Валерий Гуревич вручил нам почетные дипломы и памятный приз - эмблему фестиваля - скрипичный ключ, на котором расположились семь свечей Меноры. И, чтобы меня не обвинили в субъективности, хочу в конце привести отзывы уважаемых гостей фестиваля о группе "Ворт ун нигн".

Группа "Ворт ун нигн" в Биробиджане, 2001 год.
Слева - Анжела Пихут. Справа - Инна Лось.

Кинорежиссер Владимир Двинский: "Про ваших певиц я хочу говорить слова восхищения, восторга, и только комплименты. Мало того, что они красивые, мало того, что они прекрасно поют на идише и иврите. Ведь есть достаточно много красивых голосов, но кроме голоса у певца ничего больше нет, у них же в пении слышна их душа".

Матвей Гейзер, писатель: "На биробиджанском фестивале не было звезд общепризнанных, типа Кобзона, здесь были звезды истинные, настоящие, необкатанные, такие как певицы Вашей группы "Ворт ун нигн", которые для меня явились подлинным открытием".

Художественный руководитель Московского еврейского театра "Шалом" Александр Левенбук: "Я послушал Ваших певиц. Они, во-первых, серьезно относятся к еврейской песне, к еврейской традиции. Это очень музыкальные, профессиональные исполнители, они хорошо звучат и смотрятся со сцены: красивые девушки, еще совсем не старый пианист и руководитель с хорошим чувством юмора и с великолепным знанием еврейской музыкальной культуры. Это важно, потому что в нашем деле сегодня специалистов совсем немного. Я желаю вам успеха!".

Серго Бенгельсдорф

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА В КАСА МАРЕ СЕРГО БЕНГЕЛЬСДОРФА

Так получилось, что мой приезд для всех был сюрпризом. И от этого встреча с родными стала еще радостнее и теплее.

Первые недели были насыщены встречами, беседами, одна каса маре закрывала за мной дверь, другая - открывала. Встреча в каса маре нашего земляка - биробиджанца, мастера искусств Молдовы Серго Моисеевича Бенгельсдорфа, пожалуй, была одной из самых приятных. Меня ждал человек, с которым я могла говорить и о Биробиджане, по которому уже скучала, и о Молдове.

Серго Моисеевич очень занятой человек, поэтому мы встретились поздно вечером. Поговорить было о чем: позади у маэстро фестиваль еврейской культуры в Биробиджане и поездка в Израиль.

- Я очень рада, что нахожусь в вашем доме. "Бунэ сара! " - "Добрый вечер!". Позвольте начать нашу беседу не с Кишинева, а с Биробиджана, ставшего уже и моим родным городом. Вы не были на своей родине пять лет, каким показался вам Биробиджан?

- К моему большому сожалению, на этот раз мне не удалось посмотреть весь Биробиджан, так как программа фестиваля была чрезвычайно насыщенной. Приехали мы с опозданием, уставшие, измученные. Сразу начались репетиции - нам очень хотелось выступить хорошо. Поэтому мало гулял по городу. Успел показать девочкам - своим солисткам - дом на улице Ленина, 17, в котором я родился. Это здание рядом со старой гостиницей, и я рад, что оно сохранилось. Пусть простит меня мой приятель - Лева Тойтман, что не смог зайти в общинный центр, в котором, надеюсь, есть что посмотреть. Жалею, что не успел побывать в библиотеке на презентации музыкального сборника "Шалом, Биробиджан!", в который вошли песни Р.Васильева на стихи моей мамы - Любы Вассерман. Поверьте, репетиции забрали почти все время. Когда я готовлюсь к выступлениям, на все остальное меня уже не хватает. Но зато я успел побывать на могиле отца - Моисея Бенгельсдорфа.

Что сказать, конечно, город изменился, красивее стал, современнее. Изменился скверик, мне его жалко, там всегда было много зелени, подростком, помню, бегал там, а сейчас этот сквер вымостили плитками, построили часовню. Это для меня было неожиданностью. Понравился магазин "Цимес" рядом с рынком. Он работает круглосуточно, и можно было в любое время зайти и купить дальневосточные дары природы. Жаль, но мне не удалось показать девочкам старый биробиджанский парк и нашу речку Биру. Удивила меня погода. Всегда, сколько помню, в ноябре начинались морозы, а тут в Хабаровске объявляют +8 и вокруг ни снежинки. "Куда я попал?" - думаю.

В Биробиджане нам фантастически повезло и с погодой, и прием был очень теплым.

- По-вашему, фестиваль удался?

- Несомненно. Он был очень интересным и по качеству еврейской музыки, и по ее исполнителям. Не было, что меня часто раздражает, этой чрезмерно громкой музыки, шума... Очень интеллектуальный фестиваль. Такие талантливые коллективы приехали! А участники фестиваля Рут Левин и Моти Шмидт потом организовали для нас концерт в Иерусалиме.

- Знаю, что несколько дней назад вы вернулись из Израиля, чем вы там занимались?

- Там проходило очень интересное мероприятие. А начиналось оно так: летом из Израиля в Кишинев приезжала делегация всеизраильской общины "Выходцы из Молдовы". Председателем ее является Леонид Бэлцан, сын молдавского поэта Иосифа Бэлцана, а общественным секретарем - Давид Хахам из города Сороки, учитель русского языка. В общем, это очень представительная община. Так вот, 6 человек представляли у нас официальную часть делегации, а 30 - это евреи - выходцы из Молдовы, которые приехали навестить своих родных. Естественно, мы с Анжелой выступали с концертом. И гостям очень понравилась наша программа.

Во время визита в Кишинев было подписано соглашение между еврейской общиной Молдовы и израильской общиной "Выходцы из Молдовы". Среди множества пунктов этого соглашения был и пункт об обмене культурными делегациями. И уже в сентябре мы с Анжелой получили приглашение посетить Израиль в связи с празднованием Хануки и трехлетием образования общины "Выходцы из Молдовы". Мы находились в Израиле с 13 по 27 декабря.

- Вам удалось поездить по этой стране?

- Да, мы были в семи городах, в каждом из которых давали концерты. И везде нас принимали тепло. В Кармиэле, на севере Израиля, наш концерт посетила дочка моего земляка, писателя Бузи Миллера, Софья. Мы долго беседовали с ней. Было очень трогательно.Но самый теплый прием был в городе Беер-Шеве. Это был не концерт, а большая встреча представителей двух землячеств - биробиджанского и молдавского. Организовали встречу Давид Вайсерман, который работает координатором по олимам, и бывший председатель ГТРК "Бира" Владимир Ротенштейн. На этом вечере мы также выступали, а оригинальность концерту придавали стихи моей мамы. Я читал их на еврейском и русском языках. У нас есть хороший перевод Юрия Павлова.

- Как живется сегодня в Беер-Шеве нашим землякам-биробиджанцам?

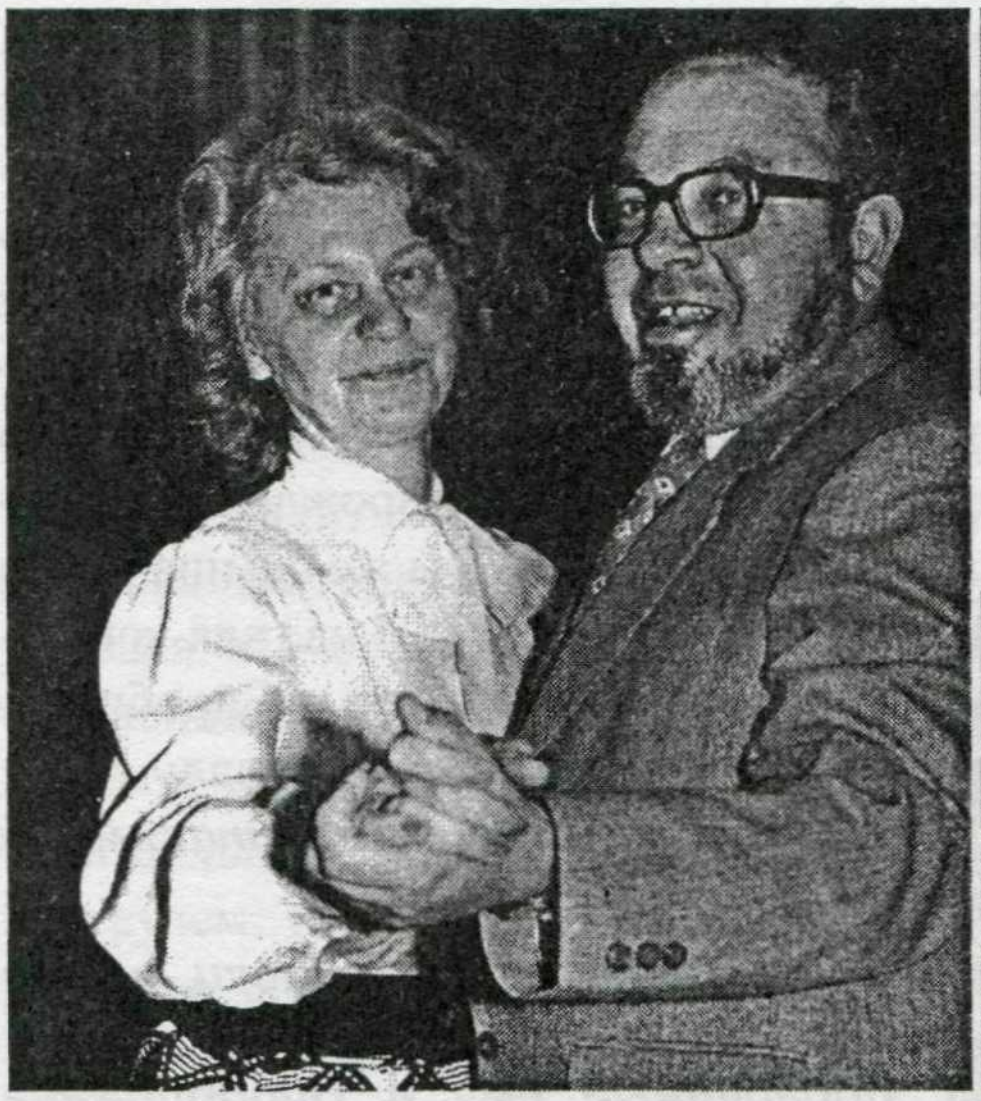
- Безусловно, они очень тоскуют. Ностальгия по родному Биробиджану была настолько очевидной... Они буквально ловили каждое слово. Многие плакали, а говорили все и разом. Мы сфотографировались на память. Приятно было встретить бывшего редактора еврейских передач в Биробиджане Сарру Браверман, а также профессора, доктора искусствоведения из Кишинева Изольду Милютину. Я и сейчас не могу без эмоций вспоминать этот трогательный вечер в Беер-Шеве.

Что касается обстановки в Израиле, скажу, что за время нашего пребывания мы

не слышали выстрелов и, к счастью, не было терактов. Но вообще-то в Израиле тревожно, люди беспокоятся за свою судьбу.

- Что дают вам встречи со зрителями здесь в Кишиневе, в Израиле, в Биробиджане?..

- Для музыканта это очень важно. Когда слышишь аплодисменты зрителя, это здорово, понимаешь, что ты нужен. Это творческое наслаждение, прилив сил, душевный подъем, взлет, и, как я всегда говорю, каждый концерт - это прилив адреналина.

С женой Инной на свадьбе у дочери, 1980 год

- Чем знаменателен для вас прошедший год?

- Он был очень насыщенным и интересным в творческом плане. В январе я с Анжелой был в Петербурге, мы выступали с программой, которую потом показали в Израиле. В марте в Москву на Международный фестиваль еврейского детского творчества я повез своего воспитанника Женю Красовского, который стал лауреатом этого фестиваля. В конце года - Дальний и Ближний Восток -просто фейерверк какой-то, взлет. К сожалению, мне не удалось побывать в Петербурге на клезмерском фестивале, в Швеции на Дне Катастрофы и на международном идиш-семинаре, который состоялся в Виннице. Хотя приглашения я туда получил.

- А как вам живется в Молдове?

- В Кишиневе я очень востребован, и это самое главное. Конечно, на фоне Израиля, цветущего, полного света, Кишинев со своими экономическими проблемами сильно отличается в худшую сторону. Как мы живем? Как видите, сносно, скромно, не голодаем, но народ живет тяжело. В России экономическая ситуация несравненно лучше. Мы обратили внимание в Биробиджане, как хорошо люди

одеты: все в шубах, дубленках. В Кишиневе же нищета ужасная. Это так удручает. Довели Молдову до такой жизни... Она же богатая страна, могла стать образцом для бывших республик СССР. Должен сказать, что молдавские евреи-пенсионеры живут лучше, чем молдаване. Для них постоянно приходит помощь из Израиля, так что самое необходимое у них есть. Что касается меня, я занят в четырех местах: на радио Молдовы - это моя основная работа, еще преподаю в Университете искусств, при еврейском общинном центре веду творческие мастерские, готовлю музыкальные программы и, кроме того, веду еврейский музыкальный клуб при Сохнуте. Так что я очень занят.

- Знаю, что в Кишиневе вы тоже часто выступаете с концертами. Кто ваш слушатель?

- В основном все-таки пожилая публика, но мы пытаемся привлечь и молодежь. В Молдове любят еврейскую музыку, здесь остались еще еврейские традиции, а для возрождения культуры как раз нужны традиции. В Бессарабии идиш был развит сильнее, чем где-нибудь, так как Советы пришли сюда позже, и ассимиляция произошла позднее. Да и мы стараемся что-то делать в плане возрождения национальной культуры. Это показал и фестиваль в Биробиджане. Вы же слышали, как пели мои девочки на вечере в гостиной "Биробиджанэр штерн". И на гала-концерте нас не отпускали, пришлось выступать на бис. Еще раз повторяю, в Биробиджане нас приняли очень тепло, спасибо всем, кто организовал этот фестиваль.

- Спасибо вам за интересную беседу, пусть новый год будет таким же плодотворным и хоть чуть-чуточку лучше.

Все было в нашей встрече: и воспоминания, и молдавские яблоки, и израильские орехи, и конфеты, и многое, многое другое.

Маэстро показал подарки-сувениры, подаренные ему в Биробиджане: картину В.Цапа "Еврейский музыкант", оригинальный альбом художника Р.Строковой. Я познакомилась с женой Серго Моисеевича, очень милой, интеллигентной женщиной. Трудно было уйти от этих интересных, гостеприимных и духовно богатых людей. Но время бежало неумолимо, и пришла пора расставаться. Я пожелала Серго Моисеевичу крепкого здоровья, творческих удач и новых встреч на биробиджанской и кишиневской землях.

Ефимия МИГУНОВА, Кишинев-Биробиджан

БИРОБИДЖАН, КАКИМ Я ЕГО УВИДЕЛ

Во всей этой истории вижу какой-то элемент мистики. Едва только появилась в «Еврейском местечке» статья «Биробиджан, каким я его помню», как рано утром раздался звонок из Биробиджана, и директор областной филармонии, милейший Геннадий Акимович Герман поинтересовался, не хочу ли я в ближайшее время вновь посетить родной город и принять участие в очередном, VIII Международном фестивале еврейской культуры. Естественно, ответ «да» не заставил себя ждать.

С собою я пригласил известного композитора и скрипача Бориса Дубоссарского, а также молодого талантливого певца Алексея Дигоре.

Совершив за сутки перелет через 8 часовых поясов и 8 тысяч километров по маршруту Кишинев-Москва-Хабаровск, выйдя в Хабаровском аэропорту после бессонной ночи, мы, качаясь как пьяные, сели в автобус биробиджанской филармонии, который нас встречал, и моментально погрузились в «объятия Морфея». Когда я говорю «мы», то имею в виду, кроме нашей троицы, еще 12 артистов Московского еврейского театра «Шалом» и известного скрипача, профессора Московской консерватории, заслуженного артиста России Алексея Кошванца. В труппе «Шалома» я заметил одного актера-негра и сразу вспомнил анекдот: «Ему мало что он - негр...». Мы с Бобом (так его зовут) очень зауважали друг друга, когда проезжая Волочаевку, спели вдвоем, от начала до конца, «По долинам и по взгорьям...». Кстати, он оказался совсем неплохим актером, сыграв роль американского хасида в мюзикле «Моя кошерная леди».

В автобусе со мной произошел курьезный случай: сквозь сон вижу, что на месте водителя сидит Борис Дубоссарский и, постоянно клюя носом, ведет машину. Моя воспаленная голова не соображала, как он оказался за рулем, единственная мысль ужасала: сейчас он заснет, и мы перевернемся. Наконец, продрав глаза и совсем уже собравшись крикнуть: «Боря, что ты делаешь?» - я начал истерически смеяться. Борис действительно сел по дороге на место водителя, но это по нашим понятиям. А на Дальнем Востоке преобладают японские машины и автобусы с правосторонним рулем. Так что водитель был на месте и домчал нас с ветерком до Биробиджана за два часа, проделав 185 километров. Благо, трасса не загружена: редко когда промелькнет поселок, а так - кругом тайга и болота.

Столица Еврейской автономной области встретила нас чудесной, теплой погодой, продержавшейся почти все пять дней нашего пребывания там. Только в день посещения папиной могилы и дома с мемориальной доской, где жила в последние годы мама, пошел дождь, и это показалось символичным. Всех гостей фестиваля разместили в комфортабельной, отреставрированной гостинице «Восток»; после обеда был короткий отдых, а вечером мы уже сидели в филармонии, на открытии фестиваля, который начался с уже упомянутого мюзикла «Моя кошерная леди», написанного Аркадием Хайтом по мотивам знаменитой пьесы Шоу «Пигмалион». Суть сюжета: современный врач-еврей на спор с другом берется обучить свою молодую домработницу-шиксу языку идиш и идишкайт, т.е. сделать из нее за несколько месяцев стопроцентную еврейку. А дальше - все по Шоу, но в еврейском варианте: папаша девушки - пьяница, простой русский мужик и заклятый антисемит становится другом евреев, а мама героя просто влюбляется в будущую невестку, умеющую говорить на идиш и великолепно готовить еврейские блюда. Неплохо бы этот замечательный спектакль показать и в Кишиневе!

Открытие фестиваля явно удалось, но, прежде чем продолжить рассказ о нем, хочу сказать несколько слов о самом Биробиджане, который я увидел спустя четы-

ре года после последнего приезда сюда.

Начну с филармонии - одной из самых больших концертных площадок на Дальнем Востоке. Она напоминает огромный пароход с этажами-палубами с вместительным зрительным залом, хорошей акустикой. За последний год вокруг филармонии построили каскад фонтанов с цветомузыкой, украсили скульптурной композицией: служители муз, среди которых и еврейский музыкант со скрипкой - символ еврейских фестивалей. И, конечно, было особенно приятно, что фонтаны озвучены еврейской музыкой, которая разливалась вокруг филармонической площади, ставшей теперь любимым местом отдыха биробиджанцев.

Что еще изменилось в городе? На мой взгляд, у него появилось более еврейское лицо. Биробиджан – это единственное место в России, а может быть и в мире, где вывески на всех государственных учреждениях написаны на двух языках - русском и идише. На привокзальной площади появилась огромная Менора, а рядом с ней – памятник первым переселенцам: на телеге сидит еврейский извозчик-балагула с вожжами в руках. Я было подумал, что это Тевье-молочник, но Тевье оказался на другом новом памятнике - Шолом-Алейхему. Там автор сидит в окружении своих героев. И этот памятник поставили в начале улице Шолом-Алейхема, ставшей сейчас пешеходной. Недалеко от гостиницы находится магазин «Цимес», и мы в нем заметили большой выбор водочных изделий с остроумными названиями: «Еврейское счастье», «Рабинович», «Еврейские штучки», «Шабатная» - и все в красивых бутылках, с выдавленными в стекле Звездой Давида, Менорой и надписью «Кошер». Надо признать, что все они были отменного качества, и до Кишинева удалось довезти только бутылочку «Еврейских штучек».

Когда я повел свою «команду» на экскурсию, то Борис Дубоссарский подметил, что Биробиджан ему напоминает родные Бендеры - такой же небольшой, чистый, зеленый, с ровными квадратами улиц. Оригинальность ему придают виднеющиеся вдали отроги Хинганского хребта, как бы прикрывающие город с запада, и, конечно, горная река Бира - стремительная, с чистой прозрачной водой, проходящая через центр города, а потом сливающаяся с рекой Биджан (отсюда и название – Биробиджан). Моя мама любила Биру, посвятила ей много стихотворений, одну строчку я вспомнил, подойдя к воде и опустив руки в реку своего детства: «Из ладоней пью я воду и вновь молодею» (перевод с идиш).

Побывали мы в новой синагоге Хабад-Любавич на субботней молитве. Там человек 15, в основном, пожилых евреев, распевали под баян хасидские мелодии, а читал молитву молодой и очень симпатичный раввин Мордехай Штайнер. Рядом с синагогой находится - тоже новый - Центр Биробиджанской еврейской общины «Фрейд» (Радость). Ее возглавляет большой патриот Биробиджана, энергичный общественный деятель Лев Тойтман. Чувствуется, что дела у него идут совсем неплохо. Общинному Центру оказывают солидную материальную помощь и Федерация еврейских общин России, и международные еврейские организации. Имеет «Фрейд» и свою газету «Кеилэ» (Община). А главная областная газета - «Биро-

биджанэр штерн». Она издается на двух языках - русском и идиш. Здесь работала и много печаталась мама, и потому уже стали традицией мои визиты туда во время фестивалей вместе с коллегами-музыкантами. Так было и на сей раз. Мы дали небольшой концерт для сотрудников редакции, а потом состоялась задушевная беседа за круглым столом, уставленным в нашу честь еврейскими сладостями, молдавским вином и китайскими фруктами. (Влияние Китая на Дальний Восток чувствуется везде, это - особый разговор; отмечу только, что в обменных пунктах рядом с привычными нам названиями валют значились и китайские юани).

Итак, это был уже мой четвертый фестиваль в Биробиджане, но такого высокого исполнительского уровня я не припомню. Мне кажется, организаторы праздника еврейской культуры пошли по правильному пути: отказались от приглашения больших, и в общем-то - похожих друг на друга клезмерских коллективов, с их традиционными манерой исполнения и репертуаром, а сделали акцент на крупные творческие личности, способные и привлечь публику (вся пресса отмечала, что этот фестиваль оказался самым посещаемым по сравнению с семью предыдущими), и «держать» её своим талантом на протяжении целого вечера. Я имею в виду и прекрасного комедийного актера Романа Карцева с его моноспектаклем, и двух гостей из Израиля - Яна Левинзона и Владимира Фридмана (последний недавно приезжал с концертом в Кишинев), и изумительную певицу из США Светлану Портнянскую, ставшую открытием фестиваля, и популярного пианиста-виртуоза, остроумнейшего Левона Оганезова. Согласитесь, компания совсем неплохая! Каждый из них имел по своему сольному вечеру, и все вместе участвовали в заключительном гала-концерте, который блестяще вел со своими одесскими хохмами и с очаровательной биробиджанской красоткой Еленой Слугиной Ян Левинзон.

Судя по реакции публики и прессы, на фоне этих звезд наша группа выглядела весьма достойно. У нас тоже был свой, прошедший с большим успехом, сольный концерт в пединституте, а на гала-концерте, который мы открывали, публика не хотела нас отпускать, и вместо оговоренных трех номеров нам пришлось исполнить четыре. Повышенным вниманием к себе я обязан, конечно же, в первую очередь своим родителям, отдавшим Биробиджану, развитию там еврейской культуры лучшие годы своей жизни.

Наше выступление на гала-концерте я начал с обращения к землякам, прочитал на идиш стихи мамы о Биробиджане, а дальше Борис Дубоссарский и Алексей Дигоре так завели публику, что Ян Левинзон из-за кулис начал делать знаки о завершении выступления - ведь предстоял четырехчасовой концерт. Мы были просто очарованы биробиджанскими коллективами - танцевальными ансамблями «Когелет» и «Мазлтов», вокальным ансамблем «Иланот». Обратил на себя внимание не только их высокий профессиональный уровень, но и яркие, со вкусом сшитые национальные костюмы. Чувствуется, что на развитие еврейской культуры в Биробиджане денег не жалеют. И подтверждение тому - прошедший фестиваль. Кстати, выступая на прощальном банкете, я выдвинул предложение о создании при Би-

робиджанской филармонии специального управления, координирующего еврей-
скую концертную жизнь на территории всего СНГ. Не секрет, что мы сейчас все
разъединены, каждый варится в своей собственной национальной кухне, не зная,
что делается у соседа. И кому, как не Биробиджану, где еврейская культура поль-
зуется государственной поддержкой, объединить вокруг себя еврейское професси-
ональное искусство во всех регионах СНГ. Это повысило бы статус Биробиджана
как центра еврейской жизни и дало бы мощный всплеск для гастрольного обмена
творческим коллективам. Конечно, есть и проблемы: отдаленность Биробиджа-
на, дороговизна авиабилетов, но координировать гастрольную работу не так уж и
сложно при современных средствах связи, а поездки с концертами в Биробиджан
можно объединять с гастролями по городам Сибири и Дальнего Востока - слава
Б-гу, евреи живут и там.

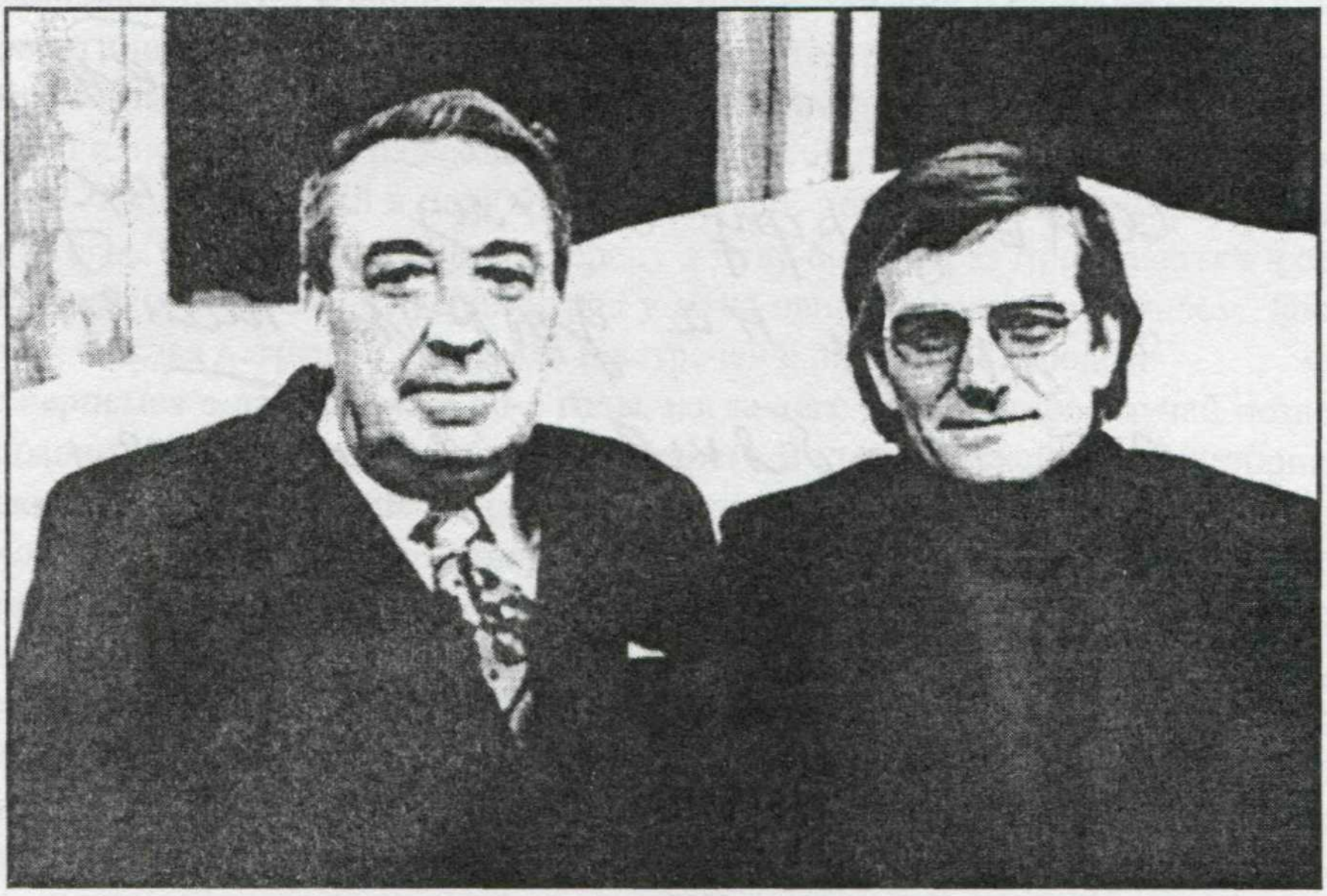
Ну, и в заключение ответ на распространенный вопрос: «Есть ли там евреи?». Со-
шлюсь на официальную цифру, которую предоставил американскому еженедель-
нику «Форвертс» представитель «Сохнута» на Дальнем Востоке Рафаэль Гельцер:
в Биробиджане проживают 5000 евреев. Многие за последнее время вернулись из
эмиграции - из Германии, Израиля, США, и теперь Биробиджан занимает второе
место в России - после Москвы - по количеству «возвращенцев».

А дополню ответ словами популярного израильского актера и барда Владимира
Фридмана: «У нас в Израиле некоторые говорят, что в Биробиджане уж и евреев
не осталось, не то что культуры. Евреев я не считал, зато со всей ответственнос-
тью заявляю: таких блестящих еврейских танцевальных, вокальных, музыкальных
ансамблей, какие есть в Биробиджане, в Израиле точно нет». Думаю, что Володя
по горячим следам увиденного несколько преувеличил: в Израиле есть прекрасные
творческие коллективы, но мысль, что в Биробиджане еврейская культура успеш-
но развивается, мне близка. Ну почему, черт возьми, мы - евреи, внесшие такой
вклад в культуру тех народов, среди которых живем, - с подозрительностью отно-
симся к неевреям, желающим развивать нашу культуру? Меня, например, трону-
ли белокурые, голубоглазые красавицы из биробиджанского вокального ансамбля
«Нежность», певшие на хорошем идише еврейские песни, а гостья из Китая, оча-
ровательная солистка китайской оперы, исполнившая песню о Биробиджане, была
выше всяких похвал! Разве кому-то плохо, что на другом Востоке - на Дальнем
- тоже есть очаг еврейства, который развивается не в противовес Израилю, а сов-
местно с ним (на каждый фестиваль обязательно приглашаются артисты из Израи-
ля, и два еврейских языка звучат со сцены, как и музыка - идишская и ивритская).

Чтобы читатели «Местечка» убедились в моей объективности, хотел взять себе
в союзники других vip-гостей фестиваля, но подумал: зачем я сам у себя буду от-
бирать хлеб - пусть лучше читатели послушают живые голоса Романа Карцева,
Яна Левинзона, Левона Оганезова, Светланы Портнянской, которые прозвучат в
программе “Идиш лэбн” на первом канале “Радио Молдова”.

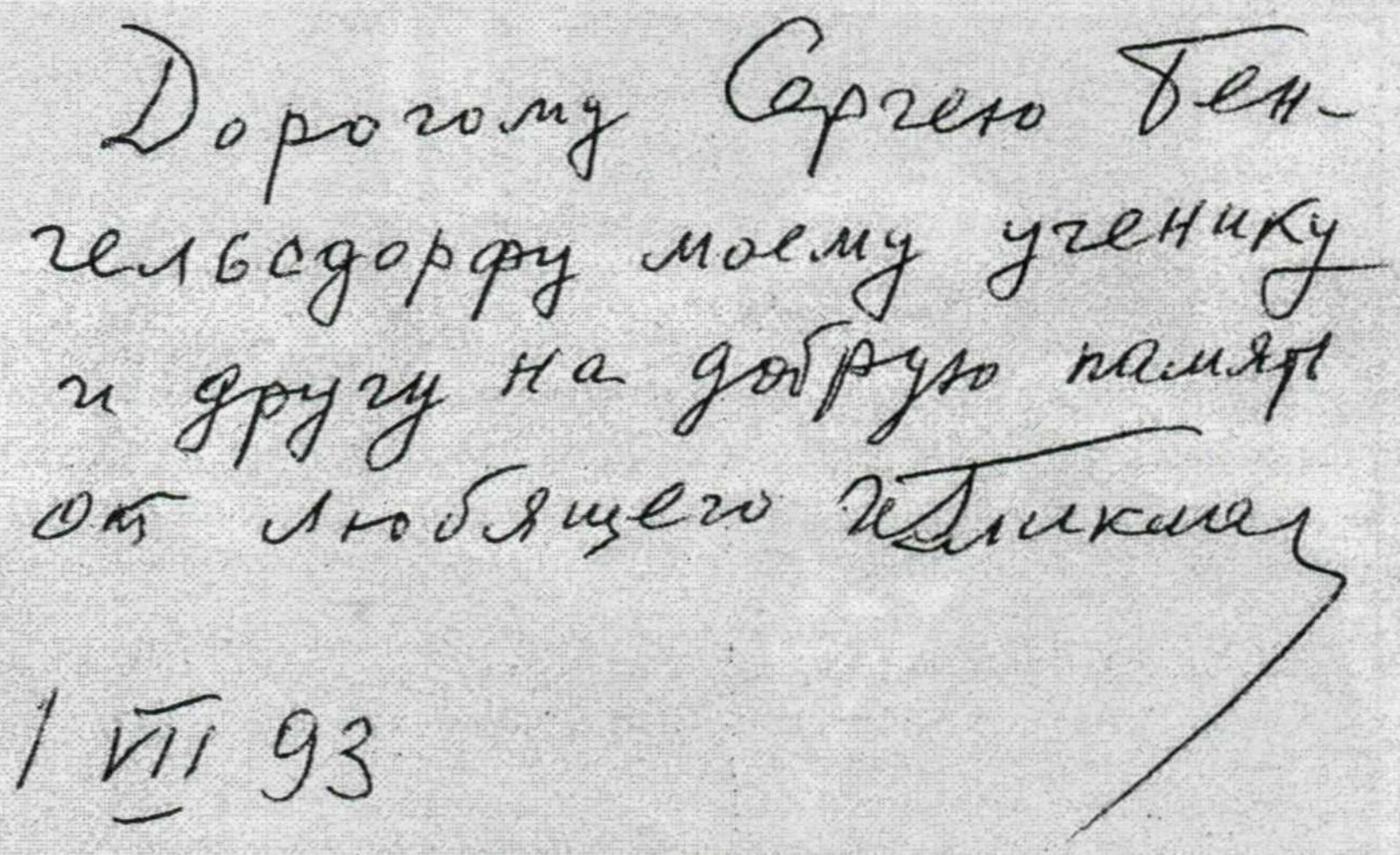
Глава Вторая

УЧИТЕЛЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

ПИСЬМА К ДРУГУ

ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ – ИСААКУ ГЛИКМАНУ

Издательство «DSCH»
Москва
Издательство «Композитор»
Санкт-Петербург
1993

Серго Бенгельсдорф

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Эту статью я много раз начинал и откладывал, никак не мог заставить себя писать о любимом Учителе и друге в прошедшем времени, смириться с его смертью невозможно, (когда пишутся эти строки, исполняется 2 года, как он ушел из жизни), перед глазами по-прежнему живой Исаак Давидович. дружбу с которым мне послала судьба, как самый большой подарок.

Мы познакомились в 1963 году, когда после окончания фортепианного факультета Молдавской консерватории и трехлетней работы концертмейстером в Кишиневском оперном театре (мне было тогда 26 лет), я ощутил неодолимое желание еще учиться, познать что-то новое, вырваться из рутины окружающей среды. Мои мысли постоянно возвращались к оперной режиссуре, потому что эта профессия соединяет в себе две самые близкие для меня области - музыку и театр. В музыке я уже был к этому времени как будто неплохим профессионалом, а театр влек с детства, которое прошло за кулисами Биробиджанского ГОСЕТа, где мой незабвенный отец Моисей Бенгельсдорф служил режиссером и актером. Он часто брал меня с собой на репетиции, и я знал наизусть многие фрагменты из спектаклей, которые шли на языке идиш.

И, конечно, работа концертмейстером в опере, занятия с певцами, постановочные репетиции усиливали влечение к оперному театру.

Учиться на оперного режиссера можно было тогда в двух вузах страны - Московском Гитисе и Ленинградской консерватории. Я выбрал второй, потому что Ленинград - город, который я полюбил с юных лет, попав туда первый раз в студенческие годы. О любви к великому городу я буду еще не раз признаваться в своих воспоминаниях, потому что Ленинград у меня напрочь связан с Исааком Давидовичем, и каждая встреча с ним была и встречей с любимым городом!

Но вернемся в далекие уже 60-е годы, когда «его величество» случай позволил мне познакомиться с моим дорогим Учителем. В кишиневской консерватории несколькими курсами старше учился на дирижерско-хоровой кафедре Петр Резников – неординарная личность, творческий, увлекающийся человек, который после окончания нашего вуза поступил на кафедру оперной режиссуры Ленинградской консерватории. И когда, в один из его приездов на каникулы, мы встретились, и я изложил стремление пойти по его стопам, Петя сочувственно отнесся к этой идее. Он обещал познакомить с профессором Гликманом - духовным лидером кафедры оперной режиссуры (тогда я впервые услышал эту фамилию), о котором Резников отзывался с придыханием, как о выдающемся искусствоведе (Исаак Давидович читал студентам историю западноевропейского театра) с энциклопедическими познаниями во многих областях искусства и общечеловеческой культуры, как о литераторе - авторе книг о Мольере и Сухово-Кобылине, как о сценаристе знаменитых киноопер «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», как о консультанте на «Ленфильме» по музыкальной драматургии таких гениальных фильмов Григория

Козинцева с музыкой Дмитрия Шостаковича, как «Гамлет» и «Король Лир».

И вот зимой 1963 года я приезжаю в Ленинград, и Петя Резников знакомит в консерватории с Исааком Давидовичем. Тогда ему было 52 года, он находился в расцвете духовных и физических сил. Меня поразила его благородная внешность, он был очень красив настоящей мужской красотой, высокий, статный, широкоплечий (костюм на нем сидел изумительно), с короткой, модной стрижкой, с орлиным пронзительным взглядом и римским профилем. А как звучал его голос, с глубокими низами и широкой амплитудой красок! У меня сохранились записи наших некоторых бесед, и я до сих пор с волнением вслушиваюсь в бархатное звучание баса Исаака Давидовича.

Д.Шостакович и И.Гликман. Ленинград. 1958 год

Признаюсь, что в первой же беседе Исаак Давидович подавил меня своей широчайшей эрудицией. Я чувствовал себя пигмеем перед великаном, и это ощущение сохранялось еще долгие годы. Единственное, что утешало, многие из студентов режиссерской кафедры Ленинградской консерватории и ее выпускники, с которыми довелось беседовать, испытывали те же чувства в общении с Учителем, потому что ему не было равных в эрудиции, в глубочайших и разносторонних познаниях в музыке, театре, литературе. И вместе с тем, с первой же нашей встречи, благодаря его благожелательности, доброте, интеллигентности, у нас установилась какая-то взаимная приязнь, которой с годами суждено было вырасти в большую дружбу.

Я поделился с Исааком Давидовичем своим желанием, он одобрил мой выбор для вступительного экзамена режиссерской экспозиции комической оперы итальянского композитора XVIII века Чимарозы «Тайный брак». Посоветовал, какую почитать литературу, как готовиться к коллоквиуму, который составляет важную часть экзамена по специальности, и мы договорились, что позанимаясь самосто-

ятельно год, я приеду на вступительные экзамены. Улетал из Ленинграда на крыльях, радуясь и такому знакомству, и перспективе оказаться студентом Ленинградской консерватории. Но судьбе-злодейке в лице Министерства культуры Молдовы угодно было вмешаться в разработанный план поступления, и я появился пред очами удивленного Исаака Давидовича гораздо раньше установленного срока.

Дело в том, что в советские времена существовала система «целевых направлений» на учебу, когда Министерство культуры СССР предоставляло союзным республикам возможность направлять своих абитуриентов вне конкурса на учебу в престижные музыкальные и театральные вузы Москвы и Ленинграда. Такое направление на кафедру музыкальной режиссуры оказалось в Минкультуре Молдовы, и так как никто из национальных кадров не претендовал на это место, а в Министерстве не желали его терять, и зная мое увлечение музыкальным театром, предложили поехать. Я отнекивался, как мог, чувствуя себя после встречи с Исааком Давидовичем совершенно не готовым для поступления, но мне сказали, что имея такое направление, достаточно получить «тройку» по специальности (а другие предметы, имея вузовский диплом, сдавать не надо), и я буду зачислен.

Прибыв в Ленинград в начале июля, я рассказал о ситуации Исааку Давидовичу и честно ему признался, что к экзамену не готовился, так как был занят работой, а летом рассчитывал серьезно позаниматься. Об этом же я признался и приемной комиссии во время экзамена. Все-таки, они решили меня «прощупать», и я до сих пор не могу отделаться от чувства стыда от своей «темноты» и невежества в режиссерских делах, которые тогда продемонстрировал. Помню, как высмеял Исаак Давидович мое предложение решить «Тайный брак» по-современному. Учитывая, что в этой опере поднимаются вечные темы любви, корыстолюбия, старческой похотливости, глупости, я предложил решать оперу Чимарозы в современном интерьере и в современных костюмах. «А куда девать эту дивную, солнечную, брызжущую шампанским музыку XVIII века?» - спросил он меня язвительно на экзамене. И это был один из первых уроков Гликмана о соответствии сценического решения музыкальному стилю. Не помню, что я там плел на коллоквиуме, который Исаак Давидович проводил виртуозно, цепляя один вопрос за другой, и докапываясь до самой сути явления или предмета (надеюсь, что мои слова о легендарных коллоквиумах И.Д.Гликмана подтвердят все его ученики), но, видимо, не все было так безнадежно, т.к. заведующий кафедрой, известный музыкальный режиссер Роман Иринархович Тихомиров (кстати, тоже ученик И.Д.Гликмана) предложил мне - уже чуть-чуть обстрелянному воробью - хорошо поработать летом и осенью приехать на дополнительный набор. Перед отъездом я еще раз встретился с Исааком Давидовичем, он дал очень ценные указания и сказал, учитывая «целевое» направление, что у меня есть совсем неплохие шансы на поступление.

Теперь, размышляя о прошедшем, мне кажется, что судьба отчаянно противилась моей учебе на режиссерской кафедре. Именно в сентябре, когда надо было ехать на вступительные экзамены, у меня решался квартирный вопрос, один из

самых острых в те годы для молодых семей. Мы с женой и маленькой дочкой ютились в тесной комнатушке общежития, и в этот момент подошла очередь на получение двухкомнатной квартиры по линии работы в музыкальном училище. Уехать в этот момент, оставить свою семью в кошмарных бытовых условиях на долгие годы я не мог, и потому не поехал в Ленинград, хотя и получил телеграмму от Романа Иринарховича с приглашением на экзамен и указанием даты. Так я лишился 100% возможности поступления, быт победил духовные устремления, хотя я и не думал оставить свою "идею фикс" в отношении оперной режиссуры. Исаак Давидович с пониманием отнесся к создавшейся ситуации, отверг мои сомнения в правильности решения, сказав, что забота о ближних всегда важнее собственных интересов, тем более, что вопрос о поступлении просто возвращается к тому, с чего начинался, т.е. к поступлению на следующий год, и я уже немного вкусил «прелестей» режиссерской профессии. Как говорится, за одного битого...

Действительно, всю зиму и весну я упорно готовился, несколько раз консультировался с Исааком Давидовичем по телефону, заказал у театрального художника эскиз оформления «Тайного брака» в стиле рококо XVIII века, перелопатил (опять же по совету Исаака Давидовича) массу литературы об этой эпохе и в музыке, и в живописи, и в прозе, и в поэзии, словом, уже ехал в Ленинград с солидным творческим багажом, но, увы, без «целевого» места. Короче, экзамен я сдал гораздо лучше, вся комиссия отметила значительный рост, но конкурс был очень большой, помню, тогда вместе со мной поступал Вадим Милков - сын Георгия Товстоногова, еще дети vip-персон и приближенных к новому заведующему кафедрой Эмилю Пасынкову, и мне с моими баллами предложили отнести документы без сдачи вступительного экзамена в Ленинградский институт культуры на кафедру режиссуры, а в новом учебном году опять сдавать вступительные экзамены в консерваторию. Я уж было согласился на такой вариант, но Исаак Давидович отговорил, упирая на мою неплохую уже тогда устроенность в Кишиневе, отсутствие гарантии после года скитаний по общежитиям на поступление, учитывая сложность характера нового заведывающего кафедрой и его непростые отношения с И.Д.Гликманом.

Этот холодный душ во многом определил мою дальнейшую жизнь и направление творческих поисков. Продолжая изучать оперную драматургию, литературу об оперном театре и творчестве оперных композиторов, я начал постепенно писать рецензии на оперные спектакли, меня начали печатать, заказывать статьи в кишиневской прессе, а потом уже не только в ней. И таким образом, вместо оперного режиссера родился музыкальный критик, знающий оперное искусство не только снаружи, но и изнутри. И своей второй профессией я во многом обязан Исааку Давидовичу, который опекал меня с первых же шагов моей критической деятельности. Это заключалось и в рецензиях всех работ, посылаемых ему на самый первый отзыв, и в многочисленных беседах по телефону, и, наконец, в моей аспирантской учебе. Да, судьба все-таки смилостивилась и послала поступление соискателем в аспирантуру по теме «Музыкальный театр», а моим научным руководителем со-

гласился стать дорогой Исаак Давидович. И с тех пор он представлял меня всегда своим аспирантом. Сбылась и мечта об учебе в Ленинграде, два раза в год я приезжал на консультации к Исааку Давидовичу не менее чем на 2-3 недели, и в это время посещал репетиции и спектакли в Мариинском театре, в Михайловском (Малом) оперном театре, в БДТ, в Александрийском театре и Театре комедии Акимова, концерты в Большом и Малом зале филармонии, выставки в Эрмитаже, Русском музее. Вместе с потрясающими вечерами в обществе Исаака Давидовича в его квартире на Большой Пушкарской, поездки в Ленинград были моими университетами до самых последних дней его жизни. Стремление как можно чаще ездить в Ленинград на встречи с любимым Учителем превратилось у меня в навязчивую идею, в сверхзадачу любых поездок в Россию, и потому, бывая по делам в Москве, я обязательно заскакивал на день-другой в Питер, а однажды, находясь на повышении квалификации в Свердловской консерватории, выбрал маршрут возвращения в Кишинев через Ленинград, хотя через Москву было значительно ближе. А уж, какую энергию и изобретательность проявлял я, чтобы лишний раз появиться в Питере! Исаак Давидович ценил мою предприимчивость в этом направлении и рассказывал своим друзьям, на какие дьявольские ухищрения шел его ученик, чтобы предстать пред очами своего Учителя. Действительно, только предвкушение появления на втором этаже дома № 44 на Большой Пушкарской у квартиры 23 радовало и волновало.

Для того, чтобы выстроить какую-то стройную картину наших отношений, я позволю себе обратиться к письмам Исаака Давидовича автору этих строк, которые я храню, как драгоценный дар. Письмами мы обменивались долгие годы (у меня их свыше 120), интенсивность обмена была обратно пропорциональна живому общению (были годы, когда я с помощью Исаака Давидовича приезжал в Питер на месячные курсы ФПК при Ленинградской консерватории, в летний отпуск, и тогда писем было мало). У Исаака Давидовича было железное правило - отвечать на все письма. Он говорил, что оставлять письма без ответа - моветон. И это тоже школа Гликмана. Последнее письмо он написал мне в 1997 году, за 6 лет до смерти. Ему уже тяжело было держать перо в руке, его изумительный каллиграфический почерк изменился, и при наших встречах, телефонных разговорах, он постоянно извинялся, что не может отвечать на мои письма, которые я продолжал исправно писать. Как говорила Луиза Дмитриевна, Исааку Давидовичу нравились мои письма, он с удовольствием слушал, когда Луиза Дмитриевна их читала.

В эпистолярном жанре во многом раскрывается личность пишущего. Как в книге «Письма к другу» через письма и блестящие комментарии к ним Исаака Давидовича раскрывалась жизнь великого Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, так и я попробую через письма И.Д.Гликмана воссоздать его неповторимую личность.

Прежде всего, он и в письмах был замечательным воспитателем, просветителем, Учителем. Когда я готовил рецензию на какой-то спектакль, он всегда советовал, какую литературу надо прочитать о композиторе и его эпохе, об авторе либретто, о

литературном первоисточнике, взятом в основу оперы.

Как шутливо писал Исаак Давидович, «я стал рецензентом на Ваши рецензии». И действительно, он обстоятельно обсуждал в письмах присланные мною публикации, обсуждал очень объективно, то, что ему нравилось - хвалил, но когда обнаруживал неточности, высмеивал с юмором, а иногда и язвительно, с сарказмом.

Д.Шостакович и И.Гликман у могилы М.Зощенко

В моих рецензиях он никогда не пропускал мелочей, как он писал «я очень чувствителен ко всякого рода определениям, или они ведут меня к истине или преграждают к ней путь, и еще люблю смотреть в корень и отношусь с опаской к каждой фантазии не на тему». И хотя в тональности «рецензии на рецензию» я ощущал теплоту и доброжелательность, в отношении неверных мыслей и суждений он был бескомпромиссен. Думаю, что многие его оппоненты чувствовали на себе разящие, точно попадающие в десятку стрелы Гликмана-критика. Юмор, гротеск, сарказм всегда были его союзниками в борьбе за правду искусства, за естественность мыслей и чувств. Как он писал по поводу гротеска - «в основе любого преувеличения лежит правда, а ложь преувеличивать бесплодно и бессмысленно». Это он написал с юмором в связи с одной понравившейся ему моей рецензией: «перед Вами будут снимать шляпы, фуражки, кепи, ермолки, каскетки, береты, чалмы, тюбетейки и фески».

Свои письма он часто облекал в шутливые, импровизационные формы, благодаря чему они превращались в настоящие юмористические новеллы, которые читались вслух для моих домашних и близких друзей, вызывая всеобщий восторг. Пример такой новеллы в его письме о просмотре монооперы «Человеческий голос» Пуленка в Доме актера, куда его пригласили по моей просьбе молдавские музыканты, показавшие в Ленинграде эту оперу. Описывая свои благоприятные впечатления от просмотра, назвав вступительное слово молдавского музыковеда «коктопуленковедением», Исаак Давидович пишет в конце письма о выходе из Дома актера на Невский проспект: «На дальних фонарях повисли легкие клочья тумана, сияла Адмиралтейская игла. Но вот подошел автобус, где кишел человеческий муравейник, и я, в качестве муравья, выискивал себе местечко. И все это ни с «Человеческим

голосом», ни с Невским проспектом ничего общего не имело».

Его искрометный юмор сказывался в характеристиках людей и ситуаций. Так, об отставке из Большого театра главного режиссера Бориса Покровского перед намеченной постановкой «Сказания о граде Китеже...» Исаак Давидович сообщил: «он (Покровский) стал невидим, как град Китеж», а известную пианистку Веру Горностаеву, ударившуюся в годы перестройки в политику, он назвал «Трибунессой». По поводу травли Юрия Григоровича в Большом театре - «Его кусают псы и псицы», а в ответ на мое сообщение о юной пианистке, которая хотела бы учиться в Ленинградской консерватории, но у нее маленькие ручки, он тут же сымпровизировал: «маленькие ручки и маленькие ножки - будущая Клара Вик». Вместе с тем, кроме глубоких, серьезных разборов моих рецензий, он затрагивал интереснейшие темы об оперном и не только оперном искусстве. После выхода на экраны фильма-оперы «Князь Игорь», поставленного по его сценарию Р.И.Тихомировым, он написал мне замечательное письмо, проанализировав драматургию фильма в сравнении с оперой, где были воссозданы многие куски из музыки Бородина, никогда не исполнявшиеся на оперной сцене.

Ему очень понравилась Мария Биешу в фильме-опере «Тоска», тоже снятому Р.И.Тихомировым по его сценарию. Он сравнивал нашу примадонну с Сарой Бернар в одноименной драме Сарду. «Она (Биешу) прекрасно воспроизводит музыку Пуччини, которая с такой нежностью и мощью звучала в его душе». И пусть простит меня читатель, здесь я не могу не воспроизвести отзыв Исаака Давидовича на мою рецензию об упомянутом фильме-опере «Тоска»: «О фильме-опере пишут или кинематографисты, которые видят, но не слышат, или музыковеды, которые слышат, но не видят. Вы восприняли фильм в синтезе слухом музыканта и зорким глазом режиссера, отсюда удача». И еще об одной опере мне хотелось бы вспомнить в связи с нашей перепиской. Речь идет о постановке в Кишиневе «Евгения Онегина» в общем удачной, но в частности, в своей рецензии я указал, что «вызывает недоумение колоннада, которую придумали художники и режиссер, как единую установку, доминанту на весь спектакль. Особенно нелепо выглядит колоннада во 2-й картине, в спальне Татьяны в деревенской усадьбе Лариных».

Боже, какой поднялся шум! Режиссер пошел в редакцию газеты, опубликовавшей мою рецензию с заявлением, что рецензент ничего не понимает в режиссуре, потому что никогда этому не учился. Когда редактор рассказал мне о визите режиссера, я с горечью написал Исааку Давидовичу, что если бы у меня было режиссерское образование, то не услышал бы упреки такого рода. В своем ответе Исаак Давидович привел в пример выдающихся музыкальных критиков Асафьева и Соллертинского, много рецензировавших оперные спектакли и не имевших режиссерского образования. «Вы - хороший музыкант, любящий и знающий театр, владеющий пером, имеющий художественный вкус - этого с избытком достаточно для того, чтобы очень умело и проницательно судить об оперном деле. Я в этом убеждался, читая Ваши статьи. Мне случалось по частностям делать Вам реприман-

дец, но целое удовлетворяло, а нередко и радовало». В качестве поддержки моей критики кишиневского «Онегина» Исаак Давидович анализирует этот спектакль, вышедший в это же время в Мариинском театре под музыкальным руководством и режиссурой Темирканова. Он хвалит постановку за простоту и естественность, воссоздание поэтической и бытовой атмосферы, следуя за Пушкиным и Чайковским, ничего не выдумывая. Здесь каждая картина имеет свою физиономию, нарисованную в романе и опере.

Письмо выдающегося музыковеда и театроведа, профессора Ленинградской консерватории я показал редактору, оно явилось защитной индульгенцией на будущее от нападок «сикофантов» (выражение И.Д.) - «доносчиков».

Особая тема и в наших постоянных встречах, и в письмах - Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Исаак Давидович привил мне трепетную любовь и к личности Дмитрия Дмитриевича, и к его гениальной музыке. Как он скромно написал в одном письме: «Быть может, и я в какой-то мере способствовал тому, что Вы полюбили этого великого композитора». Я вспоминаю, как в квартире на Большой Пушкарской мы слушали симфонии Шостаковича, и Исаак Давидович, зная там каждую ноту, подпевал пластинке. Он не пропускал почти до конца жизни ни одного концерта в филармонии, где исполнялась музыка Шостаковича. А сколько он мне рассказывал об общении с Дмитрием Дмитриевичем, о работе с ним над новой редакцией «Катерины Измайловой», над музыкальной кинодраматургией шекспировских «Гамлета» и «Короля Лира», о сочинении совместно с Ю.Григоровичем нового либретто к «Золотому веку». Многое из того, что я слышал от Исаака Давидовича вошло в «Письма к другу» - удивительную книгу, где по образному выражению Виктора Гончаренко «И.Гликман предстает евангелистом великого композитора, его летописцем, почитателем его таланта и одновременно другом и вдохновителем» (Из мемориального очерка в газете «Вечерний Петербург» 28.08.03).

«Расшифровывая письма Дмитрия Дмитриевича, я испытываю сильное волнение и вспоминаю чудные стихи Батюшкова: «О, память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной» - так написал мне дорогой Учитель во время работы над «Письмами к другу». А когда книга вышла, и я - счастливый обладатель одного из первых экземпляров с замечательным автографом - сидел в квартире Исаака Давидовича, раздался телефонный звонок. И на другом конце провода Максим Шостакович из Нью-Йорка кричал в трубку, что, прочитав «Письма...» он становится перед Исааком Давидовичем на колени в знак благодарности и восторга от прочитанного, из которого он узнал об отце больше, чем знал при жизни Дмитрия Дмитриевича.

Благодаря Исааку Давидовичу, по его инициативе я разработал редко затрагиваемую тему в «шостаковичеведении» - «Еврейская тема в творчестве Шостаковича». Устные рассказы Учителя о создании 13-й симфонии, о вокальном цикле «Из еврейской народной поэзии», о трио памяти И.И.Соллертинского, о 4-ом квартете

и финале виолончельного концерта легли в основу ряда моих радиопередач, журнальных и газетных статей на эту тему. Статьи были опубликованы в еврейской прессе Санкт-Петербурга, Кишинева, в израильских русскоязычных журналах «Алэф» («Исаак Гликман - друг Шостаковича») и «Еврейский камертон» («Дмитрий Шостакович: еврейская тема в творчестве»), в американском еженедельнике на еврейском языке «Форвэртс». Помню, он был доволен, когда его ученики, живущие в Израиле, прислали ему напечатанные там мои статьи. Хотя, надо сказать, при его выдающемся таланте, он был скромен, не умел за себя постоять, публичная известность его не волновала.

И.Гликман и Д.Шостакович. Комарово. 1954 год

Он всегда прилагал усилия, чтобы я как можно чаще бывал в Ленинграде, организовывал приглашения на ФПК при консерватории, на стажировку при музыкальном училище, помог приехать на премьеру мюзикла В.Баснера «Еврейское счастье», а через председателя Ленинградского отделения Союза композиторов РСФСР Андрея Петрова помог организовать в Доме композитора наш концерт с кишиневской певицей Ириной Мишурой, ныне звездой мирового оперного искусства. Встречи с ним вырывали из атмосферы обыденной жизни, приподнимали над самим собой, ты становился как бы свидетелем событий, связанных с самыми «высокими окнами» в советской музыкальной культуре. Круг общения Исаака Давидовича, к которому ты прикасался, охватывал «высший свет» нашего искусства. Он был знаком и дружен со многими выдающимися музыкантами, актерами, художниками, и в его устных новеллах они представали живыми людьми со своими сильными сторонами и недостатками. Не только в новеллах, но и в жизни он знакомил меня с этими людьми. Я помню, как во время очередного занятия на ФПК, он взял меня с собой в филармонию, на концерт Евгения Александровича Мравинского, а после концерта представил выдающемуся дирижеру, как своего аспиранта. Исаак Давидович познакомил меня с композиторами Андреем Петровым, Вениамином Баснером, с режиссером Романом Тихомировым, с профессором Ленинградской консерватории пианистом Натаном Перельманом, с дочерью Дмитрия Дмитриевича Галиной Шостакович, у которой

мы были на даче в Комарово, на той самой даче, где Дмитрий Дмитриевич писал 10-ю симфонию...

Имя Исаака Давидовича открывало двери Мариинского и Малого оперного театра, Ленинградской филармонии. Его было достаточно, чтобы получить пропуск у администрации на самый аншлаговый спектакль или концерт. Помню, что творилось в Ленинграде в дни приезда Владимира Горовица. В день его концерта на улицу Бродского перед филармонией вызвали конную милицию, чтобы обуздать толпу страждущих попасть на концерт. А мне, благодаря Исааку Давидовичу, удалось послушать пианиста с мировым именем, и его игра запомнилась на всю жизнь!

Несколько лет назад Юрий Николаевич Григорович поставил в Кишиневе «Щелкунчика». Когда я пришел к нему на репетицию и представился учеником Исаака Давидовича, прием был оказан самый теплый. И на премьере «Щелкунчика», которая прошла с огромным успехом, Юрий Николаевич сам проследил, чтобы меня посадили на самое лучшее место в директорской ложе, а после спектакля, когда я поздравлял его и выражал восторг по поводу замечательной хореографии, Юрий Николаевич попросил, чтобы об этом было рассказано Исааку Давидовичу, что я и сделал с великим удовольствием.

До сих пор круг моих воспоминаний вращается в орбите духовного общения с дорогим Учителем, но я, для которого квартира на Пушкарской 44 была всегда открыта, хорошо знал Исаака Давидовича и в быту. Он был, как и всякий неординарный человек, с непростым характером: доброта, щедрость, отзывчивость сочетались в нем со вспыльчивостью, иногда даже резкостью, правда, он быстро отходил. Пожалуй, единственным человеком, имевшим над ним абсолютную власть, была незабвенная Вера Васильевна. Помню, когда его мощный темперамент начинал выплескиваться из берегов, она пронзительно смотрела на него, и сквозь зубы тихо произносила: «Иса, Исачок, успокойся», и это оказывало свое немедленное воздействие.

В быту Исаак Давидович был совершенно неприспособленным человеком, он ничего не умел делать по хозяйству, ничего не мог себе приготовить из еды. Помню случай, когда Вера Васильевна уехала на месяц отдыхать в Сочи (она очень любила отдыхать на юге у моря, а Исаак Давидович дальше Москвы никуда не ездил), я был в Питере на очередном ФПК и взял на себя миссию кулинара в квартире на Пушкарской. Мои познания в этой области весьма скромны, но приготовить глазунью, пожарить картошку и сварить бульон из курицы я могу. И это было наше основное питание в течение месяца, а функция Исаака Давидовича заключалась в том, что он один раз в 3 дня ходил в «монопольку» (так он называл винный магазин) и покупал бутылку «Столичной», которая хорошо шла под аккомпанемент приготовленных мною «яств». Это был один из незабываемых месяцев, проведенных в близком общении с дорогим Учителем. Вечером, вернувшись в гостиницу, я звонил ему, и мы до глубокой ночи обменивались впечатлениями о только что посещенном концерте, спектакле, о событиях прожитого дня. Этот дивный ме-

сяц начался с трагикомической истории, в которой чрезвычайное беспокойство по поводу любых приездов и отъездов, свойственных характеру Исаака Давидовича, достигло своего апогея. Мы проводили утром в аэропорту Веру Васильевну и поехали в консерваторию, он - на свои лекции, я - на ФПК. Днем, вернувшись на Пушкарскую, во время обеда Исаак Давидович начал проявлять беспокойство, что от Веры Васильевны еще нет телеграммы о прибытии. В этом отношении Исаак Давидович был очень требователен. На протяжении всех лет нашей дружбы я должен был, только сойдя с трапа самолета или на перрон Кишиневского вокзала, сразу сообщать ему о своем прибытии, иначе он начинал страшно волноваться и рисовать себе самые мрачные картины.

К вечеру того дня, в отсутствии телеграммы он пришел в такое возбужденное состояние, каким я его никогда не видел. Какая-то несвязная речь, какие-то выкрики «она погибла», «все!», «конец!», его невозможно было успокоить. Как назло, единственный в Ленинграде справочный телефон о прилетах и вылетах был постоянно занят, и только поздно вечером мне удалось дозвониться и узнать, что самолет в Сочи благополучно приземлился. Но тут началась вторая серия - «почему она не дала телеграмму, значит, ей плохо, она - в больнице, она умирает!» Я тут же позвонил в Сочи своему другу-пианисту Владимирову с просьбой немедленно поехать в Дом отдыха «Актер» и разыскать там Веру Васильевну Антонову. Как потом рассказывала сама Вера Васильевна, она сидела поздно вечером в кинозале и смотрела фильм, вдруг кто-то закричал на весь зал: «Вера Васильевна Антонова - на выход!». Она, испуганная, выбежала и увидела молодого человека в мотоциклетных крагах, шлеме, кожаной куртке (он приехал на своем мотоцикле), который ей сказал: «Немедленно свяжитесь со своим мужем, он сходит с ума, не получив от Вас телеграммы о вашем прибытии в Сочи». В общем, развязка оказалась, как в комедии положений: в аэропорту Сочи Веру Васильевну встречал ученик Исаака Давидовича и сосед по дому на Пушкарской режиссер Семен Ильич Лапиров. Вера Васильевна попросила его дать телеграмму Исааку Давидовичу, тот любезно согласился, но по рассеянности вместо квартиры 23 написал номер своей квартиры. И естественно, телеграмма благополучно дремала в квартире Лапирова, пока Исаак Давидович сходил с ума в своей.

На следующее утро внук Лапирова занес телеграмму, но Вера Васильевна уже успела позвонить. Боже мой! Какой залп отборных «комплиментов» был выпущен в адрес бедного Лапирова! Такого от Исаака Давидовича я ни до, ни после никогда не слышал. Я понимал, что это была разрядка после тех страданий, которые принес невольно Семен Ильич дорогому Учителю.

Вообще, все, что было связано с поездками, с выездами из Ленинграда, вызывало у Исаака Давидовича обостренное чувство тревоги. Он был по натуре страшным домоседом, и даже летние выезды на отдых в Репино или Комарово были для него волнительным событием, к которому он начинал готовиться задолго до поездки, упаковывая и распаковывая чемоданы. Он не любил вообще езду, жизнь в

гостинице и, когда ездил в Москву на дни рождения Дмитрия Дмитриевича, всегда останавливался у него дома, а когда ему пришлось ездить на репетиции и премьеру «Золотого века», то не мог спать в роскошном номере гостиницы «Москва», также, как и в СВ «Красной стрелы». Он рассказывал мне, что работая консультантом фильма совместного французско-советского производства «Третья молодость» о балетмейстере Петипа, он получил приглашение посетить Париж, ему оплачивали все - и дорогу, и проживание, и питание, и он отказался, чем вызвал недоумение всех своих знакомых и друзей. Конечно, это был определенный «пунктик» - фобия, и потому знакомые, одержимые страстью к перемене мест, всегда вызывали у него зависть и восхищение. Таким был его ученик и друг Роман Иринархович Тихомиров. Сегодня он ночевал в Ереване, а завтра в Одессе, послезавтра в Ташкенте, и вдруг объявлялся в Кишиневе. Меня, за любовь к путешествиям, он называл потомком Одиссея, и каждый раз, в силу своей необычайной любознательности, заставлял подробно, со всеми деталями рассказывать о поездках в Израиль, США, на Дальний Восток и т.д. Он вообще очень внимательно относился ко всем событиям, происходящие в моей жизни, в семье. Всегда в письмах, в телефонных разговорах, при встречах подробно расспрашивал о жене, о дочери, о внуках, очень переживал, когда жена перенесла две тяжелые операции, сочувствовал и подбодрял нас.

Перечитывая письма Исаака Давидовича, я более рельефно ощутил линию развития наших отношений. Если вначале это все-таки было покровительство молодому провинциалу, пытающемуся найти свою дорогу вверх по лестнице жизни, то потом я начал чувствовать с его стороны отеческую заботу, нежность, привязанность. Когда в начале 90-х годов я создал с замечательной певицей Ириной Мишурой концертную программу еврейской камерной музыки, и появились хвалебные рецензии на наши концерты, которые были незамедлительно пересланы Исааку Давидовичу, он живо с юмором откликнулся: «Вы поменяли свое амплуа - из обслуживающего исполнителей критика Вы превратились в обслуживаемого концертанта». А когда по Центральному телевидению показали концерт фестиваля еврейской музыки из Биробиджана с нашим участием, Исаак Давидович откликнулся восторженным отзывом, в частности, он написал об Ирине: «Певица носит фамилию специально для эпатажа публики: вы думаете я - Мишура, а я настоящая драгоценность! Накось, выкусите!».

Скоропостижная смерть Веры Васильевны в 1991 году была для Исаака Давидовича страшнейшим ударом. Когда я позвонил в Ленинград, чтобы выразить свое соболезнование, он не мог говорить, захлебывался в слезах, ему казалось, что все рухнуло, ведь Вера Васильевна была не только любимой женщиной и верным другом, на ней держался весь дом, а он остался один - совершенно беспомощный, неприспособленный, и при его повышенной мнительности ему казалось, что и он погиб. Конечно, его родственницы - племянницы Лина и Галя, его друзья и ученики окружили Исаака Давидовича заботой и вниманием, но он оставался безутешен. Результатом перенесенной трагедии оказался обширный инфаркт, который

на несколько месяцев уложил Исаака Давидовича на больничную койку. Я помню, как мы с Линой Соломоновной ездили к нему в реабилитационный санаторий в Репино, а потом с помощью Вениамина Ефимовича Баснера перевезли его в Дом отдыха ВТО в Комарово, куда было куплено 2 путевки, и я провел с дорогим Учителем две недели в один из самых тяжелых периодов его жизни. Каждый день я заставлял его гулять на свежем воздухе, постепенно увеличивая нагрузки, следил за регулярным приемом лекарств, пытался как-то скрасить его тоску, отвлекая своими разговорами от мрачных мыслей. Он очень хотел, чтобы я переехал с семьей в Ленинград, обещал помочь с работой, с обменом квартиры. Я начал серьезно работать над этим проектом, в моей записной книжке сохранились десятки адресов и телефонов, связанных с обменом. Но жизнь распорядилась иначе, рухнул СССР, и мы оказались в разных странах.

Тогда же было ясно, что оставаться одному Исааку Давидовичу никак невозможно, он не мог и дня прожить в одиночестве, и начались поиски женщины-экономки, которая смогла бы ухаживать за ним. Я был свидетелем этих поисков, они были непросты, и должен признать, что увенчались полным успехом. С такой женщиной, как Луиза Дмитриевна, которая последние 12 лет была спутницей его жизни, Исааку Давидовичу очень повезло. Чуткий, интеллигентный человек, она окружила его заботой, помогала бороться с недугами, которые с возрастом усиливались, отчего усиливалась и его капризность. Но Луиза Дмитриевна стойко переносила все трудности, связанные с порой неадекватным поведением приближающегося к 90-летию Исаака Давидовича, прекрасно понимая, что судьба ее связала с выдающимся человеком, которого она обожала и молилась на него. Кроме того, что Луиза Дмитриевна сохранила традиции и дух гостеприимной квартиры на Пушкарской, идущие от Веры Васильевны, она во многом помогала Исааку Давидовичу и в творческом плане, записывая и обрабатывая его устные новеллы-воспоминания, часть из которых была издана в Америке его учеником Александром Избицером в русском интернет-журнале «Лебедь». Хочется надеяться, что и в России эти новеллы будут изданы.

Последний раз я видел Исаака Давидовича за две недели до его смерти. Приехав в очередной раз в Питер на фестиваль еврейской музыки, я застал его тяжело больным, хотя незадолго до этого звонил ему в предвкушении встречи, и все было более-менее в порядке. Его состояние резко ухудшилось, он уже не вставал, мучился от сильных болей, впадал в забытье, но когда сознание к нему возвращалось, узнавал меня, просил прощение, что не может со мной общаться. Луиза Дмитриевна делала все возможное, чтобы спасти его, постоянно вызывала врачей, «скорую помощь», но все разводили руками: возраст, организм уже не борется, исчерпал свои ресурсы. Я понимал, что вижу своего дорогого Учителя в последний раз, но когда вернулся в Кишинев и сразу позвонил Луизе Дмитриевне, она сказала, что Исаак Давидович чувствует себя немного лучше, и надежда опять забрезжила. Я уехал из Ленинграда 17 июля, а через две недели Исаака Давидовича не стало. К сожале-

нию, Луиза Дмитриевна не нашла новый номер моего телефона, она разыскивала меня несколько дней, и я не успел проводить дорогого Учителя в последний путь.

Но в прошлом году, привезя очередного своего ученика на фестиваль в Питер, мы поехали с Луизой Дмитриевной на кладбище, и я попрощался с Исааком Давидовичем, положив, по еврейской традиции, на его могилу камешки.

Закончить же свои воспоминания мне бы не хотелось на этой печальной ноте.

В 2001 году Исааку Давидовичу исполнилось 90 лет. Получив из Петербургского еврейского общинного Центра приглашение на участие в концерте, я попросил заранее организаторов назначить дату выступления в дни юбилея Учителя. Решив сделать ему сюрприз, я ничего не сказал о своем приезде. И вот в день его рождения, уже будучи в гостинице, звоню ему якобы из Кишинева, горячо поздравляю, он мне рассказывает, что квартира полна гостей, что весь день приходят делегации из консерватории, «Ленфильма», Мариинского театра, филармонии, что звонят его ученики из многих городов и стран. Поговорив тепло, я еще раз поздравил его и загадочно произнес, что так как его юбилей проходит в канун старого Нового года, возможны всякие чудеса и сюрпризы. И каково же было изумление Исаака Давидовича, когда через час я предстал перед дверями квартиры на Пушкарской с бутылкой «Белого аиста» (этот коньяк он очень любил) и другими дарами молдавской природы. Как он обрадовался моему неожиданному приходу! Вообще, в этот вечер он был в ударе, много шутил, блистал остроумием, его глаза, как в былые годы, светились молодым задором. «Кто придумал, что мне девяносто? Мне еще нет и пятидесяти!» - восклицал он между тостами, и все присутствующие охотно это подтверждали. Таким я и хочу сохранить его в своей памяти - блистательного, остроумного, артистичного, светлого, Человека с большой буквы.

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ШОСТАКОВИЧА

В этом году по решению ЮНЕСКО во всем мире отмечают девяностолетие со дня рождения гениального композитора 20 века Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. О нем написаны десятки книг и сотни статей, поэтому пытаться сказать что-то новое о Шостаковиче, значит ломиться в открытую дверь. Но есть область, и не малая, в творчестве Дмитрия Шостаковича, о которой начали говорить только в последние годы. Это его еврейская музыка. Нельзя сказать, что до него еврейская тематика оставалась вне внимания выдающихся русских композиторов. Можно вспомнить сочинения Глинки, Мусоргского, Рубинштейна, Серова, Римского-Корсакова, Прокофьева ... Но интерес Шостаковича к еврейской музыке беспрецендентен. В недавно вышедшей в Израиле книге “Еврейские песни Шостаковича” известный музыковед, профессор Иоахим Браун называет, по крайней мере, десять

его сочинений, где Дмитрий Дмитриевич обращается к музыке нашего народа.

О мотивах этого интереса мне удалось поговорить недавно, находясь в командировке в Петербурге, с профессором Петербургской консерватории, одним из самых близких друзей композитора Исааком Давидовичем Гликманом. Недавно Исаак Давидович выпустил книгу под названием "Письма к другу" с подзаголовком - "Дмитрий Шостакович - Исааку Гликману", куда вошли почти 300 писем Шостаковича с комментариями Исаака Давидовича. Их дружба длилась больше сорока лет, до самой кончины Дмитрия Дмитриевича, и письма охватывают почти весь этот период. Эта изумительная книга разошлась по всему миру, она уже издана на французском, немецком и японском языках, сейчас готовится английское издание. И я счастлив, что у меня есть эта книга с дарственной надписью автора, моего любимого Учителя, дружбу с которым мне послала судьба, как самый дорогой подарок.

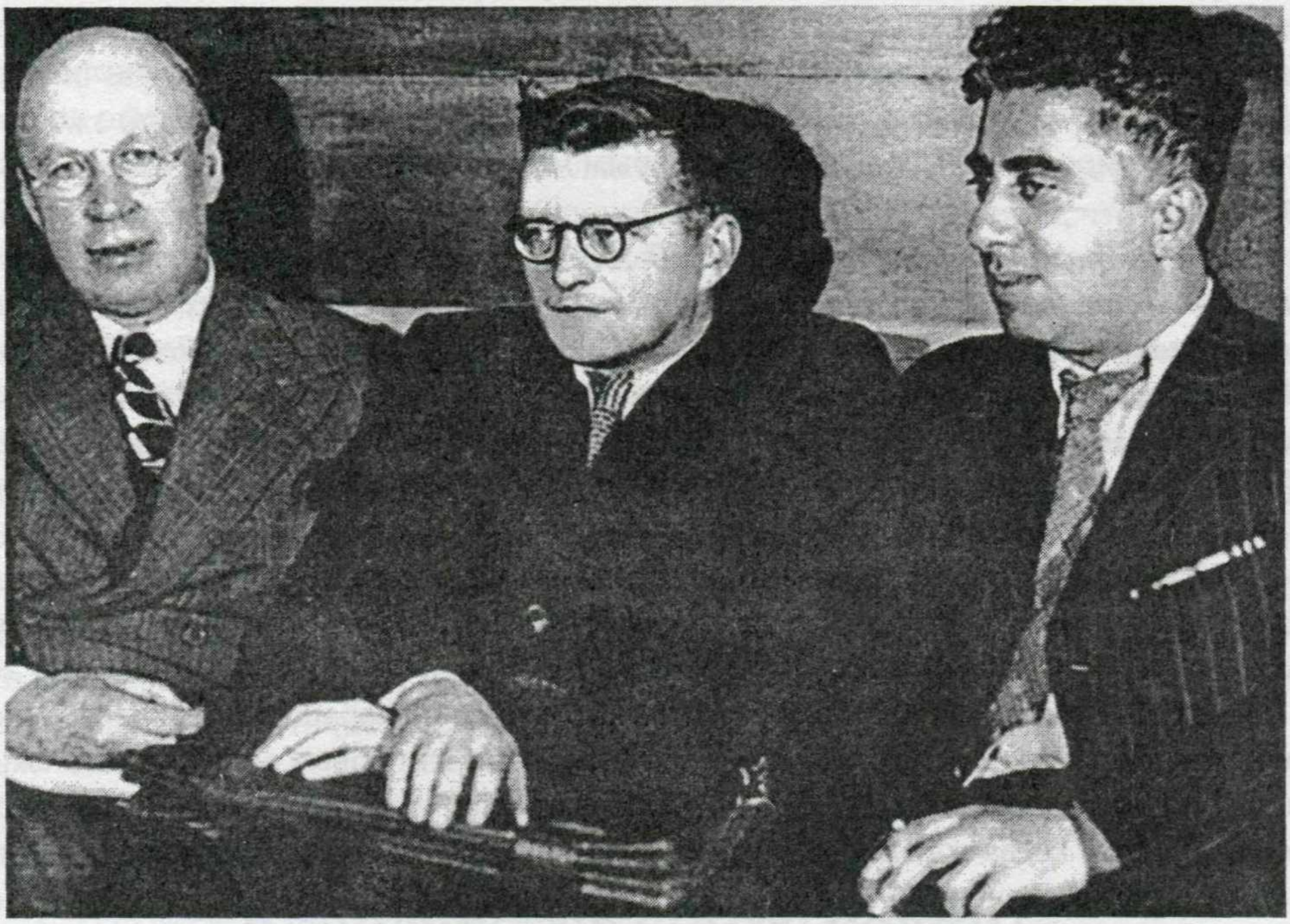
С.Б.. Дорогой Исаак Давидович! В год 90-летия со дня рождения Дмитрия Дмитриевича Шостаковича меня, как редактора еврейских передач радио Молдовы, как музыканта, посвятившего много времени еврейской музыке Шостаковича, интересуют эти мотивы в его жизни и творчестве. Почему великий композитор уделил столько внимания нашей национальной музыке? Думаю, что Вы, как ближайший друг Дмитрия Дмитриевича, сумеете объяснить этот феномен Шостаковича.

И.Г.Эта тема обладает огромной емкостью, широтой, многообразием, и я сегодня затрону только некоторые грани, некоторые черты, некоторые подробности, которые свойственны этой теме.

Дмитрий Дмитриевич всю свою жизнь относился с отвращением и даже ненавистью к расизму всех мастей, среди которых одно из первых мест принадлежит антисемитизму. Антисемиты ему были ненавистны, и он здесь не знал никакой пощады, даже когда говорил о великих музыкантах. Дмитрий Дмитриевич понимал прекрасно значение Рихарда Вагнера, его композиторскую мощь и силу, но он очень огорчался, когда читал всякого рода высказывания Вагнера об евреях, в том числе и о композиторах - евреях. Вагнер ценил талант Оффенбаха, но ставил его очень низко только из-за того, что он был евреем. И Дмитрий Дмитриевич не признавал Вагнера гением. Ибо он исповедовал формулу пушкинского Моцарта "Гений и злодейство - две вещи несовместные". А антисемитизм Дмитрий Дмитриевич считал злодейством. И Вагнер был тоже обвинен Дмитрием Дмитриевичем в злодействе, и поэтому Шостакович не мог признать его гением. Талант колоссальный, грандиозный, но не гений. Здесь Дмитрий Дмитриевич доходил до некплюсульта - до крайних выводов. Не говоря уже о том, что антисемититы более мелкого масштаба, чем Вагнер, тоже вызывали у него отвращение и презрение.

Дмитрий Дмитриевич считал себя человеком, который исповедует гуманность, который исповедует любовь ко всему человечеству, не разделяя его на нации. Я помню, что после исполнения в Капелле его 14-й симфонии и вокального цикла

"Из еврейской народной поэзии" Дмитрий Дмитриевич устроил банкет в "Европейской гостинице", и я, из любви к нему и к этим гениальным сочинениям, сказал короткий тост, смысл которого сводился к тому, что когда я слышу цикл "Из еврейской народной поэзии", я принадлежу всем нациям, я одновременно и еврей, и француз, и негр, и итальянец, потому что эта музыка принадлежит всему человечеству. И Дмитрий Дмитриевич ко мне подошел и сказал: "Мне очень понравился твой тост, ты не замкнулся только в узком кругу еврейской темы, ты расширил этот круг необъятно".

С.Прокофьев, Дм.Шостакович, А.Хачатурян

Дмитрий Дмитриевич очень болезненно относился к тому, что Сталин обрек еврейскую нацию, живущую в России, на гибель. Преследование евреев, как известно, приняло устрашающие размеры и масштабы. И начало этого гонения было связано с борьбой с "космополитизмом", когда распинали музыкантов, литераторов, поэтов только за то, что они были еврейского происхождения. Распинали, оскорбляли, топтали, и это гонение на евреев тоже было связано с чудовищным "делом о врачах-убийцах в белых халатах". До этого даже инквизиторы средневековья не могли додуматься! Но Сталин был сверхинквизитором, он мог давать уроки самым озлобленным, самым жестоким и самым беспощадным инквизиторам Европы.

В 1948 году, очень мрачном, в разгар "борьбы с космополитами", т.е. борьбы с евреями, которые занимались творчеством, меня лично "борцы с космополитами"

наполовину пощадили. Они писали обо мне, что я, дескать, не люблю русскую классическую музыку, а все пишу о западных авторах. Это смешно, это дико, как это не любить русскую музыку, начиная с Глинки, я ее очень любил и люблю, но случилось так, что в какой-то год я мало писал об этом рецензий, и меня таким образом, признали "буржуазным эстетом", который должен быть наказан, уволен со службы. Но ненависть ко мне была умеренной, по сравнению, например с бедным Михаилом Семеновичем Друскиным, которого просто распяли на кресте, он был уволен из консерватории - этот выдающийся музыкант. А меня перевели на полставки, т.е. преследовали наполовину, но все равно преследовали: я перестал писать в газетах, журналах, т.е. меня перестали печатать.

И вот в этом 48 году Дмитрий Дмитриевич написал цикл "Из еврейской народной поэзии". Он купил этот поэтический сборник в киоске в Комарово, когда собирался сесть в электричку, чтобы поехать к своей матери в Ленинград. И в поезде он начал перелистывать этот сборник, и ему очень понравились стихи, их смысл, их форма, и главным образом, перед ним предстала картина приниженности человека, маленький человек мужского и женского рода делается героем его будущего цикла. И он решил тут же написать музыку, и он создал этот изумительный цикл, феноменальный по своей мощи и красоте, по своему драматизму, по своему юмору, потому что Дмитрий Дмитриевич всегда считал, что контраст является очень важным компонентом любого музыкального сочинения. Он очень боялся однообразия, боялся монотонности, у него происходили смены тональностей, смены мелодические и ритмические, так же, как это делал когда-то и любимый его Бах.

И Дмитрий Дмитриевич написал этот цикл, он мне его сыграл, хотя он был рассчитан на трех вокалистов, он спел своим слабым голосом, у него был тихий голос, не в пример Хренникову, обладавшему могучим вокальным голосом. И он спел за троих певцов, и я был этим потрясен.

Сочинение хранилось в тайне, оно не могло никак рассчитывать в те годы на публичное исполнение, но Дмитрий Дмитриевич некоторым своим друзьям показывал этот цикл. О сочинении Дмитрия Дмитриевича узнал Самуил Яковлевич Маршак, который знал идеально не только английский язык, но и идиш. Он знал подлинные оригиналы этих стихотворений и знал их перевод. И когда он читал эти стихи, то остался недоволен качеством перевода, он считал, что перевел бы их лучше, и наверное, был прав, потому что был переводчик отменный. Но вот случилось так, что Маршак был приглашен на день рождения Дмитрия Дмитриевича, которое он устраивал 25 сентября каждого года, несмотря на все жизненные тяготы, он придавал большое значение обрядности, он полагал, что это идет от народного духа. И на этом вечере, среди других гостей, были вокалисты из театра Немировича-Данченко и был Маршак. Дмитрий Дмитриевич, после того, как ужин уже шел к финалу, сел за рояль, и трое певцов спели этот цикл. Рядом со мной стоял Маршак, я повернулся и увидел, что он плачет, он вытирает глаза, потому что они были увлажнены непрошенными слезами. И он мне прошептал: "Боже! Как я оши-

бался, этот текст - это Шекспир!". Он понял тогда, когда эти слова были окрылены великой музыкой Шостаковича, и слова выросли, они сроднились с этой музыкой, потому что Дмитрий Дмитриевич во всех своих вокальных произведениях проявлял удивительное понимание словесного текста, духа поэзии.

Как известно, при жизни Сталина об исполнении этого цикла не могло быть и речи. И название цикла, и имена действующих лиц были ненавистны антисемитам: "Мойшеле", "Ривочка", "Абрам", "Цирэлэ...". Дмитрий Дмитриевич не заимствовал музыку из еврейского фольклора, он как-то проникся духом еврейской музыки, и она живет у него так легко, так свободно, она парит над этими текстами в обнимку с ними.

Но вот умер Сталин, прошло несколько лет, и в Малом зале Ленинградской филармонии на Невском проспекте был объявлен этот цикл. Публика рвалась в зал, который конечно, не мог вместить всех желающих, весь партер был заполнен теми людьми, которые очень любили Шостаковича, в зале стояли шпалерами те, кто не мог усесться из-за отсутствия мест. Шостакович сел за рояль, очень красивый какой-то, вдохновенный, во фраке, он же играл на рояле изумительно. Никто так не умел играть его сочинения, где есть фортепианная партия, как он сам. Потому что Дмитрий Дмитриевич вносил в исполнение свою душу, свою великую, бессмертную душу.

Говорить об успехе первого исполнения цикла "Из еврейской народной поэзии" нет никакой нужды, он был сверхестественным, ошеломляющим. Публика в едином порыве встала и потребовала, чтобы весь цикл был повторен. И номер за номером весь цикл повторили. И публика просила, чтобы и во второй раз был "бис". Но Дмитрий Дмитриевич знал меру. Он, подобно древним грекам, говорил: "Мера - о, дар богов!". И он эту овацию притушил.

Я, разумеется, был на этом концерте, был и на репетициях, потому что был в невероятном восторге от этой музыки.

В Москве повторилось исполнение цикла, и успех был столь же ошеломляющим. Дмитрий Дмитриевич в своем письме ко мне написал, что успех был такой же, как и в Ленинграде, если не больше. Хотя Дмитрий Дмитриевич очень не любил рассказывать об успехе своих сочинений. Он был очень сдержанным. Сдержанность - одно из необычайных свойств Шостаковича. И если вы возьмете с полки том, посвященный Шостаковичу, там есть мой этюд под названием "О сдержанности Дмитрия Дмитриевича Шостаковича".

С.Б. Исаак Давидович, теперь перейдем от вокального цикла к трио "Памяти И.И.Соллертинского". Я бы хотел спросить, говорил ли Дмитрий Дмитриевич об еврейских мотивах финала этого трио?

И.Г. Конечно, говорил. Он сразу мне сказал: "Ты, конечно, сразу услышал здесь еврейскую тему". Я ответил: "Не потому что я - еврей. Я - космополит, я - гражданин Вселенной". Эту формулу Сократа очень любил Лев Николаевич Толстой, он писал, что надо эту фразу греческого мудреца каждый день повторять про себя. И

во времена "борьбы с космополитами", а космополит это и есть гражданин Вселенной, забыли Толстого, растоптали мнение Толстого, посмеялись над этим суждением великого писателя, и преследовали космополитов со всей жестокостью. Некоторые из них скончались, не выдержав удара.

И Дмитрий Дмитриевич говорил мне по поводу этой темы: "Ты же понимаешь, Иван Иванович был страшный юдофил, я себя не считаю юдофилом, я антисемитов ненавижу, я ненавижу юдофобов, но я не юдофил". А Соллертинский был юдофилом, он бешенно любил, обожал великого симфониста Малера, а Малер ведь страдал за свое еврейское происхождение. Немецкие и австрийские антисемиты его преследовали, и Иван Иванович с какой-то особой горечью говорил об этих преследованиях, преследованиях гения. Ведь Ивана Ивановича Соллертинского обвинили во время борьбы с Шостаковичем, во время кампании "Сумбура вместо музыки". И один такой влиятельный коммунистический журналист писал, что "Соллертинский страдает "малерией", он каламбурил - этот шут гороховый! - не "малярией", а "малерией" - он гордился своим каламбуром.

Иван Иванович об еврействе Малера говорил неоднократно. Такую же огромную любовь он питал к Жаку Оффенбаху, рассказывал, что он - Оффенбах - был сыном кантора. И Соллертинский написал восхитительный этюд об Оффенбахе, он ужасался тому, что Вагнер так унизил Оффенбаха, сказав, что если бы Оффенбах не был евреем, он бы мог стать настоящим композитором. Иван Иванович говорил, что Вагнер был великий музыкант, он ведь прекрасно понимал колоссальный талант Оффенбаха, но он подавлял в себе это признание, он становился на горло своей собственной антисемитской песне.

И вот эта еврейская тема в финале Трио, это вступление рояля производит ошеломляющее впечатление. Вы же играли это Трио?

С.Б. Да, я его играл, и всегда, когда подходил к этой теме, у меня начинались спазмы в горле.

И.Г. Когда я слышал первое исполнение, у меня мурашки побежали по коже. Премьера Трио тоже имела феноменальный успех. Как изумительно играли солисты - виолончель и скрипка!

С.Б. И Дмитрий Дмитриевич говорил, что еврейскую тему он сочинил в финале в память об Иване Ивановиче?

И.Г. Да, конечно!

С.Б. А вот то, что потом начали писать музыковеды, что эта тема связана с жертвами войны, что Шостакович, когда писал эту музыку, думал о миллионах погибших евреев, это что - художественный вымысел?

И.Г. Видите ли, в чем дело. Восьмой квартет назван музыковедами сочинением, посвященным жертвам фашизма. В восьмом квартете проходит та же еврейская тема из Трио.

С.Б. Потом восьмой квартет оркестровали и превратили в камерную симфонию, тоже посвященную жертвам фашизма.

И.Г. У Дмитрия Дмитриевича есть изумительное письмо о 8-м квартете, обращенное ко мне. Это сочинение автобиографическое, оно связано с эпизодом вступления в партию. Музыковеды конечно, выдумали о программе квартета, но Дмитрий Дмитриевич на это не реагировал, "пусть говорят, что хотят, *но ты и некоторые другие близкие мне люди понимают, что тема "замучен тяжелой неволей" обо мне, это я "замучен тяжелой неволей".*

Конечно, Дмитрий Дмитриевич, как настоящий человек, гуманист ужасался злодейству гитлеризма, убийству евреев, равно как ужасался, что убивали и других, например, цыган. Они ему тоже становились близкими, когда сделались жертвами нацизма. Но в данном случае, восьмой квартет посвящен самому себе. А еврейские темы у него возникают и в 4-м квартете, и в виолончельном концерте, и в скрипичном концерте.

С.Б. А Дмитрий Дмитриевич эти темы никак не комментировал?

И.Г. Нет, он говорил: "Так у меня писалось, я же не знаю, как у меня это возникает, я же не буду заниматься словоблудием и рассказывать о своем творческом процессе". И когда Евгений Александрович Мравинский допрашивал Дмитрия Дмитриевича во время репетиций его 5-й симфонии, что это значит, что то значит, и тыкал пальцем в партитуру, Дмитрий Дмитриевич отвечал, как Чехов: "Там же все написано". Не знаю, взял ли это он у Чехова, или это совпадение. Когда репетировалась "Чайка" во МХАТе, актеры просили Чехова истолковать те или иные места в пьесе. И Антон Павлович отвечал, "так там же все написано" и не истолковывал ничего. И Мравинский оставался в каком-то недоумении, это же был дебют Мравинского, пятая симфония его подняла в небесную высь.

Поэтому Дмитриевич Дмитриевич говорит, что он не знает, как это во втором виолончельном концерте возникла тема "Бубличков". Он написал мне в письме, что "вдруг у меня возникла тема "Бубличков", и я не знал, как справиться с этим наваждением". И как он сделал эти "Бублички" восхитительно!

С.Б. Сейчас настала очередь поговорить о 13-й симфонии с "Бабьим Яром". Я читал в "Письмах к другу", что Вы подали идею о сочинении музыки к этому стихотворению Е.Евтушенко. Расскажите, пожалуйста, как это было?

И.Г. Я принес Дмитрию Дмитриевичу "Литературную газету", где был напечатан "Бабий Яр". Я приехал к нему в гостиницу пообедать и попросил прочитать его это замечательное стихотворение. Он сказал, что прочтет его после обеда. А вечером, часов в 11 он позвонил и сказал, что это изумительное стихотворение, и я напишу поэму.

И антисемиты ополчились против 13-й симфонии, она была полузапрещенной, ее хотели вовсе запретить, но потом Хрущев как-то смилостивился, потому что дипломатический корпус закупил почти весь партер Большого зала Московской консерватории, но ни одного слова, ни злого, ни доброго не было сказано об этом грандиозном концерте в советской прессе. Я жил, как всегда во время поездок в Москву, у Дмитрия Дмитриевича, назавтра, после концерта вышел на улицу и

купил в газетном киоске "Юманите". Так как я читаю по-французски, то сразу набрел на статью о триумфальном успехе 13-й симфонии. "Юманите" откликнулось моментально, а советская пресса молчала в течении нескольких лет - не было такого сочинения. Вот это и есть преследование Шостаковича за его юдофильство, за его космополитизм, за его любовь к человечеству и ненависть к расизму, потому что "Бабий Яр" весь проникнут ненавистью к расизму.

Так что Дмитрий Дмитриевич не любил говорить о своей приверженности к еврейской теме, к еврейской интонации, еврейской мелодии, она у него появлялась спонтанно. И в этом весь Дмитрий Дмитриевич, потому что, несмотря на то, что Шостакович - композитор трагедийного жанра, вместе с тем, он - великий лирик. Лирическое начало очень велико в его творчестве, и именно по его сочинениям можно составить его биографию, не прибегая к каким-то жизненным факторам. Потому что сама его музыка автобиографична. Если 8-й квартет автобиографичен парэкселянц, т.е. по преимуществу, то другие сочинения тоже таят в себе элементы автобиографии. Скажем, ларго из 5-й симфонии - потрясающая 3-я часть, это - рассказ о себе, о только что разгромленной опере "Леди Макбет Мценского уезда", о статье "Сумбур вместо музыки".

Конечно, об еврейских мотивах в творчестве Дмитрия Шостаковича мы могли бы с Исааком Давидовичем говорить еще долго. Ведь отдельная тема - его ученики и друзья-евреи, среди которых погибший совсем молодым на фронте Вениамин Флейшман, чью незавершенную оперу "Скрипка Ротшильда" Шостакович закончил и инструментовал. Среди них известные композиторы - Моисей Вайнберг, Вениамин Баснер, Сергей Слонимский, Юрий Фалик ...

И завершить рассказ И.Д.Гликмана мне хотелось бы его заключительной цитатой из книги "Письма к другу":

"Только звонкая и широкая песнь Шостаковича раздавалась в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, пополнила своими мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в далекое будущее".

ПРАЗДНИК ДУШИ

Вот уже 35 лет длится моя дружба с необыкновенным человеком - Исааком Давидовичем Гликманом - Учителем на всю жизнь. Дружба, которая мне послала судьба как самый большой подарок в жизни.

Думаю, что читателям «Истоков» будет интересно узнать об этой выдающейся, яркой и разносторонне одаренной личности, проявившей себя и в литературе, и в театре, и в музыке, и в кино.

Исаак родился в Витебске, в семье еврейского актера Давида Гликмана, которому его жена Фаня Борисовна подарила трех прекрасных сыновей с библейскими именами - Соломон, Исаак и Гавриил.

Старший - Соломон - погиб молодым на войне с немецкими фашистами, а младший - Гавриил, будучи студентом последнего курса Академии художеств в Ленинграде и имея отсрочку от военной службы, поступил добровольно в июле 1941-го в артиллерийское училище. Командуя батареей, дошел до Германии.

После концерта: И.Гликман, В.Баснер, Е.Мравинский

Вернувшись с фронта, этот, подающий большие надежды, художник и скульптор в полной мере испытал на себе все реалии советского антисемитизма. Его картины не выставлялись и не закупались государством. Он существовал на частные заказы, в основном делал памятники ушедшим из жизни видным деятелям культуры. То, что ему предлагали такие работы, свидетельствует о признании его таланта в кругах ленинградской интеллигенции.

Очень высоко отзывался о творчестве Гавриила Гликмана и Дмитрий Шостакович - один из самых близких друзей Исаака Давидовича. Гавриил Гликман, как и многие художники, писатели, музыканты, уехал из СССР в вынужденную эмиграцию. Сейчас он живет в Мюнхене, и его произведения пользуются успехом в Европе и Америке.

Среднего брата - Исаака - природа тоже не обидела, но если Гавриил всю жизнь верен одной музе, то разносторонняя одаренность Исаака Давидовича позволила ему распространить свои творческие интересы на разные виды искусств, и трудно сказать, где полнее проявились его таланты.

Вот уже 60 лет он преподает и консультирует в Ленинградской, ныне Санкт-Петербургской консерватории. Факультет музыкальной режиссуры, основанный профессором Эммануилом Капланом, дал миру многих известных постановщиков опер и балетов, и с кем бы из них ни приходилось говорить, - все с восторгом

отзываются о своем Учителе - профессоре Исааке Гликмане. Но педагогическая деятельность - лишь малая толика его творческой жизни.

В 40-е годы он возглавлял литературную часть Малого оперного театра, справедливо называвшегося тогда творческой лабораторией современных опер. Сотрудничая с композиторами, либретистами, постановщиками, он помогал рождению новых сценических произведений, вошедших в золотой фонд мирового оперного искусства, и среди них, в первую очередь, "Война и мир" Сергея Прокофьева по одноименному роману Толстого.

Глубокий знаток законов драматургии музыкального театра и кинематографа, Исаак Гликман органично соединил в своих киносценариях к знаменитым операм и опереттам ("Евгений Онегин", "Пиковая дама", "Князь Игорь", "Тоска", "Крепостная актриса") эти два, казалось бы, таких далеких друг от друга жанра искусства. Будучи долгие годы музыкальным консультантом и редактором на киностудии "Ленфильм", он помогал выдающемуся кинорежиссеру Григорию Козинцеву в работе над фильмами "Гамлет" и "Король Лир", где звучит гениальная музыка Шостаковича. С его мнением и безупречным вкусом считались такие известные кинорежиссеры, как Трауберг, Эрмлер, Ивановский...

А взаимодействие музыки и хореографии проявилось у Исаака Гликмана в его либретто к балетам. Среди них - поставленный Юрием Григоровичем в Большом театре балет Шостаковича "Золотой век", с триумфом обошедший весь мир, балет "Встреча" (на музыку Девятой симфонии Шостаковича), "Бык на крыше" французского композитора Дариюса Мийо, "Золотой ключик" Моисея Вайнберга.

С его новым переводом с французского оперы "Кармен" (а французский язык Гликман знает в совершенстве) впервые в России прозвучали здесь разговорные диалоги вместо музыкальных речитативов, т.е. так, как это сочинил Бизе. В связи с этим можно вспомнить и его мастерские переводы текстов классических оперетт - "Периколы", "Цыганского барона"... Таков диапазон художественных устремлений Исаака Гликмана. Но широко известна еще и его литературная деятельность - книги, статьи, рецензии. Ясный, лаконичный, без вычурности и псевдоучености стиль Гликмана-писателя в полной мере проявляется и в его блестящих публичных выступлениях, и в его устных "новеллах", слушателем которых был не раз автор этих строк!

Из публикаций Гликмана назову книгу о Мольере, статьи о Карло Гольдони, о французском комедиографе 18-го века Реньяре, о русском драматурге Сухово-Кобылине... Эти книги и статьи стали необходимым пособием для нескольких поколений режиссеров и актеров драматического театра. А его нашумевшая монография - "Мейерхольд и музыкальный театр", над которой автор трудился много лет, стала настольной книгой для специалистов, занимающихся оперной режиссурой. "Мастер о Мастере" - такая оценка была дана в одной из рецензий на эту книгу.

А вот передо мной другая книга: "Письма к другу" с подзаголовком "Дмитрий Шостакович - Исааку Гликману". Сюда вошло около 300 писем великого компо-

зитора своему близкому другу, где Шостакович делится с ним самыми сокровенными раздумьями. Их трогательная дружба длилась более 40 лет, и письма охватывают почти весь этот период. И сами письма, и блистательные комментарии к ним Исаака Гликмана позволяют читателям прикоснуться к духовному миру двух выдающихся людей, чьи мысли отражают сложную, трагическую эпоху, в которую довелось им жить.

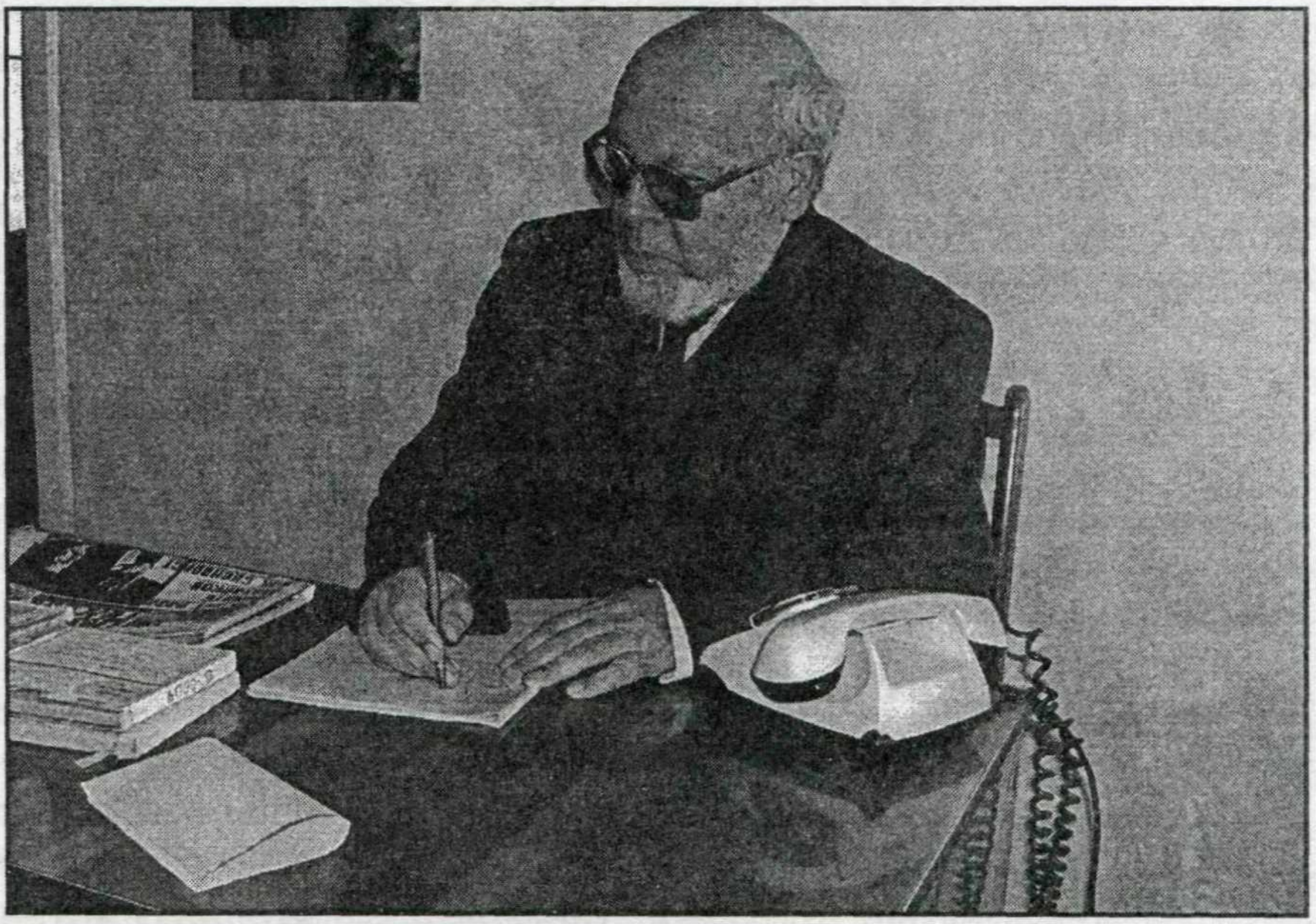
И.Д.Гликман и Мстислав Растропович. 1997 год

"Письма к другу", без всякого педалирования еврейских мотивов в жизни и творчестве Шостаковича, многое открывают еврейскому читателю. Мы узнаем из них о "подпольном" исполнении в доме Шостаковича в 1950 году, во время разгула сталинских антисемитских репрессий, вокального цикла "Из еврейской народной поэзии", об истории создания 13-й симфонии с "Бабьим Яром" на стихи Евтушенко. Оказывается, первым, кто обратил внимание Шостаковича на эти стихи, был Исаак Гликман. Мы узнаем из книги, как волновала и тревожила Дмитрия Шостаковича судьба Моисея Вайнберга - замечательного композитора, которого арестовали в 1952 году сталинские опричники из-за того, что он был зятем великого Михоэлса...

И в заключение, несколько слов о моих встречах с Исааком Давидовичем. Я общаюсь с ним постоянно - в письмах, которые берегу, по телефону. Раньше бывал в Петербурге довольно часто, но сейчас - из-за дороговизны проезда, гостиниц - личные встречи стали более редкими. Я по-прежнему посылаю ему на отзыв все, что выходит из-под моего пера, и его советы, ценные замечания, а при встречах - захватывающие рассказы и воспоминания из жизни выдающихся людей его круга, блестящие афоризмы и каламбуры - все это безмерно обогащает, приподнимает над обыденностью, превращая наше общение в праздник души.

Глава Третья

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

IPNA Compania "Teleradio–Moldova"

DIPLOMĂ

15 ani

de la lansarea primei emisiuni în limba evreiască "IDIŞ LÎBN"

Se decernează
Dlui Sergo BENGHELSDORF

pentru realizarea ciclului de emisiuni "IDIŞ LÎBN" la un înalt nivel profesionist

Preşedintele Companiei *Ilie TELEŞCU*

25 decembrie 2005 *Chişinău*

Серго Бенгельсдорф

КУДА ИДЕШЬ, КЕМТ?

(размышления после гастролей)

К творчеству этого коллектива отношусь с особым интересом. Он родился 1(лет назад в Биробиджане – городе моего детства, которое прошло за кулисам бывшего Биробиджанского ГОСЕТа. Тогда, в далекие послевоенные голодные холодные зимы, мы – дети актеров - собирались каждый вечер и смотрели подря все спектакли, произнося вместе с актерами каждую реплику и разыгрывая пере своими родителями только что виденное на сцене. Отлично помню репертуар тог театра – профессионально сильного, костяк которого составляли воспитанник С.М.Михоэлса, приехавшие за несколько лет до войны всем курсом в Биробид жан. В афишу театра входила еврейская, западно-европейская и русская классика пьесы советских авторов, в том числе биробиджанских. До сих пор стоят пере глазами сцены потрясшей меня тогда трагедии Самуила Галкина «Восстание в гет то», отчетливо вижу полные юмора и веселья картины похождений Гершеле из Ос трополья, пропитанные народной мудростью и глубиной, «смехом сквозь слезы пьесы Шолом-Алейхема «Тевье-молочник», «200000» …

Печальна судьба Биробиджанского ГОСЕТа. Вслед за Московским, в годы куль та личности он был закрыт, а его актеры разбрелись кто-куда по белому свету. вот, почти через 30 лет, в Биробиджане рождается Камерный Еврейский Музы кальный театр, рождается ярко, дерзко, броско. Но, несмотря на шумный успе первых представлений, несмотря на широковещательные заявления бывшего ху дожественного руководителя Ю.Шерлинга о «театре психологических крайнос тей», у меня - близко знакомого с национальным еврейским театром – еще во вре мя первых гастролей КЕМТа в Молдавии в 1982 году возникло противоречиво чувство. С одной стороны, несомненная одаренность молодых участников труппы с особой силой проявившаяся в спектакле «Ло мир алэ инэйнэм». А с другой … Сразу же насторожила безудержная самореклама Ю.Шерлинга в шикарных про спектах к спектаклям, которую бы себе не позволили ни Станиславский, ни Михо элс, ни Товстоногов, ни Эфрос. Налет авантюризма ощущался и в поверхностном подходе к национальным традициям, к культурному наследию еврейского театра литературы, к еврейскому слову. Ну как можно было судить, например, об опере мистерии «Черная уздечка для белой лошади», если ни одно слово не было понят но из-за плохой дикции исполнителей? Как пример невежественного отношения языку можно привести имя, данное автором либретто И.Резником главному геро оперы. Жаргонное выражение «а иц ин паровоз! (подумаешь!)» присваиваетс праведнику, страдальцу за народное дело, проповедывающему братство, человеч ность, любовь к ближнему. Пожалуй, большей бессмыслицы трудно придумать.

Таким же «ляпом» представлялась и пародия на песню “Майн штэтэлэ Белц” самом лучшем спектакле тех гастролей “Ло мир алэ инэйнем”. Эта песня - проник новенный рассказ о малой Родине (недаром название городка часто меняется в за

висимости от географического рождения исполнителя), о родном доме, о ностальгии по всему ушедшему с детством, о щемящей до боли любви к родному краю. И эту песню постановщики превращают в пародийное танго, высмеивающее жизнь обитателей прежних местечек.

Конечно, сам иронический показ портняжек, сапожников, извозчиков, местечковых "людей воздуха" (на чем построен весь второй акт спектакля), возражений не вызывает. Тем более, что это было сделано впечатляюще театрально при помощи сценических масок (художник Г.Колманюк). Но причем тут "Майн штэтэлэ Белц"?

Определенную неудовлетворенность вызвала репертуарная афиша первых гастролей. Хотя Ю.Шерлинг в одном из своих интервью заявлял, что творческое лицо театра будет определяться синтезом драмы, балета и оперы в каждой постановке, но первыми спектаклями КЕМТа были рок-опера ("Черная уздечка ..."), фольклорное ревю ("Ло мир ...") и балет в чистом виде ("Последняя роль"), никакого отношения к еврейскому национальному искусству не имеющий.

И все-таки, глядя на молодых, поистине синтетически одаренных актеров с прекрасной пластикой и хорошими вокальными данными, глядя на стремительно броскую театральную форму, особенно в "Ло мир алэ...", где Ю.Шерлингу удалось вылепить по-настоящему экспрессивный пластический образ спектакля, развернув каждую народную песню в жанровую сцену, глядя на яркое, красочное решение костюмов Г.Колманюк и слушая великолепные, выраженные современным музыкальным языком обработки народных песен М.Глузом, верилось, что у КЕМТа большое будущее, что недостатки, о которых шла речь выше, это издержки роста, поиска своего лица.

И залогом такой надежды была талантливость труппы - небольшой, мобильной, где каждый актер выступал в одном эпизоде спектакля певцом-солистом и тут же прекрасно танцевал в кордебалете, где дух студийности, увлеченности общим делом торжествовал на каждом представлении.

Прошло пять лет. За это время биробиджанцы объездили с гастролями всю нашу страну, побывали неоднократно за рубежом, везде встречая (судя по прессе) теплый прием, заинтересованность музыкально-театральной общественности. Но вот последнему приезду в Молдавию предшествовали два события, опять всколыхнувшие те же чувства, возникшие во время предыдущих гастролей театра. Первый в истории Центрального телевидения СССР показ лучших номеров из спектаклей Камерного еврейского театра, несомненно "подогревший" интерес в Молдавии к предстоящим гастролям, и вместе с тем, почти разгромная статья о театре в 21-м номере журнала "Театральная жизнь" за 1986 год, подписанная известным московским режиссером Анатолием Кордунером. Журнал "Советиш Геймланд" перепечатал на идиш эту статью и дал соответствующий комментарий, под которым автор этих строк готов подписаться двумя руками. Конечно, облегченность рассуждений Кордунера о языке идиш, его неосведомленность о наличии еврейских театров в

Польше, Румынии, передвижных труп на идиш в США, Израиле свидетельствуют, что автор достаточно далек от еврейства вообще и от еврейской театральной культуры в частности. Трудно с ним согласиться и по поводу отлучения КЕМТа от статуса "музыкальный театр". Если "Тум-балалайка" действительно развивается по драматургии эстрадного концерта, то и первая рок-опера "Черная уздечка для белой кобылицы", и "Ло мир алэ инэйнем", и конечно же, мюзикл "Тевье из Анатовки" опираются как на музыкальную, так и на сюжетную драматургию со сквозным развитием, эти спектакли, где музыка играет главенствующую роль, выстроены по всем законам музыкального жанра.

Что совершенно справедливо в статье Кордунера, это проблема камерности театра, выступающего в огромных залах и дворцах спорта, это - плохой идиш, это - слабая опора на богатые традиции еврейского театра, и разговор об этом впереди.

Из трех названий, представленных в последней гастрольной афише, лучшим на мой взгляд, визитной карточкой театра остается "Ло мир алэ инэйнем". Здесь счастливо найдено Михаилом Глузом музыкальное "зерно" постановки - мелодия народной песни, по которой назван спектакль, проходящая лейтмотивом через всю музыкальную ткань. Мастерски трансформируемая автором музыки в зависимости от сценических ситуаций, эта мелодия создает прочную музыкальную основу спектакля, цементируя его. Фольклор, по современному осмысленный и композитором, и режиссером, и художником, придавших спектаклю стилистическое единство, высокий профессионализм - вот слагаемые непреходящего успеха "Ло мир алэ инэйнем".

И все-таки, кроме вышеупомянутого нетактичного цитирования "Майн штэтэлэ Белц", хотелось бы сделать еще одно принципиальное замечание. Обрамляя постановку мелодией "Ло мир алэ инэйнем" в звучании оркестра и хора, придающих этой песне трагическую окраску, подкрепленную выразительнейшей скульптурной мизансценой в багровом освещении, театр всеми художественными средствами призывает: "Все вместе встанем против войны, против ужасов геноцида". Но этот высокогуманный призыв, ясно читаемый на сцене, входит в противоречие с бытовым текстом "Ло мир алэ инэйнем тринкен абисэлэ вайн" ("Давайте все вместе выпьем немного вина"), который совершенно не подходит к данной ситуации. Думается, что это опять же идет от несерьезного, поверхностного отношения к тексту, литературе, которая является во истину "ахиллесовой пятой" в следующем спектакле, показанном КЕМТом в Кишиневе - в "Тум-балалайке".

Это "музыкальное представление" (так назвал театр жанр спектакля) во многом перекликается с предыдущей постановкой. И здесь, и там взяты за музыкально-драматическую основу обработки народных песен с их театрализацией, а несколько мотивов - "Лехаим" и "Фрейлэхс" - заключительный танец - перенесен из одной постановки в другую. И здесь, и там в драматургии господствует принцип контрастного сопоставления песен - грустных и веселых, лирических и жанровых. И названия обоих спектаклей идут от названия народных песен, которыми

предваряются и завершаются представления. Но если "Ло мир алэ...", несмотря на отсутствие литературного сюжета, монолитен, как бы вырублен из одной породы, его "Тум-балалайку" можно определить по жанру, как театрализованный концерт, а по характеру обработок песен и стилю исполнения - как эстрадное шоу. Как говорится, любые жанры хороши, кроме скучного, но вот попытка авторов постановки - режиссера А.Левенбука и писателя А.Хайта - объединить песни при помощи разговорных реприз в единое целое, вызывает решительный протест из-за слабой литературной основы. Достойно сожаления, что такой мастер комедийного цеха как Аркадий Хайт (достаточно вспомнить сценарий "Приключения Кота Леопольда", за который он получил Государственную премию СССР) оказался автором дешевых "хохм", рассчитанных на вкус стародавних местечковых жителей. (Этим же грехом кстати страдает и автор литературного текста для биробиджанского ансамбля "Фрейлэхс" А.Братов). Похоже, что литераторы, пишущие для еврейских театральных коллективов, забывают, что на улице уже конец 20 века, что местечки и их жители уже отошли в прошлое, а значительная часть прослойки еврейского населения СССР это интеллигенция - врачи, учителя, инженеры, музыканты, на интеллектуальный уровень которых писатели и должны рассчитывать. Вкус явно подводит авторов и в заигрывании с публикой на странной смеси идиш и русского языка (что стоит только первый выход ведущего с обращением - "Шолом-Алейхем, дорогие друзья!" или разучивание с публикой еврейского языка со словечек "хохма", "зусман" и т.д. и в "разъяснениях" на русском языке содержания таких песен, как "Кузина", "Ой, мамэ, шлог мих ныт", "Тумба -тумба" и др. А ведь вместе с тем, поэтичные переводы на русский язык "Ой, дортн-дортн", "Фрайтик аф дер нахт", "Афн припечек", предваряющие эти песни и органично ложащиеся на музыку, показывают путь, по которому должен строиться весь спектакль). Можно было продолжить список претензий к авторам "Тум-балалайки" в отношении режиссуры, которая почти отсутствует, весьма спорной хореографии, но хочется сказать и о том, что привлекает в этом спектакле. Прежде всего - авторские песни Михаила Глуза. Как говорил великий Шолом-Алейхем - "талант, что деньги, если он есть, то он есть". У Михаила Глуза тесно переплелись способности композитора, аранжировщика и исполнителя. За лучшие аранжировки он был удостоен в 1978 году "Гран При" на Международном конкурсе в Токио. В "Тум-балалайке" М.Глуз поет, аккомпанируя себе на рояле, две песни - "Уходит гетто в облака" и "Молитву", поет кровью сердца, с таким глубоким чувством, что не оставляет никого равнодушным в зрительном зале. Надо здесь отдать должное М.Глузу и как блестящему аранжировщику народных песен, и музыкальному пародисту, хотя иногда его бурной фантазии и остроумной изобретательности изменяет чувство меры, например, когда он монтирует в "Кузину" знаменитый "Чардаш" Монти или в оригинальное поппури "Куплеты Тореадора" из "Кармен".

Отличительная черта "Тум, балалайки" - постоянное звучание "живой" музыки. Фонограммы, используемые во всех остальных спектаклях КЕМТа, отрицатель-

но влияют и на звук, и на восприятие текста, когда соотношение между поющим актером и механическим аккомпанементом часто в пользу последнего. Здесь же всех семь участников хорошо слышно, они доносят каждое слово и при этом себе аккомпанируют, профессионально играя на различных музыкальных инструментах. Все это обогащает и звуковую, и зрительную палитру спектакля, превращая музыку в "царицу бала".

Интернациональный характер "Тум-балалайки", доступный для любой аудитории, идея дружбы людей, дружбы народов, особенно ярко проявленная в финале - "букете" мелодий разных стран и наций, наконец, захватывающее исполнение всех участников актерского ансамбля - Ирины Климовой, Раисы Уманской, Всеволода Гусейнова, Виктора Маркевича, Александра Полищука и Якова Явно - все это в значительной мере компенсирует указанные выше недостатки.

О солисте Якове Явно следует сказать особо. Автору этих строк довелось посмотреть две "Тум-балалайки". И первый спектакль, в отсутствие заболевшего Я.Явно, по своей эмоциональной "температуре" был на несколько градусов ниже второго. Обладая красивым баритоном, искренностью чувств, превосходной пластикой, этот певец-актер - главный "заводила" в "Тум-балалайке", душа всего актерского ансамбля.

О том, что Я.Явно на сегодняшний день является лидером труппы, свидетельствует, что на него одного, из расчета его актерской индивидуальности был поставлен последний из показанных в Кишиневе спектаклей КЕМТа - "Тевье из Анатовки". Эта "современная опера" (так назван жанр спектакля постановщиками) создана по мотивам известной повести Шолом-Алейхема и мюзикла американского композитора Джерри Бока "Скрипач на крыше". По сравнению с литературным первоисточником в мюзикле произошло много изменений - исчезли некоторые важные сюжетные линии, связанные с судьбами дочерей Тевье и его жены Голды, да и сам образ Тевье значительно трансформирован. Взяв за основу музыку Дж.Бока, Михаил Глуз добавил здесь и свой оригинальный музыкальный материал, расширив лирическую сферу спектакля, усилив в нем, благодаря сочинению новых ансамблей, оркестровых эпизодов, оперное начало. И потому судить о "Тевье из Анатовки" нужно не по повести Шолом-Алейхема, а по законам жанра, который предлагается.

Следует признать, что при всех своих недостатках, "Тевье из Анатовки" - настоящий театр, опирающийся на прекрасную литературу великого писателя, на развитие сюжета, сквозного движения, действия, характеров. Здесь много яркой запоминающейся музыки, среди которой великолепные хоры, дуэты, сольные эпизоды у певцов.

Много фантазии и изобретательности привнес режиссер и хореограф Ю.Шерлин в решение спектакля. Это прежде всего сказалось в организации темпо-ритма, в выпуклости и выразительности рисунка мизансцен, в массовых сценах, среди которых просто незабываем финал первого действия - праздник субботы. Здесь надо

тдать должное и художнику Сергею Бархину, с большим вкусом и оригинальнос-
ью сочинившему сценографию оперы.

Перед Яковом Явно в заглавной роли стояла очень серьезная задача. Что греха
аить, после Михаила Ульянова, сыгравшего в спектакле Центрального телевиде-
ия роль Тевье с глубочайшим проникновением в мир народного мудреца и фи-
ософа, трудно воспринимать кого-либо другого в этом образе. Конечно, у Явно
Тевье совершенно иной. В музыкально-сценических жанрах характер герою, ритм
его действию задает музыка, музыкальная драматургия. И здесь она диктует ис-
олнителю роли Тевье бóльшую жизнерадостность, подвижность, по сравнению
литературным первоисточником. Тевье у Явно прекрасно двигается, танцует, его
тличные вокальные и пластические данные проявляются и в шутливых купле-
ах "Если бы я был Ротшильдом", в трогательном дуэте с Голдой "Любишь ли ты
еня, Голда?", в других сценах. Что особенно ценно у Я.Явно в этом спектакле,
тличающим его от других исполнителей - это сочный литературный язык с ха-
актерной интонацией, придающей герою подлинные национальные черты. Над
бразом Тевье с актером плодотворно поработала режиссер-педагог театра Мария
Котлярова. Воспитанница бывшего Московского ГОСЕТа, она старается передать
олодым актерам КЕМТа традиции советского еврейского театра, заложенные ве-
иким Михоэлсом.

Из других участников актерского ансамбля хотелось бы отметить обладательни-
у красивого сопрано Д.Милюн в роли Цейтл. Создав трогательный образ нежной
очери, любящей девушки, она и виртуозно исполняет очень трудную вокальную
артию.

Говоря о недостатках спектакля, прежде всего хотелось бы выяснить, куда ис-
ез "Скрипач на крыше"? Этот чрезвычайно важный пантомимический персонаж,
бъединяющей всё действие, в честь которого и был назван американский мюзикл,
олицетворяющий музыкальность, лиричность еврейской души, заявлен в програм-
ах КЕМТа. Но, к сожалению, в Кишиневских спектаклях на сцене он не появил-
я. Что это? Пренебрежительное отношение к гастролям на переферии, где все и
ак сойдет?

Далее. Ю.Цивцивадзе в образе студента Перчика явно переигрывает. Его чере-
ур свободная, если не сказть развязная манера игры, комикование на сцене не со-
тветствует созданию сильного характера революционно настроенного юноши. О
ом, что такой характер есть не только в повести Шолом-Алейхема, но и сохранён
в опере, свидетельствуют лейтмотив "Отречемся от старого мира", пронизываю-
щего всю партию Перчика.

И, наконец, самый серьезный упрек - плохой еврейский язык и в смысле куль-
туры речи, и подачи текста, и интонации, и дикции. Здесь можно согласиться со
статьей Кордунера, что "труппа языком не владеет, что он (еврейский язык) крайне
невыразителен, в нем затушевались особенности произношения, и что самое глав-
ное, мелодия и интонационный строй языка". В чем же причина такого положения

с языком у артистов труппы не только в "Тевье из Анатовки"? Казалось бы, в КЕМ-Те есть специальный педагог по языку А.Герцберг и упомянутый уже режиссер-репетитор М.Котлярова, занимающаяся с молодыми артистами.

Думается, что все беды КЕМТа и в отношении языка, и в затянувшемся становлении труппы, уже отметившей свое десятилетие, и в крайне малом количестве спектаклей, поставленных за это время, и в отсутствии в репертуарной политике стержневой линии идут, как это ни парадоксально, от избалованности артистов труппы "бешенным" успехом, с которым проходят выступления театра во всех городах нашей страны и за рубежом. Зачем совершенствовать язык, сценическую культуру, чаще выпускать новые спектакли, вести поиски в жанре камерного музицирования, чтобы оправдать название своего театра, искать свое лицо, когда в огромных Дворцах при аншлаговых сборах (в Кишиневе КЕМТ за две недели дал в самом большом дворце республики "Октомбрие", вмешающем 1800 зрителей, пятнадцать спектаклей при полных залах) проходят почти все выступления КЕМ-Та. Театр как бы "паразитирует" на огромном интересе к еврейской культуре, к еврейскому театру, связанном с периодом тридцатилетнего вакуума в этой области. И не столько заслуги театра, сколько желание утолить такой продолжительный "голод" со стороны еврейского населения нашей огромной страны держит КЕМТ на гребне успеха.

Если появятся у КЕМТа конкуренты (а дело идет к тому, что в республиках с компактным еврейским населением будут созданы национальные коллективы), если труппа не будет совершенствоваться, уверен, что со временем он начнет терять свою аудиторию. Молодому коллективу еще нужна хорошая "школа", которая заключается в постижении лучших образцов еврейской театральной классики. Опора на классику, пусть и в жанре мюзикла или рок-оперы, к чему тяготеет театр, разработка новых тем и идей, отражающих наше интересное, насыщенное драматическими событиями время, вот путь, где театр ожидают и открытия, и успехи.

ТЕВЬЕ ГОВОРИТ ПО-ГРУЗИНСКИ

В нашей республике проходят гастроли Тбилисского государственного музыкального театра имени В. Абашидзе. Сегодня разговор о спектакле «Скрипач на крыше» по повести Шолом-Алейхема «Тевье-молочник».

САМОЕ первое впечатление - вам преподнесли дивный музыкальный венок из еврейских, русских, украинских мелодий. И, конечно, непередаваемо колоритных грузинских. Но это, как говорится, верхний слой. А в глубине повести Шолом-Алейхема и мюзикла грузинского коллектива - тема интернационализма и национальных предрассудков, приобретшая особую остроту в монологах философа и деревенского мудреца Тевье, в его бурной сцене с дочерью Хавой, собравшейся выйти замуж за русского парня, и в трагическом финале, когда вся семья Тевье по

решению царских властей выселяется из насиженного «гнезда». По сравнению со знаменитым литературным первоисточником в мюзикле произошли определенные изменения, но, перейдя в другой жанр (а именно по законам этого жанра нужно судить о «Скрипаче на крыше»), бессмертная повесть Шолом-Алейхема приобрела новые краски, иной эмоциональный настрои. Массовые сцены, на мой взгляд, оказались самыми сильными в спектакле. Это - кульминация первой картины - праздник Субботы, когда вся нищая Анатовка молит всевышнего о маленьком счастье для себя, своих детей и близких. Это сцена свадьбы Цейтл и Мотла, где мощным потоком струится одна из самых дорогих для автора мысль: счастье не в богатстве, а в любви. Наконец, это прекрасный финальный хор «Лехаим» («За жизнь»), где народ, переживающий трагедию, не опускает руки, а сплачивается, сознавая, что только тогда он непобедим.

И здесь надо отдать должное режиссеру - народному артисту СССР Г. Лордкипанидзе, нашедшему безусловно верный ключ к решению спектакля: для него не меньшую роль, чем главное действующее лицо, играет коллективный «герой» - люди местечка. Они все разные и показаны с большой степенью этнографической достоверности, с любовью и юмором. Они постоянно присутствуют на сцене, то наблюдая за происходящим, то активно вмешиваясь в действие. Уже возникающая в самом начале «Скрипача на крыше» живая «картинка» - образ селения - задает тон всему спектаклю. Ветхие избушки, жмущиеся друг к другу. На соломенной крыше появляется музыкант со скрипкой - символ народной души, народной судьбы. Художник Ю. Гегешидзе, создав овальную панораму нищего, забитого местечка, превращает халабуды то в подворье бедного Тевье, то в его спальню, то в корчму, сохраняя при этом стилистическое единство оформления и повествования.

Добрых слов заслуживают и другие соавторы спектакля - дирижер П. Давиташвили, балетмейстер Г.Одикадзе, хормейстер А. Гануграва. Оркестр театра звучит мягко и эмоционально. Пожалуй, только в свадебном эпизоде во время пения Цейтл оркестра было чуть больше. Прекрасно звучал кларнет В.Киселева, исполнившего соло в «Фрейлехс». Этот танец представляется как один из самых запоминающихся эпизодов мюзикла. Поставленный с фантазией и вкусом, так же, как и русский танец из первого действия, он нашел в лице артистов балета театра темпераментных, зажигательных исполнителей.

Так уж случилось, что при нескольких просмотрах спектакля автор этих строк попадал на один и тот же состав исполнителей. Это, конечно, помешает обзору актерских возможностей труппы, но могу с уверенностью сказать: в Тбилисском музыкальном театре довольно крепкая в профессиональном отношении группа солистов. Правда, драматическое искусство грузинских артистов, пожалуй, за исключением исполнителя партии Тевье В.Бегалишвили, стоит выше вокального. Скромные вокальные данные большинства солистов в какой-то мере компенсируются их музыкальностью, органичностью сценического поведения, выразительной пластикой, но музыкальному театру, каковым является театр имени В. Абашидзе,

следует, на наш взгляд, уделять больше внимания поиску ярких солистов-вокалистов.

Говоря о В.Бегалишвили, прежде всего хотелось бы отметить отличное звучание его баритона в чисто музыкальных номерах - в юмористических куплетах «Если бы я был Ротшильдом», в лирическом дуэте «Любишь ли ты меня, Голда?» (партию Голды, жены Тевье, очень ровно исполнила Т. Мерквиладзе), в драматических дуэтах с дочерьми Цейтл (М. Лордкипанидзе), Годл (М. Цагарели), Хавой (М Джохадзе). Здесь убеждает все - и вокал, и сценическая игра. В разговорных же эпизодах артиста захлестывает темперамент, и здесь он больше продавец молока нежели народный мудрец и философ.

Запомнилась Н.Миндиашвили, создавшая гротескный, полный юмора образ сводницы и сплетницы Енты. Ее исполнение вызвало горячие аплодисменты зрителей. И о них, зрителях, хотелось бы сказать особо. К сожалению, яркий спектакль гостей из Грузии проходил в полупустом зале. То ли июльская жара тому причиной, то ли попросту плохая реклама. Ну, а если кого-нибудь смущает, что Тевье говорит по-грузински, то, поверьте, при радиофицированном синхронном переводе становится понятным каждое слово. А главное - понятен язык музыки - прекрасной, вдохновенной музыки Джерри Бока, которая победоносно прошествовала по десяткам стран мира.

Так что, если вы хотите узнать, о чем поет скрипка у скрипача на крыше, приходите на спектакль. Не пожалеете.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВАДИМА МУЛЕРМАНА

Любители эстрады старшего и среднего поколения наверняка помнят: во второй половине шестидесятых, начале семидесятых годов наряду с Эдитой Пьехой, Майей Кристалинской, Иосифом Кобзоном, Львом Лещенко, Эдуардом Хилем блистал на театральном небосклоне и Вадим Мулерман. Созданный им образ «свойского парня», стройного, худощавого, с ослепительной улыбкой, покоряющего публику и красивым звучным баритоном, и свободной раскованной манерой сценического поведения, обладающего вместе с тем и изысканным вкусом не в пример нынешним «королям» рок-музыки, - все это живо в моей памяти. У Мулермана и отличная профессиональная база, он окончил два вуза - Харьковскую консерваторию - как певец и ГИТИС - как режиссер, что позволяло ему режиссировать и искусно выстраивать свои программы.

И вдруг (как нередко случалось в застойные годы) имя певца, одного из первых среди эстрадных звезд получившего звание заслуженного артиста РСФСР, исчезло с концертных афиш, телевизионных экранов, газетных страниц. Ходили упорные слухи, что Мулерман эмигрировал, процветает на Западе, «зашибая бешеную деньгу». И вот недавно неожиданно появляется в Кишиневе афиша, извещающая о

том, что Вадим Мулерман приезжает в наш город в качестве исполнителя и художественного руководителя «Современного театра еврейской песни» с программой под названием «Возвращение». Хочу сразу разочаровать любителей сенсаций: Мулерман никуда из своей страны не уезжал, он продолжал работать в Госконцерте, выступая в небольших городах родной державы, а имя его настойчиво замалчивали чиновники от культуры - «кабычегоневышлисты», запретившие петь то, что было по душе певцу. И это тоже было характерно для не столь отдаленных времен.

Сам Мулерман весьма остроумно, с юмором обыгрывает в спектакле слухи о своем исчезновении. Включается магнитофонная запись, звучащая через динамик, с пульсирующим метрономом, со стуком пишущей машинки, с вещим голосом диктора: «Информация для размышлений, информация без размышлений, размышления без информации». Это несет сатирическую нагрузку и метко стреляет по бюрократам от искусства, по обывателям и мещанам, смакующим сплетни, домыслы. Вообще дух сатиры - один из ведущих элементов спектакля «Возвращение». Он особенно ярко проявляется в песне «Назло антисемитам», в куплетах на популярный мотив Дунаевского из кинофильма «Искатели счастья», в одесских сценах времен нэпа, текст которых в некоторых эпизодах Мулерман заимствовал из «Клопа» Маяковского.

Спектакль достаточно крепко сбит драматургически (сценарий С.Ладыженского), он выстраивается по нарастающей от начала к финалу.

Высокий темп, поддерживаемый на протяжении полутора часов без перерыва - заслуга всего небольшого коллектива театра. Но, бесспорно, душа спектакля, его пружина - Вадим Мулерман. Он по-прежнему элегантен и пластичен, его голос звучит свежо и насыщенно, а манере носить театральный костюм могут позавидовать актеры из театра моды. Но главное достоинство Мулермана - его способность по-режиссерски выстроить каждую песню, превращая ее в театрализованную сцену, вовлекая в действие всех участников музыкальной группы «Ребята с Арбата», аккомпанирующих певцу, а также и публику в зрительном зале. «Ребята с Арбата» - отличные музыканты (достаточно вспомнить их яркое и сочное исполнение попурри из еврейских мелодий), но они одновременно и люди театра, постоянно подпевающие, подыгрывающие Мулерману, создающие не только музыкальный, но и зрительный ряд спектакля.

Спектакль «Возвращение», благодаря увлеченности исполнителей, их мастерству, прошел с большим успехом, был тепло принят кишиневцами. И все-таки, думается, называть этот коллектив театром еврейской песни пока рановато. Пока, потому что он совсем недавно создан при Росконцерте, и гастроли по Украине и Молдавии - его первые шаги. Театр есть, а вот еврейских песен, как это ни парадоксально, до обидного мало. В.Мулерман поет большинство песен на еврейскую тематику по-русски, делая их доступными для интернациональной аудитории. Поет он и несколько песен на иврите, но песен на идиш - языке Шолом-Алейхема и Михоэлса, Льва Квитко и Переца Маркиша - явно не хватает.

Серго Бенгельсдорф

Не секрет, что после разгрома в сталинские времена еврейской культуры, после физического уничтожения ее лучших представителей - писателей, деятелей театра, в стране выросло целое поколение, не знающее родного языка, литературы, свои познания в искусстве черпающее в свадебных «Вареничках», «Фаршированной рыбе» и танце «Семь сорок» Сейчас, как будто, наметился поворот в нужном направлении - открылись курсы еврейского языка в Кишинева, Вильнюсе, Риге, городах Украины, рождаются театральные коллективы. Но, как известно, разрушать - не строить, и процесс восстановления представляется довольно долгим и трудным. И конечно, большая ответственность лежит на людях, подвизающихся ныне в сфере еврейской культуры. Почувствовав огромный интерес «изголодавшейся» за 40 лет запретов публики по родному слову, мелодии, в эту область устремились всякого рода халтурщики, авантюристы от искусства, разрабатывающие свою «золотую жилу», раздающие широковещательные заявления. К счастью, к Вадиму Мулерману это не относится, хотя и в его программе есть элемент заигрывания с местечковыми вкусами современных обывателей - включение в репертуар некоторых свадебных «шлягеров», «хохм» из одесско-еврейской жизни. При своем таланте, артистическом и музыкальном даровании певец не должен опускаться до низменных вкусов человека с улицы, чья беда в том, что он долгие годы был лишен настоящего искусства, а воспитывать публику на лучших образцах еврейской музыки, еврейской песни, которые, к счастью, сохранились в нотной записи, в творениях композиторов. И, как правило, наибольший успех в спектакле ожидал певца, когда он прикасался к народным истокам, не потерявшим за годы полного забвения свою неповторимую прелесть.

Еще одна тема, о которой надо помнить. У Мулермана она была только обозначена в трогательной «Песне о сапожнике». Речь идет о фашистском геноциде, о 6 миллионах безвинно загубленных жизней. Недавно весь мир отметил пятидесятилетие «хрустальной» ночи в Германии, положившей начало фашистским погромам. И образ невинных жертв, взывающих к нам из могил - не допустить больше никогда повторения этого кошмара - должен быть всегда с нами. Думается, что мощный трагический мотив способствовал бы усилению эмоционального начала спектакля, внес бы яркую контрастную краску в программу В.Мулермана.

И последнее. На мой взгляд, пронзительное стихотворение А.Галича «Когда я вернусь...», взятое певцом в качестве эпиграфа к спектаклю, не стыкуется со всем содержанием программы. В основном, радостное, полное света и веселья возвращениие певца на концертную эстраду вступает в противоречие с потрясающим по своей трагичной безысходности стихами замечательного поэта.

В беседе со мной Вадим Мулерман сказал, что по просьбе кишиневцев он вскоре снова приедет с гастролями в наш город. Хочется верить, что критические замечания, нисколько не умаляющие заслуг известного певца и его коллег, будут способствовать становлению нового интересного коллектива - «Современного театра еврейской песни».

Серго Бенгельсдорф

НАЧАЛО ПУТИ

Недавно довелось прочитать в журнале «Огонек»: «Когда тебе долго затыкают рот, а потом, наконец, разрешают говорить, происходит вот что: или ты не знаешь, что сказать, или говоришь очень много...» Сейчас на «улице еврейского искусства» говорят очень много. Кто бы мог подумать еще несколько лет назад, что кишиневские поклонники еврейской музыки будут разрываться в один вечер между концертными залами, где одновременно гастролировали два еврейских коллектива; что в прошедшие с начала года несколько месяцев в Кишиневе и других городах Молдавии не было недели, чтоб не проходили еврейские концерты или спектакли.

КОНЕЧНО, радует, что лишенные со страшных сталинских времен своего искусства, своей культуры, люди, наконец-то, могут утолить жажду, прикоснувшись к роднику родной музыки, родного слова. Но, признаюсь, уже в преддверии некоторых концертов настораживали «громкие» афиши, отличающиеся, скажем деликатно, отсутствием скромности, дурным вкусом, а иногда и просто элементарной безграмотностью.

Как ни горько сознавать, в стране выросло не одно поколение, не знающее родного языка, литературы. И потому большая ответственность в возрождении языка идиш должна лежать на людях, подвизающихся ныне в сфере еврейской культуры.

В этом плане похвалы заслуживает коллектив, созданный в Кишиневе Анной Гинзбург. Сценическое обаяние, музыкальность, отличное владение еврейским языком этой эстрадной певицы-актрисы, весь вечер держащей в своих руках пульс концерта, способствует популярности коллектива и в столице республики, и в других ее городах. Но и тут... от громкого названия его «Вундер» («Чудо») отдает излишней саморекламой. Что касается другого коллектива, созданного в Кишиневе Самсоном Кемельмахером, то уже первая афиша, с которой автор этих строк столкнулся на гастролях ансамбля в Бельцах, насторожила и отвернула... от порога театра своей безграмотностью. Вместо «идише лид», что означает «еврейская песня», прочитал в афише - «идишилид», что в переводе на русский язык звучало бы приблизительно так: «еврейскояпесня». А ведь театр начинается с афиши.

Недоумение и внутренний протест вызывает присвоение своего имени (видимо, в подражание Алле Пугачевой) театру московской исполнительницей Александрой Горелик, так как дистанция между этими театрами огромна. В свой первый приезд в Кишинев этой певице удалось собрать на свои концерты большую аудиторию среди «изголодавшейся» за многие годы запретов еврейской публики. Но уже тогда отмечалось, что несмотря на интересный репертуар, на отличный состав музыкантов-инструменталистов, возглавляемых способным пианистом и композитором, автором оригинальных обработок еврейских народных песен Виктором Лензоном, творческий потенциал самой исполнительницы песен уступает возмож-

ностям ее коллег. Скромные вокальные данные артистка пытается компенсировать театрализацией песен. Но отсутствие профессиональной режиссуры, неорганичная пластика (особенно это относится к рукам ее, которые как бы живут на сцене сами по себе, не соотносясь ни с музыкой, ни с действием), не дают возможности проявить себя актрисе и с этой стороны. Публика в Кишиневе без энтузиазма встретила повторный приезд А.Горелик, чьи концерты прошли в полупустых залах…

Коль уж о приезжих коллективах речь, хочется сказать и еще об одном. Странное впечатление оставил московский театр «Эрмитаж», показавший в Кишиневе переведенную на русский язык и язык театра повесть классика еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорима «Путешествие Вениамина Третьего в Святую Землю». Странное, потому что камерный состав участников спектакля при камерной сценографии (художник В. Фомин), символически передающей образ местечка Тунеядовки и всего еврейского мирка черты оседлости, почему-то выступал в огромном Дворце «Октомбрие», на огромной сцене которого потерялись и сценография, и эти пять актеров, и сама камерная атмосфера дивной повести Менделе-Книгоноши (так переводится «Мойхер-Сфорим») о еврейском Дон-Кихоте и его верном слуге. Расстроил и язык спектакля - смесь идиш, иврит и русского. Уж коль спектакль объявлен в переводе на русский язык, то надо соблюдать и текст, и чистоту языкового стиля, тем более, что театр «Эрмитаж» - русский театр. Всем памятна прекрасная постановка «Тевье-молочника» на русском языке с Михаилом Ульяновым на Центральном телевидении. В прошлом году в Кишиневе гастролировал театр из Тбилиси, показавший мюзикл «Скрипач на крыше» по той же повести Шолом-Алейхема на грузинском языке. Все это доставляло чувство радости: творчество великого еврейского писателя звучит на разных языках! Но когда слышишь фразы на идиш, которые затем артисты произносят на русском языке, то воспринимаешь это как дешевое заигрывание с публикой. Приходится сожалеть, что одаренный и сценически, и вокально коллектив «Эрмитажа» в погоне за «золотой жилой» (иначе трудно объяснить аренду зала «Октомбрие» для камерного спектакля) потерпел в Кишиневе фиаско, растерял публику...

Мне могут возразить, что еще не время «бросать камни». Нужно быть довольным, что еврейская культура перестала замалчиваться, что люди еврейской национальности могут как-то удовлетворять свои культурные запросы. Но вот в какую сторону пойдет развитие этой культуры? Останется ли она на уровне свадеб, которые на протяжении 40 лет были единственным «концертным залом», где звучала национальная музыка и слышалось родное слово, и где еврейская молодежь получала свое «эстетическое» воспитание в области культуры, или евреи, давшие миру столько крупных писателей, музыкантов, певцов, актеров, смогут возродить и поднять свою культуру на уровень, достойный любой из советских национальных культур - об этом надо думать уже сегодня.

И в плане размышлений на тему еврейского профессионального искусства, об-

надеживающими показались недавние концерты в Молдавии солистки Московской областной филармонии певицы Марины Бухиной и пианиста Давида Ашкенази. При самых скромных «музыкальных инструментах» - человеческом голосе и рояле - этим исполнителям удалось достигнуть впечатляющего воздействия на аудиторию в Кишиневе, Тирасполе, Оргееве, Бендерах - везде, где побывали московские артисты. Думается, что в основе их успеха лежат два непреложных в искусстве атрибута - талант и высокий профессионализм. И если талант, как говорил Шолом-Алейхем, «как деньги, когда он есть, тогда он есть», то профессионализм Марины Бухиной заключается в отличной вокальной школе, полученной в Ростовском институте искусств, благодаря которой она наряду с еврейской музыкой поет западноевропейскую и русскую классику, оперные арии и романсы. Ее большой и красивый голос, актерское дарование, которое она оттачивала в годы работы в Камерном еврейском музыкальном театре, позволяют ей создавать вокально-театральные миниатюры, где зримо видны характеры: местечковая бой-девица, хитроумный раввин, несчастный мальчик-продавец папирос... И еще одно качество хотелось бы отметить М.Бухиной - чувство национального колорита. Это проявляется прежде всего в шуточных народных песнях-сценках.

Несомненно, драматически осмысленное пение, прекрасный еврейский язык связаны у М.Бухиной с занятиями с опытным педагогом-репетитором, старой еврейской актрисой бывшего московского ГОСЕТа Марией Котляровой, ученицей великого Михоэлса. Так что певице повезло дважды. Вторым ее учителем и соавтором концерта можно считать пианиста Давида Ашкенази - большого мастера, известного в нашей стране концертмейстера.

До сих пор в статье шла, в основном, речь о московских гастролерах. Но ведь у нас в Молдавии живет и трудится большой отряд композиторов, писателей, артистов, музыкантов, могущих внести заметную лепту в развитие еврейской культуры в масштабах не только нашей республики, но и всей страны. Подтверждение тому - недавно состоявшийся в Кишиневе, в зале Союза писателей литературно-музыкальный вечер, посвященный 130-летию со дня рождения Шолом-Алейхема. Вот где было пиршество языка идиш! На нем старая актриса Евгения Златая из довоенного профессионального еврейского театра, пользовавшегося большой популярностью в Бессарабии и на Буковине, великолепно исполнила шолом-алейхемовский монолог Берла-Айзика. Еврейские писатели И.Шрайбман и Б.Сандлер, поэты М. Лемстер и М. Фельзенбаум читали свои произведения, молодая певица, выпускница Молдавской консерватории Е.Хазина пела еврейские народные песни в талантливой обработке композитора В. Биткина. Чем не готовый литературно-музыкальный концерт под названием «Родное слово, родные напевы»?

Хочется верить, что с созданием в Молдавии Общества еврейской культуры процесс возрождения этой древней, насчитывающей несколько тысячелетий культуры, пойдет в нашей республике более интенсивно, и она займет достойное место в многоцветной палитре национальных культур народов, населяющих Молдавию.

Серго Бенгельсдорф

ПОЭЗИЯ, ПЕСНИ, СПЕКТАКЛИ...

Недавно вспоминал не такой уж далекий 1982 год, когда с ныне покойным народным артистом Молдавии, оперным певцом Борисом Раисовым мы подготовили программу еврейской музыки. Единственный концерт, состоявшийся в республиканском Доме актера (больше выступить нам не дали), записало Молдавское телевидение, но, как не трудно догадаться, в эфир передача не пошла. Нам объяснили так: неудобно давать еврейскую музыку в то время, как Израиль ведет войну с Ливаном. Железная логика, не правда ли? И не эта ли «логика», по которой душилось малейшее стремление к развитию своей культуры, нанесла непоправимый вред, вызвав, как протест, огромный рост эмиграционных настроений среди еврейского населения страны.

Вот такие воспоминания и мысли пришли в голову в зале Дружбы на встрече с гостями из Израиля - певцом Габи Берлиным, поэтом Йорамом Тахар-Лева, прозаиком и сценаристом Амосом Эттингером. Да разве можно было бы представить себе такое еще каких-нибудь два года назад? Похоже, что новое мышление уверенно пробивает себе дорогу. Ведь на последнем партийном пленуме по национальному вопросу речь шла о развитии контактов между национальными меньшинствами и гражданами других государств, с которыми их объединяет общее этническое происхождение или культурное наследие. Так что визит израильтян в Кишинев - первая ласточка в установлении таких контактов.

По жанру выступление гостей из Израиля трудно назвать концертом. Это скорей творческий вечер: они рассказывали о себе, о своей стране языком музыки, поэзии, художественной прозы. Конечно, наибольшее впечатление произвел певец-бард Габи Берлин. Не только благодаря красивому, сочному баритону, отличному владению гитарой, сценическому обаянию, позволившему мгновенно установить контакт с аудиторией. Сам язык музыки является наиболее эмоциональным и интернациональным, отметающим языковые барьеры.

Запомнились остроумные, полные изящества оригинальные стихи Йорама Тахар-Лева, автора около 20 книг - поэтических сборников и стихов для детей. Ему принадлежат переводы на иврит песен с разных языков, в том числе множества песен с русского. Вообще, русская тема постоянно присутствовала на этом вечере, Она звучала в выступлении Амоса Эттингера о влиянии в Израиле русской культуры, которую туда принесли еще первые переселенцы из России в начале нынешнего века, в его рассказе о выходце из молдавских Липкан Иешаяну (Шайке) Дане, который в годы второй мировой войны был заброшен на парашюте в Румынию и, благодаря знанию румынского языка, смелости и находчивости, им спасены были сотни людей от газовых камер Освенцима и Треблинки. А как дивно пел Габи Берлин «Синий платочек» - песню времен Отечественной войны.

Думается, что гости из Израиля почувствовали и гостеприимство Общества еврейской культуры МССР, под эгидой которого проходили эти встречи, и теплую ат-

мосферу зрительного зала. Хочется верить, что первый приезд израильских творческих деятелей - это начало постоянных культурных связей между их страной и Молдавией.

В те же дни в зале «Октомбрие» гастролировал Московский еврейский театр «Шалом». И это тоже примета нашего времени - два лучших зала столицы Молдавии были отданы еврейской публике, которая до отказа заполняла их на протяжении всех вечеров гастролей.

Признаюсь сразу, спектакль по пьесе Аркадия Хайта «Поезд за счастьем» (картины еврейской жизни) произвел двойственное впечатление. С одной стороны - он крепко сработан профессионально. И пластическое решение мизансцен режиссером А.Левенбуком, и сценография М.Ушаца, создавших зрительный образ поезда времени, проезжающего через еврейские местечки старой России, а потом и через нашу, современную историю, это - удачно найденная форма спектакля, позволяющая объединить разные по характеру театральные миниатюры в одно целое. Да и сами миниатюры Аркадия Хайта, построенные опытным драматургом по принципу контрастного сопоставления, впечатляют своей литературой - особенно трагические, рассказывающие о кишиневском погроме 1903 года, о трагедии евреев в годы фашизма, о сталинском антисемитском терроре, связанном с «космополитами», «делом врачей»...

Можно было бы отметить и интересную музыкальную композицию Е.Бурда с запоминающейся финальной песней о «бедном, несчастном, прекрасном, никогда не унывающем народе», если бы композитор не опошлил заключительный танец и первого, и второго действия (хореография В.Витолс) кабацкой мелодией «Семьсорок». Неужели в богатейшем еврейском фольклоре нельзя было найти что-то более свежее и оригинальное?

Театр «Шалом» привлекает и своим актерским ансамблем, в котором удачно сочетаются задор, стремительный темп, выразительная пластика молодежи с мастерством, театральным опытом старших коллег по искусству. Но вот что вызывает протест - это язык актеров. Как отмечается в программке, спектакль подготовлен на двух языках - идиш и русском. Думается, что в Кишиневе, городе, где еще многие евреи знают родной язык, спектакль мог бы идти на идиш. Но коль уж дают пьесу по-русски, то утрированное пародирование еврейских интонаций русской речи выглядит, по крайней мере, бестактным.

Все сказанное относится к первому действию спектакля, где обрисован мир дореволюционных еврейских местечек. Что же касается второго действия, захватывающего годы революции, гражданской войны, НЭПа и т. д. вплоть до наших дней, то оно мне показалось растянутым и каким-то обезличенным. В нем начисто исчез национальный колорит, и становилось непонятно, какое отношение это все имеет к национальному театру,

А может быть, виновата не пьеса А.Хайта, а наша действительность, в которой насильственно ассимилированные в сталинскую и застойную эпоху евреи поте-

ряли свое национальное лицо? Хочется верить, что обновление, происходящее в нашей стране, в нашей республике (в частности, закон о развитии, наряду с другими, еврейских языков), будет способствовать росту национального самосознания евреев, возрождению еврейской культуры.

О КОМ КАДЫШ ЗВУЧИТ?

Когда услышал, что Русский драматический театр им. А.П.Чехова собирается ставить «Поминальную молитву» (по-еврейски - «кадыш»), эта весть вызвала и недоумение, и тревогу. Зачем, подумалось, Григорию Горину касаться тени Шолом-Алейхема и писать пьесу по мотивам его произведений, когда великий еврейский писатель сам прекрасно передал то, что хотел сказать людям! Тревога усилилась, когда в Союзе писателей МССР на вечере, посвященном 130-летнему юбилею Шолом-Алейхема, увидел отрывок из «Поминальной молитвы», где роль Тевье-молочника исполнял артист театра Всеволод Гаврилов - молодой, красивый, стройный. Как-то не увязывался в моем представлении трогательный образ умудренного большой жизнью деревенского философа, перенесшего столько горя и страданий, с обликом актера.

На не таком уж коротком веку мне доводилось не раз встречаться с Шолом-Алейхемовским шедевром. Отлично помню интересный спектакль Биробиджанского ГОСЕТа, разогнанного в 1949 году сталинскими опричниками. В свое время посчастливилось увидеть великого Михоэлса в роли Тевье в Московском государственном еврейском театре. И, конечно, всем памятен великолепный образ Тевье, созданный Михаилом Ульяновым. Недавно в этой роли выступил Евгений Леонов в спектакле «Поминальная молитва» в Московском театре Ленкома. К сожалению, по телевидению показали только отрывки из спектакля, но единодушно восторженные рецензии центральной прессы свидетельствовали о грандиозном успехе и актера, и постановщика Марка Захарова, и всей труппы театра.

Так что отправлялся я на кишиневскую премьеру с изрядной долей скепсиса. А уходил, не стыдясь, как и многие зрители, слез печали и очищения.

ЧЕМ же так тронула «Поминальная молитва»? Прежде всего - литературой. То, что сочинил Григорий Горин, невозможно назвать инсценировкой повести Шолом-Алейхема. По словам известного театрального критика М.Швыдкого, «Горин написал полноценную пьесу «по мотивам», развивая некий особый жанр, в котором он выражает свое дарование. Он мастерски перевоплощается в другого писателя и начинает творить в его манере, причем не на уровне имитаторства, но на уровне подлинного озарения».

Сохранив основную тональность человеколюбия и доброты «Тевье-молочника» - этой энциклопедии еврейской жизни в России, его дух и атмосферу, Горин создал новую, современную пьесу, сознательно приблизив к нам, к нашей сегодняшней

жизни героев Шолом-Алейхема. И сцена погрома, отсутствующая у Шолом-Алейхема, когда остервенелая, фанатичная дамочка распаляет всегда живших в дружбе с Тевье соседей - русских и украинцев «бить жидов, распявших Христа», и сцена изгнания из местечка, когда, евреи себе внушают, что «хуже не будет», а Тевье с болью спрашивает «как уйти от дерева, что посадил твой дед, как уйти от родных могил?». Наконец, горький вопрос Лейзера-Вольфа, уезжающего в далекую Америку: «Кому это нужно, чтобы Лейзер-Вольф говорил «Гуд бай»? - все это про нас, нынешних, про наши боли и переживания.

Горин сознательно смягчил социальные акценты, поставив во главу угла общечеловеческие ценности - умение творить добро, любить и сострадать, быть мужественным перед лицом грозных обстоятельств. И потому даже отрицательные герои Шолом-Алейхема - местный «богатей» мясник Лейзер-Вольф, урядник - выписаны Гориным с симпатией и сочувствием. Как будто в пьесе нет отрицательных персонажей, кроме уже упомянутой дамочки. Но ведь рушится счастье простого человека - жить в мире с людьми, воспитывать детей, делать свое дело. Кто в этом виноват? И с высоты сегодняшнего дня, сегодняшних событий кажется, что эта пьеса не только и не столько об евреях и их соседях, а вообще - о нашей стране, где у всех народов общая беда и общая боль. Интернациональный, общечеловеческий мотив мощно усиленный Гориным, по сравнению с первоисточником, стал одним из ведущих и в спектакле театра им. А. П.Чехова.

Уже при входе в зрительный зал привлекает внимание огромный, закрученный в виде свитка Торы суперзанавес, на котором на двух еврейских языках - иврите и идиш, на русском и молдавском написаны вечные библейские заповеди. Но еще до начала спектакля, только взглянув в программку, где фамилии молдаван - режиссера В.Мадана, художника Е.Елицы, артистки Е.Тодорашко соседствуют с русскими фамилиями актеров, сыгравших пьесу об евреях, - подумалось: вот так бы вместе во всем. И когда Тевье отплясывает украинский гопак, а вся Анатовка гуляет на еврейской свадьбе и танцует «фрейлэхс» (балетмейстер А.Бихман) невольно вспоминаешь: «А ведь все это действительно было. Ведь жившие столетиями бок о бок простые люди прекрасно знали языки и обычаи друг друга, делили вместе и радость, и беду. Что же с нами случилось? И уж не по тем ли, ушедшим временам звучит «Поминальная молитва?»

По-моему, в основе успеха спектакля лежит точное попадание в жанр. Театр всеми имеющимися средствами - режиссурой, сценографией, музыкой Вл.Сливинского и Ю.Крупника, удачно подобранным актерским ансамблем - сумел создать удивительно цельный, стройный, гармоничный во всех компонентах спектакль Конечно, разная степень сценического дарования сказывается на воплощении того или иного образа, но общая увлеченность, актерский азарт, коллективный дух этого спектакля позволяют говорить о творческой удаче всей труппы.

Впечатляет пластическое решение «Поминальной молитвы», перекликающееся по рисунку со знаменитыми картинами Шагала о «людях воздуха» - местечковых

бедняках, мечтателях, философах. Здесь можно вспомнить и тихое выплывание - первое появление из глубины сцены объединенных общей любовью пяти дочерей Тевье, и любовные объяснения Цейтл и Мотла (артисты А.Филиппова и В.Козюк), и танец Годл и Перчика (Т.Кунец и П.Пейчев). А какая великолепная пластика у В.Казаченко! Его Менахем-Мендл - «продавец воздуха», неудавшийся сват, неудавшийся страховой агент - ставший в пьесе Горина главной пружиной действия, вызывает одновременно и смех, и слезы. Этот мотив «мой бедный, мой несчастный, мой прекрасный, никогда не унывающий народ» - ведущий в творчестве Шолом-Алейхема (помните «Мальчика Мотла»: «Мне хорошо, я сирота!») - полностью сохранен в пьесе, и, на мой взгляд, усилен замечательным трагическим финалом, придуманным Гориным. В.Казаченко виртуозно играет, предложив вместе с режиссером острейший рисунок роли, и вместе с тем, как и другие актеры, играющие евреев, нигде не впадает в грубое шаржирование, утрированное пародирование интонаций, что сказывается в иных постановках (например, недавно гастролировавшего в Кишиневе театра «Шалом») дурновкусовой характерностью.

И еще одна бесспорная удача пьесы и спектакля - роль Голды - жены Тевье. Обе исполнительницы - известные актрисы Н.Каменева и Е.Тодорашко - совершенно разные, но одинаково убедительные в трактовке образа матери, заботливой хозяйки, хранительницы очага, продолжательницы рода. В сильнейшей сцене спектакля - в предсмертном монологе Голды - обе актрисы достигают подлинно трагических высот, хотя, на мой взгляд музыканта, Каменева идет к кульминации монолога на более плавном крещендо, тогда как Тодорашко буквально взрывается на финальном фортиссимо.

И, наконец, о роли Тевье. Конечно, грим и костюм сделали свое дело, и В. Гаврилов достаточно убедителен во внешнем облике героя. Но, думается, в стремлении «не тянуть на себя одеяло», не выпадать из ансамбля (спектакль-то «Поминальная молитва», а не «Тевье-молочник») актер сознательно приглушает эмоции, играет корректно, в строгих рамках сценического рисунка. К сожалению, из-за этой заданности Гаврилов как-то мимоходом «пробегает» мимо важных для названия спектакля эпизодов-бесед Тевье с Богом, очаровательных в своем юморе переложений высоких текстов Талмуда на его - Тевье - жизненные «болячки», что придает образу деревенского мудреца, романтика, мечтателя необыкновенное обаяние.

Возможно, в оценке «Поминальной молитвы» я употребил слишком много похвальных слов, что сейчас вовсе не в моде. Но такова пьеса, таков спектакль, который, бесспорно, является событием в творческой жизни республики.

Так о ком же «Поминальная молитва»? По великому еврейскому писателю, который в своем завещании просил на его могиле читать какой-нибудь из самых веселых его рассказов на любом языке, чтобы его имя было помянуто лучше со смехом, чем совсем не помянуто? Или кадыш звучит по его прелестным, неповторимо живописным, трогательным героям? А может быть, смысл «Поминальной молитвы» раскрывается в одной простой, но очень значительной в своем подтексте фра-

зе, которой начинается и заканчивается пьеса Горина: «В деревне Анатовка жили евреи, русские, украинцы...». Кто будет жить в Анатовке?

НУЖНА ЛИ ЕВРЕЯМ МОЛДОВЫ СВОЯ КУЛЬТУРА?

Непосредственным поводом для размышления явилось письмо-исповедь «...И вера пошатнулась» И.Резника, напечатанная в 24-м номере газеты «Кишиневские новости» за этот год. Во многом соглашаясь с причинами, побудившими автора письма подать документы на выезд из страны, у меня, как члена правления Общества еврейской культуры Кишинева, как человека, посвятившего многие годы своей жизни еще в застойные времена стремлению к возрождению еврейской культуры, загубленной сталинскими палачами, вызвал протест один абзац: «Языковой барьер, мне кажется, возникает из-за своеобразной обделенности национальных меньшинств в нашем городе. Где детям украинцев, евреев, армян, цыган, гагаузов, болгар и других национальностей, проживающих в Кишиневе, изучать родной язык? В школах не открыты даже факультативы по изучению этих языков. Не издаются детские книги, газеты, не открыты театры, мало трансляций программ на языке моего народа. Не знаем мы его историю, культуру, традиции, быт...».

Не могу говорить о всех национальных меньшинствах, упомянутых в этой цитате, но плакаться в жилетку о нынешнем положении евреев в нашем городе, в республике - значит, или ничего не замечать вокруг, или сознательно дезинформировать читателей, оправдывая свой отъезд (насколько я понял, в США) не стремлением улучшить жизнь, что вполне естественно при нашем полунищенском существовании, а другими - духовными мотивами. Хочу сразу же предупредить - я не собираюсь впадать в состояние эйфории при виде всего того, что происходит в нашей республике. Развал экономики, стремление при тотальном бескультурье решать силовыми приемами политические вопросы, неуверенность в будущем своих детей - вот причины, согласно опросу, проведенному газетой «Наш голос», толкающие евреев к эмиграции из Молдовы. И когда осенью минувшего года, во время Всесоюзного фестиваля еврейской музыки и песни в Биробиджане один въедливый молодой журналист спросил меня на пресс-конференции, где евреям лучше - в бывшей Молдавии или нынешней Молдове, я не ответил на этот вопрос однозначно, а привел следующие факты. Молдова - единственная республика, парламент которой признал два еврейских языка - идиш и иврит. В республике выходит двухнедельная еврейская газета «Наш голос», на Национальном радио и телевидении мы проводим свои передачи «Еврейская жизнь» и «На еврейской улице», часто звучат концерты еврейской музыки. Я рассказал, что готовятся к открытию еврейская библиотека и Музей истории евреев Молдовы (сейчас оба эти учреждения уже открыты), что в нашем городе дают концерты детский еврейский

хор, эстрадный коллектив «Вундер», возглавляемый талантливой Анной Гинзбург. Что касается группы «Ворт ун нигн» («Слово и мелодия») в составе народной артистки Молдовы Нинель Каменевой, солистки Молдавского оперного театра Ирины Мишуры-Лехтман и автора этих строк, то эта группа была подлинным открытием фестиваля. Об этом свидетельствовал и прием биробиджанской публики, и восторженная пресса, и приглашение от областной филармонии на гастроли по Дальнему Востоку.

Мой короткий рассказ о фестивале - это в какой-то степени и ответ И.Резнику на его «стенания» о нынешнем положении дел евреев в Кишиневе. Что касается изучения истории еврейского народа, его традиций, то, наверное, многие кишиневцы уже успели обратить внимание на рекламные щиты с эмблемой Общества еврейской культуры, появляющиеся еженедельно в центре Кишинева и рассказывающие о лекциях по истории евреев, истории государства Израиль, о наших праздниках и традициях... За два года существования нашего общества в Кишиневе не было почти ни дного воскресенья, когда не проводились бы собрания, посвященные именно тем вопросам, о которых «скорбит» И.Резник. Опять получается по принципу - «ничего не вижу, ничего не слышу, никуда никогда не хожу».

Серьезная проблема у нас, действительно, с языком. Но между тем, что утверждает Резник, и тем, что есть на самом деле, как говорят в Одессе - две большие разницы. Дело не в том, что в школах не открыты факультативы или классы с преподаванием еврейского языка. Они могут быть открыты хоть сегодня, есть и школы, и квалифицированные педагоги, и методическая литература, учебники, присланные из Биробиджана, Израиля, международных еврейских организаций. Нет одного - учеников. Все прошедшие 50 лет евреи были оторваны в Советском Союзе от своего родного языка - идиш, они стали равнодушны к нему. А разговор я веду именно об идиш - мамэ-лошн - языке наших матерей, отцов, дедов, языке восточноевропейских евреев, имеющем свою тысячелетнюю историю. Что касается иврита - нашего древнего языка, возродившегося в Израиле как государственный - здесь проблем нет. И в Кишиневе, и в республике открыты многочисленные курсы иврита, на которых отбоя нет от желающих изучать язык. Нет секрета в том, что курсы иврита, в основном, посещают люди, готовящиеся стать гражданами Израиля. А вот с идиш - беда. Две группы детей, изучающих идиш в воскресной школе при Методическом центре еврейских языков (кстати, и такой у нас тоже открылся в прошлом году) не меняют печальной картины.

Нельзя сказать, что мы в Обществе еврейской культуры смирились с этим положением. Мы стараемся пропагандировать родной язык и в газете, и на радио, и на телевидении, привлекая к передачам ведущих еврейских писателей Молдовы, певцов, артистов. В прошлом году мы провели в Обществе большой литературно-музыкальный вечер, назвав его «Мамэ-лошн». Но что настораживает - прошло уже много выпусков радиожурнала «Еврейская жизнь» и телевизионных передач «На еврейской улице», несколько выступлений по телевидению ансамбля «Вундэр» и

«Ворт ун нигн» - и полное равнодушие со стороны зрителей и слушателей. Ни одного отзыва о передачах, ни одного письма на радио и телевидение о качестве программ, о пожеланиях, что хотели бы евреи видеть и слышать в передачах, созданных для них. Правда, в одном из последних номеров газеты «Наш голос» И.Разумный в своем письме протестует против исполнения еврейских народных песен - песен старых местечек, так как ему «не по душе местечковая ностальгия». Что ж, и на том спасибо!

А разве не поразителен тот факт, что наша группа «Ворт ун нигн» после прошлогоднего дебюта в Органном зале, вызвавшего большой резонанс в прессе, после фестиваля в Биробиджане, и гастролей в Черновцах, Риге, Алма-Ате - ни разу не была с концертами ни в одном из городов Молдовы. Хотя имеются общества еврейской культуры в Бельцах, Тирасполе, Орхее, Рыбнице, Бендер, Сороках и других городах. Чем, как не равнодушием к своей культуре можно объяснить такое отношение у руководителей этих «культурных» обществ?

Все эти размышления и привели к вопросу, поставленному в заглавие статьи. А может быть, это не равнодушие и безразличие, а страх «как бы чего не вышло», впитанный в кровь нашего народа от сталинского Дракона, мешает евреям наконец-то почувствовать себя свободными людьми в Молдове?

А ведь в развитии своей культуры мы могли бы развернуться еще мощнее. В Кишиневе собраны значительные еврейские творческие силы, известные далеко за пределами республики и Советского Союза. Я имею в виду писателей Ихила Шрайбмана, Бориса Сандлера, Михаила Лемстера, композиторов Владимира Биткина, Злату Ткач, Бориса Дубоссарского, уже названных мною исполнителей, способных по большому счету представлять еврейское искусство и у нас в стране, и за рубежом.

Часто среди евреев приходится слышать - слишком поздно начался ренессанс еврейской жизни в Молдове и вообще в Советском Союзе. Поезд уже ушел, алия (эмиграция) течет бурным потоком, ее не остановить.

Действительно, при нынешнем социально-экономическом положении в республике, в стране - ее не остановить. Да и не надо искусственно останавливать, славу Богу, что мы дожили до таких времен, когда каждый человек, как в любой цивилизованной стране, волен строить свою жизнь, где желает. Но я - неисправимый оптимист - верю в то, что времена изменятся, что не все уедут, и потому мой вопрос тем, кто остается на земле, где шесть веков жили евреи рука об руку вместе с другими народами, населяющими многонациональную Молдову. Что будем делать, бридер идн (братья евреи)? Сумеем ли мы окончательно отринуть от сталинско-брежневского рабства, насаждавшего идею нашей второсортности, и будем жить с распрямленными спинами, со своим национальным достоинством и полнокровной национальной жизнью, или будем по-прежнему сидеть по своим кухням, озираясь опасливо по сторонам и перефразируя великого Исаака Бабеля «махать руками на кухне и молчать на площади»?

Серго Бенгельсдорф

ДНИ ПАМЯТИ В КИШИНЕВЕ

У евреев Кишинева отныне будут в городе два святых места, два еврейских памятника, торжественное открытие которых состоялось в конце апреля, во время Дней памяти, посвященных 90-летию кишиневского погрома и жертвам Холокоста.

Дни памяти явились одним из самых впечатляющих событий в небольшой истории возрождающейся еврейской общины Кишинева. Благодаря энтузиастам из всех еврейских организаций города, мощной поддержке (и моральной, и материальной) Израильского информационного центра в Молдове, благодаря вниманию и безотказной помощи со стороны правительства Молдовы и кишиневских городских властей эти пять дней в апреле показали, что связь времен не прекратилась. Жертвы кишиневского погрома - первого погрома 20 столетия, поднявшего занавес глобальной еврейской Катастрофы, живут в памяти нашего народа, и не наша вина, а беда, что мы смогли увековечить их память только через 90 лет,

О создании Мемориального комплекса в Скулянском парке, на месте бывшего еврейского кладбища рассказывает его автор, один из ведущих архитекторов Молдовы, Семен Шойхет:

- Поставить памятник на старом еврейском кладбище, уничтоженном в 50-х годах, где покоятся тысячи наших предков, мне помогла ответственность перед памятью павших. Памятный знак сооружен из красного гранита. Я стремился передать взгляд современного человека на события, явившиеся началом трагедии евреев нынешнего столетия. Две стеллы олицетворяют 1903 год и нынешний. На языках идиш, румынском и русском, на полированных плоскостях гранита высечены строгие буквы лаконичных надписей: «Посвящается памяти жертв кишиневского погрома», а также на иврите строка из молитвы: «Души погибших с нами». Регулярное планировочное построение парка, кроны деревьев способствуют траурному настроению. Думается, что в ближайшее время удастся создать единый Мемориальный комплекс памяти погибших евреев Кишинева.

В этот же день на проспекте Молодежи у здания роддома, где во время войны находилось гетто, был митинг, открывший еще один памятник - жертвам и мученикам кишиневского гетто. Центром композиции является одинокая, скорбная фигура молящегося старика, выполненная талантливым скульптором Наумом Эпельбаумом, проживающем ныне в Израиле. На гранитном обрамлении, напоминающем разорванный Могендовид, вырублены строки на иврите из молитвы по усопшим «Кадыш» и мемориальные надписи на трех языках «Жертвы и мученики кишиневского гетто. Мы, живые, помним о вас!».

Дни памяти начались торжественным открытием в бывшей кишиневской хоральной синагоге - ныне драматическом театре им.Чехова. Старейший еврейский писатель Молдовы Ихил Шрайбман произнес на идиш «Слово о погроме», а представитель президента Молдовы зачитал послание Мирчи Снегура участникам

Дней памяти. Перед собравшимися выступили сопредседатель Республиканского ОЕК С.Шойхет, директор Информационно-культурного центра Израильского фонда культуры и просвещения в Молдове Б.Клайман, представитель «Бейт Бессарабия» из Тель-Авива доктор Котик, представитель «Джойнта» в Одессе и Молдове С.Саффер.

Затем главный раввин Молдовы и Кишинева реб Залман Лейб прочитал «Кадыш» по убиенным в Кишиневе. 49 еврейских детей зажгли 49 свечей и назвали по имени каждого из жертв кишиневского погрома. Это было так же трогательно, как и на митинге в Скулянском парке, когда при чтении каждого имени погибшего в погроме в небо взлетал голубь (режиссер-постановщик всех мемориальных торжеств Роман Розенберг), и 49 голубей, как 49 душ безвинно погибших евреев витали над нами - живыми, как бы говоря: «Помните о нас!».

В той же атмосфере возвышенной и светлой скорби в театре им.Чехова состоялся концерт-реквием, Выдержанный в строгой академической манере концерт-реквием привлек к себе лучшие исполнительские силы Молдовы. Достаточно назвать имена Марии Биешу, Думитру Гоя, Иона Жосана, хоровой академической капеллы «Дойна» под управлением Вероники Гаршти, камерного оркестра филармонии, артистов русского драматического театра Всеволода Гаврилова, Петра Пейчева.

Концерт открылся премьерой - поэмой-реквиемом «Яд Вашем» композитора Златы Ткач для голоса и ансамбля солистов. Органично вписалась в рамки концерта-реквиема камерная симфонии Дм.Шостаковича «Памяти жертв фашизма» в исполнении музыкантов камерного оркестра Молдавской филармонии (дирижер Д.Гоя). В сопровождении этого оркестра талантливый виолончелист Ион Жосан сыграл знаменитую пьесу М.Бруха «Кол ныдрей». Молдавский артист Виталий Руссу прочитал фрагменты из поэмы Х.Н.Бялика «Сказание о погроме», а артисты русского театра им.Чехова В.Гаврилов и И.Пейчев показали отрывок из спектакля А.Галича «Матросская тишина», посвященного еврейской теме и теме войны.

Большой успех выпал на долю хорошо известной оперной певицы Ирины Мишуры-Лехтман и драматической актрисы Нелли Каменевой (партия фортепиано - автор этих строк), исполнивших литературно-музыкальную композицию «Черная баллада» на стихи Ш.Дриза, Л.Вассерман, М.Тейфа и на музыку Е.Жарковского, З.Компанейца и З.Ткач.

Порадовала неувядающим вокальным мастерством знаменитая Мария Биешу, впервые исполнившая на еврейском языке народную песню «Мать Рахиль».

Достойным заключительным аккордом всего концерта явилось выступление хоровой капеллы «Дойна», исполнившей на идиш «Колыбельную» З.Ткач, одну из частей «Реквиема» Д.Верди и под бурную поддержку всего зала «Гимн еврейских партизан» - «Зог ништ кейнмол аз ду гейст дэм лэцтн вэг».

В эти пять насыщенных до отказа апрельских дней, были организованы и выставки, посвященные погрому, и научные конференции, и встречи бывших узников гетто, спектакли и кинофильмы, связанные с темой погрома и Холокоста.

Логическим завершением Дней, их яркой кульминацией явился праздник Дня независимости Израиля - Йом Ацмаут, собравший в Национальном оперном театре огромную аудиторию. Слушая выступления членов правительственной делегации Израиля, прибывших на эти торжества - депутата кнессета Авраама Иехезкеля, бригадного генерала ЦАХАЛ Шауля Мофаза - участника знаменитой операции по освобождению еврейских заложников в аэропорту Энтебе; слушая выступления израильских писателей - профессора литературы Игаля Шварца и председателя Союза русскоязычных писателей Израиля нашего земляка Ефраима Бауха; слушая зажигательные еврейские песни в исполнении израильского ансамбля «Олимпус», подумалось: какое счастье, что у нашего многострадального народа есть, наконец, своя страна, готовая защищать каждого еврея в любом месте планеты. Благодаря благодатным переменам мы, евреи Молдовы, последние годы почувствовали себя составной частью всемирного еврейства, имеющего свою страну - Израиль. В то же время мы обрели здесь, в Молдове, возможность жить своей полнокровной еврейской жизнью.

Вот почему, отдавая дань памяти жертвам кишиневского погрома, жертвам Холокоста, отмечая День независимости Израиля, как свой праздник, мы говорим: «Ваши жертвы не были напрасны, прошлое никогда не повторится, и залог тому - наше государство Эрец Исраэль».

Пусть же наша память способствует нашему единению.

ОТМЕЧАЯ ЮБИЛЕЙ КЛАССИКА

«Подношение Шолом-Алейхему» - так был назван большой литературно-музыкальный вечер, который провели Республиканское и Кишиневское общества еврейской культуры в Органном зале. Вечер был посвящен 135-летию со дня рождения великого еврейского писателя. Слово о юбиляре произнес старейший еврейский писатель Молдовы Ихил Шрайбман.

Программа вечера была построена так, что шолом-алейхемовские произведения, звучавшие на четырех языках - идиш, русском, иврите, румынском - чередовались с еврейской народной музыкой, которая была так близка душе классика, а выступления писателей - того же Шрайбмана, Михаила Хазина, Мойсея Лемстера, музыковеда Зиновия Столяра, рассказывающих о различных аспектах творческого наследия Шолом-Алейхема, сочетались с интересными актерскими работами таких профессионалов, как Всеволод Гаврилов и Бэно Аксенов (фрагмент из спектакля «Поминальная молитва»), Виталие Руссу (рассказ «Ложь») и нашего гостя из Черновиц, бывшего артиста Молдавского государственного еврейского театра (был такой в 1940-41 гг.) Мони Цвита, блестяще исполнившего на идиш серию миниатюр Шолом-Алейхема.

В общем, мамэ-лошн-идиш, язык на котором творил писатель, царил здесь в

этот вечер. На нем звучали стихи о Шолом-Алейхеме Моисея Лемстера и поэтессы из Сорок Анны Гасс, на идиш обратился к аудитории и руководитель Сорокского общества еврейской культуры Михаил Кон. Все номера сорочан - и остроумное, на мотив «Варничкес», поздравление к юбилею Анны Гасс, и выступление юных Светы Хараст и Дианы Экслер, и прекрасное исполнение еврейской народной песни «Дэр кранкер шнайдэр» («Больной портной»), и песни Е.Доги «Молдова скумпэ» (на идиш) Алисой Комар - были горячо встречены залом.

Успех этого вечера во многом объясняется тем, что в нем не было ни одного «проходного» номера, и каждый участник концерта - личность. Это можно говорить и о студентках Молдавской музыкальной академии Марте Клетинич и Лилиане Лаврик, о еврейском барде Ефиме Черном, о наших гостях из Рыбницы - вокально-инструментальном ансамбле под руководством отличного кларнетиста Иосифа Полака и симпатичной солистке Зое Хазанкиной.

Украшением вечера, его мощным заключительным аккордом стало выступление детского хора Кишиневской еврейской школы № 15 (художественный руководитель Анна Ференц, концертмейстер Борис Беккер), Когда дети пели последнюю «Эвэйну шолом-алейхем», весь зал начал им подпевать.Конечно, можно упрекнуть организаторов вечера в его затянутости (он длился без перерыва около трех часов). Но, ей Богу, трудно удержать старого писателя или артиста, так редко выступающих перед большой публикой, в желании еще и еще что-то сказать на своем родном языке. Или - сократить выступление гостей из провинции, впервые выходящих на подмостки такого роскошного зала, как Органный.

В заключение хотелось рассказать о сюрпризе, который ожидал пришедших на юбилейный вечер. Перед ними выступил ... живой потомок великого писателя. Дело в том, что консул Израиля в Молдове Нахум Керен - внучатый племянник Шолом-Алейхема! Его дед - отец матери Вевик Рабинович - родной брат Шолома Рабиновича, т. е. Шолом-Алейхема. Когда публика узнала об этом, да еще Нахум Керен показал семейную реликвию - золотые часы, подаренные Шоломом Рабиновичем своему брату Вевику, зал вспыхнул овацией.

«ИДИШ-ЦЕНТРУ» - ТРИ ГОДА

Чем было вызвано создание три года назад “Идиш-Центра” при Кишиневской еврейской библиотеке имени Ицика Мангера? Прежде всего - заботой о сохранении и развитии языка идиш, на котором перед второй мировой войной разговаривала бóльшая часть еврейского населения во всем мире. Конечно, уничтожение гитлеровскими фашистами шести миллионов человек - носителей языка идиш; конечно, политика государственного антисемитизма в бывшем СССР, когда под запретом оказались язык и культура еврейского народа, катастрофически сказались на самом существовании идиша в Советском Союзе.

Надо признать, что и на нашей исторической родине Израиле в борьбе за ут-

верждение иврита, как государственного языка страны, тоже "перегнули палку" в отрицании идиша, как языка евреев.

Сейчас, как будто, во всем мире, в том числе и в Израиле, начинают понимать, что нельзя просто отбросить огромный пласт еврейской культуры, создававшийся веками - сначала в Восточной Европе, а потом и в Америке - на языке идиш.

Интерес к идишу возрождается и у нас в Молдове, где он был всегда языком, на котором евреи общались между собой до той поры, пока их насильственно не сделали "русскоязычным населением". Ведь Молдова, Бессарабия дала миру крупных еврейских писателей, поэтов, музыкантов, творивших на идиш. Среди них надо назвать и нашего современника, старейшего еврейского писателя Ихила Шрайбмана. Именно он явился инициатором создания в Кишиневе "Идиш-Центра". Ихил Шрайбман и двое его учеников - поэт Моисей Лемстер и прозаик Борис Сандлер объединили вокруг себя группу энтузиастов, влюбленных в идиш - мамэ-лошн, "язык матери". Эти люди - композиторы, научные сотрудники, музыковеды, искусствоведы, библиотечные работники - вошли в правление "Идиш-Центра", сумели привлечь постоянную аудиторию, которая, изголодавшись за многие годы по родному языку, всегда заполняет до отказа зал заседаний "Идиш-Центра". То есть руководители "Идиш-Центра" на голом энтузиазме создали литературно-музыкальный клуб, где на протяжении всего вечера главным героем является язык идиш.

По традиции, председатель "Идиш-Центра" Ихил Шрайбман выбирает темы для каждой встречи, произносит вступительное слово, рассказывая о творчестве того или иного писателя, затем сам читает и произведения коллег по перу, и свои собственные. В литературных чтениях участвуют и поэт Моисей Лемстер, и работница библиотеки Сарра Шпитальник, а случается, что и сами присутствующие в зале встают и читают на идиш или рассказывают о полюбившемся им авторе и его произведении. В музыкальной части вечера, которую готовят музыковед Зиновий Столяр и автор этих строк, обычно перекликающейся по содержанию с литературной, звучат новые произведения местных композиторов, пишущих еврейскую музыку. Это прежде всего Злата Ткач, это Борис Дубоссарский, Зиновий Столяр. Почти на каждом вечере выступают новые молодые певцы, инструменталисты, для которых исполнение еврейской музыки перед взыскательной аудиторией "Идиш-Центра" является прекрасной концертной практикой.

За три года состоялось свыше 30 (один раз в месяц) заседаний "Идиш-Центра". Среди них хотелось бы упомянуть посвященные "Липканскому Олимпу" - знаменитым еврейским писателям Альтману, Штеренбергу, Штейнбаргу; классикам еврейской литературы - Менделе Мойхер Сфориму, Шолом-Алейхему, Ицхаку-Лейбушу Перецу; выходцу из Бессарабии поэту Мееру Харацу, другим писателям-бессарабцам, прославившим эту землю во всем еврейском мире, еврейским поэтессам Риве Балясной, Любе Вассерман, Бейле Шехтер-Готесман, израильским писателям, пишущим на идиш, выдающемуся художнику Марку Шагалу, а также

посвященные трагической дате 12 августа 1952 года - дню расстрела еврейской советской литературы. Особенно интенсивной была работа "Идиш-Центра" летом минувшего года, когда в Кишиневе проходил Международный семинар по языку идиш. В его работе приняли участие такие известные во всем мире ученые-идишисты, как профессора Гершон Вайнер, Дов Ной из Израиля, израильский писатель Авром Карпинович, московская актриса, ученица великого Михоэлса Маня Котлярова. Все они были гостями "Идиш-Центра", каждому из них была предоставлена возможность выступить с докладом или рефератом, или прочитать свое произведение, или выступить с художественным словом.

Хочется пожелать "Идиш-Центру" новых творческих успехов в его очень важной работе по возрождению нашего мамэ-лошн - языка идиш.

ДНИ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОЛДОВЕ

В конце мая в нашей республике впервые были проведены Дни еврейской культуры. Их организаторами выступили Республиканское и Кишиневское Общества еврейской культуры, а также представительства "Джойнта", "Сохнута" и Израильского культурно-информационного Центра в Молдове.

В обширной и разнообразной программе "Дней..." приняли участие мастера культуры из Кишинева и Бухареста, самодеятельные художественные коллективы, детские ансамбли. Несомненно, наибольшее внимание местных любителей искусства привлекли спектакли Бухарестского государственного еврейского театра - старейшего в мире профессионального театра на языке идиш. Этот театр был создан почти 120 лет назад, в августе 1876 года в Яссах выдающимся еврейским театральным деятелем, основоположником современного еврейского театра Авромом Гольдфаденом. Ныне Бухарестский театр знают далеко за пределами Румынии. Только за последнее время он побывал на гастролях в США, Канаде, Австрии, Швейцарии, Израиле, Германии. В нашу республику театр приехал впервые. В Дни еврейской культуры он показал 4 спектакля, отличающихся стилистическим и жанровым разнообразием. Первый - это знаменитый "Дибук" Шолома Ан-ского (Рапопорта), в постановке известного румынского режиссера К.Бузояну. В свое время "Дибук" прославился на весь мир, благодаря блестящей постановке в Москве в еврейской театральной студии "Габима", которую осуществил великий русский режиссер Евгений Вахтангов. "Габима" с этим спектаклем объездила многие страны и обосновалась в тогдашней Палестине, положив начало лучшему израильскому драматическому театру, а "Дибук", поменяв несколько поколений актеров, до сих пор сохраняется в репертуаре. Наши гости из Бухареста показали оригинальный, как в постановочном, так и в актерском плане спектакль, наполненный древними фольклорными и талмудическими мотивами, с элементами мистики и трансцедентной философии. Единственная прететензия к исполнителям - язык.

Мне, родившемуся в семье еврейского профессионального актера, прошедшего школу великого Михоэлса, язык актеров из Румынии был, откровенно говоря, не очень понятен. В частной беседе с актерами театра они утверждали, что говорят на южном диалекте идиша (Украина, Бессарабия, Румыния), на котором разговаривал Шолом-Алейхем. К сожалению, в эпоху Шолом-Алейхема еще не было грамзаписи, магнитофонных кассет, потому знать, как произносил слова классик еврейской литературы, невозможно. Но то, что он писал на прекрасном литературном идише, точного произношения которого всегда требовал у своих коллег и учеников Соломон Михоэлс, доподлинно известно. Поэтому проблема языка - и в плане произношения, и в плане подачи текста - для актеров из Бухареста, на мой взгляд, самая серьезная. Она ощущалась и в сделанных со вкусом вокально-театральных миниатюрах "Венок еврейских фольклорных мелодий", в меньшей степени в спектакле по пьесе Шолом-Алейхема "200000" или "Большой выигрыш", и что особенно досадно, в моноспектакле талантливой Майи Моргенштерн, исполнившей мюзикл Г.Крейслера "Сегодня вечером - Лола Блау". Героиня этой пьесы - молодая венская актриса, еврейка по происхождению, пострадавшая, как большинство европейских евреев, с приходом к власти фашистов. По ходу спектакля, рассказывая о судьбе Лолы Блау, Майя Моргенштерн превосходно поет по-немецки, по-английски, потрясающе танцует, а вот говорит на идиш, и этим все портит. Ей Богу, я завидовал на спектакле тем, кто не зная идиш (а в зале было много неевреев, пришедших увидеть звезду румынского театра, обладательницу европейского "Оскара"), надел наушники, из которых шел синхронный перевод на румынский язык отличного качества.

И все-таки, высокая сценическая культура, профессионализм актеров, оригинальность режиссерских решений, стилистическое разнообразие постановок позволяет говорить о первых гастролях в Молдове еврейского театра из Бухареста, как об успешных.

Большой интерес вызвал, состоявшийся в рамках "Недели", концерт еврейской камерной музыки. Лучший концертный зал города - Органный - был предоставлен профессиональным музыкантам-солистам Национальной оперы, артистам Национальной филармонии, исполнившим произведения на еврейские темы. В основном, звучала музыка двух авторов - кишиневского композитора Златы Ткач и Дмитрия Шостаковича. Злата Ткач - заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии - внесла большей вклад в развитие музыкальной культуры Молдовы. В последние годы композитор обратилась к музыке своего народа и создала ряд прекрасных произведений, среди которых два вокальных цикла на стихи Овсея Дриза, концерт для двух флейт и симфонического оркестра, вокальная поэма "Славатич" на стихи Любы Вассерман, виртуозные обработки еврейских народных песен... На рецензируемом концерте звучали, в основном, новые произведения Златы Ткач. Это - "Флиендыке ойсиес" - "Летящие буквы" на стихи большого еврейского поэта Льва Квитко, написавшего замечательные четверо-

стишия на все буквы еврейского букваря “Алэфбэйс”. Злата Ткач, на мой взгляд, нашла удачный музыкальный эквивалент этим остроумным, где-то грустным, где-то задорным детским стихам. Музыкальный “Алэфбэйс” прозвучал в исполнении выпускницы Кишиневской консерватории Альбины Цинман, продемонстрировавшей и тонкую музыкальность, и чувство стиля, что совсем непросто для взрослого певца, поющего детскую музыку.

Из других произведений Златы Ткач, прозвучавших в концерте, следует отметить Сонату для кларнета - соло в исполнении артиста симфонического оркестра филармонии Михаила Корецкого, четыре миниатюры для струнного квартета “Из еврейского фольклора”, которые сыграл квартет Национальной филармонии. Драматической кульминацией всего вечера явилось новое произведение Златы Ткач на стихи местного поэта Моисея Лемстера “Кадыш”, посвященное тремстам тысячам наших братьев и сестер, погибших от рук фашистов в Транснистрии, Бессарабии и Буковине. Эту вокальную поэму с большим эмоциональным накалом на хорошем идише спел обладатель отличного голоса, солист Национальной оперы Николай Бусуёк.

Так же тепло, как и музыку Златы Ткач, приняла публика вторую часть концерта - еврейские произведения великого Шостаковича, сначала Трио ми-минор, трагический финал которого основан на еврейских мотивах. Его исполнили Эсфирь Каплун (скрипка), Марк Лозник (виолончель) и автор этих строк (фортепиано). А в заключении концерта состоялась еще одна премьера - никогда не звучавший в Кишиневе вокальный цикл Шостаковича “Из еврейской народной поэзии”. Его с большим успехом исполнили солисты Национальной оперы Ирина Жарких (сопрано), Татьяна Бусуёк (меццо-сопрано), Николай Бусуёк (тенор). Концерт в Органном зале показал, что путь, который выбрали для себя кишиневские музыканты в развитии еврейской музыки - обращение к лучшим образцам, не простым для восприятия, но отличающимся глубиной содержания и новизной музыкальных образов - может придать этим музыкантам индивидуальность, отличающуюся “лица необщим выражением” от многочисленных эстрадных еврейских коллективов, заполнивших все ниши национального искусства на территории СНГ.

Одним из ключевых мероприятий “Недели...” явилась научная конференция “Вклад евреев в духовную жизнь Молдовы”. Вместе с Обществом еврейской культуры в ее подготовке и проведении принимал участие сектор истории и культуры евреев Института национальных меньшинств Академии наук Молдовы. Среди докладов, прозвучавших на конференции, следует отметить выступление доктора исторических наук, профессора Я.Копанского - “Еврейское культурное возрождение, как фактор демократизации культурной жизни Молдовы”, доктора филологических наук Е.Левита - “О вкладе писателей-евреев в современную литературу Молдовы”, заслуженного деятеля искусств З.Столяра “Евреи в музыкальной культуре Молдовы”, доктора педагогических наук И.Избештского “О роли представителей местного еврейства в народном просвещении”, доктора медицинских наук

А.Гринберга “Евреи и развитие медицинской науки в крае”, доктора искусствоведения М.Лившица “Творчество еврейских живописцев, скульпторов, графиков”, заслуженного архитектора Молдовы С.Шойхета “Памятники еврейского зодчества в Молдове...”. Старейший еврейский писатель И.Шрайбман сделал сообщение о творчестве его коллег, пишущих на идиш, а Моисей Лестер - еврейский поэт, научный сотрудник Института национальных меньшинств - о теме Молдовы в произведениях литераторов Израиля и других стран.

А завершились “Дни еврейской культуры” 28 мая, когда евреи во всем мире отметили День Иерусалима. В Кишиневской еврейской школе № 22 силами детей и преподавателей был дан большой литературно-музыкальный концерт, посвященный Вечному городу, столице Израиля и всех евреев - золотому Иерусалиму. “Дни еврейской культуры” привлекли большое внимание жителей Кишинева, Бэлць, позволили расширить и углубить представление о вкладе евреев в молдавскую и мировую культуру, способствовали упрочению взаимопонимания и сотрудничества между евреями и другими народами, населяющими Молдову.

ЖИВОЙ ГОЛОС ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

Два года назад, во время гастролей в Кишиневе еврейского театра из Бухареста, у меня произошла легкая пикировка с несколькими актерами этого театра по поводу их еврейского произношения. Дело в том, что мой папа - еврейский актер - ученик великого Михоэлса - рассказывал часто, как Соломон Михайлович требовал от них четкого, грамотного произношения каждого слова на литературном идише, т. е. без диалектических отклонений.

Известно, что язык идиш имеет в Европе несколько диалектов, зависящих от географического расположения, - польский, литовский, украинско-бессарабский, т. е. южный диалект, на котором и говорили наши гости из Бухареста. На мое замечание, что Михоэлс требовал от актеров литературного языка, как написано в тексте пьесы, мне ответили, что они играют на таком идише, на котором разговаривал Шолом-Алейхем.

Я не без некоторого ехидства заметил, что они - счастливчики, раз могли слышать, как разговаривал Шолом-Алейхем, который умер в Америке в 1916 году. Что же касается того, как писал Шолом-Алейхем, то он писал на прекрасном литературном идише, что может подтвердить любое его произведение. Так мы дружески расстались, но каждый остался при своем мнении.

Эту историю я вспомнил совсем недавно в Петербурге, где работал в еврейском музыкальном Центре при Еврейском общинном Центре на улице Рубинштейна (знали, где зажечь еврейский очаг!), в поисках нот и научного материала об еврейских композиторах Петербурга начала XX века. При первой же встрече с директором музыкального Центра Евгением Хазданом он спросил меня: “Хотите

услышать живой голос Шолом-Алейхема?" В ответ я промычал что-то нечленораздельное, потому что от такого вопроса перехватило дыхание. Как, услышать голос самого знаменитого в мире еврейского писателя-классика, умершего свыше 80 лет назад? Голова пошла кругом, нет, не может быть! И тут Евгений Хаздан достает из стола лазерный диск с надписью на английском языке: "Уникальные записи еврейского фольклора на фонографе 1912-1947 годов", ставит его в проигрыватель, и я слышу, как чей-то голос торжественно объявляет на идише: "Выступает Шолом-Алейхем!". Зазвучал мягкий, бархатный баритон, который на чистейшем литературном идише (где вы, мои уважаемые бухарестские коллеги?) без "вус" и "дус", без "восер" и "хусн", обращался к аудитории, делясь своими впечатлениями от посещения в Петербурге историко-этнографического еврейского музея. Выступление небольшое, всего две минуты, но сколько я пережил за эти минуты! Мне показалось, что это сказка, фантазия - ведь ко мне обращался сам Шолом-Алейхем! Я тут же упросил Евгения переписать мне на кассету сто двадцать драгоценных секунд, и вот уже месяц, как ежедневно ее слушаю. Голос Шолом-Алейхема звучал в моей последней передаче "Идиш лэбн", на юбилее Ихила Шрайбмана. которому я подарил копию кассеты.

Как объяснил мне Евгений Хаздан, выступление Шолом-Алейхема было записано на восковой валик, когда он приехал в мае 1914 года из Нью-Йорка на открытие Петербургского историко-этнографического еврейского музея. Потом этот валик вместе с другими, где были записаны шедевры еврейского фольклора, перевезли в 30-е годы в Киев, в Институт еврейской пролетарской культуры.

После войны, когда "под мудрым руководством отца народов" еврейская культура, как пролетарская, так и непролетарская, была разгромлена, следы этих восковых валиков затерялись. И вот недавно они были обнаружены в запасниках Украинской Национальной библиотеки. Надо признать, что киевские специалисты по звукозаписи проявили буквально чудеса, очистив при помощи лазера эти валики от посторонних шумов.

Поэтому голос Шолом-Алейхема, как и исполнителей еврейских народных песен на идише, на иврите, хасидских песен, слышен довольно ясно. Переслав лазерный компакт-диск из Киева в Петербург, киевляне как бы вернули в город на Неве то, что оттуда вышло.

А я улетал из Питера на крыльях (хотя ехал поездом двое суток), имея в своей дорожной сумке такую драгоценную реликвию!

Хочу поблагодарить Виктора Фишера - руководителя еврейского агентства "Сохнут" в Молдове, организовавшего мне командировку в Петербург, из которой я вернулся с уникальной находкой - живым голосом Шолом-Алейхема.

За минувшие годы этот голос не раз звучал и в моих радиопрограммах "Идиш лэбн", и на различных литературных вечерах в нашей еврейской общине.

Серго Бенгельсдорф

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО

Я смотрю на пожелтевшую фотографию десятилетней давности, на которой за печатлелось для истории только что выбранное после бурного собрания еврейской общественности Кишинева правление Общества еврейской культуры. Впервы после 1940 года в Молдавии вновь начала существовать легально еврейская об щественная организация. Конечно, решающую роль в создании ОЕК в Кишиневе как и во многих городах бывшего СССР, сыграл тот политический климат, кото рый воцарился в стране в годы горбачевских перемен. Но не следует думать, чт возрождение еврейской жизни в Молдове произошло по мановению дирижерско палочки из ЦК Компартии.

Я вспоминаю наши полулегальные встречи зимой и ранней весной 1989 года когда в каких-то комнатах каких-то клубов мы - еврейские активисты - горячо спо рили о будущем Общества еврейской культуры (потому, что в то время нашей глав ной целью было возрождение, воскрешение из небытия загубленной при Сталин и его преемниках еврейской культуры), о его программе, уставе и т.д. Уже тогда на первых встречах поднимался вопрос о том, что еврейская культура не може развиваться без возрождения обоих еврейских языков -идиша и иврита, без тесны контактов с нашей исторической родиной - Государством Израиль. И уже тогд среди еврейских активистов, а потом и среди членов первого правления чувство валось, что некоторые молодые, энергичные люди, весьма далекие от еврейско культуры в частности, как и культуры вообще, стремились на гребне еврейског возрождения заработать политические очки для своей будущей благополучно как они думали, жизни в эмиграции.

Только их политиканством и интригами можно объяснить, что в первое правле ние не вошел мэтр еврейской литературы в Молдове Ихил Шрайбман, ныне почет ный председатель Кишиневского общества еврейской культуры. И все-таки пер выми сопредседателями нашего общества были выбраны молодые, талантливы деятели еврейской культуры, ее подлинные энтузиасты - писатель Борис Сандле и композитор Владимир (Зеев) Биткин. Из двадцати двух членов первого правле ния, которые смотрят на меня с пожелтевшей фотографии, в Кишиневе, в Молдов осталось 5-6 человек, в общем-то отошедших от еврейского движения и потом потерявших с ним (движением) всякие контакты. Из тех же, кто далече, я вспо минаю с большой теплотой активных деятелей правления, пламенных еврейски патриотов - певицу Анну Гинзбург, доктора Льва Фишова, инженера Владимир Вола.

Считаю, что нашему правлению очень повезло, что в его составе оказалось че тыре профессиональных музыканта - уже упомянутые Биткин и Сандлер (пере тем, как окончательно заняться писательской деятельностью, Борис закончил, ка скрипач, Кишиневскую консерваторию и играл в симфоническом оркестре Мо давской филармонии), скрипач Аркадий Аптекарь и автор этих строк.

Серго Бенгельсдорф

С первых же наших предварительных бесед о возрождении еврейской музыки мы пришли к единодушному мнению, что это должна быть музыка высокой пробы, написанная композиторами с профессиональным мастерством и исполненная на адекватном уровне. Тогда-то и родились мои концертные программы с замечательной оперной певицей Ириной Мишурой-Лехтман, основу которых составляли еврейские произведения Владимира Биткина и Златы Ткач. С этими программами мы объездили много городов бывшего СССР, выступая в престижных залах Риги и Черновиц, Москвы и Ленинграда, Одессы и Алма-Аты и в нашем замечательном Органном зале. Особый успех нашу группу (а в нее еще входила народная артистка Молдовы Нелли Каменева, читавшая еврейскую прозу и поэзию) ожидал в 1990 году в Биробиджане, на Международном фестивале еврейской музыки, где мы были признаны лучшей концертной группой и получили больше всех наград...

И еще одно воспоминание тех лет - наши первые радио и телевизионные передачи. Сказать, что эти программы нам поднесли "на блюдечке с голубой каемочкой", было бы натяжкой.

Помню, сколько сил и энергии затратили наши сопредседатели на переписку с властями, на "проталкивание" этих программ в эфир. Конечно, прямых отказов мы не получали, ведь на дворе стоял 1990 год, в Молдове набирали силу движения национальных меньшинств, прошел год со дня образования Общества еврейской культуры, уже говорил во весь голос "Наш голос", возглавляемый Александром Бродским и Борисом Сандлером, который вел на идиш несколько страниц газеты, но бюрократической волокиты, "перефутболивания" из одной инстанции в другую хватало. И все-таки летом 1990 года мы выпустили в эфир первую телевизионную передачу "Аф дэр идишер гас" ("На еврейской улице"), а в декабре, впервые за всю историю радио Молдовы, прозвучали позывные радиожурнала "Идиш лэбн" ("Еврейская жизнь").

Я хорошо помню, как мы с Борисом Сандлером готовили премьеру "Аф дэр идишер гас", как фигуральное ее название мы перевели в буквальный сюжет, посвятив первый выпуск путешествия по старым еврейским улицам Кишинева. Помню вторую нашу передачу, посвященную нарастающей тогда волне эмиграции, съемки на железнодорожном вокзале Кишинева, слезы уезжающих и провожающих, пожелания новой, счастливой жизни на нашей исторической родине. В дальнейшем мы с Борисом разделились, он остался ведущим телевизионных программ, а я открыл радиожурнал "Идиш лэбн". И вот уже десять лет, как два раза в месяц, по средам, в 8.30 вечера вся Молдова может слышать: "Шолем-алэйхем, тайере фрайнт! Шалом, едидим якарим!".

Признаюсь, что до сих пор с трепетом слушаю в эфире (передачи идут в записи) еврейскую речь, еврейскую музыку, и сердце мое наполняется радостью и грустью. Радостно, что эти десять лет прожиты не зря, что я - сын еврейского актера и еврейской поэтессы - внес свою лепту в развитие еврейской культуры, в то дело, которому мои родители отдали свою жизнь. Грустно, что они не дожили до этого.

Серго Бенгельсдорф

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Казалось бы, что в наше жестокое время, когда мы в Молдове находимся на гра ни экономической катастрофы, когда людям месяцами не выдают зарплату, а цен на продукты, на бытовые услуги с космической скоростью летят вверх, когда н улицах, в общественном транспорте только и слышны разговоры о нашей безум ной жизни, не может и речи идти о какой-то духовной деятельности, культурны программах, вечерах, концертах...

Как говорится, “не до жиру - быть бы живу”. И все-таки удивительный мы наро - евреи! Чем хуже живем, чем меньше нас остается в Молдове, тем большая обще ственная активность обуревает нас. Только в апреле еврейская община Кишинев провела несколько значительных мероприятий, посвященных 55-летию освобож дения узников гетто и концлагерей Транснистрии. Тут были и встречи бывших уз ников с учащимися еврейских школ, с волонтерами кишиневского Хзсэда, поездк и возложения цветов к местам массовых расстрелов евреев в 1941 году в город Рыбнице и селе Гратиешты...

В Кишиневе прошел семинар по планированию развития еврейской общин Молдовы, он был организован Ассоциацией еврейских организаций и общин Мол довы совместно с Джойнтом. Активное участие в работе семинара приняли лиде ры еврейской общины американского города Питсбурга во главе с исполнитель ным директором еврейской федерации города господином Ховардом Ригером.

Мне же, как музыканту и литератору, хотелось бы более подробно рассказат о литературно-музыкальном вечере, который был посвящен 140-летию со дн рождения Шолом-Алейхема и состоялся в Идиш-центре при еврейской библио теке имени Ицика Мангера. Эта библиотека, ставшая в Кишиневе настоящим ев рейским общественным центром, сделала все возможное, чтобы юбилей великог писателя был отмечен достойно. Была организована выставка, показавшая, что фондах библиотеки хранятся редкие издания Шолом-Алейхема на идише, иврите русском и румынском языках. Стенды выставки находились в зале, где проходи вечер.

Вел вечер (на идише) бессменный председатель Идиш-центра писатель Ихи Шрайбман. В своем коротком, но ярком эссе он рассказал о творчестве великог писателя. Затем он прочитал свой рассказ “Улыбка Шолом-Алейхема”. Преподава тель идиша Вэлвл Толполарь эмоционально прочитал “Завещание” Шолом-Алей хема, а библиотекарь Сарра Шпитальник рассказала о воплощении творчеств Шолом-Алейхема в живописи, театре, кино и телевидении. Поэт Моисей Лемсте говорил о важности переиздания книг Шолом-Алейхема, других еврейских клас сиков для подрастающих поколений, а доктор филологии Ефим Левит на румын ском языке рассказал о связях Шолом-Алейхема с бессарабской землей. Музыкове Зиновий Столяр остановился на теме “Музыка в произведениях Шолом-Алейхе ма”. Музыкальная часть вечера была отдана автору этих строк, но перед неболь

шим концертом еврейской народной музыки прозвучал через магнитофон живой голос Шолом-Алейхема, где он выступает на открытии в 1914 году еврейского этнографического музея в Петербурге. Затем две молодые певицы Анжела Пихут и Наталья Гаврилан пели еврейские народные песни в обработке наших местных композиторов Златы Ткач и Зеева Биткина (партию фортепиано исполнял автор этих строк). Когда они дуэтом исполнили "К твоей маме я ничего не имею" и "В Одессе, на Молдаванке", то все присутствующие сказали, что это - новые сестры Берри.

На такой веселой ноте закончился этот замечательный вечер, не оставивший никого равнодушным.

СПЕКТАКЛЬ ИЛИ КОНЦЕРТ?

В культурной жизни еврейского Кишинева состоялось событие, которое никак не назовешь рядовым. Речь идет о новой музыкально-поэтической фантазии "На улице дождь...", предложенной на суд зрителям известным еврейским бардом Ефимом Черным и его коллегами-музыкантами, объединенными под именем "Театр еврейской песни".

К этому названию мы еще вернемся, а пока хотелось бы совершить небольшой экскурс по истории коллектива и сказать несколько слов о его руководителе.

С Фимой Черным мы близко познакомились 10 лет назад, когда начала возрождаться в Молдове еврейская культура. Собственно, знал я его гораздо раньше, студентом дирижерско-хорового отделения Кишиневского музыкального училища ныне музыкального колледжа имени Штефана Няги). Тогда Фима ничем не выделялся среди своих сверстников, но когда он дебютировал в концертах еврейской музыки, которые мы в первые годы возрождения проводили регулярно, чуть ли не еженедельно, в приличном концертном зале клуба "Стяуа Рошие" в центре Киши-

нева, и спел под аккомпанемент своей гитары несколько популярных еврейских народных песен, то сразу же почувствовалось, что в еврейское искусство пришел талантливый молодой человек с приятным камерным голосом, со своей лирической манерой исполнения, а главное - со своей душой, печальной и пронзительной еврейской душой. И вот это душевное пение, при отличной дикции и приличном идише, составило доминанту его исполнительского облика.

Постепенно накапливался еврейский репертуар, Ефим стал популярен, его начинают приглашать для выступлений в еврейские организации, на еврейские праздники, и он откликался всегда безотказно и безвозмездно. Надо понимать, что у Фимы, кроме исполнительского, оказался и талант организатора, потому что семь лет назад он создал свой музыкальный коллектив и назвал его "Театр еврейской песни". Он собрал вокруг себя молодых способных музыкантов-инструменталистов - пианистку Сюзанну Гергус, которая с тех пор является его постоянным твор-

ческим партнером, кларнетиста Александра Негруцу, флейтиста Сергея Шарова
Они составили костяк того ансамбля, который сохранился до сих пор. Вначал
коллектив работал под эгидой Израильского культурного центра, и, как говорится
кто платил, тот и заказывал музыку. В репертуаре ансамбля преобладали израиль
ские песни, многие из них, особенно лирического характера, запомнились в испол
нении Ефима Черного, но уже тогда у меня, как у человека, много лет занимающе
гося проблемами музыкального театра, возник вопрос, можно ли назвать то, чт
делает Фима со товарищи, театром?

Помню, в начале 90-х годов к нам приезжал на гастроли знаменитый Вади
Мулерман со своим "Театром еврейской песни". В своей рецензии на его концер
я упрекал Вадима в том, что в его программе не чувствуется сквозного развития
нет стержня, на котором бы строилось действие, поэтому его выступление можн
скорей назвать театролизованным концертом, нежели спектаклем. Конечно, теат
ральность у Мулермана присутствовала. Кроме отличного голоса, он прекрасн
владел актерской пластикой, сценическим движением, великолепно носил и неод
нократно менял костюмы в зависимости от содержания песен. Девять музыкантов
постоянно присутствующих на сцене, были его партнерами по актерской игре, он
не только превосходно играли на своих инструментах, но и сценически подыгры
вали Мулерману, где-то подавали реплики, где-то подтанцовывали, т.е. вместе
солистом создавали ощущение действия.

К сожалению, в выступлениях коллектива Ефима Черного театральный элемен
отсутствовал начисто. Стремление певца к театрализации еврейских песен ощу
щалось, он пытался оживить вокал сценическим движением, но из-за отсутстви
профессиональных навыков и профессиональной режиссуры эти попытки выгля
дели наивными, неубедительными, вызывали сожаление, что Фима -талантливы
еврейский бард занимается не свойственным его индивидуальности "передергива
нием" на сцене.

Прошло несколько лет, казалось, что ансамбль распался, Ефим больше высту
пал в последнее время в паре с Сюзанной Гергус, дал индивидуальные концерт
в США, Франции, Чехии, но вот в середине мая в городе появились красочны
афиши, возвещавшие, что в помещении молдавского театра им. М.Эминеску со
стоится премьера, о названии которой я уже говорил в начале заметок. И сделан
ные со вкусом афиши, и аренда одного из лучших театральных зданий города,
гораздо большее, по сравнению с предыдущими выступлениями этого коллектив
количество участников на сцене, свидетельствуют о большой спонсорской под
держке, оказанной Ефиму Черному со стороны Ассоциации еврейских организа
ций и общин Республики Молдова и американского распределительного комитет
"Джойнт" в Молдове. И такое спонсорство, направленное на развитие еврейско
культуры, можно только приветствовать. Так же, как и энтузиазм публики, запол
нившей до отказа зрительный зал театра и горячо встречавшей буквально кажды
номер программы.

Значит, скажет любой читатель этих заметок, был полный успех, публика в восторге, чего же более? Хочу уважительно отнестись к нашей публике и понимаю, что кишиневские евреи, уже довольно давно не слышавшие песен на мамэ-лошн, на идише (а вся музыкальная часть программы состояла из идишских песен), так жадно накинулись на редкое теперь блюдо. Но меня, отдавшего свыше 15 лет развитию в Молдове еврейской профессиональной музыки, так же, как и других людей, профессионально разбирающихся в театре и музыке, программа "На улице дождь" удовлетворила далеко не во всем, и весь пафос этих заметок - в стремлении помочь талантливым исполнителям разобраться в недостатках для их преодоления.

Итак, начнем опять же с названия коллектива. Мне понятно стремление его художественного руководителя оправдать название "Театр", и в новой постановке он попытался усилить, по сравнению с предыдущей, театральные атрибуты. Так, появились элементы сценографии (художник Н.Елица), появился небольшой вокальный ансамбль, как бы заменяющий сценический хор. Наконец, гораздо интересней стал сам репертуар Ефима Черного. Ему удалось найти много новых, свежих, незатасканных еврейских песен, особенно связанных с Молдовой, Бессарабией, которые оказались наиболее близкими зрителям-слушателям. Отметим при этом высокий исполнительский уровень как музыкантов-инструменталистов, так и солистов-вокалистов - Анжелы Пихут и самого Ефима Черного, профессионально безупречные обработки еврейских народных песен, сделанные композитором Олегом Негруцей. Словом, вся музыкальная часть программы не вызывает никаких возражений и в смысле исполнения, и в смысле вкуса, за исключением, пожалуй, знаменитой песни на стихи Ицика Мангера "Афн вэг штэйт а бойм" ("На дороге стоит дерево"). Эту глубокую по своему философскому подтексту песню почему-то поручили петь ребенку, который ни вокально, ни музыкально к ней не готов. Действительно, когда еврейский ребенок появляется на сцене - это вызывает умиление, но надо было подобрать ему соответствующий репертуар, тем более, что Гаррик Гергус по-настоящему профессионально играет на скрипке, и он это доказал в другом номере программы, а в еврейских детских песнях скрипочка-фидэлэ часто упоминается, и вот уже готовая театральная сценка.

И все-таки говорить о том, что мы увидели театр, что мы увидели спектакль, пока еще рано. То, что было показано в этот вечер, я бы назвал музыкально-литературно-хореографической сюитой, где один номер, один жанр сменял другой, но они не были выстроены в единое целое, не составляли единой драматургии. И само название ''На улице дождь", и сценографический образ дождевых струй, и объявленный жанр - "музыкально-поэтическая фантазия" настраивали на то, что романтический образ дождя и буквально, и фигурально - дождь еврейских песен - будет лейтмотивом, связующим звеном всей постановки. Но постепенно романтическое начало, которое было заявлено уже в первом танцевальном номере, куда-то испарилось, "дождь прекратился", и начался концерт в чистом виде, где каж-

дый исполнитель выходил, докладывал свой номер и уходил. Возможно, если бы между номерами разыгрывались какие-то интермедии, если бы солисты общались друг с другом, с музыкантами, сидящими на сцене строго и академично, как артисты симфонического оркестра, то это сгладило бы монотонное ощущение входов и выходов. Такая же монотонность ощущалась и в сценической пластике певцов-солистов, чувствовалось, что с ними не работал ни хореограф, ни режиссер. Вообще в постановке явно не хватало режиссерской руки. Думается, что у такого опытного режиссера, как Илья Шац, объявленного постановщиком музыкально-поэтической фантазии, просто не хватило времени "довести до ума" всю театральную часть "Уличного дождя".

И последнее. Попытку связать композиционно с народными песнями стихи Моисея Лемстера в переводе на русский язык Рудольфа Ольшевского можно только приветствовать. И все-таки, на мой взгляд, если бы эти стихи звучали на языке оригинала, на котором их написал Лемстер, на идише (при этом можно было бы использовать и переводы Р.Ольшевского), это придало бы всему вечеру настоящую еврейскую окраску, язык идиш сцементировал бы постановку.

Итак, читатель, несомненно, догадался о моем ответе на вопрос, поставленный в заглавии статьи. Конечно, очень заманчиво иметь в Кишиневе свой еврейский театр, непременно музыкальный, но вместе с тем обладающий всеми атрибутами этого вида искусства и отвечающий законам театрального жанра. Но для этого надо еще очень много работать, собрать вокруг будущего театра опытных сценаристов-литераторов, композиторов, режиссеров, хореографов, художников, а исполнительский фундамент такого коллектива мог бы составить ансамбль Ефима Черного, с его преданностью и вдохновенным отношением к еврейской музыке, еврейской песне.

ДУНАЕВСКИЙ ЗВУЧИТ НА ИВРИТЕ

Его называли Моцартом советской эстрады. Его великий талант -стихийный талант блестящего мелодиста - казалось бы, заготовил ему счастливую судьбу: его мелодии распевала вся страна. Одна из основных причин необыкновенного успеха Дунаевского - начинавшийся в 30-е годы расцвет звукового кино. Ведь все лучшие его песни пришли из кино, где он создает жанр кинокомедии, лирической кинооперы. Здесь тот мир Дунаевского, те душевные истоки, начало которым положило его еврейское детство в местечке Лохвицы Полтавской губернии, где в 1900 году в семье зажиточного банковского служащего Цали Дунаевского родился второй сын Исаак, названный так в честь дедушки - отца молодой матери Розалии Исааковны и в честь великого иудейского патриарха, которого по библейской легенде хотел принести в жертву Авраам. Другой дед, по отцовской линии - Шимон - был знаменитым синагогальным кантором. Говорили, что он сочинял поразительно красивые еврейские гимны, которые по сию пору распевают во многих синагогах мира

Возможно, что искусство деда и направило Исаака, как и его четырех братьев (все они стали профессиональными музыкантами), на музыкальную стезю. Говоря вначале об его "счастливой судьбе," я не зря употребил словосочетание "казалось бы". Потому что пресловутая "пятая графа" давала ему и в детстве в царской России, и в зрелости в Советском Союзе чувствовать, что он - еврей. Так, еще в Лохвицах двум братьям Дунаевским - Борису и Исааку - было отказано в поступлении в гимназию из-за процентной нормы, и это было первое столкновение будущего композитора с государственным антисемитизмом. А в советские времена, в послевоенные годы разгула сталинского антисемитизма Исаака Дунаевского - самого популярного и выдающегося эстрадного композитора - оскорбляли, унижали, пинали при любой возможности.

Несомненно, что переживания композитора, связанные с гонениями на него, отложили тяжелые рубцы на его больном сердце и способствовали его скоропостижной смерти в возрасте 55 лет.

Естественно, что в год 100-летия со дня рождения великого композитора клуб еврейской музыки при молдавском отделении международного еврейского агентства "Сохнут", существующий уже четвертый год и пропагандирующий в своих концертах национальную музыку, а также творчество композиторов-евреев, не мог пройти мимо этой знаменательной даты.

Два вечера, посвященных столетнему юбилею Дунаевского, состоялись недавно в Республиканском доме актера, который обычно арендует "Сохнут" для своих мероприятий: первый - при закрытии прошлого сезона в июне, второй - при недавнем открытии нового сезона. По сложившейся уже традиции я приглашаю для участия в концертах опытных исполнителей и талантливую молодежь. И на сей раз, шесть очаровательных девушек-студенток Молдавского университета искусств представляли лирическое начало в творчестве великого маэстро, а солист Национальной оперы Вилорий Заволокин и солист ансамбля МВД Молдовы Владимир Митрашевский - характерную и комедийную музыку Дунаевского. И вот это соединение - молодости, красоты, лирической задушевности с задором гимнических маршей, в которых песня "строить и жить помогает", с юмором водевильных куплетов - дало ощущение поразительного разнообразия как творчества Дунаевского, так и всего происходящего на концертной эстраде.

Изюминкой нынешнего концерта было исполнение некоторых песен Дунаевского на иврите. Руководитель молдавского отделения "Сохнут" Роза Бен Цви привезла недавно из Израиля сборник изданных на иврите популярных русских песен, среди которых были и песни Дунаевского. Думаю, что все зрители, находившиеся в заполненном до отказа зале, почувствовали, с каким удовольствием певцы и певицы пели на иврите "Ой, цветет калина", "Ах ты, сердце...", "Жил отважный капитан". Ну, а популярнейшую "Сердце, тебе не хочется покоя" ("Рина, ани охэв эт хашамаим") подпевал на иврите весь зал. И, конечно, на вечере в "Сохнуте" не могла не прозвучать еврейская тема в творчестве великого композитора. Она

выразилась в музыке к кинофильму “Искатели счастья” - наивной довоенной комедии об освоении Биробиджана. Были исполнены лирический дуэт “Ох, ты сердце” (А.Пихут и Н.Московчук), “Еврейский танец” в концертной обработке для фортепиано (С.Бенгельсдорф) и “Еврейская застольная” (В.Заволокин).

А завершали вечер фрагменты из самых известных оперетт и кинофильмов - “Вольный ветер”, “Золотая долина”, “Волга-Волга”, “Веселые ребята”, “Кубанские казаки”, “Весна”.

Судя по очень теплому приему, по горячим аплодисментам, вечер пришелся по вкусу многочисленным посетителям музыкального клуба “Сохнута”. Высказывались даже предложения повторить этот вечер на других концертных площадках Кишинева и в городах Молдовы. Что ж, предложение было тут же подхвачено руководством “Сохнута”, и в эти дни уже состоялся вечер Дунаевского в 22-й еврейской школе. Успех был огромный, реакция подростков (а в зале находились в основном, учащиеся старших классов), которые вместе с исполнителями пели песни Дунаевского, показала, что они знают и любят творчество великого Исаака из Лохвиц. И в их бурных аплодисментах, криках и свистах (так теперь молодежь выражает свое одобрение) сказывались благодарность исполнителям и “Сохнуту”, подарившим им возможность приобщения к замечательной музыке.

Серго Бенгельсдорф

ДОМУ ЕВРЕЙСКОЙ КНИГИ – 10 ЛЕТ

Казалось, что это было совсем недавно. После создания в Молдове Общества еврейской культуры, выхода в печать газеты "Ундзер кол" ("Наш голос"), а в эфир - еврейских теле- и радиопередач, распахнула свои двери и библиотека имени Ицика Мангера.

Я хорошо помню торжественное открытие библиотеки, когда, в присутствии главного раввина Молдовы и Кишинева рэб Залмана Лейба, нашего знаменитого земляка писателя Ихила Шрайбмана, председателя Общества еврейской культуры писателя Бориса Сандлера, поэта Моисея Лемстера, заведующего городским отделом культуры поэта Юлиана Филипа, представителей еврейской и молдавской интеллигенции, была на дверях прибита Мезуза - символ еврейского дома, произнесены праздничные речи. И вот прошло десять лет, за которые эта еврейская библиотека превратилась в настоящий культурный очаг для кишиневских и не только кишиневских евреев, и не только евреев. Вокруг нее формируется основная общинная жизнь евреев, и поэтому рядом с названием библиотеки появилось еще одно - Кишиневский еврейский Общинный центр.

Вот что говорит бессменная руководительница и библиотеки, и Общинного центра Анна Бацманова.

- В начале здесь было всего 300 книг, а сейчас это огромный книжный фонд. Библиотека обслуживает десять с половиной тысяч читателей - людей разных национальностей, которые с удовольствием знакомятся с еврейской книгой.

А Общинный центр - это особая страница в культурной жизни столичных евреев, которая писалась и пишется вместе с его партнерами - помощниками из Американского распределительного комитета "Джойнт", который все эти годы помогал и в счастливые, и в трудные минуты. Общинный центр – это и мастерские по прикладному искусству, различные спортивные и музыкальные программы, компьютерные классы, танцевальные и хоровые коллективы, творческие мастерские наших ведущих музыкантов, это и Идиш-Центр, молодежный клуб, клуб ветеранов, в общем, на базе центра действуют 32 программы.

Мы беседуем со старейшим работником библиотеки, заведующей библиографическим отделом Саррой Шпитальник.

- Я даже не могла себе представить десять лет назад, что буду все эти годы связана с творчеством еврейских писателей, - рассказывает она. - В начале работы разгребла горы книг, сделала каталог. Затем моим важнейшим делом стал проект "Имена". Это имена евреев, которые внесли свой вклад в литературу, музыку, искусство, науку Республики Молдова и бывшей Бессарабии. Первый такой сборник вышел в 1995 году на румынском языке и получил приз Молдавской ассоциации библиотекарей. На русском языке он издан в 2000 году.

Каждый год, начиная с 1997-го, я собираю своеобразный календарь из памятных дат, посвященный известным евреям в мире литературы и общественной жизни.

Уже вышло пять таких тетрадей, сейчас завершается работа по выпуску календаря 2002 года. Такие календари помогают еврейский библиотекам и другим еврейским организациям готовить программы к юбилеям, выставкам, вечерам воспоминаний. Последняя библиографическая работа посвящена 100-летнему юбилею замечательного еврейского поэта и писателя Ицика Мангера, чье имя носит наша библиотека. Согласитесь, это знаменательно: совпадение двух юбилеев - Мангера и библиотеки.

Один из важнейших "цехов" еврейского Общинного центра - информационно-издательский отдел, где появляются на свет книги и журналы. О работе этого отдела нам рассказывает его заведующая Инна Свободина.

- Наша издательская деятельность разнообразна и многопланова. В нее входят набор, верстка, дизайнерское оформление, подготовка оригинал-макета для печати, т.е. полная допечатная подготовка издания. У нас есть интересный издательский проект, который осуществляется совместно с библиотечным отделом иерусалимского "Джойнта". Это сборники методических материалов в помощь библиотекарям для проведения семейных праздников. Мы подготовили и выпустили уже несколько таких сборников. В них собраны библиографические обзоры и сценарии проведения праздников, игры, викторины, кулинарные рецепты, практические советы. Хочу еще вспомнить развлекательно-познавательный журнал для детей "Радуга-Кешет", который издается в нашем Общинном центре. Он выходит с февраля 1999 года, и много интересного в нем найдут не только дети, но и взрослые. Создатели журнала - не только сотрудники Общинного центра и библиотеки, но и сами дети, которые присылают свои стихи, загадки, рассказы и рисунки.

Работа нашего отдела - это и наборы книг, таких, как "Творения и любовь" Ихила Шрайбмана, "Книга Памяти" Михаила Беккера, "Злата Ткач", "Еврейская Дойна" Зиновия Столяра.

В библиотеке есть еще и огромный детский отдел, который возглавляет Наталья Сосновская. В нем трудятся библиотекари-энтузиасты, полные любви и нежности к своим маленьким подопечным - Наталья Потемкина, Мила Учковская, Анна Золотко. Там никогда не смолкает музыка детских голосов, и можно видеть, с каким усердием дети рисуют, лепят, играют в шахматы, тренируются на спортивных снарядах.

Среди различных клубов по интересам особняком стоит Идиш-Центр - хранитель языка идиш, возглавляемый Ихилом Шрайбманом. Кстати, именно он прочитал на юбилейном вечере, посвященном 10-летию библиотеки и 100-летию со дня рождения Ицика Мангера, свою поэтичную миниатюру "Библиотека имени Ицика Мангера". Думается, этот вечер запомнился надолго тем, кто побывал на нем. Автору сценария, координатору культурных программ Галине Финкель удалось органично соединить два юбилея: взяв за основу сценария фантастическо-юмористическую повесть Мангера "Жизнь в раю", она наложила на этот сюжет, опять же в юмористической форме, десятилетнюю историю библиотеки, со вкусом и задором

разыгранную сотрудниками библиотеки и профессиональными актерами.

Можно только порадоваться, что десятилетие работники библиотеки и Общинного центра встречают полные творческих идей и замыслов. Пусть и дальше им сопутствует успех!

ПОСЛЕДНИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР В КИШИНЕВЕ

В этом году еврейская общественность Молдовы будет отмечать две даты - 35 лет Кишиневского еврейского народного театра и 30 лет со дня гибели его художественного руководителя Рувима Левина, смерть которого явилась и концом театра. Мы ожидаем к нам приезда гостей из Израиля, среди которых вдова Рувима Левина Анна и их дочь Ружана.

А первой ласточкой в мероприятиях, посвященных Кишиневскому народному еврейскому театру, явилось очередное заседание Идиш-Центра. Его бессменный руководитель, наш знаменитый земляк, писатель Ихил Шрайбман прочитал новое эссе "Последний еврейский театр в Кишиневе". Вначале автор дал широкую панораму еврейской театральной жизни в Бессарабии и Румынии от начала XX века до второй мировой войны.

Как известно, Румыния, а точнее, ее город Яссы, считается колыбелью современного еврейского театра. Именно здесь выдающийся самородок - Авром Гольдфаден - поэт, драматург, композитор, режиссер - основал первый в Европе еврейский театр. С большой теплотой рассказывал Ихил Исаакович о бессарабской и румынской еврейской театральной публике, для которой, независимо от бедности или богатства зрителей, в большом городе или местечке, каждый спектакль становился праздником, и восторженные зрители на руках несли из театра после спектакля ведущих актеров до кареты, фаэтона и даже до гостиницы. И благодаря такой публике, все выдающиеся еврейские артисты с большой охотой приезжали в наши края на гастроли. Среди них И.Шрайбман называл Герца Гросберга, знаменитую еврейскую труппу из Вильнюса, Мишу Фишзона, Пауля Баратова, Лиду Потоцкую, Мали Пикон, Морица Шварца, Эстер-Рохл Каминскую и др. Сам Ихил Шрайбман хорошо знал театральное дело не понаслышке, он с юности впитал в себя аромат еврейского театра и всю его "внутреннюю кухню", работая суфлером. За 10 лет суфлерства он изучил весь репертуар еврейского театра, и, думается, эти "университеты" способствовали созданию талантливых произведений на литературном поприще, потому что законы драматургии и в театре, и в литературе едины.

Рассказал Ихил Исаакович и о Кишиневском государственном еврейском театре, который был создан в столице Молдавии в 1940 году и просуществовал совсем мало времени: его вскоре перевели в Бельцы, а затем началась война, и после

войны он уже не открылся. А ведь там были такие талантливые актеры, как Сиди Таль, Дина Златая, а руководил этим театром Яков Штернберг - известный писатель, драматург, режиссер.

И хотя первый еврейский государственный театр в Молдове быстро ушел в небытие, связь времен не прервалась. Ведь именно его артисты Дина Златая и Авром Беркович, которым пришлось после войны сменить профессию - взяться за портняжническое дело, вместе с режиссером детских программ Молдавского телевидения и артистом кукольного театра "Ликурич" Рувимом Левиным встали у руля еврейского драматического кружка в Кишиневе, который очень быстро превратился в народный театр.

А все началось с двух простых евреев, с однофамильцев Шварцманых, влюбленных в еврейский театр, которые начали бегать по городу и искать среди еврейской молодежи энтузиастов театрального дела. Так собралось около 60 юношей и девушек, многие из которых никогда с искусством не соприкасались, но в них горело желание посвятить себя еврейскому театру.

Именно Шварцманы разыскали в Кишиневе Рувима Левина и его жену Аннушку, которые оба когда-то учились в Москве в еврейском театральном училище при ГОСЕТЕ, у знаменитого Соломона Михоэлса.

Рувим Левин стал сердцем и душой этого самодеятельного театра, а Златая и Беркович были его правой рукой. Они вложили все свои знания, весь профессионализм в работу с молодежью, обучая их и языку идиш, и сценическому движению, и актерской речи, и актерской пластике.

Это был настоящий театральный конвейер - целый день одна группа репетировала за другой, и так до позднего вечера. А ведь не надо забывать, что у всех у них были основные профессии, которые давали им заработок, была учеба в школах, институтах, ведь весь театр держался на голом энтузиазме.

Они открылись в 1967 году пьесой "Новая Касриловка", которую инсценировал писатель Мотл Сакциер - заведующий литературной частью театра, по мотивам рассказов Шолом-Алейхема. Потом они еще поставили пьесы "Зямка Копач", "Гершеле Острополер", концертную программу "Свет и тени", и все это имело бешеный успех у публики.

Ихил Шрайбман объясняет это двумя причинами -изголодавшимися по еврейскому слову, еврейскому театру зрителями, и увлеченностью, удовольствием, с которым играли самодеятельные артисты. Это было чудом, что после большого перерыва, когда казалось, что еврейский театр в Бессарабии умер навсегда, вдруг началось такое бурное его возрождение.

Театр принес много радости и света в те далекие, темные времена. Среди его артистов-любителей Ихил Шрайбман вспоминал Анну Гинзбург - настоящую артистку из народа, которая сама себя воспитала и теперь пользуется большой популярностью как исполнительница еврейских песен в США, так и далеко за пределами этой страны, где она сейчас живет.

В Кишиневе еще осталось несколько человек, которые были связаны с еврейским народным театром. Это, в частности, композитор Борис Дубоссарский, написавший музыку к "Гершеле Остополеру" и дирижировавший оркестром театра. На Идиш-Центре Борис вспомнил прекрасного скрипача Наума Лозника, игравшего в оркестре первую скрипку, хормейстера Зиги Штернеля, балетмейстера Александра Бихмана. Именно эти люди - профессионалы высокого класса -помогли созданию трех крепких, массовых коллективов - оркестра, хора и балета, на которых зиждется любая труппа музыкального театра.

Кроме Кишинева, театр ездил по многим городкам и местечкам Молдовы, побывал на гастролях в Вильнюсе, и везде ажиотаж среди еврейской публики был огромным.

Судьба этого театра оказалась такой же трагичной, как и судьба его руководителя Рувима Левина. Но он останется в нашей памяти, как яркая страница истории еврейского театра в Румынии и Бессарабии.

МЫ – ДЕТИ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

Название этой статьи, в которой я хочу рассказать о волнующих майских днях, связанных с Днем Иерусалима, с тридцатипятилетием со дня создания Кишиневского еврейского народного театра и с тридцатилетием со дня гибели его руководителя Рувима Левина - родилось у меня во время интервью с двумя людьми - Барухом Сакциером и Шаломом Якиром - сыновьями живших когда-то в Кишиневе еврейских писателей Мотла Сакциера и Янкеля Якира, нашедших вечный покой в Земле Обетованной.

Их рассказ, каждого в отдельности, о своем «счастливом» советском детстве, когда в 1949 г. в их дома ворвались сталинские опричники и увезли их отцов на долгие семь лет в сибирские лагеря, живо всколыхнули во мне воспоминания того же года, когда и к моему дому поздно ночью подкатил печально известный «черный ворон» и увез мою маму - еврейскую поэтессу Любу Вассерман, оставив перевернутую вверх дном после обыска квартиру и вконец растерявшегося отца, готового от отчаяния к самоубийству. И также, как Барух Сакциер в свои 7 лет научился колоть дрова, топить печку, варить еду, чтобы поддержать свою маму - бывшую актрису еврейского театра, так и я в свои 13 начал заниматься домашним хозяйством, пошел работать пианистом-аккомпаниатором, чтобы помочь выжить своему несчастному отцу - тоже бывшему еврейскому актеру, лишившемуся в одночасье спутницы жизни, матери его ребенка и любимой работы (в 1949 г. в Биробиджане закрыли еврейский театр, и папа вынужден был пойти чернорабочим на швейную фабрику). Так у нас троих, как и у тысяч детей еврейских писателей, театральных деятелей, представителей интеллигенции, репрессированных сталинским режимом, закончилось детство.

И следующая остановка по дорогам памяти, связанная с нашими отцами, - создание в Кишиневе еврейского народного театра. Я хорошо помню, какими «хождениями по мукам», т.е. по кабинетам чиновников разных рангов, пришлось добиваться открытия этого театра. Как советские «кабы-чего-не-вышлисты» перефутболивали Давида и Арона Шварцманов - главных лоббистов (об этом подробно написано в книге Давида Шварцмана «Театр моей мечты», изданной в Израиле в 1996 году), от одного бюрократа к другому, боясь брать на себя ответственность за создание очага еврейской культуры в Кишиневе, в городе, где тогда проживало 30 тысяч евреев - в три раза больше, чем во всей Еврейской автономной области.

Это было чудом, что после большого перерыва, когда казалось, что еврейский театр в Бессарабии умер навсегда, вдруг началось его бурное возрождение. У изголодавшейся по еврейскому слову, по еврейскому театру публики все спектакли имели бешеный успех. А с каким энтузиазмом, с какой увлеченностью играли, пели, танцевали эти свыше ста молодых людей 16-20 лет, не владевших театральным ремеслом, но горевших желанием творить на родном еврейском языке на радость своему народу.

Большой вклад в работу этого театра внес Мотл Сакциер, бывший заведующим литературной частью театра. Помогал театру и Янкель Якир, в доме которого обсуждали и творческие, и организационные театральные дела. Какую-то лепту в работу этого театра внес и мой отец. Будучи тогда руководителем Биробиджанского еврейского народного театра (профессионального еврейского театра после сталинского погрома 1949 года в Биробиджане больше не существовало) он, приехав ко мне в отпуск, помогал, по просьбе Рувима Левина, отрабатывать с молодежью литературный еврейский язык.

С гибелью Рувима Левина и с отъездом почти всех работников в Израиль театр прекратил в 1972 году свое существование. И вот через 30 лет, благодаря инициативе и огромной работе, которую провела глава Международного еврейского агентства «Сохнут» в Молдове Роза Бен Цви Литаи, в Кишинев на торжества, о которых я упомянул в начале статьи, прибыли из Израиля и Барух Сакциер, ставший известным скульптором, и Шалом Якир - ныне руководитель «Сохнута» в Белоруссии, и вдова Рувима Левина Хана с дочерью Ружаной, и бывший актер того легендарного театра, бывший узник Сиона Давид Рабинович.

Все они в интервью для нашей радиопередачи «Идиш лэбн» - «Хаим Еудим» выразили полный восторг от своего пребывания в Молдове, от впечатлений, связанных с жизнью нашей еврейской общины. Особенно сильно на них подействовали два события - концерт в «Сохнуте», посвященный Дню Иерусалима, и театрализованное представление «Блуждающие звезды» в театре имени М.Эминеску. О концерте в «Сохнуте», в котором принял участие автор этих строк и как исполнитель, и как руководитель музыкального клуба при «Сохнуте», ему писать некорректно. Скажу только, что в этом концерте участвовали лучшие музыкальные силы нашей общины, и наряду с музыкой, посвященной Иерусалиму, звучала и еврейская теат-

ральная музыка, как дань памяти тому театру. И потому естественным оказалось включение в программу «Концертного парафраза» на темы из классической еврейской оперетты «Колдунья». Это произведение для инструментального трио создал недавно талантливый композитор, дирижер и скрипач Борис Дубоссарский. Интересно, что он 35 лет назад дирижировал оркестром в том театре и писал для него музыку. В нынешнем же концерте он выступил и как автор блестящего «Парафраза...», и как скрипач в трио. А партию виолончели в этом трио исполнил одаренный виолончелист Марк Лозник - сын известного скрипача Наума Лозника, много сил отдавшего, как концертмейстер оркестра, тому легендарному театру Левина. Так что сквозная линия нашего повествования - родители и дети - на примере отца и сына Лозников подтверждает, что связь времен не прервалась.

Теперь о «Блуждающих звездах». Спектакль был задуман, как памятник Кишиневскому еврейскому театру и его режиссеру Рувиму Левину. Но автор этого театрализованного представления - режиссер и сценограф Юрий Хармелин вместе с Розой Бен Цви Литаи, которой принадлежит идея постановки и помощь в ее осуществлении, значительно расширили временные рамки действия, обозначив в нем основные трагические события XX века в истории еврейского народа - Кишиневский погром 1903 года, Холокост европейского еврейства в годы II-й мировой войны, убийство великого Соломона Михоэлса в годы сталинских репрессий. И, конечно, центральное место в спектакле занял рассказ о судьбе Кишиневского еврейского театра и его режиссера. И как 35 лет назад, когда в первый спектакль театра «Новая Касриловка», была включена сцена базара в Ботушанах из уже упомянутой оперетты «Колдунья» классика еврейского театра Аврома Гольдфадена, так и нынешний спектакль открылся этой же массовой сценой, которую разыграли юные воспитанники Юрия Хармелина из городского театрального лицея вместе со студентами межнациональной академии культуры и профессиональными актерами из кишиневских театров - Е.Тодорашко, В.Лопатневой, В.Довгоненко, А.Шишкиным. И очень важно, что со сцены вновь зазвучал идиш - язык наших родителей, который за годы «развитого социализма», когда вся еврейская культура находилась под запретом, сошел на нет.

Уже во вступлении к спектаклю режиссер означает прием, который сквозной линией проходит через постановку. Это - «Театр в театре», т.е. «Блуждающие звезды» - бродячие еврейские актеры, разъезжающие в кэруцэ по белу свету, разыгрывают сцены из различных спектаклей. После «Колдуньи», это «Варшавский набат», посвященный трагической судьбе Януша Корчака, затем - «А шейн мэйдл» («Красивая девочка»), связанная с трагедией Холокоста, потом - «Король Лир» в память о гениальном Михоэлсе...

Что объединяет эти, казалось бы, такие далекие друг от друга по времени и пространству произведения? Прежде всего идея: трагическая судьба еврейского народа в XX веке, переданная через судьбу еврейского театра. И потому одни и те же актеры - носители образов добра и зла, - переходят из одной сцены в другую.

Так, В.Довганенко в «Колдунье» играет Гоцмаха, в «А шейн мэйдл» Давида - мужа главной героини, в «Короле Лире» - шута. А.Шишкин соответственно - мясник в «Колдунье», отец - в «А шейн мэйдл», король Лир... И силы зла - три актера (сразу приходит на ум печально известная «тройка»). В «Колдунье» - это черносотенные бандиты времен Кишиневского погрома, в «Варшавском набате» - немецкие фашисты, в «Короле Лире» - это наблюдающие за сценой трое в кожаных пальто - опричники из карательных органов МГБ, уничтожившие великого исполнителя роли Лира.

Рувим Левин с женой Ханой и дочерью Ружаной

И еще один объединяющий элемент спектакля - огромное белое полотно, как снег, лежащее по всей сцене и трансформируещееся то в могильные холмики, то в Стену Плача, то в израильский флаг...

О режиссерских находках в этом спектакле можно было бы многое сказать, но отмечу самую выразительную, на мой взгляд, подчеркивающую общность трагических судеб учителя и ученика. Ведь Рувим Левин был студентом в Московском еврейском театральном училище, и его учителями были великие еврейские актеры Михоэлс и Зускин; и так же, как Михоэлс, он погиб под колесами автомобиля. И вот эта сценическая метафора - наплывающие из темноты две зловещие автомобильные фары вместе с ревом мотора и пронзительным скрежетом тормозов - возникает и после сцены из «Короля Лира», и после сцены с куклой Арлекин. (Рувим Левин до прихода в еврейский театр работал в кукольном театре «Ликурич», и у найденной там кукловодом М.Мадан для нынешнего спектакля куклы Арлекин лицо, как две капли воды, похоже на лицо Рувима).

Огромную роль в эмоциональном восприятии спектакля играет музыка, подобранная авторами постановки. Здесь и прекрасные в своей наивности и простоте мелодии из «Колдуньи», и достигающие драматических высот еврейские песни в исполнении великой певицы Нехамы Лифшиц (Лифшицайте).

И сейчас самое время сказать еще об одной паре - родители и дети. Думается, не будь руководительница «Сохнута» в Молдове Роза Бен Цви дочерью Нехамы Лифшиц, мы бы не увидели всего того, что произошло в эти майские дни. Я хорошо помню концерт Нехамы в Кишиневе тридцатилетней давности, приблизительно в те же времена, когда играл свои спектакли театр Левина. Ее выступление превратилось в настоящую политическую демонстрацию в поддержку попранной еврейской культуры, свет которой несла Нехама в своих песнях. И вот сейчас ее дочь собрала нас - следующее поколение еврейской творческой интеллигенции здесь, в Кишиневе, и благодаря своей инициативе, своей поддержке подарила всем нам незабываемый праздник.

И завершить свое эссе мне хочется словами гостя из Израиля, бывшего актера того театра, бывшего узника Сиона Давида Рабиновича, который в восторженном отзыве о спектакле «Блуждающие звезды» сказал в своем интервью радиопрограмме «Идиш лэбн»: «Сегодня мы увидели, как кипит в Кишиневе еврейская общинная жизнь, здесь чувствуется еврейское слово, еврейская душа, еврейские традиции.

Это оставило очень сильное впечатление. Мне трудно говорить от волнения, я чувствую спазмы в горле, потому что это мне напомнило дела 35-летней давности, дела моей юности. Самое главное - приятно видеть, что не забыта та деятельность, которой мы занимались тогда полуподпольно в театре, подпольно в ульпанах, и сейчас посеянные нами всходы взошли».

«КОЛ НИДРЕЙ» В ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ

Органный зал Кишинева - один из лучших концертных залов Европы. Здесь радуют глаз дивный интерьер в бело-голубых и золотистых тонах, стройные колонны и красавица люстра, здесь радует атмосфера высокого искусства, которая создается благодаря выдающимся музыкантам со всего мира, охотно выступающим в этом зале. «У вас изумительный Органный зал с прекрасной акустикой, отличный рояль «Стенвэй», настоящие ценители и любители классической музыки, а в интерьере есть подлинный аристократизм» - так отозвался талантливый австрийский пианист Олег Майзенберг об этом зале после гастролей в Кишиневе.

Олег - наш земляк, воспитанник местной музыкальной школы - десятилетки, где обучался у Людмилы Ваверко и Якова Зака, в свое время он окончил Московский музыкальный институт им. Гнесиных и был вынужден уехать за границу, так как его бывшая родина проявила полное равнодушие к его творческой судьбе. Сейчас

он разъезжает с гастролями по всему миру, но не забывает и свой родной город. А вспомнил я его высказывание в связи с юбилеем - 25-летием Органного зала. Читатели могут спросить, какое отношение имеет юбилей этого зала к еврейской газете? Дело в том, что юбилейный концерт, программа которого отбиралась с особой тщательностью, имел определенный еврейский акцент. За дирижерским пультом весь вечер стоял американский дирижер Альфред Гершфельд, а в программу концерта, наряду с произведениями Вивальди, Дворжака, Моцарта, Шуберта, молдавского композитора Коки, была включена и знаменитая пьеса для виолончели композитора Макса Бруха «Кол Нидрей».

Альфред Гершфельд не случайно был приглашен дирижировать юбилейным концертом. Ведь вместе с 25-летием Органного зала здесь отмечали пятнадцать лет со дня создания Камерного оркестра филармонии, дающего постоянно концерты в Органном зале, и именно Альфред Гершфельд, тогда еще живший и работавший в Молдове, был создателем и первым дирижером этого оркестра.

И вот новая встреча со своим коллективом, в этот вечер исполнявшим оркестровые произведения, аккомпанировавшим хоровой капелле «Дойна», солистам, среди которых была прославленная молдавская певица Мария Биешу. А предложил включить «Кол Нидрей» в юбилейную программу одаренный виолончелист, профессор Молдавской музыкальной академии Ион Жосан. В беседе с автором этих строк Жосан сказал, что он очарован прекрасной музыкой Бруха, и ему хотелось сделать подарок евреям Молдовы в дни, когда еврейский народ отмечает свои осенние праздники, среди которых и Ём Кипур, где звучит молитва «Кол Нидрей». О том, что симпатии Иона Жосана к нашему народу искренни, свидетельствует тот факт, что он постоянно принимает участие в концертах еврейской музыки, что на кафедре струнных инструментов Музыкальной академии, которую он возглавляет, он собрал известных в Молдове музыкантов-евреев - Александра Каушанского, Наума Хоша, Бориса Дубоссарского. А они, в свою очередь, называют Иона Жосана, шутя и любовно, своим отцом и защитником.

Что можно сказать об исполнении «Кол Нидрей»? Это была вдохновенная игра и солиста Жосана, и оркестра под управлением Гершфельда, не оставившая никого равнодушным в Органном зале. Впрочем, для меня всегда мучительно трудно описывать исполнение музыки, невозможно найти словесный эквивалент чарующим звукам. Надеюсь, что в исполнении Иона Жосана мы еще не раз услышим великую музыку «Кол Нидрей», волнующую наши сердца так же, как и молитва, звучащая на протяжении многих столетий в Ём Кипур.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С НОВЫМ АНСАМБЛЕМ

Последняя декада июля в Кишиневе была насыщена еврейской музыкой. Здесь прошел 5-ый клэзмерский фестиваль “Бесарабер лид”, который был организован

Кишиневским еврейским общинным центром (директор А.Бацманова) при спонсорской поддержке “Джойнта” и Еврейского конгресса Молдовы. Кроме представителей из городов Молдовы - Кишинева, Бельц, Бендер, Рыбницы - в фестивале приняли участие и гости из Украины, Австрии, Германии. На заключительном концерте, прошедшем в одном из лучших театральных залов - в театре имени Эминеску, среди 53 участников фестиваля наиболее ярко проявили себя певцы - Евгения Лопатник из Харькова, Роман Гринберг - бывший бельчанин, ныне житель Вены, кишиневец Слава Фарбер. А среди инструменталистов хотелось бы выделить двух кларнетистов - Геннадия Фомина из Харькова и кишиневца Александра Данилова. Общий уровень фестиваля был довольно высокий, хотя, на мой взгляд, программа была несколько затянута и перегружена теми номерами, которые ни к клезмерской музыке вообще, ни к “Бесарабер лид” в частности, не имели никакого отношения.

А предварил этот фестиваль московский вокально-инструментальный ансамбль “Дона”, на выступлении которого мне бы хотелось остановиться подробней, потому что его достоинства и недостатки характерны для многих молодых еврейских коллективов и в СНГ, и в других странах. Этот ансамбль, созданный несколько месяцев назад, совершает свою первую поездку “по маршруту бывшей черты оседлости” (так назван их проект). Перед Кишиневым они побывали в Бельцах и Сороках, дальше путь лежит в Одессу. А программа концерта названа - “жемчужины еврейской песни”. Действительно, почти все песни, которые поет “Дона”, очень популярны, они на слуху у еврейской аудитории во всем мире, и потому публика их слушает с большой охотой.

Ансамбль подкупает своей манерой исполнения - тонкой, лиричной, проникновенной, без лишнего шума и грохота, так свойственного нынешним эстрадным коллективам. Высокая музыкальная культура исполнения, интересные, свежие оранжировки популярных песен (музыкальный руководитель Михаил Стародубцев, музыкальный консультант Хольгер Лампсон из Германии), наконец, способные солисты-вокалисты, среди которых выделялась своей одухотворенностью Ольга Городкова - вот те слагаемые, которые вызывают энтузиазм у человека с улицы, пришедшего на концерт “Доны” и бурно встречавшего каждый номер.

Для меня же - музыканта-профессионала, посвятившего себя еврейской культуре, для которого язык идиш - это его любовь и боль, к ансамблю “Дона” большие претензии. Идиш у певцов откровенно плох, чувствуется, что их научили петь на этом языке, который для них чужой, и научили неважно. Как и в немецком языке, в идише недопустимо проскакивание гласных звуков между двумя, тремя, четырьмя согласными в окончании слова. А у солистов “Доны” мы слышим сплошь и рядом “гефорен” вместо “гефорн”, “гезесен” - вместо “гезесн”, “файерел” - вместо “файерл”, “”нигндел” - вместо “нигндл”. Вообще, этой замечательной песенке “Хобн мир а нигндл” не повезло у “Доны”. Они, видимо, не зная, использовали советский вариант текста, когда важнейшая строка “бай ды змирес”, обозначающая, что эту песню поют во время субботних змирес, была опущена по идеологическим

соображениям.

Плохое знание произношения на идиш сказывается в педалировании буквы hэй в начале слов, когда она звучит, как настоящее украинское "х", в нечетком произношении слов, но этот уже скорей относится к дикции певцов.

Особый протест у меня вызывает "русифицирование" самых популярных еврейских песен. Видимо, рассчитывая на полностью ассимилированных евреев России, совершенно не знающих свои родные напевы, автор большинства русских текстов А.Пинский вставляет эти тексты в музыкальную ткань мелодии, трансформируя еврейские песни в русские. Так, в знаменитой "Ойфн припичек" (а не "Припечек", как указано в программе), сделанной музыкально с большим вкусом, на идиш звучат всего 2 куплета - первый и повторяющий его последний, остальные по-русски. А в песне "Фрилинг" - музыка А.Брудно, текст Шмерке Кочерчинского - на идиш осталось только название песни. Такой же русский мы услышали и в "Рэбе Элимейлэх", и в ""Койфт же папиросн", и в "А идише мамэ" (в программе написано "Аидише", т.е. в "Доне" не знают, что "а" - это артикль, и пишется отдельно от слова). Мне понятно стремление донести до не знающих идиш содержание песен, но ведь это можно сделать кратко в программах, а не нарушать аромат еврейской классической песни чужим языком. Да и перевод в художественном плане сильно уступает оригиналу, что особенно почувствовалось в песне на стихи Ицика Фефера "Кренеце" (а не "Кренетце", как написано в программе). И, конечно, самое начало программы, когда ансамбль открыл концерт своей "фирменной" песней "Дона" и начал петь ее по-русски, как бы обозначив свой лейтмотив, повергло меня в уныние, хоть я и отдал должное той исполнительской манере, о которой говорил выше.

Хочется верить, что у этих способных ребят не закружится голова от тех аплодисментов, которые они услышали в Молдове. Они стоят только в начале пути, и им предстоит еще много работать и в плане ликвидации непрофессионального отношения к языку идиш, и в плане ансамблевой игры, которая не везде была выверена, и особенно, в русскоязычной версии еврейской классики.

Уверен, что среди идишской элиты и у нас в СНГ, и в Израиле, Америке, других странах, они с нынешним идишем не найдут того приема, который заслуживают своей молодостью, обаянием, музыкальностью.

РАЗМЫШЛЯЯ О ФЕСТИВАЛЕ «БЕСАРАБЕР ЛИД»

В Кишиневе недавно закончился 6-й Международный фестиваль еврейской клэзмерской и народной музыки "Бесарабер Лид". По поводу определений: действительно "международный", потому что в нем принимали участие представители Австрии, России, Украины и Молдовы. А вот в отношении "клэзмерской и народной" хотелось бы поспорить, потому что в заключительном концерте фестиваля звучало много эстрадной и даже джазовой музыки, так что еврейская музыка была

представлена в жанровом плане довольно широко, хотя не все, что прозвучало, следовало выносить на заключительный концерт. Что же касается "Бесарабер лид", то к сожалению ее было, как и на прошлых фестивалях, очень мало. Вообще, в этом году фестиваль висел на волоске, т.к. местные еврейские организации и "Джойнт" из-за резкого сокращения бюджета не смогли его профинансировать. Но тут на помощь пришли наши земляки из Австрии - руководитель Венского еврейского хора Роман Гринберг и руководитель ансамбля еврейской музыки "Шолом Алейхем" из Вены Исаак Лоберан. Они не только добились финансовой поддержки этого фестиваля от Министерства Иностранных дел Австрии, но и дали в Вене благотворительный концерт, вся выручка от которого пошла в пользу "Бесарабер лид". Кроме того, гости из Вены привезли подарки и материальную помощь еврейским и нееврейским детям - инвалидам Молдовы.

Надо признать, что именно эти 2 коллектива, особенно Венский хор, были лучшими на фестивале. Хор выделялся высоким профессионализмом, хотя из 40 человек всего несколько с музыкальным образованием. Подкупали в их исполнении и самоотдача, энтузиазм, с которыми хористы музицировали, и прекрасные аранжировки руководителя хора Романа Гринберга, и широкий репертуар, в который входят произведения на трех еврейских языках - идиш, иврит и ладино. Скажу откровенно, что я впервые услышал такое направление в еврейской музыке - хоровой джаз. Терпкие гармонии, джазовые ритмы - такова интерпретация популярных еврейских песен, и это, благодаря мастерству хора и его руководителя, к тому же блестящего джазового пианиста, убеждало.

Роман Гринберг дал на идиш интервью для моей радиопрограммы "Идиш лэбн", из которого я много узнал о его детстве в Бельцах, где он делал первые шаги в музыке - учился в детской музыкальной школе, о его жизни в Израиле, о его учебе в Венской музыкальной академии по классу хорового дирижирования и на факультете джаза. И в память о своем родном городке Роман спел на заключительном концерте фестиваля "Майн штэтэлэ Бэлц", пел без инструментального сопровождения, в канторской манере, пел замечательно. Из солистов его хора хотелось бы отметить юную Клару Трой, трогательно исполнившую популярную израильскую песню "Эрэц, эрэц", а также сестер Бэлцер в дуэте "Вэн ду лахст". Обращает на себя внимание и ясный, четкий идиш, на котором поют и солисты, и весь Венский хор. Такой же грамотный идиш и у солистки ансамбля "Шолом-Алейхем" очаровательной Мирьям Зильберт. Видно, в Вене к нашему мамэ-лошн относятся с должным вниманием, чего не скажешь о некоторых других участниках фестиваля, чей идиш и дикция оставляли желать много лучшего. Я понимаю, что собрались в основном, самодеятельные певцы и музыканты, которые на протяжении 4-х дней учили новые еврейские песни, клэзмерскую музыку, но все-таки на заключительный концерт такого фестиваля следовало отбирать более тщательно, потому что исполнение с плохим вкусом, с плохим языком, в неряшливых, непродуманных костюмах тоже воспитывает, но со знаком минус.

И все-таки заканчивать рецензию хотелось бы на мажорной ноте, потому что кроме гостей из Вены были запоминающиеся выступления и местных певцов и музыкантов - это, прежде всего Ефим Черный с премьерой песни "Дэр идишер нигн", которую ему накануне прислал из Нью-Йорка Лорин Скламберг, это - ансамбль "Фрэйлэхс" из Рыбницы и его солистка Оксана Садовник, исполнившие "Шпилт же мир, клэзморимлэх, а кешеневер штикелэ", вполне вписывающиеся в название "Бесарабер лид", это музыканты-инструменталисты Александр Данилов (кларнет) и Сюзана Геркус (фортепиано).

Хочется надеяться, что фестиваль "Бесарабер лид" будет жить и будет нас радовать бóльшим соответствием своему названию и более высоким исполнительским мастерством.

ПУСТЬ ЧАЩЕ ЗВУЧИТ «КОЛОКОЛЬЧИК»

У Златы Ткач - известного молдавско-еврейского композитора, кроме таланта сочинителя музыки и огромной работспособности, есть еще умение зажигать своим творчеством, объединять вокруг себя исполнителей, литераторов. Поэтому произведения на стихи местных авторов постоянно встречаются в ее творениях. Подтверждает мои слова только что выпущенный сборник романсов "Дос глэкэлэ", где бóльшая часть литературного текста принадлежит нашим землякам - М.Лемстеру, Л.Беринскому, П.Анчел-Барочиной, М.Метляевой ...

Надо признать, что отношения у Златы Ткач с еврейской музыкой, к которой она обратилась 15 лет назад, сложились очень удачно. Почти все, что она пишет, не залеживается в авторском портфеле, а звучит силами местных музыкантов в концертах не только в Молдове, но и в Израиле, Швеции, России, Америке и совсем недавно в Германии (Берлине) на 100 летнем юбилее Башевица-Зингера.

Нынешний сборник "Дос глэкэлэ" ("Колокольчик") - уже четвертый, выпущенный за последние годы Златой Ткач в жанре еврейской вокальной музыки. Этот жанр доминирует у композитора, видимо, отвечая тонким лиричным струнам души женщины-музыканта.

Несмотря на разнообразие тем и образов, сборник имеет свою внутреннюю драматургию, он составлен по принципу констрастного сопоставления двух частей, прежде всего по языку и, если можно так выразиться, по полу. Если первая часть сборника на стихи поэтов-мужчин состоит из произведений на идиш, то вторая часть написана на русские стихи еврейских женщин-поэтесс. И в то же время в сборнике присутствует сквозная линия, превращающая его в единое целое. Это - размышления о смысле жизни, о грядущем, о назначении человека на земле. Не случайно Злата назвала весь сборник "Колокольчик" по одному из романсов на стихи Моисея Лемстера, поэзия которого особенно близка композитору. "Дос глэкэлэ" ("Колокольчик") - по образному мышлению Лемстера - это человек на

земле, а земля – Божья овечка.

"По звездным полям носится изумрудная овечка – планета Земля, и каждый человек на ней – колокольчик (глэкэлэ), чей звон позволяет Б-гу услышать землю".

Романсы на стихи Моисея Лемстера занимают бóльшую часть первой - идишской половины сборника. Кроме "Колокольчика" в этот цикл входят лиричнейший "Когда ты первая" и философский "Я не уйду". А в другом вокальном цикле на стихи Моисея Лемстера "Вандэрштокс гешихте" ("История посоха") речь идет о судьбах еврейского народа в галуте, о его надеждах на будущее.

Кроме Моисея Лемстера, в еврейской части программы представлены замечательные стихи Переца Маркиша "Роза" и Ицика Фефера "Вымерший", а также стихотворение нашего земляка, ныне известного израильского поэта Льва Беринского "Феникс". И всем этим стихам Злата Ткач находит соответствующий музыкальный эквивалент, где современное композиторское письмо накладывается на глубину и естественность чувств, на поэтическую возвышенность.

Что касается "женского" раздела сборника, то сюда включены романсы лирического содержания на стихи поэтесс, с которыми Злата Ткач давно поддерживает близкие творческие отношения. Это - Мира Метляева, Паулина Анчел, Эмилия Слезингер...

Что же еще, кроме общей идеи человека-колокольчика объединяет весь сборник? Это размышление о смысле жизни, о грядущем. Например, последний романс из цикла "Вандэрштокс гешихте" заканчивается вопросом: "Вос же вайтер?" ("Что же дальше?"). Своеобразный ответ на него можно найти в двух других романсах: "Х'вэл ныт авэкгейн" ("Я не уйду") на чудесные стихи Моисея Лемстера ("Я не уйду, и после смерти останусь на земле – прольюсь дождем на засушливом поле, пройдусь теплым ветерком, огоньком ханукальной свечи, лучиком звезд над своим местечком") и в "Я не хочу загадывать вперед" Мирославы Метляевой – таком же тонком и пронзительном.

Теперь, после выпуска четвертого вокального сборника Златы Ткач, хотелось бы увидеть изданными и инструментальные еврейские произведения автора. Они заслуживают внимания пианистов, скрипачей, виолончелистов, и способны украсить любую концертную программу.

ДОРОГИЕ ГОСТИ

Признаюсь, что давно не испытывал такого душевного волнения, как несколько дней назад, когда в Кишинев прибыл настоящий военный десант из Израиля - 180 солдат, офицеров, генералов Цахала.

В Израиле существует такая программа "Свидетели в форме", суть которой в том, что ежегодно большая группа военнослужащих посещает места Холокоста в Польше, а на обратном пути знакомится с жизнью какой-нибудь крупной еврей-

ской общины Восточной Европы. После Праги, Братиславы, Будапешта, Киева, Одессы - наступил черед Кишинева.

Всего сутки пробыли дорогие гости из Израиля в столице Молдовы, но их пребывание было насыщено многими мероприятиями и встречами. Они посетили обе еврейские школы, где пришли в восторг от детишек, которые с ними разговаривали на иврите и показали знания и в истории еврейского народа, и в истории Израиля. Они совершили экскурсию по еврейским местам Кишинева, а на мемориале жертвам Кишиневского погрома провели траурный митинг с возложением цветов к памятнику совместно с военнослужащими Молдовы.

Но эпицентром и кульминацией визита стал торжественный вечер в Большом зале Молдавской филармонии, в котором приняли участие представители правительства Молдовы, дипломаты разных государств, аккредитованные в Кишиневе, активисты Кишиневской еврейской общины. Когда в зал вошел этот огромный армейский десант из Земли обетованной, все присутствующие приветствовали стоя защитников Израиля и выражали свои чувства бурными аплодисментами. Такими же аплодисментами прерывались выступления посла Израиля в Украине и Молдове Наоми бен Цви, бригадного генерала Ицика бен Тов - руководителя армейской делегации, директора "Сохнута" в странах СНГ Кароля Унгара, чья организация взяла на себя доставку десанта в Молдову. И также бурно поддержал зал заявление Председателя Ассоциации еврейских организаций и общин Молдовы Якова Тихмана с осуждением высказываний, как он назвал, бандита-президента Ирана об уничтожении Израиля.

В этот вечер можно было наблюдать много трогательных картин, свидетельствующих о нашей общей судьбе. Известно, что каждый пятый солдат Цахала - это оле из стран СНГ. Среди военных, прибывших в Кишинев были также выходцы из Молдовы, и Ицик бен Тов выразил благодарность их родителям, находящимся в зале, которые отправили своих детей в Израиль защищать нашу страну. И, наверное, никто в зале не смог сдержать слез, когда на сцену вызвали Владимира Герценштейна, чья дочь служит в армии Израиля, и он увидел ее после двухлетней разлуки и заключил в свои объятия. Ему сделали сюрприз, вызвав дочь накануне из Израиля, и ее появление на сцене было для отца полной неожиданностью. Ицик бен Тов объявил, что дочери предоставляется за отличную службу недельный отпуск, чтобы она смогла побыть с родителями.

И еще трогательный момент: когда бригадный генерал от имени армии Израиля поблагодарил кишиневских евреев - убеленных сединой ветеранов войны с немецкими фашистами, сидящих в первом ряду партера с многочисленными орденскими колодками на груди, весь израильский десант, как будто по команде, поднялся со своих мест, и отдал честь воинам-победителям.

В музыкальной части программы выступали представители Молдовы - популярный певец Исаак Фарбер, молдавские танцоры, зажигательно сплясавшие знаменитую "Молдавеняску", а также группа солдат из Израиля - три девушки и парень,

певшие популярные израильские песни. И опять эмоциональный всплеск - весь зал, стоя и со слезами на глазах слушал (а израильские военные и подпевали) песню, посвященную жертвам арабского террора. А в конце вечера, когда зазвучала "Алилуя", еврейская молодежь Кишинева выбежала на сцену и вместе с израильскими гостями, обнявшись, пели эту замечательную песню, которая плавно перешла в "Атикву". Этот незабываемый вечер дал нам еще раз возможность пережить и почувствовать, что мы - один народ с одной судьбой. И в этом заключается самое важное воспитательное значение визита дорогих гостей из Израиля.

БЕССАРАБСКИЙ СТИЛЬ

Под таким названием выпустила недавно Еврейская библиотека имени Ицика Мангера библиографический сборник, составленный сотрудницей библиотеки Саррой Шпитальник и посвященный жизни и творчеству бессарабских писателей, творивших на идиш. Сарра Шпитальник с 1991 года заведует библиографическим отделом Еврейской библиотеки. Она - автор и составитель библиографических и методических пособий, в рамках проекта "Имена" собирает и обрабатывает информацию о вкладе евреев в культуру и науку Молдовы. Свой новый сборник автор составила из двух частей: 1-я часть - обзорная статья "Еврейские писатели Бессарабии" - содержит небольшое вступление, где автор объясняет название сборника, что она понимает под "бессарабским стилем" в идишской литературе. Главное - это любовь к родному краю, к родной земле, которая этих писателей породила и выпествовала.

Отличие бессарабских евреев от евреев других регионов, заключающееся в их жизнелюбии, трудолюбии и привязанности к родной земле, нашло свое отражение в творчестве всех писателей - выходцев из Бессарабии (а их Сарра Шпитальник собрала почти семьдесят! под одной крышей). В качестве единомышленника, отмечающего и восхищающегося особенностями бессарабского идиш, особенностями бессарабского еврейства, среди которого было больше земледельцев, чем в других странах, автор сборника привлекает Давида Бергельсона. Вот его цитата, приведенная во вступлении: "Между Днестром и Дунаем простирается поле бессарабского еврея. Из сотен еврейских деревень распространяется запах плантаций табака и виноградников, аромат кукурузных полей и заготовленного сухого корма для овец и коров...".

Говоря еще о самобытности "бессарабского стиля" в еврейской литературе. С.Шпитальник подчеркивает привязанность бессарабских писателей к своему штетлу, к традициям и духовным ценностям, привитым им с детства, к дружеским отношениям с другими этносами, населяющими этот край, в первую очередь к молдаванам. Бессарабский идиш вобрал в себя молдавенизмы, к которым прибегали и прибегают писатели из этих мест.

В то же время бессарабцы испытали на себе влияние классиков еврейской литературы, еврейского фольклора, подобно другим представителям поэзии и прозы на идиш.

Первую часть своей публикации Сарра Шпитальник посвятила обзору творчества идишских писателей, оставивших значительный след в еврейской литературе, живших между Днестром и Дунаем в границах Бессарабии до 40 года. Автор проходит по еврейским штэтлам и городам с севера на юг и выявляет многих из тех, для кого литература на идиш стала судьбой, самой жизнью. Хотин, Новоселица, Секуряны, Бричаны, Липканы, Окница, Атаки, Единцы, Сороки, Згурица, Маркулешты, Рышканы, Капрешты, Теленешты, Бельцы... Сколько ярких, блистательных имен дал еврейской литературе только север Бессарабии! Я назову несколько из них, не вошедших во вторую часть сборника, где автор более подробно останавливается на творчестве наиболее известных (по ее мнению) идишских писателей. И так, говоря о севере Бессарабии, упоминается Моше Гицис, Берл Ройзен, Борис Хаис, Давид Сельцер, Ента Маш, Меир Харац, Михоел Фельзенбаум, Яков Фихман, Зелик Бердичевер, Айзик Рябой, Ариэль Капров, Мойше Пинчевский... На мой взгляд, Яков Фихман, Зелик Бердичевер, Меир Харац, Ента Маш, Лейзер Подрядчик заслуживают не меньше внимания, чем писатели, которых автор включила во 2-ю часть сборника, но видимо, объем небольшой книжечки не позволил ей это сделать, а может быть творчество нижеследующих писателей ей более близко и знакомо. Так или иначе, но Шпитальник упоминает во 2-й части 13 имен: Липканский олимп - Мойше Альтман, Элизер Штейнбарг, Яков Штернберг, затем Ицхак Корн, Эфраим Оербах, Ицик Мангер, Мотл Сакциер, Янкл Якир, Герц Ривкин, Залман Розенталь, Ихил Шрайбман, Борис Сандлер, Мойше Лемстер. Каждому их них автор посвящает небольшую главу с фотографией писателя, короткой биографией и очень лаконичным анализом творчества, учитывая, что это не литературоведческий труд, а библиографический справочник. И все-таки чувствуется, что автор "перелопатила" уйму литературы, как на идиш, так и на других языках, чтобы создать широкую панораму еврейских писательских имен - выходцев из Бессарабии, вызвать из небытия и познакомить современных читателей с незаслуженно забытыми авторами. О важном значении этого сборника говорил на презентации "Бессарабского стиля" наш патриарх Ихил Шрайбман, профессор Яков Копанский, автор этих строк. Здесь же звучала проза и стихи авторов, упомянутых в сборнике, исполнялись песни на стихи И.Мангера, З.Бердичевера... Была, конечно, отмечена бросающаяся в глаза некоторая небрежность, связанная с компьютерным набором и жесткими сроками выпуска, сказавшаяся в опечатках в фамилиях писателей, датах рождения и смерти, в неточностях транскрипции еврейских названий русскими буквами.

Сейчас автор работает над вторым изданием "Бессарабского стиля", потому что первое вышло очень маленьким тиражом и сразу же разошлось. Хочется надеется, что неточности, ошибки при напечатании будут устранены, а такой сборник прос-

то необходимо издать на идиш.

Его ценность несомненна.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ В ЭФИРЕ

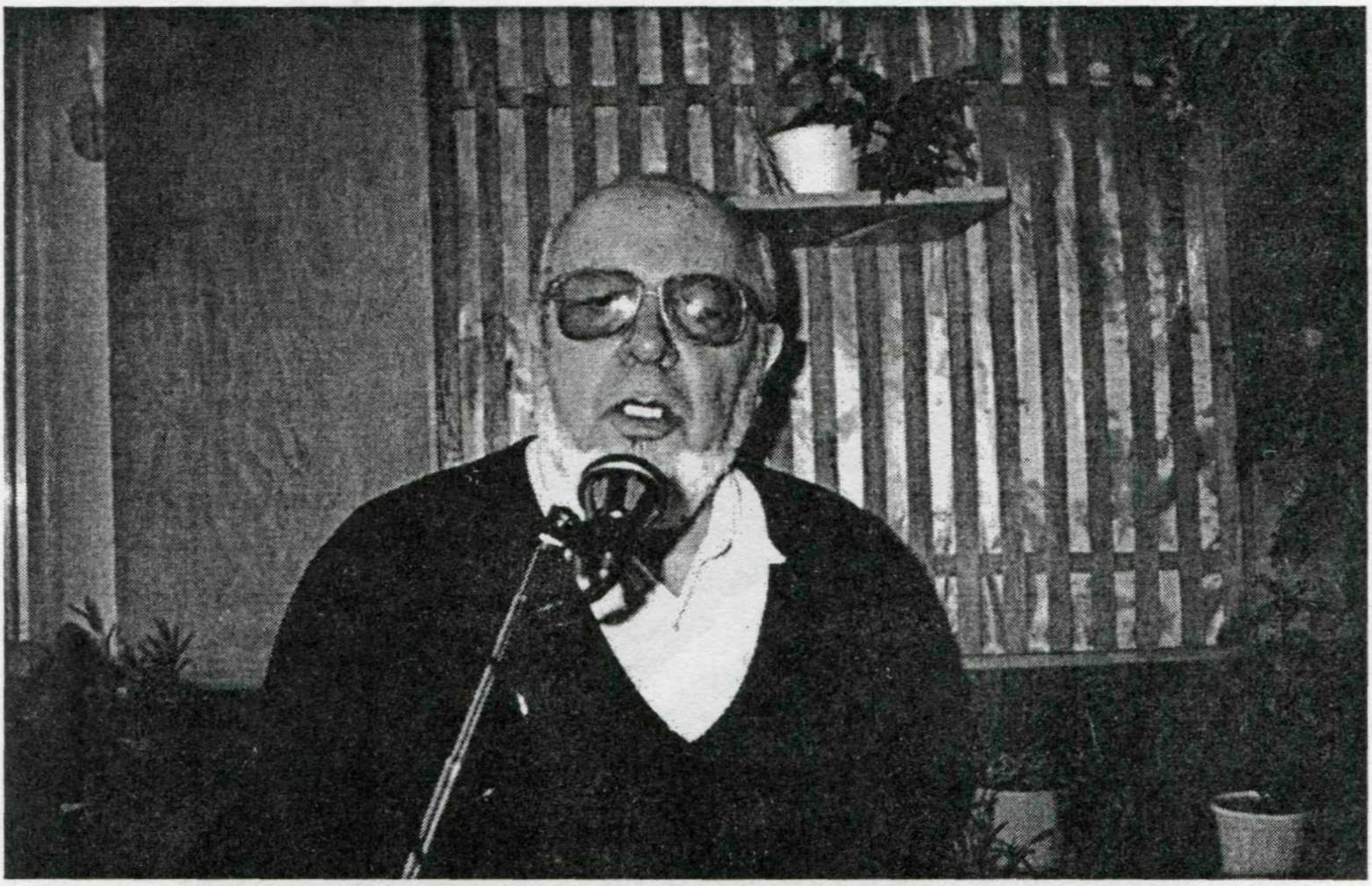
Это было в 1990 году, в канун Хануки, когда впервые за всю историю Радио Молдовы в эфире зазвучала еврейская музыка и на её фоне - приветственные слова на идише и иврите: «Шолем-алэйхем, тайере фрайнт! Шалом, едидим якарим!». Так, вместе с телевизионной передачей «Аф дэр идишер гас», родился радиожурнал «Идиш лэбн».

Помню, какую бурную энергию мы развили тогда вместе с сопредседателями Общества еврейской культуры Молдовы Борисом Сандлером и Владимиром Биткиным, чтобы добиться разрешения властей на существование этих программ, сколько порогов пришлось обивать, выстаивать в очередях к высоким начальникам. Со стороны Правительства Молдовы, со стороны руководства Гостелерадио (ныне Общественной компании «Телерадио-Молдова») мы встретили доброжелательное отношение, которое чувствуем и по сей день. Но никто не преподнёс нам еврейское радио и телевидение на блюдечке с голубой каёмочкой. Нас двигал вперед мощный заряд энтузиазма, стремление внести свой вклад в возрождение и развитие еврейской культуры в Молдове.

Избранная с самого начала форма передач - радиожурнал - оказалась наиболее гибкой, и она выдержала испытание временем. Определились постоянные и всегда актуальные рубрики: «Еврейские новости», «Еврейский радиокалендарь», «Литературные страницы», «еврейские праздники», «Антисемитизм – история и современность», «Театра у микрофона». Но жизнь подкидывает для «Идиш лэбн» столько разнообразного материала, что всякий раз ломаешь голову, как за два выпуска в месяц, по 30 минут каждый, вместить всё, что хотелось бы. За 15 лет существования «Идиш лэбн» вокруг неё образовался авторский актив, регулярно выступающий в эфире. Это, прежде всего, был (как горестно писать в прошедшем времени!) наш знаменитый еврейский классик Ихил Шрайбман. В фонадх «Идиш лэбн» сохранилось много записей выступлений Ихила Исааковича, и они еще долго будут звучать в наших программах.

Все передачи, посвященные еврейским праздникам, по традиции открывает главный раввин Кишинёва и Молдовы рэб Залман Абельский. Известный библиограф Сарра Шпитальник ведет ежемесячный радиокалендарь, где рассказывает о выдающихся евреях - писателях, артистах, музыкантах, ученых, военачальниках. В программах «Идиш лэбн» выступали и выступают руководители всех международных еврейских организаций, аккредитованных в Молдове, а также лидеры местных еврейских структур. В наших передачах звучит и иврит, и румынский, и русский языки, но особое внимание мы уделяем «мамэ-лошн», нашему дорогому

идишу, который переживает сейчас не самые лучшие дни. А ведь в Молдове живут ещё немало евреев, для которых идиш был и остается родным языком. Конечно, это, в основном, пожилые люди, и они - наши главные слушатели. А молодежи хотелось бы пожелать учить идиш, вслушиваться в звучание языка, на котором говорили их отцы и деды.

15 лет в эфире "Радио Молдова"

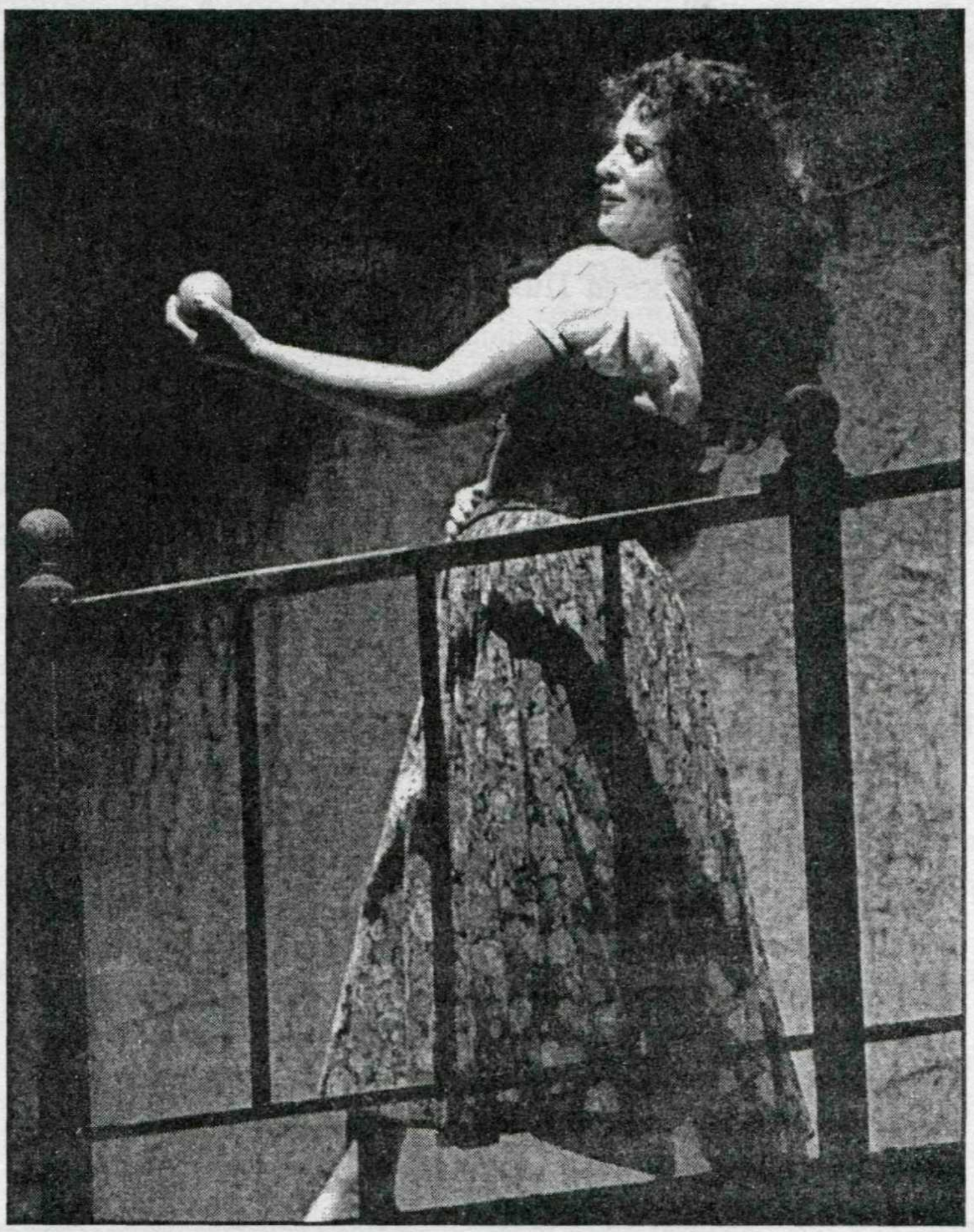
А какие замечательные еврейские песни звучат в «Идиш лэбн»! За 15 лет удалось собрать огромную фонотеку с голосами таких прекрасных певцов, как Михаил Александрович, Дуду Фишер, Хава Альберштейн, Сидор Беларский, Нехама Лифшиц, Эмиль Горовец, наша Ирина Мишура - ныне звезда мировой оперной сцены. Кстати, мы (по заявкам) проводим концерты, которые слушают не только евреи, и часто именно неевреи в своих письмах просят передать полюбившиеся им еврейские песни. Совсем недавно на имя редакции пришла бандероль от адвоката Бориса Друцэ - автора недавно вышедшей книги «Flori de dor pentru Şalom». Кроме этой книги, там был и присланный в подарок редакции компакт-диск с несколькими песнями на иврите, которые Б.Друцэ исполняет с юной певицей Юлией Фока. Они обязательно прозвучат в эфире. В фонотеке хранятся голоса еврейских писателей более молодого поколения – наших земляков Бориса Сандлера, Моисея Лемстера, Михаила Фельзенбаума, которые периодически появляются на радиостраницах «Идиш лэбн». Звучит здесь и любимая всеми Анна Гинзбург, и знаменитая Сиди Таль, и великий Михоэлс. Но самый дорогой экспонат - живой голос

Шолом-Алейхема, выступавшего в 1914 году на открытии еврейского этнографического музея в Петрограде.

Дважды в месяц по средам, в восемь вечера звучат музыкальные позывные «Идиш лэбн», звучит мой родной идиш, замечательная еврейская музыка, и все пятнадцать лет я не могу к этому привыкнуть, и каждую передачу ощущаю, как чудо, как-то ханукальное чудо, благодаря которому еврейский огонь горит в наших сердцах уже более двух тысяч лет.

Глава Четвертая

ИМЕНИТЫЕ ЛИЧНОСТИ В ЕВРЕЙСКОМ МИРЕ - МОИ ДРУЗЬЯ И ЗНАКОМЫЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЕВРЕЙСКОЕ АГЕНТСТВО «СОХНУТ»

ул. Пушкина 24,
тел. 22-33-05, 24-05-16

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН

проводит очередную встречу на тему

Еврейская музыка в творчестве Златы Ткач

ИСПОЛНИТЕЛИ:

струнный квартет Молдавской филармонии
Анжела Пихут - сопрано
Вячеслав Вульпе - баритон
Николай Черный - скрипка
Серго Бенгельсдорф - фортепиано
Ученики композиторского класса Златы Ткач при «Сохнуте» -
Дина Вайсельбух и Игорь Васильковский

Руководитель Клуба - Серго Бенгельсдорф

В фойе открыта персональная выставка художницы
Анны Затуранской-Галбен

Мы ждем Вас
31 января в 15-00
по адресу:
ул.Пушкина, 24, 4 этаж
вход свободный

Серго Бенгельсдорф

ЛЕОНИД ГОРОВЕЦ РАССКАЗЫВАЕТ

В конце июля - начале августа проходила «Неделя израильской культуры в Мол дове». Несомненно, что ее кульминацией, доминантой стала презентация изра ильского художественного фильма «Кофе с лимоном». После просмотра фильма прошедшего с большим успехом, я взял интервью у режиссера фильма Леонида Горовца.

- Леонид, прошу Вас представиться нашим читателям.

- В Израиле я представлялся первое время как режиссер фильма «Дамский порт ной», это было там моей визитной карточкой. Кстати, над «Дамским портным» работал с Вашим земляком, композитором Сергеем Беринским.

- Простите, что я Вас перебиваю, но все-таки наш еврейский мир очень те сен. Недавно в Москве была конференция стран СНГ по проблемам еврейско музыки, и там я познакомился с Сергеем Беринским, и он мне тоже рассказы вал о фильме «Дамский портной» и оценивал, как одну из самых важных свои работ в еврейской музыке.

- Действительно, наш мир очень тесен, следующую свою картину в Израиле снимал тоже с Вашим земляком, оператором из Кишинева, который живет в Изра иле, Валентином Белоноговым. Оператор, который очень много работал с Эмиле Лотяну, и он здесь был довольно известен. Так что связи с Кишиневом у меня есть Приехал я в Израиль в возрасте 40 лет, премьера в Москве «Дамского портного была через неделю после того, как я уже был в Израиле. Это было в 90-м году, та что я в Израиле уже 6 лет.

Что я сделал за это время? Я - профессор Тель-Авивского университета по кин и телевидению, преподаю в школе, снял 27 фильмов для израильского телевиде ния. Создание моего художественного фильма многие считали чудом, потому чт последние 20 лет ни один из эмигрантов из СНГ не снимал, последним был Миха ил Калик - тоже Ваш земляк. После него не давали снимать, не верили, считалос что не могут режиссеры оттуда снимать. Но у меня сложилось, мы делали это фильм, где половина группы была выходцами из СНГ, а половина - израильтяне родившиеся там, и много-много разных эмигрантов. Композитор в моем фильме например, Хаим Гицман - эмигрант из Англии, второй режиссер - эмигрант из Гер мании, продюссер - человек, родившийся там.

- О фильме у нас разговор впереди, но Вы очень мало рассказали о своей био графии, жизненной и творческой.

- Я родился и всю свою жизнь до эмиграции прожил в Киеве, закончил филфа местного университета, а затем - кинорежиссерский факультет Театрального ин титута, снял до «Дамского портного» две комедии. Только вошел во вкус снимат комедии - и сразу после этого «Дамский портной».

Уезжали мы, как все. Когда я уезжал, на «Радио России» меня спрашивали: «Во сейчас у тебя успех, куда ты от успеха уезжаешь», час меня пытала журналистк

и я как-то не мог толком ответить, единственный ответ я нашел, что, очевидно, это воля Б-га, что есть вещи, которые нельзя объяснить. Я уехал с женой, двумя детьми, мальчик мой мечтает стать Сильвестром Сталлоне, он снялся у меня в «Кофе с лимоном» в главной роли, до этого снялся в югославской картине, сейчас снимается в Голландии,

Я снимал на Израильском телевидении документальный фильм о брит-мила (обрезание), наделавший много шума, так как это была история моего сына, мы с ним прошли там этот процесс.

- То есть не в первые семь дней, а в первые 7 лет?

- Да, ему было 5 лет, так что он у меня такой опытный, он сказал, что будет или киноактером, или продавцом лотерейных билетов. Я спросил, почему продавцом билетов, он ответил, что там много денег крутится.

- А сейчас мы вернемся к Вашему фильму «Кофе с лимоном». Расскажите, пожалуйста, о нем, как он задумывался и как был воплощен?

- Мы вместе с известным бывшим грузинским оператором Леваном Надголошвили и уже упомянутым Валентином Белоноговым создали ассоциацию работников кино - выходцев из России. Представьте себе, что это было 460 человек. Нам чего-то удалось даже добиться, удалось создать «теплицы» для работников кино. В Израиле очень много «теплиц» для ученых, работников науки...

- Простите, что значит в Израиле «теплица»?

- Это полное значение слова. Человек попадает на полгода туда, слушает курс лекций об израильском кино, допустим, работает над своим проектом, получает зарплату за это, довольно приличную, и проблема с языком снимается, потому что он в своей среде, русскоязычные преподаватели, и в конце он входит в какой-то проект. Было 2 выпуска по 60 человек, человек 100 уже сняли свои работы. Вот так и мы пошли на первый художественный фильм, у меня заняло 2 года все это пробивать, утрясать, очень долго не верили, что мы сможем снять этот фильм, почему не верили, потому что очень многие из тех, кто приезжает в Израиль отсюда, врут. Это такая черта, которая меня сильно смущает. Вот один человек приехал и сказал, что все фильмы Тарковского снял он, но у него еврейская фамилия, поэтому ставил фамилию «Тарковский».

- Да ведь это же авантюрист!

- Человек думает, что все так далеко находится, что можно говорить все, что угодно. Кстати, одна из целей нашей ассоциации была еще в том, что мы не давали врать, зная в нашем тесном мире всех киношников. Как там кино построено? В Израиле есть фонд для развития кино высокого класса. И есть организация типа художественного совета, где решают по заявке, по сценарию - будет фильм или нет. Мы получили от них добро, но добивался этого я два года, и потом они дали нам часть денег, необходимых для фильма, остальные дало телевидение, частные вкладчики, так насобиралась сумма, и мы начали делать этот фильм. Работали очень тяжело, это видел по своему сыну - мы в 4 часа утра вставали с ним и в 8 вечера возвра-

щались. И я видел, что малыш почти без сил.

24 дня мы снимали в Израиле и 4 дня в Москве. Только в Израиле было 38 объектов и работали, как саперы, без права на ошибку. Потому что если у нас будет успех, то дадут возможность и другим снимать. Сейчас, кстати, два режиссера из СНГ тоже делают картины, я пробил брешь, это очень важно, потому что эти люди могут обогатить израильскую культуру, внести в нее что-то новое. Сейчас я работаю над идишистским проектом, я хочу сделать сериал «Хелмские мудрецы». В Израиле живет жена Гершензона, который написал эту пьесу, и когда она по радио услышала, что я хочу это сделать, она связалась со мной и обещала помощь с архивами мужа.

- Насчет «Хелмер хахомим». Я хорошо знаком с киевским писателем Григорием Полянкером, у которого есть целый цикл новелл о хелмских мудрецах. В свое время я записал на магнитофон его чтение этих новелл и давал часто в еврейских передачах на радио Молдовы.

- Я отношусь к «Хелмер хахомим» как к народному творчеству, я знаю, что есть около 600 этих историй. Мне это сегодня любопытно, мне кажется, что это может быть такой интернациональный фильм, который может вызвать интерес во всем мире, потому что это наш эпос, наша культура, если есть у болгар Габрово, почему не может быть у евреев Хелм.

- Расскажите, пожалуйста, Леонид, о постановочной группе фильма «Кофе с лимоном».

- Сценарий написали мы совместно со сценаристом Семеном Винокуром из Москвы, о композиторе и операторе я уже сказал, художник - Саша Ганелин, брат знаменитого музыканта Ганелина. В отношении актерской «команды» у меня появилась возможность в Израиле сделать то, чего я не мог делать в Киеве. Я пригласил звезд из Москвы, например, Александра Абдулова, у нас были три кандидатуры - Абдулов, Меньшиков и Костолевский, но я остановился на Абдулове, и счастлив, что сделал этот выбор, потому что вопреки застоявшемуся мнению, что Александр всегда играет фатов, легкомысленных героев, это очень глубокий и интересный актер, мне приятно было с ним общаться. Меня вообще называют актерским режиссером, и когда я открываю человеческие глубины, как это было с Абдуловым, это - большое счастье для меня. Таня Васильева снимается у меня уже во второй картине.

- Это Васильева-Ицикович?

- Да, Васильева-Ицикович. У нее все сложно, она и Васильева, и Мартиросян и Ицикович, но Ицикович - это фамилия ее папы. Снимался Валентин Никулин, который живет в Израиле, снимались в эпизодических ролях многие российские звезды - Фарада, Ермольник, Збруев.

- И Вы их всех выписали в Израиль?

- Нет, они снимались в Москве, а Абдулов и Васильева приехали в Израиль, и мы работали там - была по сценарию такая семья - Абдулов, Васильева и мой сын

Валентин Никулин сыграл очень интересную роль - сквозная реприза через весь фильм - прибывает багаж, прибывает рояль, а он живет в таком вагончике, называется «караван», и вот он пытается весь фильм этот рояль затащить в вагончик. Вот насколько разное понятие о юморе - мой продюсер не возражал, чтобы мы это снимали, но когда все смонтировали, он посмотрел и сказал: «Они что, не понимают, что нельзя затащить? Зачем они весь фильм стараются?»

- И в заключение нашей беседы мне хотелось бы услышать, каков был Ваш замысел этой картины, какова, на Ваш взгляд, ее идея?

- Мне все время задают вопрос: «Это Ваша автобиография?», и я отвечаю, что это не автобиография, а просто много-много историй моих друзей, моих знакомых, живущих в Израиле, и мы их объединили в одну. Этот фильм я показывал в Лос-Анджелесе, и эмигранты из России говорили, что это о нашей жизни. В Берлине говорили, что это об их жизни. Больше всего меня поразило, что когда я показывал этот фильм на Украине, то одна очень известная актриса сказала, что этот фильм обо мне. Суть фильма - человек, оказывающийся в других условиях, в мире с другими запахами, цветами, с другим солнцем, с другими отношениями между людьми, человек, достаточно состоявшийся здесь, звезда здесь, которому приходится себя ломать. Может человек себя поломать, не может - вот как проходит жизнь. Я все время предупреждаю, чтобы мне не вешали ярлыки на картину, потому что, например, в той же Америке мне сказали, что это - сионистская картина, во Франции - на кинофестивале в Монпелье, где было много арабов, мне тоже сказали, что это -сионистская картина, потому что там есть фраза: «Это все - наша земля». А я, когда говорю о картине, подчеркиваю, что мы создавали фильм по законам искусства, и по этим законам просим принимать и судить нас. Фильм может нравиться или не нравиться, но это - жизнь человеческого духа, и никакого отношения к политике не имеет. Я - человек вне политики, мне это неинтересно. И, очевидно, “Кофе с лимоном” нравится зрителям - мы объездили уже 20 фестивалей, картина побывала во всем мире, и мы даже сочинский фестиваль открывали, это была сенсация -русский фестиваль открывался израильским фильмом. Так что судьба картины довольно благополучна, ее уже закупили 16 стран, она есть в Израиле во всех видеомагазинах, и мне даже сказали, что записываются в очередь, чтобы просмотреть видеокассету, хотя вначале очень туго ходили на просмотры, потому что в Израиле довольно дорогие билеты, где-то обходится 100 шекелей, около 30 долларов, чтобы сходить вечером в кино, и поэтому не все могут это себе позволить. Я доволен ее судьбой, я доволен своей судьбой, что удалось снять картину, что хочется делать еще кино, ну, а возвращаясь к идее фильма, хотя я не люблю слова «идея», это потом журналисты, критики приписывают ее, это скорее художественное исследование на тему: «Чужой в чужой стране». Что человек чувствует, может ли он стать своим - не может, что нужно для того, чтобы стать своим, чтобы страна стала своей...

- Ну, и Вы отвечаете на эти вопросы или только их ставите?

- Только ставим. Кино не должно отвечать. На днях мне позвонил в Израиле один сабра (рожденный в Израиле) и сказал, ты не представляешь, какую важную вещь для народа Израиля ты сделал. Ты открыл глаза на то, о чем мы никогда не знали.

Мой фильм хорошо приняла пресса в Израиле. Там, в одной статье, была замечательная фраза: «Этот фильм надо было ждать, и мы его дождались. Мы так долго не обращали внимания на них, что они решили нам ответить». Мы удостоились даже такой чести, что впервые в истории израильского кнессета этот фильм смотрели все депутаты кнессета. Специально привезли экран, я сказал вступительное слово, в общем, сделали политическое мероприятие.

- Спасибо Вам за интересный рассказ, и мы будем ждать Ваши новые фильмы.

ИХИЛ ШРАЙБМАН - ЛАУРЕАТ ШВЕДСКОЙ ПРЕМИИ

Всем известно, что Швеция страна Нобелевских премий, и каждую осень весь земной шар узнает имена новых лауреатов одной из самых престижных в мире наград.

Но мало кто знает, что есть во втором по величине городе Швеции Гетеборге небольшая еврейская община и при ней - Союз еврейской культуры, который возглавляет большой знаток языка идиш, член Президиума Всемирного совета за идишскую культуру Ицхок Шнайдман. Несмотря на почтенный возраст, Ицхок очень активен в своей общественной работе. Он ведет в гетеборгской общине курсы языка идиш, печатается в различных еврейских газетах Швеции, Польши, Израиля, выезжает в разные страны на сессии Всемирного совета за идишскую культуру. Кроме того, Ицхок Шнайдман основал небольшой фонд в поддержку деятелей еврейской культуры и еврейских организаций, занимающихся развитием идишской культуры. И в память о своей ушедшей из жизни 12 лет назад любимой жене - еврейской писательнице Ружи Фишман-Шнайдман - он назвал этот фонд ее именем.

Об Ицхоке Шнайдмане я еще буду рассказывать в своих путевых заметках “Мое открытие Швеции”, потому что именно он был инициатором моего приглашения на концерты в Гетеборг, откуда я недавно вернулся. Но об одной приятной миссии, которую мне поручил Шнайдман, спешу сегодня рассказать читателям.

Дело в том, что Фонд имени Ружи Фишман-Шнайдман присудил свою премию за нынешний год нашему земляку Ихилу Шрайбману. Как указано в решении, Фонд отмечает многолетнюю работу писателя в еврейской литературе, высокое художественное мастерство и оригинальность его еврейского языка, связанную с принадлежностью Шрайбмана бессарабскому краю. И вот эту приятную миссию

- вручение премии нашему старейшему писателю - Ицхок Шнайдман возложил на меня.

В то теплое осеннее воскресенье, когда состоялось вручение премии, было много знаменательных совпадений. Во-первых, это был праздник Суккот, в честь которого "Джойнт" и "Хэсэд Иегуда" вывезли волонтеров "Хэсэда" в количестве 150 человек в двухдневную поездку на природу в Ваду-луй-Водэ и обеспечили им питание и ночлег в известном санатории "Букурия". А среди волонтеров основная масса - люди пожилые, т. е. владеющие языком идиш и составляющие читательскую аудиторию Ихила Шрайбмана. Во-вторых, вручение премии совпало с презентацией новой книги Ихила Шрайбмана "Штендик" ("Всегда"), изданной недавно в Израиле. И, наконец, дивная погода после холодных дождей, ароматы осеннего леса подтвердили, что место и время для таких торжеств были выбраны удачно.

Об уровне этого вечера в Ваду-луй-Водэ свидетельствует присутствие на нем высоких гостей. Помощник Президента Молдовы по культуре, писатель Якоб Бургиу на прекрасном румынском языке горячо и сердечно поздравил Ихила Шрайбмана с выходом новой книги и присуждением премии. Главный редактор "Независимой Молдовы" Борис Мариан обратился к Ихилу Шрайбману, как коллеге по перу, в поэтичной и, вместе с тем, юмористической форме. Он отметил его вклад как в многонациональную молдавскую литературу, так и в мировую еврейскую. Но, думается, не меньше удовольствия доставили имениннику поздравления его коллег по еврейскому движению - профессора Якова Копанского, преподавателя университета Полины Барочиной, музыковеда Зиновия Столяра, библиографа Сарры Шпитальник и др. Прежде всего потому, что они все прозвучали на таком дорогом для писателя языке - идише, на мамэ-лошн.

На этом же языке состоялась и церемония вручения премии из фонда Ружи Фишман-Шнайдман. Автор этих строк от своего имени поздравил Ихила Шрайбмана, зачитал решение правления Фонда и вручил Ихилу Шрайбману денежную премию.

В ответном слове писатель поблагодарил фонд Ружи Фишман-Шнайдман и его председателя Ицхока Шнайдмана за высокую оценку его литературной деятельности. Особенно тронуло Ихила Исааковича, что в далекой Швеции по достоинству оценили его бессарабский идиш, многие слова из которого, связанные с "молдавенизмами", прочно вошли в мировую еврейскую литературу.

И в конце вечера писатель, очень тепло принятый аудиторией, читал свои замечательные новеллы, миниатюры и из только что изданной книги, и совсем "свежевыпеченные"...

В последние годы весной в Израиле начали проводить дни идишской культуры под названием "Фрейд фар идиш" - "Радость для идиша". Вот такой праздник - "Фрейд фар идиш" - получился в то осеннее воскресенье на берегу Днестра.

Серго Бенгельсдорф

О ЮБИЛЕЕ ИХИЛА ШРАЙБМАНА

Это было 8 лет назад, в начале возрождения еврейской жизни в бывшем СССР. Мы тогда летели вместе с Ихилом Шрайбманом из Москвы, после Всесоюзной конференции авторов и читателей еврейского журнала “Советиш Геймланд”. Настроение у Ихила Исааковича было мрачное. Его беспокоила, несмотря на все победные реляции, прозвучавшие на этой конференции, судьба единственного еврейского (на языке идиш) литературного журнала в СССР. Но больше всего его огорчало, если не сказать – угнетало, положение в еврейской жизни у нас в Молдове, на возрождение которой Ихил Исаакович питал такие большие надежды. Дело в том, что в Молдове, как и в других республиках бывшего Союза, в руководство еврейских организаций пришли молодые, энергичные люди, весьма далекие от еврейской жизни вообще, и от еврейской культуры в частности, но с непомерными амбициями, желающие заработать на гребне еврейского возрождения политические и иные очки для своей будущей благополучной, как они думали, жизни в эмиграции. Они начали раздавать широковещательные заявления против языка идиш, никогда не прочитав ни одной строчки на этом языке, не будучи совершенно знакомыми с богатейшей литературой, созданной великими еврейскими писателями. В общем, бескультурье и хамство начали править бал на еврейской улице, и Ихил Исаакович страшно переживал случившееся. Тогда, в самолете я успокаивал Шрайбмана, говорил ему, что вся эта “перестроечная” пыль осядет, что демагогическая шушера исчезнет, а он - выдающийся еврейский писатель, вновь окажется востребованным.

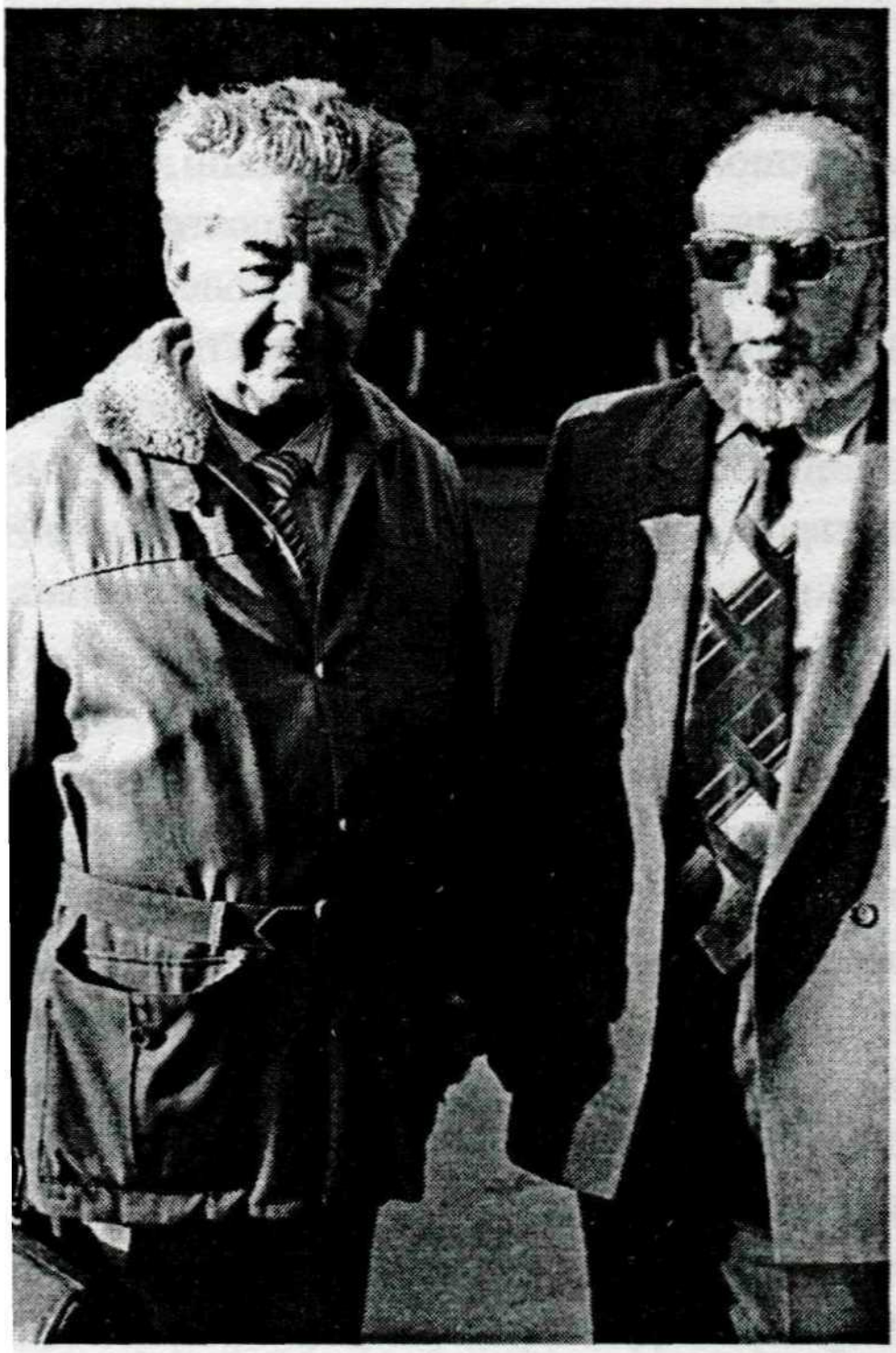
И как я рад, что мои слова сбылись! Где вы теперь, господа Чичельницкие, Мандельблаты и иже с ними? А наш Ихил Шрайбман - почетный председатель Кишиневского общества еврейской культуры, руководитель Идиш-Центра при библиотеке имени Ицика Мангера -подлинного очага идишской культуры, хранителя нашего любимого “мамэ-лошн”. Он - обладатель почетного звания Республики Молдова - “Мастер литературы”, он - кавалер ордена “Глория мунчий” - одной из высших наград республики, который ему недавно вручил президент Молдовы Петр Лучинский. Вообще, юбилейный год у Ихила Шрайбмана сложился исключительно удачно. Он получил две международные литературные премии за литературную деятельность: одну из Швеции - от фонда Ружи Шнайдман - Фишман, которую автор этих строк привез из Гетеборга. Вторую премию - имени Эрша и Гершона Сегал - он получил из Израиля, где в этом же юбилейном году вышла его большая книга новелл и миниатюр “Штендик” (“Всегда”).

А сам автор, по приглашению Союза идишских писателей Израиля, получил возможность впервые увидеть Святую землю, нашу историческую родину, прикоснуться к древним камням Иерусалима. В Израиле с огромным успехом прошли его творческие вечера в идишских клубах страны.

Обо всем этом, начиная с нашего давнишнего совместного полета, я думал во

время юбилейного вечера Ихила Шрайбмана, прошедшего недавно в Союзе писателей Молдовы.

Зал был заполнен поклонниками творчества писателя, любителями еврейской литературы, еврейской культуры, многочисленными друзьями и соратниками Ихила Шрайбмана по еврейскому движению и по писательскому цеху. Юбилейный вечер вели председатель Союза писателей Молдовы академик Михай Чимпой и председатель Кишиневского Общества еврейской культуры поэт Моисей Лемстер (кстати, ученик по писательской профессии Ихила Шрайбмана). В своем "Слове о юбиляре" Лемстер, в частности, сказал: "Основными источниками творчества И.Шрайбмана были родительский дом писателя и местечко Рашков. Здесь он черпал сюжеты для своих новелл и рассказов, здесь он с детства впитывал еврейство, сокровища идиш, мудрость еврея-книжника, еврея-труженика.

С Ихилом Шрайбманом в Москве. 1990 год

И как часто бывает в большой еврейской литературе, писатель, отображая конкретное географическое место и его обитателей, фактически дает обобщенный портрет еврейского местечка, типичные образы его жителей. Так случилось с местечком Рашков, который стал, благодаря Шрайбману, обобщенным еврейским местечком Бессарабии, как у Шолом-Алейхема - Касриловка. И.Шрайбман художественно отражает действительность, не приукрашивая ее. Именно благодаря этой исторической правде писателю удалось создать литературный памятник своему еврейскому местечку".

Если только начать перечислять всех, пришедших поздравить Ихила Шрайбмана со славным юбилеем, то это заняло бы столько же места, сколько и вся статья. Поэтому пусть меня простят те поздравляющие, которые вошли в емкое слово "и другие". Начать хочу же с выступления советника президента Молдовы по культуре, писателя Якова Бургиу, который огласил поздравление юбиляру президента Лучинского и зачитал указ президента о награждении Ихила Шрайбмана орденом "Глория мунчий".

Пожалуй, впервые на юбилее Ихила Исааковича собрались под одной крышей все еврейские организации Кишинева, а многие были и из других городов Молдо-

вы, чтобы приветствовать любимого писателя. Упомянем здесь Израильский информационно-культурный центр и еврейскую библиотеку имени Ицика Мангера, отделение "Джойнт" в Молдове и республиканское общество еврейской культуры, благотворительный центр "Хэсэд Иегуда" и женскую организацию "Хава"...

Многие выступающие приветствовали юбиляра на идиш, на мамэ-лошн. Это доктор исторических наук, профессор Яков Копанский, преподаватель идиш из 15-ой еврейской школы Ида Вайнштейн, которая привела на юбилей своих маленьких учеников, прочитавших поздравления на мамэ-лошн (среди них и внучка писателя - Ольга), это библиограф Сарра Шпитальник, волонтер "Хэсэда" Владимир Толполарь, поэт Моисей Лемстер вместе со своими студентами кафедры идиш и иврита Молдавского Государственного университета, это, наконец, и автор данной статьи, который приготовил к юбилею И.Шрайбмана вместе со своей студенткой из Музыкальной академии Анжелой Пихут две песни местного композитора Златы Ткач на стихи Ихила Исааковича "Виглид" ("Колыбельная") и "Флиендике ойсиес" ("Летящие буквы"). Кроме этого, я вручил И.Шрайбману запись живого голоса великого Шолом-Алейхема, которую отыскал недавно в Петербурге. И этот голос звучал на весь зал, как бы передавая свое благословение из далекого 1914 года продолжателю великих традиций еврейской литературы...

С большой нежностью говорили об Ихиле Шрайбмане его молдавские коллеги - председатель молдавского пен-клуба Серафим Сака, поэт Ион Виеру, писатель Василий Василаке, художник Глеб Саинчук, поэтесса Агнесса Рошка...

Четыре часа продолжался вечер. В конце его, в ответном слове, прочитав свои три миниатюры о любимом идише, Ихил Шрайбман заметил, что не ожидал такого количества поздравлений и участия стольких коллективов в его юбилее. Действительно, благодаря выступлениям профессиональных артистов, певцов, музыкантов, детского театра, хореографического ансамбля, хора еврейских ветеранов, юбилей Ихила Шрайбмана превратился в праздник еврейской культуры, творческий смотр всего того, что достигнуто в развитии еврейской культуры в нашей Молдове за последние годы...

Так кто же был прав тогда в самолете, мой старый и добрый друг?

До ста двадцати, с новыми творческими успехами!

«ЧАЙ СО ЗВЕЗДАМИ» ЗЛАТЫ ТКАЧ

Творчество Златы Ткач - первой в Молдове женщины, посвятившей себя профессиональному композиторскому искусству, широко известно во многих странах. Ее композиторский рейтинг - один из самых высоких среди коллег в Союзе композиторов Молдовы. В списке произведений Златы Ткач, созданных за пятьдесят лет творческой деятельности, свыше 800 названий, но привлекает внимание не столько их количество, сколько многообразие представленных музыкальных жанров,

их необычность и новизна. В ее портфеле - сочинения на любой возраст и вкус: песни для детей и взрослых, инструментальные миниатюры, вокальные, хоровые и инструментальные циклы, кантаты и поэмы, концерты и сонаты для различных инструментов, музыка для драматического театра и кино, музыкальные буквари, оперы для малой и большой сцены, балет и вокально-хореографические поэмы...

Со Златой Ткач на юбилее у Паулины Барочиной

Рождение многих из них становилось событием в музыкальной жизни республики, начиная от песенки "Тик-так", под которую до сих пор укладываются спать маленькие телезрители, и кончая кантатами, операми и балетом, за который автор была удостоена Государственной премии Молдовы. Весь этот огромный вклад в развитие музыкальной культуры Молдовы по достоинству оценен в нашей республике. Кроме звания лауреата Госпремии, она - заслуженный деятель искусств Молдовы, кавалер нескольких правительственных орденов, профессор Молдавской Музыкальной академии, где она воспитывает юные композиторские дарования. Казалось бы, при таком обилии регалий, всеобщем признании заслуг можно спокойно доживать свой век, купаясь в лучах творческой славы. Но не такова наша Злата! Кроме композиторского таланта, она обладает огромной энергией и работоспособностью, умением объединять вокруг себя и зажигать своим творчеством музыкантов-исполнителей, писателей, поэтов. Особенно эти качества проявились

в последние десять лет, когда Злата, по образному выражению профессора Молдавской Музыкальной академии Галины Кочаровой, "сменила алфавит" - обратилась к своим национальным корням, к еврейской музыке. Этим обращением З.Ткач сумела по-новому раскрыть огромный потенциал своего дарования. Более тридцати сочинений - среди них вокальные циклы и поэмы на стихи еврейских поэтов, произведения для фортепиано и скрипки, обработки еврейских народных песен, инструментальные концерты, хоровые произведения - утвердили Злату Ткач и как первого еврейского композитора в Молдове.

Конечно, обращение к еврейской музыке родилось не на пустом месте. Как рассказывала сама Злата, с самого раннего детства, которое прошло в бессарабском местечке Лозово, вокруг нее звучали два языка - идиш и молдавский. На идише говорили ее бабушка и дедушка, папа и мама, в доме соблюдались все еврейские традиции, отмечались субботы и праздники. Отец Златы, Моисей Берихман (Ткач - фамилия по мужу) был известным в Кишиневе преподавателем скрипки, и первые уроки на этом инструменте Злата получила у своего отца. Потому, во времена перестройки, когда евреям в Советском Союзе наконец-то разрешили "открыть рот", свои первые еврейские сочинения Злата посвящает памяти своих родителей: Скрипичный концерт - матери, а Концерт для двух флейт и симфонического оркестра - отцу.

Несколько лет назад в Кишиневе впервые за всю послевоенную, а может быть, и за всю историю Молдовы, вышел из печати сборник еврейских вокальных сочинений. Это были произведения Златы Ткач под названием "Дайн гутер номен" ("Имя доброе твое"). Вокальный цикл на стихи Овсея Дриза с этим названием открывает сборник, и он же (цикл) был первым еврейским вокальным произведением Златы Ткач. Весь сборник Злата посвятила автору этих строк, потому что я участвовал в сценическом рождении каждого произведения, включенного в сборник. Я горжусь тем, что Злата Ткач доверила мне первое исполнение всех своих еврейских сочинений.

После цикла "Дайн гутер номен" последовал еще один на стихи Овсея Дриза "Тей мит штерн" ("Чай со звездами"), затем две вокальные поэмы - жанровая "Славатич" на стихи Любы Вассерман, и трагическая - "Яд вашем", связанная с посещением Златой Ткач известного музея в Иерусалиме...

Произведения для голоса доминируют в еврейском творчестве Златы Ткач, но у нее есть и "Четыре миниатюры из еврейского фольклора" для струнного квартета, "Соната-экспромт" для фортепиано, посвященная жертвам Холокоста, Соната для кларнета соло, скрипичные пьесы, хоровые миниатюры, Фортепианное трио...

Всю ее музыку объединяет высокий профессионализм, оригинальность композиторского мышления и вместе с тем - искренность чувств, доступность, рожденная сбалансированным сочетанием простоты и сложности, богатство еврейских национальных мелодий и ритмов. Музыкальный талант и притягательность ее личности вызвали в последние годы интерес к сотворчеству со стороны местных

еврейских поэтов, писателей, литераторов, пишущих по-русски на еврейскую тематику. И здесь в творчестве Златы Ткач открылась новая страница: в Кишиневе начали рождаться еврейские музыкальные произведения, полностью взращенные на местной почве.

По этому принципу - "опора на собственные силы" - составлялась программа последнего авторского концерта З.Ткач, прошедшего недавно в лучшем концертном зале Кишинева - Органном и посвященного пятидесятилетию ее творческой деятельности. "Главным" на этом вечере был наш известный поэт Моисей Лемстер. На его стихи Злата Ткач представила "Кадиш", посвященный памяти трехсот тысяч евреев Буковины и Бессарабии, уничтоженных немецкими и румынскими фашистами. Затем на его же стихи был исполнен вокальный цикл "Вандерштокс гешихте" ("История посоха"), состоящий из трех романсов - "Ин онэйб" ("В начале"), "Ин голэс" ("В галуте"), "Вос же вайтер?" ("Что же дальше?"). Этот цикл несет в себе большую философскую нагрузку, поэт и композитор размышляют о судьбе еврейского народа, о его скитаниях и страданиях в галуте, и вместе с тем просветленный финал цикла говорит о том, что наш народ не теряет веры в будущее.

И еще два стихотворения Моисея Лемстера "Ahэйм" ("Домой") и "Майн штерн" ("Моя звезда") прозвучали на юбилейном вечере. Эти миниатюры - одну печальную, другую веселую - композитор написала для хора a capella.

Из русских произведений на еврейскую тематику прежде всего надо выделить "Монолог матери" по мотивам повести местного автора Полины Барочиной "Асенька". На мой взгляд, эта вокальная поэма, которую можно смело назвать монооперой, является одним из самых значительных достижений Златы Ткач в трагическом жанре. Запомнились и три лирико-философских романса на стихи Мирры Метляевой - поэтессы, журналистки, редактора кишиневской еврейской газеты "Истоки" - "Мольба", "Прозрение", "Я не хочу заглядывать вперед". И даже к созданию блестящего детского вокального цикла "Флиендике ойсиес" ("Летящие буквы") на стихи большого еврейского поэта Лейба Квитко "Алэфбэйс", Злата привлекла нашего известного писателя Ихила Шрайбмана, который написал к этому циклу заключение, прославляющее еврейский букварь Лейба Квитко.

Следует отметить высокий профессиональный уровень всех участников юбилейного концерта, это солисты оперного театра, артисты филармонического оркестра, хор Телерадио Молдовы, лучшие выпускники Молдавской Академии музыки.

Концерт в Органном зале прошел с огромным успехом. Присутствовавшая на нем Антонина Лучинская - жена президента Молдовы и директор Фонда развития детского творчества - сказала в интервью Молдавскому телевидению, что она приложит все усилия, чтобы с еврейским творчеством Златы Ткач познакомились евреи в Израиле, в других странах, чтобы они увидели и услышали, на каком уровне, благодаря этому композитору, находится еврейская музыкальная культура в Молдове...

Жизнь и смерть, судьбы женщины, предназначение человека - вот проблемы, извечно встающие перед художником, которые активно затрагивает в еврейских произведениях Злата Ткач. Именно поэтому они звучат в концертных залах, в радиопередачах, входят в фестивальные программы. Они помогают автору завоевать внимание публики, уважение исполнителей и коллег по композиторскому "цеху" - все то, что называют признанием современников.

СЛОВО О МИХОЭЛСЕ

Мое детство прошло за кулисами Биробиджанского государственного еврейского театра (ГОСЕТ). Помню, что это был профессионально сильный коллектив с талантливыми ведущими актерами, режиссерами, музыкантами. Спектакли всегда проходили при полных залах, они тепло принимались зрителями. Откуда взялась в далеком Биробиджане такая интересная, самобытная труппа? Она была сформирована в Москве, на базе Еврейского театрального училища при Московском ГОСЕТе, и художественным руководителем этого училища, как и Московского еврейского театра, был великий Михоэлс. Это имя в нашем доме произносилось с трепетом и пиететом: мой папа, да и все биробиджанские актеры, с гордостью называли себя учениками Михоэлса, и свой театр считали его детищем, так как первые постановки, с которыми театр приехал из Москвы, были созданы при непосредственном участии Соломона Михайловича.

Как вспоминал папа, Михоэлс, очень требовательный в работе, сумел создать в училище атмосферу дружной семьи. Он не пропускал ни одного вечера, пел со всеми еврейские народные песни, очень смеялся, когда его копировали. Он сумел превратить театр и училище в родной дом для студентов. Днем они сидели на лекциях, изучали язык, еврейскую культуру, театральные специальности, а вечером - как бы закрепление на практике теоретических знаний - участие в массовках спектаклей ГОСЕТа. Соломон Михайлович добился, чтобы студентов училища пускали по пропускам во все театры Москвы, и просмотры спектаклей с лучшими столичными артистами, постижение русской и мировой театральной классики

были превосходной школой для молодых актеров. Папа считал, что репертуарная политика Михоэлса - опора на мировую и еврейскую классику - способствовала быстрому профессиональному росту как коллектива ГОСЕТа, так и будущих актеров Биробиджанского театра. Метерлинк ("Слепые"), Гуцков ("Уриель Акоста"), Шекспир ("Король Лир"), а из еврейской классики - пьесы Менделе Мойхер-Сфорима, И.Л.Переца, Шолом-Алейхема - вот что формировало афишу, создавало профессиональную основу театра и училища.

Особенно часто возвращался папа в своих воспоминаниях к "Королю Лиру" - грандиозной постановке и грандиозной актерской игре Михоэлса. "Что есть у актера? Лицо и руки - вот что играет", - говорил Соломон Михайлович. И потому он, единственный в мире исполнитель, играл Лира без бороды, чтобы не закрывать лицо, а про руки Лира - Михоэлса папа говорил, что навсегда запомнил их потрясающую выразительность. Недавно, перечитывая книгу о Михоэлсе, изданную в Москве в 1965 году, я обратил внимание на высказывание известного русского драматурга А.Афиногенова о спектакле "Король Лир": "Этот спектакль в Еврейском театре идет, как трагедия еврейского отца, проклявшего по Библии дочь свою, гневного, как Саваоф, смешного и старого и сумасшедшего, как Иов, отсюда и убедительность образа, отсюда и новые, неожиданные краски... плач его над трупом Корделии - почти библейское прощание с телом... он кричит тонким голосом, тихим оттого, что напряжение слишком велико... кричит и ложится около дочери, а руки ему оправляют уже служители..."

А вот отзыв о "Короле Лире" выдающегося английского режиссера Гордона Крэга, посетившего Москву в 1935 году. "Подлинной неожиданностью, без всякого преувеличения потрясением оказался для меня "Король Лир"! Должен сказать, что эта пьеса является наиболее близкой и любимой мною из всего шекспировского репертуара. Поэтому я шел в еврейский театр на спектакль с нескрываемым недоверием. Я даже предупредил Михоэлса, чтобы мне было оставлено такое место в театре, с которого я бы мог подняться и уйти, когда мне это заблагорассудится. Но вот я в партере, смотрю и слушаю "Короля Лира" на непонятном мне еврейском (идиш) языке. Я понял сокровенный трагический смысл жеста рук актера Михоэлса во второй сцене первого акта и я понял также, что с такого спектакля уходить нельзя. Со времен моего учителя, великого Ирвинга я не запомню такого актерского исполнения, которое бы потрясло меня так глубоко до основания, как Михоэлс своим исполнением Лира. Я не умею и не люблю говорить комплиментов даже там, где имею для этого достаточные основания. Но какие бы похвалы ни были сформулированы по адресу актера Михоэлса, это не будет преувеличением. Теперь мне ясно, почему в Англии нет настоящего Шекспира на театре. Потому что там нет такого актера, как Михоэлс" (газета "Советское искусство", 5 апреля 1935 г.).

Несомненно, что образ короля Лира, созданный Михоэлсом, стал событием не только на еврейской, но и на мировой сцене. Но ведь кроме этой роли были и фантастический по своей ритмике и танцевальности Гоцмах из "Колдуньи", и тра-

гический шут в спектакле "Ночь на старом рынке" по Ицхоку Лейбушу Перецу, и "человек воздуха" Менахем-Мендель, и мудрый народный философ Тевье, и светлый Вениамин Третий - одно из лучших по гармоничности, прозрачности и возвышенности созданий Михоэлса...

Папа рассказывал, что в училище Михоэлс придавал большое значение пластике, акробатике, сценическому движению. Он любил повторять слова из псалма царя Давида: "Все кости говорят во мне, Г-сподь". Он был решительным противником так называемого психологического театра, за что имел много неприятностей. Рассказывали, что когда Соломона Михайловича как-то вызвали в комитет по делам искусств и потребовали, чтобы он "учился у МХАТа", то Михоэлс спросил: "А у кого учится МХАТ?" И на ответ: "у жизни" - сказал: "А я что, пасынок этой жизни?" Отчаяние и смех, трагедия и комедия, ужас и юмор уживались в сценических созданиях Михоэлса. Эта тяга к взаимоисключающему являлась органическим свойством и актерской игры, и человеческой природы Соломона Михайловича. Маленького человека он мог наделить поэтической фантазией, а короля заставить понять, что и он может быть просто человеком.

В ночь на 13 января 1948 года Михоэлс был зверски убит в Минске по прямому указанию "вождя всех народов". Светлана Алилуева в своей книге мемуаров вспоминает, как на следующее утро после убийства Михоэлса она вошла в комнату к отцу. Сталин говорил с кем-то по телефону и, как резюме, сказал: "Автомобильная катастрофа". Это был не вопрос, а утверждение, ответ. Он закончил разговор и обратился к Светлане: "В автомобильной катастрофе разбился Михоэлс". Сталин не мог арестовать великого артиста, слишком высок был его авторитет - и как деятеля искусства, и как политического деятеля - председателя Еврейского антифашистского комитета - во всем мире. И тогда произошло подлое убийство, а затем - оголтелая клевета на Михоэлса, который якобы передавал директивы от "шпионско-террористической организации "Джойнт" кремлевским врачам-евреям "об истреблении руководящих кадров в СССР". Такой бредовой фантазии могли бы позавидовать иезуиты средневековья, да и сам Гитлер, который очень много сделал для решения "еврейского вопроса" в фашистской Германии и во всей Европе.

Но Сталин заткнул за пояс иезуитов всех времен и народов. Убийством Михоэлса он снес голову всей еврейской культуре. Были закрыты 14 еврейских театров, существовавших в Союзе, еврейские школы, другие учебные заведения, газеты, издательство "Дэр эмес". Была развязана в прессе оголтелая антисемитская кампания про "безродных космополитов", и начались аресты еврейской интеллигенции. Я помню, что когда в июле 1949 года ночью пришли за мамой, то при обыске интересовались, есть ли у родителей какие-то бумаги, документы, связанные с Михоэлсом. И наутро после той кошмарной ночи мой бедный папа, уверенный, что и за ним тоже придут, сжег в печке свой диплом об окончании Еврейского театрального училища, подписанный Михоэлсом..

Закончить свое печальное "Слово о Михоэлсе" я бы хотел цитатой из статьи

известного журналиста Александра Минкина: “Еврейское счастье Соломона Михоэлса”: “В 1948 году человек с усами убил Соломона Михоэлса, до которого хотел добраться, но не добрался человек с усиками. Будучи руководителем Еврейского антифашисткого комитета, Михоэлс собрал на Западе огромные деньги, чтобы человек с усами победил человека с усиками. Усики сгорели. Теперь за еврейский вопрос взялись усы. Два величайших злодея мировой истории охотились на Михоэлса. Охота удалась. Великого актера не стало. Но осталась память о нем во всем мире, как о гениальном художнике, поэте, пламенном антифашисте, мудром еврее (ведь недаром его друзья, коллеги, товарищи по искусству называли его “Соломон мудрый”, сравнивая с библейским царем Соломоном). А что осталось от них?”

МАРК ЗЕЛЬЦЕР – ГОСТЬ МОЛДОВЫ

Когда начинался последний в нынешнем году, а быть может, вообще последний концерт симфонического оркестра Молдавской филармонии (об угрозе роспуска оркестра из-за отсутствия финансов объявил со сцены в начале концерта директор и художественный руководитель филармонии Ион Жосан), передо мной возникли кадры кинохроники из блокадного Ленинграда: в нетопленом зале филармонии сидели в пальто и валенках слушатели, а на сцене бедные музыканты во фраках посиневшими пальцами и губами извлекали из своих инструментов, несмотря на холод, гениальную музыку “Ленинградской симфонии” великого трагика современности Дмитрия Шостаковича. У нас, правда, валенки отсутствовали, а со сцены звучал великий лирик Сергей Рахманинов, остальное же - один к одному. И вот этот контраст между одетой в верхнюю одежду публикой в холодном зале и морем разливанным роскошной музыки на сцене создавал ощущение какой-то нереальности происходящего, фантасмагории. Ну почему эти люди, несмотря на нашу нищету, отсутствие зарплат, на не расчищенные от снега и льда и оттого очень опасные, темные улицы, пришли и заполнили до отказа зал филармонии? Почему музыканты на сцене, терзаемые теми же проблемами, так упоенно, вдохновенно музицировали вместе с дирижером Валентином Дони?

Конечно, прикосновение к симфоническим шедеврам Рахманинова (а исполнялись его Вторая симфония и “Рапсодия на тему Паганини”), в которых заложены вера в добро, стремление к счастью, могучая духовная сила, в какой-то степени отвлекает от мрачной безысходности наших дней. Но был на этом концерте еще один мощный магнит, притянувший в филармонию такое количество слушателей. И имя ему - Марк Зельцер. Слухи о приезде этого пианиста мирового класса, ныне гражданина США, давно витали в воздухе. Ион Жосан и его заместитель Марк Лозник исписали гору бумаг, провели многочисленные телефонные переговоры, чтобы заполучить Зельцера в Кишинев. Но его контракты, концерты по всему миру не давали возможности посетить Молдову, куда он так стремился попасть после

22 лет разлуки. Ведь здесь он родился, делал первые шаги в большое искусство в Кишиневской музыкальной школе-десятилетке у отличного педагога Татьяны Александровны Войцеховской.

Но вот в его плотном графике выступлений образовалось маленькое "окно", и он прямо из Германии, где закончил большое турне, прилетел на два дня в Кишинев. Прилетел со своей легендарной мамой Бертой Марковной - Бэбой Зельцер, как звали ее друзья. "Я все эти 22 года мечтала приехать в свой родной Кишинев, где у меня осталось много замечательных друзей, знакомых, и я очень тосковала по ним. Но в период советской власти я не могла ни с кем переписываться, это было для людей, оставшихся здесь, слишком опасно, и я потеряла с ними всякую связь. И вот сейчас мне представился такой потрясающий случай, что мой сын был приглашен на концерт, и я поняла, что на этом концерте встречу многих своих друзей. Так и произошло, и я счастлива!".

Мы беседуем с Бертой Марковной в ее номере гостиницы "Националь", а у меня в памяти возникают события сорокалетней давности, когда я, студент Молдавской консерватории, обитал в знаменитом общежитии на Армянской, 40, через которое прошли в свое студенческое время и Мария Биешу, и Вероника Гарштя, и Евгений Дога. Во дворе общежития до сих пор стоит одноэтажный флигель, где в те годы ютился со своей семьей обаятельнейший человек, проректор консерватории по хозяйственной части, а проще говоря - завхоз, Ефим Эммануилович Зельцер. Среди студентов моего поколения многие, конечно, помнят его, увы, уже покойного, потому что Ефим Зельцер всегда старался делать людям добро.

Вспоминаю, как по двору общежития носились два сорванца - сыновья Зельцеров - Марик и его младший брат Эмик (имена им дали, по еврейской традиции, в честь дедов - отца Бэбы Марка Пестера - талантливого педагога-скрипача, кишиневского "Столярского", и отца Ефима - Эммануила Зельцера), и тут же раздавался грозный голос Берты Марковны: "Марик, Эмик - немедленно заниматься!" Да, она была суровой матерью в отношении занятий музыкой. Сама профессиональная пианистка не понаслышке знала, как грызть черствый хлеб музыкальной науки. И эта строгость, плотная опека, занятия с детьми над домашним заданием помогли Марку (Эммануил не пошел по музыкальной стезе) стать тем, кем он стал. Вместе с тем Берта Марковна - настоящая еврейская мама, идише мамэ - отдавала детям все, как наседка, хлопотала вокруг них, даже когда они стали взрослыми. Ее отлично знали в Московской консерватории, где она появлялась довольно часто, когда Марк там учился в классе выдающегося музыканта профессора Якова Флиера. Мама привозила мальчику что-нибудь вкусненькое-домашненькое, дары молдавской природы, ходила с ним на уроки к профессору, активно интересовалась его занятиями.

Во время нынешнего пребывания в Кишиневе мать и сын вспомнили забавный случай, когда Берта Марковна приехала в Москву без предупреждения и нагрянула рано утром в общежитие консерватории, где соседом Марка по комнате был ныне известный скрипач Григорий Жислин. Как это обычно принято у студентов,

ребята делились друг с другом всем, что имели, а Марк - и это рассказывают его бывшие сокурсники, жившие с ним в общежитии - всегда был человеком добрейшей души. Когда мама зашла в комнату, то увидела, что Жислин спит в рубашке ее сына. Сквозь сон тот услышал голос Берты Марковны, возмущенно выговаривавшей Марку по поводу рубашки. Чтобы скрыть "следы преступления", Жислин натянул на голову одеяло, и из-за этого открылись ноги, и Берта Марковна с ужасом увидела, что Гриша спит... в носках Марка.

И еще Марк вспоминал, что когда мама дома занималась с ним - еще ребенком, и он спрашивал ее, как надо играть тот или иной эпизод, Берта Марковна часто говорила: "Надо играть талантливо!" И этот девиз Марк запомнил на всю жизнь.

Я не ставил перед собой задачу писать рецензию на концерт, скажу только, что давно не испытывал такого эмоционального подъема, слушая игру Марка Зельцера. Он уезжал от нас молодым пианистом, чей талант не был востребован и не оценен по достоинству из-за пресловутой пятой графы. А сейчас перед нами предстал зрелый мастер огромного масштаба, которому подвластно все в фортепианном искусстве. Прекрасная школа, полученная в Кишиневе и Москве, помноженная на природные виртуозные данные, на художественный артистизм и могучий темперамент, - вот слагаемые творческого облика большого музыканта.

На своем веку мне доводилось слушать много пианистов, хороших и разных, и иногда создавалось ощущение, что некоторые больше любили себя в искусстве, чем искусство в себе. Отсюда - жеманность на сцене, томное закатывание глаз, позирование, "переживания" на публику. Марк - резкая противоположность таким пианистам. Его игра мужественна и благородна, причем эти качества он продемонстрировал не только в масштабной "Рапсодии на тему Паганини" и в "Наваждении" Прокофьева, но и в Ноктюрне, и в Фантазии фа-минор сладкоструйного Шопена, где так любят "прочуйствовать" некоторые исполнители. Шопена не было в программе концерта, но после бурных аплодисментов, оваций восторженной публики, после встречи за кулисами со своими учителями, коллегами по работе в Молдавской консерватории, соучениками по школе-десятилетке Марк устроил для близких друзей "третье отделение" концерта, пригласив их в ресторан "Монте-Нелли", открывшийся недавно в фойе филармонии и уже снискавший известность не только нарядным интерьером и вкусной едой, но и музыкальным Салоном, украшением которого является белый концертный рояль. В салоне уже выступали Мария Биешу, Михаил Мунтян, словом, музыкальные программы "Монте-Нелли" отвечают самым изысканным вкусам любителей классической музыки, и такое направление в наш век зубодробильного электронного "наваждения" кажется вызовом общепринятой ресторанно-кабацкой "музыкальной" культуре. И потому превосходный Шопен Марка Зельцера и его музицирование с Ионом Жосаном (виолончель) как нельзя лучше вписались в общую атмосферу "Монте-Нелли". А сам Марк перед началом "третьего отделения" произнес спич в честь молодой симпатичной хозяйки ресторана Нелли Кирияк (вот откуда "Монте-Нелли"), сказал, что так вкусно

его уже давно не кормили, что этот ресторан отвечает уровню высших мировых стандартов, и посвятил свое выступление Нелли Кирияк.

Концерт плавно перешел в небольшой фуршет, где тосты в честь героя вечера и его мамы перемешались с воспоминаниями из нашей прежней общей жизни.

А наутро Марк улетел в Америку, где его ждали концерты, записи, привычная гастрольная жизнь, расписанная на несколько лет вперед. У меня же осталась записанная на диктофон беседа с ним, которая прозвучит в радиопрограмме "Идиш лэбн".

С.Б.: Скажи, пожалуйста, Марк, ты как-то связан с американским еврейством, с еврейской общиной Нью-Йорка?

М.З.: Я не могу сказать, что плотно связан с еврейским движением, но обращаю на него большое внимание. По крайней мере, один раз в два года я приезжаю в Израиль, где даю бесплатные концерты, то есть гонорар от них полностью отдаю правительству Израиля на благотворительные цели. В синагогу хожу не только по праздникам, а на Йом-Кипур всегда соблюдаю пост.

СБ.: Я хочу надеяться, что твой следующий приезд будет более продолжительный, и ты будешь гостем нашего Общества еврейской культуры. Ты, наверное, уже слышал, какие большие изменения произошли в еврейском движении в бывшем СССР, и мы теперь в Молдове имеем свою национально-культурную автономию.

М.З.: Это очень похвально, и если вы хотите использовать меня каким-то образом, то я всегда готов.

С.Б.: Ловлю на слове. В следующий твой приезд мы сделаем в еврейской общине вечер в твою честь, и ты дашь для нас концерт.

М.З.: С большим удовольствием. Я желаю всем евреям, которые здесь находятся, счастья, огромных успехов, нахэс фун киндэр ун эйниклэх.

ОН ЖИЛ СЦЕНОЙ

(к 70-летию Бориса Раисова)

Его провожали в последний путь на сцене оперного театра, где он в течении многих лет создавал свои блистательные партии. В оркестровой яме играл театральный оркестр, на сцену с цветами выходили знаменитые певцы - его коллеги и партнеры по спектаклям, но гроб, в котором он лежал, будто только что уснувший, заплаканные лица вокруг означали, что играется самая страшная человеческая трагедия - уход в вечность. Он прожил довольно короткую, всего 56 лет, но, ох, какую нелегкую жизнь, со всеми, выпавшими на долю его поколения трудностями, связанными с войной, тоталитарным режимом, усугубленными пятой графой в паспорте и выбранной профессией певца-актера. И вместе с тем его жизнь была творчески вдохновенной, яркой, мужественной, потому что он был светлым, сол-

нечным, мужественным человеком.

Борис Раисов родился в еврейском местечке Дондюшаны на севере Молдавии в 1928 году в семье бедного ремесленника Исаака Каца. Во время нашей совместной учебы в консерватории я знал его как Бориса Каца, но, поступая на службу в оперный театр, он прекрасно понимал, что в те годы с такой фамилией карьеру не сделаешь, и потому взял театральный псевдоним - Раисов - в честь своей приемной матери.

С певцом Борисом Раисовым, 1981 год

Идиш был тогда в их семье, как и во всех еврейских семьях бессарабских местечек, разговорным языком, и он с детства впитал в себя этот язык - мамэ-лошн. Помню, Боря мне рассказывал, что часто по вечерам вся их многодетная семья собиралась у стола, и после ужина его старший брат читал вслух юмористические рассказы Шолом-Алейхема, басни Штейнбарга, новеллы И.Л.Переца. Любовь к идишу, к родному языку Боря сохранил на всю жизнь, и потому, когда мы в начале 80-х годов начали работать над еврейскими песнями, проблем с языком у него не было.

Детство Бориса, обыкновенное детство в обычном еврейском местечке траги-

чески оборвалось в роковом 1941 году. Тринадцатилетним мальчиком он вместе со всей семьей попал в гетто в украинском местечке Бершадь, где провел долгих три года. На его глазах фашисты расстреляли отца и старшего брата, мать умерла, не вынеся страданий. Из всей семьи в живых остался он и сестра Фима. Об этих годах Боря не любил вспоминать, в то время в Советском Союзе на тему еврейских узников гетто и концлагерей было наложено табу, как будто и не было миллионов жертв фашистского режима. Гетто было первым кровавым рубцом на сердце юного Бори Каца, и движимый ненавистью к фашистам, желанием отомстить за гибель семьи, он шестнадцатилетним подростком, скрыв свой возраст, пошел добровольцем на фронт.

Благодаря знанию румынского и немецкого языков, он работал переводчиком при штабе армии, с которой прошел все Балканы, Здесь же, в армейской самодеятельности он делает первые шаги в большое искусство. У него нашли красивый, звучный баритон, и уже после войны, во время действительной службы в Дунайской флотилии, молодого моряка приглашают в качестве солиста в ансамбль песни и пляски этой флотилии. Понимая, что для овладения профессией вокалиста ему не хватает образования, Борис, после окончания флотской службы, поступает на вокальный факультет Молдавской государственной консерватории. И тут ему крупно повезло: он попал в класс прекрасного педагога Петра Дмитриевича Алексеева. После окончания Московской консерватории, Петр Дмитриевич работал в оперном театре, руководимом двумя корифеями драматической и музыкальной режиссуры, который и теперь носит их имена - Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко.

У своих великих учителей Петр Дмитриевич получил не только блестящее профессиональное образование, но и приобрел высокую музыкальную культуру, и всем этим щедро делился со своими учениками.

О поразительных успехах Бориса Каца в классе П.Д.Алексеева свидетельствует тот факт, что его - студента 3-го курса - приглашают выступить в заглавной партии в опере молдавского композитора Давида Гершфельда “Грозован”, которой 8 июня 1956 года открылся Молдавский государственный театр оперы и балета. А на 4-м курсе он дебютирует с огромным успехом в одной из самых сложных партий для баритонов - Риголетто.

С молдавским оперным театром связана вся почти тридцатилетняя Борина творческая биография. Пожалуй, легче вспомнить те постановки театра, в которых Раисов не был занят, чем перечислить названия спектаклей с его участием. Партии трагические, комедийные, драматические, гротескные, в произведениях западноевропейской и русской классики, в современных операх, в том числе и местных композиторов - такова была широта творческих устремлений одного из ведущих мастеров молдавского оперного искусства.

В чем заключалась индивидуальность Бориса, как оперного певца? Конечно, красивый, сочный, полетный баритон, прорезавший оркестр, виртуозная вокаль-

ная техника, позволявшая преодолевать любые технические трудности, превосходная дикция, благодаря которой он доносил до зрителя - слушателя каждое слово, что не так часто встречается на оперной сцене. Но, думается, доминантой его творческой личности был блестящий актерский талант, позволявший ему ставить знак равенства в понятие певец-актер, так как синтетическое сочетание музыки и драмы заложено в самой природе оперного театра. Благодаря этому таланту, Раисов владел мощным даром искусства перевоплощения. Сегодня он - летающий по сцене, полный юмора и задора Фигаро, а завтра - раздираемый страданиями Риголетто. Сегодня он беспечный, легкий француз Шонар в "Богеме", а завтра - мстительный, коварный Яго.

"Боря Раисов был прекрасным актером и партнером - рассказывала мне ведущая солистка театра, народная артистка СССР Тамара Алешина, тоже, увы, покойная. - Он увлекал всех участников спектакля правдой чувств, естественностью поведения на сцене. Я всегда удивлялась "парадоксу Раисова". В жизни скромный, даже слишком земной, на сцене он поднимался до таких трагических высот, как Риголетто, Тонио, Яго, Князь Курлятов в "Чародейке"... А какие блистательные комические образы создал Раисов в нашем театре! Общение с ним в спектакле всегда вызывало у меня большое творческое удовлетворение".

Говоря об актерском даровании Раисова я не могу не упомянуть и такое важное качество в его пении - игре, как выявление подтекста в партии - роли. Это - высший пилотаж для оперного певца, когда за словами надо увидеть и сыграть музыкально-драматическую суть образа. Пример, его трактовка партии князя Галицкого в опере Бородина «Князь Игорь». Обычно Галицкого играют буяном, бесшабашным гулякой, оттеняющим благородство Игоря. У Раисова же разгул – на поверхности, маска, за которой скрываются огромная жажда власти, озлобленность за неудачную княжескую жизнь. Такое же блестящее владение подтекстом демонстрировал Борис в одной из самых своих лучших партий - Бургомистра - в сатирической опере Эдуарда Лазарева «Дракон» по одноименной сказке Евгения Шварца. Он создал страшный образ омерзительного представителя драконова царства - лицемера, лжеца, притворщика, постоянно симулирующего психическое заболевание – раздвоение личности, а в подтексте - жестокая борьба за власть, ради которой он готов уничтожить собственного сына. Исполнение Раисовым партии Бургомистра было единодушно признано, как большая творческая удача певца, а выдающийся оперный режиссер Борис Покровский в своей рецензии на спектакль отметил работу Раисова, как одну из лучших. Видимо, острое сатирическое начало в опере, гротеск, как в музыке, так и в игре певцов - актеров с многочисленными, довольно прозрачными аллюзиями на пороки коммунистического режима, привели к тому, что спектакль, несмотря на восторженный прием зрителей-слушателей, был быстро запрещен по указанию ЦК компартии Молдавии...

Еще ни слова не было сказано о камерном творчестве певца, а ведь он давал путевку в жизнь, был первым исполнителем многих вокальных произведений

молдавских композиторов, среди них - камерный цикл Семена Лунгула ''Песни Днестра", романс Леонида Гурова "Гладиатор", многочисленные обработки молдавских народных песен, в его непревзойденном исполнении молдавская шуточная песня "Бадя Маковей" до сих пор звучит по радио. Борис насыщал каждый романс, каждую песню разнообразными красками, превращал их в миниатюрные законченные театральные сценки. Такие же цельные, жанровые картинки Боря создавал и в еврейской музыке, к которой он обратился в последние годы своей жизни, и об этой еврейской странице, самой печальной в его творческой биографии, пойдет разговор.

А все начиналось великолепно! В 1980 году Борису Раисову было присвоено звание народного артиста Молдовы. По этому случаю газета "Вечерний Кишинев" заказала мне статью о его творчестве. Статья (конечно, с сокращениями об его еврейском детстве, с единственно вставленной строкой о гетто) попала на глаза главному редактору московского еврейского журнала "Советиш Геймланд" ("Советская Родина") Арону Вергелису. Ее перевели на идиш и напечатали в журнале, а затем последовало нам с Борисом из Москвы приглашение принять участие в концерте, посвященном двадцатилетию журнала, которое праздновалось в октябре 1981 года. Так как еврейской нотной литературы почти не издавалось, я начал судорожно искать еврейскую музыку в архивах своего покойного отца - режиссера еврейского театра. Нашел там пару еврейских народных песен, пару песен старых еврейских композиторов, и еще мы выучили "Журавлей" Яна Френкеля в переводе на идиш. С этим репертуаром поехали в Москву скромными дебютантами, а вернулись на крыльях! Юбилейный вечер, посвященный журналу "Советиш Геймланд" проходил в большом, нарядном зале Центрального дома литераторов - ЦДЛ, который был переполнен. Люди, соскучившиеся по еврейскому слову, по еврейской музыке принимали все номера концертной программы очень тепло, Но таких оваций, которые устроили Боре, больше не было ни у кого, потому что, кроме высочайшего профессионализма, отличавшего его от других исполнителей, он вкладывал в каждую песню свою огромную душу, будь то скорбная песня «Из гэвэн амол а идише штот» («Был когда-то еврейский городок») или веселая, озорная «Бин их мир а шнайдерл» («Я портняжка»). После концерта к нам подходили со словами благодарности десятки людей, отмечая, что кишиневцы были на голову выше всех, а корреспондент Би-би-си сказал, что ему в Лондоне не поверят, когда он будет рассказывать, что слышал в Москве еврейские песни в таком исполнении, и поэтому он записал фрагмент нашего выступления на магнитофон и передаст по Би-би-си. Такой же успех был и в Черновцах, и в Кишиневе, куда, в связи с юбилеем журнала, выезжала редакция «Советиш Геймланд». Тогда и завязалась наша творческая и человеческая дружба, длившаяся до последнего дня Бориной жизни, хотя в добрых приятельских отношениях мы были с ним со студенческих лет.

Сразу же после концерта в Москве Арон Вергелис, поздравив нас с успехом, сказал, что мы должны в Кишиневе подготовить большую программу еврейской

музыки, а он все сделает, чтобы нас услышали евреи в Советском Союзе и за рубежом, т.е. разговор шел о гастрольных поездках нашего дуэта, пластинках, телевизионных выступлениях и т.д. Такой аванс был очень сильным стимулом для работы. И действительно, по приезду редколлегии журнала на юбилейные торжества в Кишинев, у Вергелиса состоялась беседа с секретарем ЦК компартии Молдавии по поводу нашей концертной деятельности, и по словам того же Вергелиса, нам была обещана, после завершения работы над этой программой, всяческая поддержка. Но сразу же встала проблема репертуара. Для одноразового выступления в гала-концерте я, как уже рассказывал, "наскреб" несколько произведений, но для полнометражного концерта в двух отделениях? И тут нам большую помощь оказал композитор Владимир Биткин. В те, недоброй памяти времена, когда его коллеги - евреи, которых в Союзе композиторов Молдовы было достаточно много, боялись даже упоминания о своем еврействе (и их нельзя за это осуждать), Владимир Биткин проявил большое мужество, создав специально, в расчете на творческие возможности Раисова, великолепный цикл обработок еврейских народных песен. Я помню наш первый показ этого цикла в Союзе композиторов Молдовы. Он произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Впервые за все годы существования композиторского Союза в его стенах звучали еврейская музыка, еврейское слово. Наши соплеменники-композиторы и музыковеды - растерянно молчали, чем напомнили мне замечательную фразу из сказки Е.Шварца "Дракон": "Когда тебе тепло, прохожий, мудрей молчать, не замечать". Зато их коллеги - молдаване, русские, украинцы - не скупились на слова восторга, выражали восхищение и блестящим мастерством композитора, и достойным этой музыки талантливым исполнением Бори Раисова. Собственно, эти 8 народных песен в обработке Биткина и легли в основу одного отделения нашего концерта, а для второго мне пришлось опять "скрести по сусекам", в поисках репертуара. Поэтому, в музыкальном отношении наши два отделения были неравноценны, пришлось на безрыбьи брать откровенно слабые в профессиональном отношении произведения старых композиторов, писавших в 30-40 годы. Хотя и среди них было несколько песен, связанных с Холокостом, высокого трагедийного звучания. Но, конечно, цикл песен Владимира Биткина по качеству музыки и профессиональному мастерству был на голову выше всей остальной программы.

Над концертом еврейской вокальной музыки мы работали полгода, работали тяжело, нервно, так как каждый из нас должен был зарабатывать на жизнь по месту своей основной работы: он - в театре, я - в музыкальном училище, и свободного времени, которое мы отдавали еврейской программе, было не так много. Иногда у Бори случалась срывы, он говорил, что это никому не нужно, что нам не дадут возможности выступать, что мы напрасно работаем и теряем время, а я, в силу природного оптимизма, подкрепленного обещанием поддержки «сверху», смягчал его приступы пессимизма, хотя, к большому сожалению, прав оказался он, а не я.

Нашу еврейскую программу мы показали один-единственный раз в июне 1982

года. Маленький зал бывшего Дома актера был забит так, что, как говорится, "яблоку негде было упасть", причем без всякой рекламы, так как мы сами объявили этот концерт пробным. К нам пришли Борины и мои коллеги - солисты оперы, преподаватели и студенты музыкальных учебных заведений города, композиторы и музыковеды, в основном, музыканты-профессионалы, перед которыми выступать гораздо ответственней, чем перед публикой с улицы. У меня сохранилась единственная любительская аудиокассета с записью этого концерта, на которой, при всем низком качестве звука, слышно, как вдохновенно пел Боря, как он изумительно передавал настроение каждой песни, как он купался в своей родной музыке. На кассете слышен и тот восторженный прием, который ему оказали, как сопровождали каждый номер бурными аплодисментами, а в конце концерта устроили настоящую овацию. Тут же возник стихийный митинг, со словами благодарности за возможность услышать еврейскую музыку, еврейскую речь выступали многие зрители, а итог всему подвела народная артистка СССР Тамара Алешина, которая заявила, что концерт такого уровня может и должен быть показан на любой профессиональной сцене. С этим пожеланием - услышать осенью наш концерт на сцене Молдавской филармонии - завершился тот незабываемый вечер. Казалось бы, мой оптимизм побеждает, но первые тучи уже появились на горизонте.

Сразу же после концерта нам позвонили из Молдавского телевидения с предложением снять сюжет о нашей еврейской деятельности. Помню, съемки состоялись в парке Пушкина, мы с Борей рассказывали о работе над программой, оказалось, что на концерте в Доме актера телевидение снимало кое-какие фрагменты, которые собиралось вмонтировать в эту передачу, словом, учитывая, что съемкой занималась редакция политического вещания, мы с Борей понимали, что нас хотят использовать в качестве показухи, вот, пожалуйста, еврейская культура не преследуется. И все-таки даже здесь режим не сумел наступить на горло собственной антисемитской песне: передача так и не пошла в эфир. Как нам объяснили, она была поставлена в программу в тот вечер, когда началась война в Ливане. И потому, по словам редактора, когда во "Времени" объявляют в очередной раз Израиль агрессором, давать передачу об оперном певце-еврее, поющем еврейскую музыку, то телезрители это могут не понять. Что говорить, логика железная! Но и в дальнейшем, наш сюжет так и не появился на голубом экране. И это было первое предупреждение, что несмотря на обещание секретаря ЦК, на поддержку А.Вергелиса - "главного еврея Советского Союза", как его тогда называли, пробить брешь в антисемитской стене, выстроенной за долгие годы и поддерживаемой партийными и советскими чиновниками, практически невозможно.

Наступила осень 1982 года, и начались наши хождения по мукам, завершившееся через 2 года со смертью Бори. Мы на себе почувствовали все коварство и изощренность тоталитарного режима в умении издеваться над людьми. С одной стороны, секретарь ЦК продолжал обещать нам концерты, а с другой - директор Филармонии выдумывал десятки способов, как нам отказать. То он говорил, что

не может нам заплатить за концерт, потому что мы с Борей не работаем в филармонии, а когда мы предлагали выступить бесплатно, чтобы весь сбор от концерта пошел в Фонд мира, он ответил, что Филармония - коммерческая организация, и бесплатных концертов быть не может. Помню, как по совету секретаря ЦК я позвонил тогдашнему министру культуры. (Я сознательно не называю фамилии этих людей, уверен, они себя узнают в моем очерке и скажут, что тоже были жертвами режима, теми винтиками, от которых ничего не зависит).

Об этом человеке, бывшем партийном работнике, никакого отношения к культуре не имевшем, творческая интеллигенция сложила меткую поговорку: "Не бойтесь министра культуры, а бойтесь культуры министра!". Боже, как он кричал в телефонную трубку: "Это будет стыд и позор, если оперный певец будет петь еврейские народные песни! Оперный певец должен петь оперный репертуар!". Он даже не дал мне договорить о том концерте в Доме актера, где именно оперные певцы единогласно рекомендовали Раисову петь еврейскую программу на филармонической сцене. "Занимайтесь своей непосредственной работой"! - завопил он в трубку, и прекратил разговор.

Нельзя сказать что мы с Борей опустили руки, мы боролись, используя любые возможности. Я неоднократно звонил Вергелису, тот звонил в молдавское ЦК, и каждый раз получали тот же результат.

Наша последняя попытка пробить еврейскую программу была связана с приездом в Кишинев Яна Френкеля. С Яном Абрамовичем я был знаком с I960 года, когда наш оперный театр готовился к Декаде в Москве. Это был обаятельнейший, интеллигентный и добрый человек, с которым, во время его полугодового пребывания в Кишиневе, мы быстро подружились. И когда он в рассвете своего таланта и популярности приехал в 1983 году на концерты в Кишинев, мы встретились с ним, как добрые знакомые. Он принял меня в номере гостиницы ''Кодры'', и за рюмкой коньяка я рассказал ему подробно нашу с Борей "Одиссею". Он попросил принести аудиокассету нашего концерта, и когда послушал эту единственную запись, которая была далека от хорошего качества, сказал, что эта программа и ее исполнение заслуживают показа на любой концертной эстраде. Он обещал помочь нам в Москве и предложил, чтобы мы обратились за содействием к тогдашнему секретарю ЦК КПСС по идеологии Зимянину. По мнению Яна Абрамовича, местные партийные и государственные чиновники просто боялись за свои теплые местечки, эти перестраховщики и "как бы чегоневышлисты" ждали указание сверху. Увы, бедный Ян Абрамович тоже ошибался. Мы написали с Борей письмо Зимянину, а он тут же переслал его в Кишинев, нас вызвали в отдел культуры ЦК компартии Молдавии и популярно объяснили, что не могут предоставить нам возможность выступать с еврейской программой, потому что, если разрешить евреям развивать свою культуру, то надо предоставить такую же возможность и гагаузам, и болгарам, которые требуют того же. На мой наивный вопрос, а почему, действительно, не предоставить, был дан совершенно невразумительный ответ, а нам партийный

чиновник посоветовал ехать в Биробиджан и там развивать еврейскую культуру.

Мы вышли с Борей из ЦК в совершенно подавленном настроении. У него было серое лицо, он выругался в сердцах и сказал с кривой усмешкой: “Ну, кто оказался прав?”. И добавил, как Тонио в “Паяцах”: “Финита ля комедия! “.

Это было в апреле 1984 года, а осенью его похоронили. Было бы натяжкой утверждать, что прямой причиной скоропостижной смерти явились неудачи с еврейской программой, но на совести партийных аппаратчиков, чиновников от культуры, на совести этого страшного режима лежат те горькие зарубки на сердце моего незабвенного друга, которые свели его преждевременно в могилу.

Конечно, Боря легкомысленно относился к своему здоровью. Уже будучи в кардиологическом отделении больницы под капельницей, он сбегал по вечерам на спектакли Большого театра, гастроли которого проходили в это время в Кишиневе. Он не мог заставить себя в силу живого, беспокойного характера соблюдать в больнице постельный режим, дать возможность отдохнуть своему больному, израненному сердцу. Прекрасный отец, заботливый муж, он был в постоянной тревоге за детей, за жену, он был кормильцем семьи в буквальном и фигуральном смысле этого слова. Все звонки домой из больницы начинались одним и тем же вопросом: “Покушала ли Катя?”, хотя дочь Катя к тому времени уже была взрослой девушкой.

Вот эта типично еврейская преданность дому, детям с одной стороны, а с другой - ничто человеческое ему не было чуждо! Он был натурой страстной, увлекающейся, любил красивых женщин, веселые кампании, где он всегда был заводилой. Он с удовольствием выпивал стаканчик доброго молдавского вина и любил рассказывать и слушать “соленые” анекдоты.

А каким он был мастером капустников в Оперном театре! Внешне он мне напоминал своего героя из еврейской народной песни “Дэр Каларашер бадхн” - балагура, весельчака, солнечного человека, но я больше других знал терзания его души в последний год жизни - страх перед увольнением из театра. При его актерской мнительности и пятой графе в паспорте ему казалось, что его вот-вот отправят на пенсию, хотя в свои 56 лет он находился в отличной вокальной и сценической форме, (достаточно вспомнить, что он вытворял на сцене в своей последней премьере - комической опере Доницетти “Колокольчик”). Катастрофа с еврейской программой, на которую он возлагал большие надежды, бытовые неурядицы… Все это привело к болезни сердца, а затем и к “Финита ля комедия”.

Я всегда помню о Боре и часто мысленно беседую с ним: “Как же ты поторопился, мой дорогой бадхн! Еще бы немного подождал, и твое имя заблистало бы во всем еврейском мире. Где теперь эти жалкие пигмеи, для которых самой близкой была фраза: “Не пущать!”. А еврейская культура, подобно птице Феникс, и у нас в Молдове, и в СНГ вновь ожила после проклятой эпохи запретов и преследований. И ты, мой дорогой и незабвенный друг, был одним из первых, кто в мрачные годы тоталитаризма и всеобщего страха мужественно возвысил свой дивный голос в

поддержку нашей попранной культуры, был одним из тех, кто заложил первые кирпичи в основу ее нынешнего возрождения".

«АМЕРИКАНСКИЙ ДЕСАНТ» В МОЛДОВЕ

Если окинуть мысленным взором только что завершившийся сезон в Молдавской государственной филармонии, то, пожалуй, наиболее впечатляющим, мощным заключительным аккордом явился его (сезона) финал, с явно американским акцентом. В течении недели с интервалом в 5 дней перед любителями классической музыки на сцене филармонии предстали два самобытных музыканта - дирижер и пианист - наши бывшие земляки, а ныне граждане США - Альфред Гершфельд и Марк Зельцер.

О Марке Зельцере, впервые приехавшем в Молдову после 22 лет разлуки в декабре 98 года, о его бурном успехе в "Рапсодии на тему Паганини" Рахманинова, о его легендарной маме Бэбе Зельцер я уже писал. Поэтому второй приезд Марка на гастроли в Кишинев выглядел встречей со старым знакомым. Сам Марк признался, что он уже как бы протоптал дорожку на свою малую родину, что у него широкие творческие планы в отношении концертной деятельности в Молдове, что так хорошо, как в Кишиневе, ему нигде не играется, что он влюблен в нашу публику.

Судя по тому восторженному приему, который оказали кишиневцы Марку Зельцеру после его грандиозного исполнения Второго концерта Рахманинова, эта любовь взаимна. Так же, как и в прошлый приезд, публика неистовала, так же как и тогда, утирала слезы радости и умиления Бэба, сидящая в филармоническом зале среди своих друзей, знакомых, учеников, поздравлявших с замечательной игрой сына. В общем, оба концерта Марка Зельцера в Кишиневе стали значительным событием в культурной жизни нашего города. Но не менее событийным явился приезд в Кишинев Альфреда Гершфельда. Третьего, после Александра Палея и Марка Зельцера американца, появившегося на концертной эстраде города, где он вырос и сформировался как музыкант, где достиг заметных высот, будучи одним из ведущих дирижеров оперного театра и художественным руководителем филармонического камерного оркестра. Занимая такое положение в музыкальном мире Молдовы, он, в уже солидном возрасте, все-таки уехал. О причинах отъезда, о его дороге наверх в благословенной Америке, и вообще "за жизнь" мы беседуем после его концерта в Молдавской филармонии.

А.Г. - Я родился в 1937 году в Тирасполе, в семье известного композитора Давида Гершфельда, а в 1940 году мы переехали в Кишинев, где мой отец стал первым директором Молдавской государственной консерватории. С раннего детства в нашей семье не было сомнений, что я стану музыкантом, этот вопрос даже не обсуждался.

С.Б. - Наверное, такая категоричность связана с твоей родословной. Ведь

семья Гершфельдов - это музыкальная династия. Кроме Давида Григорьевича, я помню твоего дедушку - скрипача.

А.Г. - Действительно, мой дедушка Григорий Исаакович Гершфельд был доцентом Молдавской консерватории по классу скрипки и альта, он был добрейший человек, и его студенты могли жить и кормиться у него. А мой прадед был известным кантором в Европе. Его фамилия была Гиршфельд, и никто не знает, когда эта "и" перешла в "е". Я думаю, что еще до прадеда два поколения музыкантов было в нашей семье, так что музыкальные корни у нас очень глубокие.

Сейчас эту традицию продолжает моя дочь. Она живет в Израиле, окончила Иерусалимскую академию музыки. Играет в Израильском государственном камерном оркестре.

С.Б. - Ну, а как складывалась твоя музыкальная карьера?

А.Г. - Я поступил в Кишиневскую музыкальную школу-десятилетку в 1944 году по классу скрипки. Окончил ее у профессора Иосифа Львовича Дайлиса, потом еще 2 года занимался в Кишиневской консерватории и перевелся в Москву, в музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, который окончил в 1960 году. В эти годы, когда я учился в Москве, в Кишиневе оперой моего отца "Грозован" открылся Молдавский оперный театр, потом он написал еще одну молдавскую оперу, а в 1960 году на декаде Молдавского искусства "Грозован" с большим успехом был показан в Москве.

После окончания музыкального вуза я был направлен в Кишинев в оркестр молодого оперного театра, где через год уже стал концертмейстером первых скрипок, а еще через 2 года начал дирижировать спектаклями. Конечно, дирижирование не пришло само по себе, работая скрипачем в театре, я поступил на дирижерско-симфонический факультет Молдавской консерватории, окончил его и получил диплом дирижера. Моим педагогом по дирижированию был замечательный музыкант Леонид Федорович Худолей, который долгие годы был главным дирижером оперного театра. После получения дирижерского диплома меня пригласили на работу в Молдавскую филармонию, где в то время был главным дирижером Тимофей Гуртовой, с которым мы плодотворно сотрудничали в течении 13 лет. Потом, когда меня перевели на работу в Молдавскую оперу, я уехал на 3 года (с 1979 по 1982 гг.) на стажировку в Большой театр, и думаю, что это очень многое мне дало в творческом плане. По возвращению со стажировки я продолжал работать в оперном театре, кроме того, организовал государственный камерный оркестр, который был принят и признан в масштабах всего бывшего СССР, так как отличался высоким качеством исполнения. Но в 1988 году после обсуждения с семьей, с родителями, я принял решение об эмиграции.

С.Б. - Мы с тобой подошли к очень интересной теме, о которой сейчас можно говорить открыто. В отличии от Палея, Зельцера, которые уехали из СССР в молодом возрасте в надежде, и не безосновательно, реализовать свой талант, свой творческий потенциал, которому из-за 5-й графы в паспорте не

давали здесь раскрыться, ты покинул страну, будучи уже состоявшейся личностью, известным и уважаемым музыкантом в Кишиневе, уехал в том возрасте, когда начинать новую жизнь на Западе, ох, как нелегко!

И все-таки ты это сделал. Почему?

А.Г. - Говорить об этом непросто, это было трудное решение, потому что я здесь родился, это - моя родина, моя культура, которую я впитал в себя с детских лет, мои друзья, коллеги. Я отрывал от себя, как будто резал по живому. А с другой стороны, меня, как и многих других, отпугнули, отшатнули эти дикие оргии на улицах Кишинева под националистическими и часто антисемисткими лозунгами, было тяжело на это смотреть, и перемены, которые происходили, меня сильно разочаровали. Мне хотелось оставаться честным перед самим собой, и я решил, что для этого должен уехать. При всем том, что мне, действительно, удалось многого добиться, я понимал, что для меня, как еврея, есть определенный предел, определенная планка, выше которой мне не дадут прыгнуть. Эта несправедливость, которая существовала и которая официально была узаконена, вызывала обиду и послужила важной причиной принятия решения об эмиграции. И, конечно, мысли о детях, мне не хотелось, чтобы они проходили через те испытания, которые им сулило то страшное время, и которое, надеюсь, прошло навсегда.

С.Б. - И теперь естественный вопрос о твоей жизни в Америке, о ее начале и продолжении.

А.Г. - Нашим местом приземления в Америке был город Сарасота в штате Флорида. Мы летели туда из Нью-Йорка, и этот полет запомнился навсегда. Бортпроводница услышала незнакомую ей речь, и она спросила, откуда мы. Когда узнала откуда, исчезла, а через пару минут подошла с пакетом, в котором были 2 бутылки прекрасного вина и большой букет цветов. Она, как будто, почувст-вовала, что мы подавлены и тяжелой дорогой из Москвы, и разлукой с близкими, что мы нуждаемся в поддержке. Она очень тепло улыбнулась и сказала “Добро пожаловать в Америку!”. И это было незабываемо! Ее дружелюбие, гостеприимст-во от сердца к сердцу создало первое впечатление об этой стране, придало нам уверенность. И все последующее пребывание в Америке было связано с такими встречами, с такой теплотой и человеческой добротой. В течении трех месяцев со дня приезда еврейская община Сарасоты нас поддерживала материально, и за это им большое спасибо, но после 90 дней пребывания в Америке мы должны были с женой найти себе работу, квартиру. Работа была трудная, о музыке речь еще не шла.

Мне хотелось оставаться честным человеком, и я считаю, что любую работу должен делать честно. О музыке, о том, что я был дирижером, старался не забывать, но в поисках заработка брался за любую работу. Одна из них была - пэкмэн - человек, пакующий товары после покупки в магазине. Очевидно, я делал эту работу хорошо, потому что, когда увольнялся оттуда, хозяин магазина дал мне две недели срока, сказал, что никого за это время не возьмет на работу, может быть я передумаю.

Первые мои музыкальные шаги в Америке связаны с еврейской общиной в Сарасоте, о которой я упоминал. Ее представители пригласили корреспондентов местной газеты, чтобы написать о нашей семье, достаточно известной в музыкальном мире. Пришла женщина (впоследствии она много писала обо мне), и появилась первая статья, где она сообщила, что я еще в Кишиневе написал детскую оперу. На следующий день раздался звонок, и директриса оперного театра сказала, что ее заинтересовала эта опера, и пригласила на разговор. Я ей оставил видеокассету оперы на сюжет Линдгрен "Малыш и Карлсон, который живет на крыше". Эта опера была поставлена в Кишиневе и записана на видеопленку. Реакция директрисы была быстрой, опера ей понравилась, и она предложила либретто перевести на английский язык, сделать определенные сокращения и дописать хоры, где бы участвовали дети. Я это сделал. Опера прошла много раз в театре, и я начал чувствовать себя более уверенно. Эта премьера дала толчок для последующих приглашений, которые последовали незамедлительно. Меня пригласили в оперу продирижировать "Кармен". Это был своеобразный конкурс нескольких дирижеров, и после него мне предложили поставить 2 русские оперы - "Иоланту" Чайковского и "Франческу да Римини" Рахманинова. Я поставил эти оперы на русском языке и поражался, как певцы сумели так быстро выучить такой сложный для них язык. После успешных своих дебютов в Америке я был приглашен в качестве художественного руководителя в хор "Глория мюзикен" - это единственный профессиональный хор в штате Флорида. Так у меня появилась постоянная работа в качестве дирижера. Наряду с этим, я был приглашен еще в один коллектив, который находится в городке Анна-Мария айлэнд, недалеко от Сарасоты. Там я возглавил оркестр и хор. Этот новый коллектив стал для меня вторым домом. Я постарался создать там такую атмосферу, в которой все музыканты и хористы чувствовали бы себя одной семьей. Вот уже 7 лет я возглавляю этот коллектив, и мы исполняем очень много программ.

Летом меня приглашают на фестиваль в престижные курортные места на севере страны, такие, например, как знаменитый Лэйк-Плэсид, где проходили Зимние Олимпийские игры. В этом городе я стал художественным руководителем местного оркестра, состоящего из профессионалов высокого класса, он существует около 85 лет. Но это мой, так называемый, летний оркестр, которым я руковожу, уезжая из Флориды в жаркие месяцы года.

Возглавляя оркестры в Анна-Мария айлэнд и в Лейк-Плэсиде, три года назад я участвовал в Национальном конкурсе на место дирижера в оркестре Майами. Там отобрали 5 дирижеров, и я был одним из них. Продирижировав свою программу, я был принят на работу, и это событие окрылило меня. Я получил персональный оркестр с очень сильным составом, с которым я играл и Брамса, и Вагнера. Три года руковожу этим коллективом, составляю програмы, приглашаю солистов, занимаюсь большой и очень интересной работой.

С.Б. - Таким образом, можно сказать, что как музыкант, как дирижер в

Америке ты состоялся, ты себя нашел и творчески удовлетворен. Теперь расскажи, пожалуйста, как был организован твой приезд на гастроли в Кишинев?

А.Г. - Мысль о приезде в Молдавию встала давно, но та борьба за место под солнцем в США была достаточна драматична, хотелось побольше успеть в Америке. Кроме того, должно было пройти время, чтобы улеглись обиды из прошлой жизни в Молдове, в СССР, чтобы возникли какие-то другие чувства к своей бывшей родине. Сейчас я приехал совершенно спокойный, помнящий все хорошее. Тем более - нельзя сердиться на свою маму - свою родину, на землю, где ты родился. Другое дело, что Америка - мой новый дом, я очень признателен этой стране, этому народу, за то, что они меня так гостреприимно приняли. И тем не менее, мой приезд сюда был очень волнительным для меня и моей жены. Я благодарен директору филармонии Иону Жосану, его заместителю Марку Лознику, главному дирижеру Валентину Дони, которые с энтузиазмом приняли мое предложение о приезде и очень помогли мне, чтобы я чувствовал себя здесь комфортно. Надеюсь, что я оплатил им своим концертом.

С.Б. - Да, концерт был просто превосходным!

А.Г. - Эта обстановка и атмосфера на репетиции с музыкантами, работавшими когда-то вместе со мной, и с новыми, пришедшими в оркестр, была настолько приподнятая, они мне приподнесли такой подарок, которого я никогда не забуду. Это внимание, уважение, взимопонимание, когда мы все были захвачены великим искусством Шостаковича и Свиридова. И мы испытывали наслаждение от совместного музицирования, и каждый новый результат на репетициях, приносил радость. Я получил истинное удовольствие от концерта и исполнения.

С.Б. - А почему ты решил остановиться именно на этой программе - 5-й симфонии Шостаковича и "Поэме" Свиридова.

А.Г. - Я считаю, что в 5-й симфонии Шостаковича заложен огромный трагический пласт человеческого бытия нашей эпохи. Плюс к этому - 5-я симфония была началом моей дирижерской карьеры в Молдавской филармонии. Это символично - как бы возвращение в юность, и такая идея меня заинтриговала. Что касается поэмы Свиридова "Памяти Сергея Есенина" - то была не моя идея, но я сразу согласился, потому что это одно из ярчайших хоровых произведений советского периода, плюс мне очень хотелось встретиться с хоровой капеллой "Дойна" и ее руководителем Вероникой Александровной Гарштей, зная ее талант и умение, а также встретиться с Михаилом Мунтяном, солировавшем в "Поэме", моим давним и хорошим другом. Вероника Александровна подготовила прекрасный коллектив, который работал, и это я считаю комплиментом, как слаженный оркестр.

С.Б. - Как будто, мы с тобой объемно осветили многие страницы твоей жизни и творчества. Я еще раз поздравляю тебя с замечательным концертом, потому что это было по-настоящему высокое искусство, и воплощение 5-й симфонии Шостаковича - музыкального Шекспира 20 века, который с потря-

сающей силой отразил всю трагедию того времени (ведь она была написана в 1938 году, в разгар кровавой сталинской мясорубки), было достойно этой гениальной музыки. И в заключении, по репортерской традиции, о твоих творческих планах?

А.Г. - Если говорить о планах, связанных с Молдовой, то после такого приема, после такого удачного концерта хочется приехать еще раз, и я думаю, что мое желание реально и осуществимо.

Что касается Америки, то сейчас главное - найти менеджера, агента, потому что пока все концерты, которые у меня состоялись, это была моя инициатива, инициатива моих друзей, срабатывали какие-то контакты. Я смотрю с оптимизмом вперед, сейчас предстоит новый летний сезон в Лэйк-Плэсиде, я приглашаю вас всех туда и буду рад вас видеть. Я покидаю Молдову, Кишинев с надеждой на будущие встречи.

ПОЛВЕКА В МУЗЫКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКЕ

С Ефимом Моисеевичем Богдановским мы знакомы очень давно. Помню, когда в 1955 году я поступил в Молдавскую консерваторию на кафедру специального фортепиано, нас, первокурсников-пианистов, обязали посещать занятия хорового класса, мотивируя тем, что на дирижерско-хоровой кафедре не хватает мужчин-студентов и потому страдает мужская группа консерваторского хора. Не всем моим приятелям-пианистам, считавшим себя в консерватории аристократами - «белой костью», нравилось тратить ежедневно по два часа на хоркласс, вместо того чтобы заниматься на рояле. А я и тогда считал, и сейчас придерживаюсь мнения, что нет ничего более полезного для развития общей музыкальной культуры, слуха, чувства ансамбля, эмоционального начала, чем хоровое музицирование.

Руководил тогда хоркласссом тот самый Ефим Моисеевич Богдановский, которого я еще со студенческой скамьи оценил как отличного дирижера-хормейстера, тонкого и эрудированного музыканта, живого и остроумного человека.

Он родился в Кишиневе в еврейской семье, его отец был приказчиком в магазине, а мать - домохозяйкой. Он не ходил в Хэдэр, но, как вспоминает Ефим Моисеевич, в детстве к нему приходил мэламэд и обучал читать и писать на идише. К сожалению, еврейские буквы он забыл, но на идише говорит легко и свободно. Как считает наш мэтр еврейской литературы Ихил Шрайбман, из всех его друзей Ефим Богдановский лучше всех говорит на идише.

Так что благодаря заложенному в детстве тем же мэламэдом и тому, что в доме все говорили на идише (Богдановский прекрасно знает румынский, а с русским познакомился только с приходом Советов), можно сказать, что Ефим Моисеевич получил дома еврейское образование.

Трагичной, как и у тысяч евреев, была судьба семьи Богдановских во время на-

цистского нашествия. Его родители, младшая сестра, бабушка, не успев эвакуироваться, погибли в Кишиневском гетто.

В румынском лицее, где учился Богдановский, был преподаватель естествознания, известный в Кишиневе музыкант-любитель Василий Федорович Лужанский. Каждый год со студентами, гимназистами, приглашая и профессиональных музыкантов, он организовывал симфонические концерты, где звучала музыка Гайдна, Моцарта, других классиков, большим пропагандистом творчества которых был Василий Федорович. Как рассказывает сам Богдановский, ему очень нравилось слушать эту музыку и смотреть, как дирижирует Лужанский. Впоследствии ему страстно захотелось овладеть этой профессией. И когда в 1940 году в Кишиневе организовалась консерватория, ректором которой стал композитор Давид Гершфельд, Богдановский становится одним из первых ее студентов.

Ефим Богдановский с женой Еленой, со своей бывшей студенткой Н.Барабанщиковой и автором этой книги после концерта в еврейской библиотеке, 2001 год

Но началась война, и Ефим Моисеевич попал в действующую армию, откуда был демобилизован впоследствии по состоянию здоровья и отправлен на лечение в Тбилиси, где познакомился с выдающимся русским дирижером Александром Гаком. Е. Богдановский вернулся в Кишинев, когда война шла к концу. Он вновь стал студентом, и начал заниматься по специальности «дирижер хора».

Ему повезло, потому что он попал в класс талантливого музыканта, человека большого ума и доброй души Анны Дмитриевны Юшкевич. Она очень помогла в

становлении Ефима Богдановского как специалиста, как педагога, как музыканта в широком смысле этого слова. И об Анне Дмитриевне он до сих пор вспоминает, как о замечательном педагоге и человеке. Именно Анна Дмитриевна ему - студенту 5-го курса консерватории - предложила работу в качестве педагога на кафедре хорового дирижирования. Это случилось осенью 1949 года, то есть ровно полвека назад.

Его педагогическая деятельность в консерватории началась не на пустом месте, потому что до этого он уже преподавал несколько лет в музыкальном училище им.Няги, и среди его первых учениц была Вероника Гарштя, ныне народная артистка, художественный руководитель хоровой капеллы «Дойна».

За эти полвека Ефим Моисевич прошел путь от рядового преподавателя до профессора Молдавской консерватории. И несмотря на чехарду с названиями - консерватория, Институт искусств, Академия музыки, Университет искусств, - он по-прежнему один из ведущих педагогов кафедры хорового дирижирования. Его класс закончили свыше ста хормейстеров, которых судьба разбросала по разным городам бывшего СССР, по странам мира. Многие из них уже сами работают педагогами в музыкальных вузах. Так, Нонна Киселева является доцентом Киевского института культуры, а Елена Данилова - Днепропетровского, Елена Куприянова работает в Туле. Есть его ученики в Америке, Канаде, Израиле и т.д. Но большинство выпускников работает в родной Молдове, их можно встретить в больших и малых городах, а некоторые - уже его коллеги в «альма матер». Это - Надежда Жадан, Валентина Болдурат, которая недавно организовала хоровой коллектив «Кредо» и с этим хором стала лауреатом Международного конкурса в Германии.

С большой теплотой вспоминает Ефим Моисеевич еще одну свою выпускницу - знаменитую Софию Ротару, 25 лет назад закончившую его класс в Молдавской консерватории, как дирижер-хоровик.

Несмотря на насыщенную преподавательскую деятельность, на основной статус педагога консерватории, у Ефима Моисеевича всю жизнь была тяга к исполнительству, к творческому самовыражению. Поэтому он еще в 1972 году создал Камерный хор при Дворце профсоюзов, куда наряду с любителями входили и профессиональные музыканты - энтузиасты хорового музицирования, поющие, как тогда говорили, на общественных началах.

Камерный хор под руководством Богдановского достиг высокого профессионального уровня. Это можно смело утверждать, так как уже в 1975 году он участвовал в Международном фестивале в Таллине - столице «хоровой» республики, и стал там лауреатом.

Успех хора нарастал стремительно. Его поездки по республикам СССР, его участие в различных фестивалях и хоровых праздниках показывали, что в Молдове есть хоровой коллектив, отвечающий высоким требованиям международного масштаба. И последнее свидетельство тому - Международный конкурс в столице Греции Афинах в 1994 году, где, среди 56 коллективов из разных стран мира, хор

Богдановского занял почетное второе место и получил серебряную медаль.

Из тех пианистов, которые работали с ним в консерватории и в Камерном хоре, Ефим Моисеевич с особенным удовольствием вспоминает Александра Бондурянского - ныне профессора Московской консерватории, Раису Трейбич - дипломанта Международного конкурса, ныне работающую в Тель-Авивской музыкальной Академии, Авраама Литвака, живущего теперь в Нью-Йорке, Бориса Валлерштейна, ныне гражданина Германии. Конечно, Богдановский говорит с теплотой о них не потому, что они все евреи, а потому, что они талантливые музыканты высокой квалификации, помогавшие ему в работе.

Как шутил в своих «гарриках» известный поэт-юморист Игорь Губерман: «евреев очень мало на земле, но каждого еврея очень много». Так, дарование Ефима Богдановского распространяется не только на педагогику и исполнительство, но и на публицистическую деятельность. В прошлом году вышла интересная книга Богдановского под названием «О музыке с любовью, постоянно».

Все годы своей разносторонней деятельности (в молдавском музыкальном вузе он единственный педагог с полувековым стажем) Ефим Богдановский стремится привить своим ученикам, хористам, слушателям и читателям любовь к настоящей музыке.

О ПОЛКОВНИКЕ, ПОСРАМИВШЕМ МИНИСТРОВ

Что я знал о полковнике Бергмане?

То, что он был военным комендантом Тирасполя во время известных событий в 1992 году в Приднестровье, что он был сподвижником генерала Лебедя, когда тот командовал в Молдавии 14-й армией и внес решающий вклад в прекращение бессмысленной кровавой бойни.

В конце прошлого года, побывав в Израиле, я столкнулся в русскоязычной прессе с несколькими статьями о полковнике Бергмане, из которых узнал много интересного об этом человеке. Оказывается, он был назначен военным комендантом Чернобыля и Припяти сразу же после чернобыльской катастрофы и пробыл на этом посту (по приказу начальства) два срока, вместо одного положенного. За это он получил орден Красной Звезды и лучевую болезнь. Я узнал, что полковник Бергман пошел один, без оружия на обезумевшего солдатика, который, убежав из части с автоматом, забрался в блиндаж и решил стоять там до последнего патрона. Но вот самое удивительное, что мне довелось узнать: офицер Бергман выиграл в последние годы два судебных процесса у двух высших военных начальников России, у двух министров обороны - Грачева и Сергеева!

Иметь у себя, как говорится, под рукой, в Тирасполе, такую легендарную личность и не написать о ней, было бы для еврейского журналиста непростительно. Но найти в Тирасполе полковника Бергмана и встретиться с ним, оказалось не так

просто. На все мои телефонные звонки из Кишинева в смешанную комиссию по перемирию в Приднестровье, в военную комендатуру, гарнизонному начальству при упоминании фамилии Бергмана возникала небольшая пауза, и ледяные голоса на другом конце провода отвечали, что им ничего не известно о местопребывании полковника. И только после безуспешных поисков через военные организации меня осенило обратиться к председателю Общества еврейской культуры Тирасполя доктору Когану. Через день Александр Моисеевич сообщил мне домашний телефон полковника, а спустя несколько дней состоялась наша встреча.

На фотографиях в израильских газетах Михаил Бергман в военной форме выглядел бравым офицером, а я встретил вполне цивильного, еще довольно молодого человека с мужественным лицом, с седым ежиком волос, элегантно одетого, хотя в его внешней подтянутости и манере разговаривать чувствовалась армейская "косточка". Мы проговорили около двух часов, разговор мне показался захватывающе интересным, и я привожу текст беседы с некоторыми сокращениями.

- Михаил Михайлович, мне бы хотелось начать наш разговор с вашего происхождения.

- Я еврей, родился и вырос в Тирасполе, все мои предки, двенадцать поколений и по материнской, и по отцовской, линии жили в Тирасполе, и все сейчас лежат здесь на еврейском кладбище. Евреи испокон веков почитали умерших, они - наша история, без уважения к прошлому не может быть будущего. Я каждое воскресенье, а иногда и чаще хожу на кладбище, ухаживаю за родными могилами, потому что это - мои корни. С тревогой наблюдаю, что последние два-три года еврейское кладбище в Тирасполе разрушают. Можно сказать, что на сегодняшний день половина памятников разбита, это - настоящий вандализм. В приднестровской печати об этом ни слова, все замалчивается. Из-за того, что власти не принимают никаких мер, погромщики чувствуют свою безнаказанность. О чем говорить, если пресса Приднестровья откровенно печатает воззвания баркашовцев, появляются листки со свастиками, с антисемитскими призывами и лозунгами, книги, среди которых и "Майн кампф" Гитлера. Впрочем, эту книгу я встречал не только в Тирасполе, но и в московском метро, а также в Калининграде, где был недавно в командировке. Все возвращается на круги своя, и, будучи человеком военным, я вижу, что это приведет к страшнейшей трагедии, если не обратит на это внимание международное сообщество и руководители западных стран - Америки, Англии, Франции, Канады и других. Второго фашизма - после гитлеровского - мы не переживем. В июне 1992 года, во время приднестровского конфликта, мне пришлось встретиться с генерал-полковником Макашовым. Я тогда был комендантом тираспольского гарнизона и был назначен комендантом Приднестровской республики, а он, прилетев в Тирасполь, пытался попасть в штаб армии. Меня вызвал командующий армией Лебедь и приказал не пускать этого человека в штаб армии, и от того, что мне наговорил Макашов с его оголтелым антисемитизмом, у меня сложилось впечатление, что у него больная психика. Коммунисты, поддержав в Думе Макашова

разрешив ему антисемитские высказывания, поддержали русский фашизм. Если Макашова поддерживает целая партия, это говорит о коричневой окраске российских коммунистов. Но то, что и президент, и правительство, и прокуратура оказались бессильными наказать Макашова и ему подобных, наводит на самые мрачные размышления.

- Теперь, Михаил Михайлович, о ваших трех боевых орденах.

- Орден Красной Звезды я получил за Чернобыль, орден "За службу Родине" - за то, что моя комендатура на протяжении пяти лет занимала одно из первых мест в Вооруженных Силах Советского Союза, а орден "За личное мужество" - за предотвращение военного конфликта в Приднестровье.

М.Бергман (крайний справа) и А.Лебедь со своими семьями

- А я-то думал, последний орден вы получили за того солдатика, к которому вы пошли безоружным и уговорили его сдаться.

- С тем солдатиком особенный случай. Тут заслуги моей никакой нет.

- Но ведь вы должны были проявить решительность, чтобы пойти на вооруженного, готового на все человека.

- Это произошло в мае месяце, который принес мне столько горя: 1 мая убежал этот солдат, 3-го я его разоружил, а 18-го погиб мой внук. Я сохранил жизнь Крылову, но не спас собственного внука. У этого солдата погибла мать, ее нашли убитой в подъезде собственного дома, через месяц умирает отец, и этого мальчишку, у которого рост 156 сантиметров, забирают в армию и посылают в Приднестровье,

где он прослужил полтора года. Ситуация в армии вы знаете какая - солдат голодный, холодный, обозленный. А ему каждую ночь снится мать, которая просит, чтобы он к ней пришел. И он берет автомат и идет мстить за мать. Когда он ушел, всех подняли по тревоге, я возглавил операцию по поимке, мы его обнаружили в одном из домов. Нас было около трехсот человек, прибыл начальник штаба армии, который пытался по радиорупору уговорить солдата сдаться, но бесполезно. При мне дважды позвонил из Москвы командующий оперативной группы российских войск, оставшейся в Приднестровье вместо 14-й армии, генерал Явневич, который сказал, что министр обороны России маршал Сергеев дал команду открыть огонь на поражение. Конечно, уничтожить солдата не представляло труда, но применять оружие в том месте, где рядом находилось десять шестидесятитонных цистерн с бензином, да к тому же военный госпиталь и завод "Молдавизолит"? Да и солдат бы не сидел сложа руки. Я неоднократно руководил такими операциями, и всегда солдаты отстреливались до последнего патрона, а последний - себе. Поэтому единственно правильное решение было сохранить жизнь всем тем, кто там находился, и я пошел к этому солдату и уговорил его.

- ***Но он же мог вас застрелить, когда вы, безоружный, шли к нему.***

- У меня не было другого выхода - или погибнуть самому, или погибнуть вместе со всеми. Поэтому я решил использовать шанс: пока шли поиски, я досконально изучил его дело, побеседовал с его самыми близкими друзьями по службе - они все из Иванова. Когда я вышел к нему, то разделся, расстегнул рубашку, показал, что не вооружен, и сказал: "Максим, я знаю все о твоей матери, знаю о твоем отце и даю тебе слово, что сделаю все, чтобы установить, кто виновен в смерти твоих родителей". Потом я ему честно сказал, что дана команда на его уничтожение, что он все равно погибнет, но в первых рядах цепи будут идти его близкие друзья (назвал их по фамилии). И он, зная меня и поверив моему обещанию, что его судить никто не будет, сложил оружие. Он продолжает мне и сейчас звонить, пишет письма. В Иваново, благодаря статье в "Комсомольской правде", все знают об этом инциденте. Со мной и мэр города разговаривал, и приглашали на местное телевидение, там меня принимают, как родного.

Но самое интересное началось потом, когда возник вопрос, как же меня наградить. Начальник штаба написал представление - наградить орденом "За личное мужество". А этот орден у меня уже был, и тогда приняли решение - "За заслуги перед Отечеством". Приехал из Москвы генерал Явневич и сказал: "Я этому жиду никакого ордена не дам, потому что он - ставленник генерала Лебедя. Дайте ему денежную премию!" Приняли решение выделить один миллион старых рублей, потом поменяли на 500 тысяч, но и этого Явневичу показалось много, он велел выдать сто тысяч рублей, то есть по нынешним временам - сто рублей, меньше четырех долларов. И вот приносят мне приказ о выделении ста тысяч, а я на обороте его пишу: "Прошу эти деньги выделить министру обороны маршалу Сергееву". В зале сидят 500 офицеров, начальник штаба зачитывает приказ, переворачивает

страницу, и, видимо не поняв сразу мою просьбу, зачитывает и ее. Вы можете себе представить, какой смех был в зале.

- Но вернемся все-таки к орденам. Итак, первый - за Чернобыль.

- В 1986 году, сразу же после аварии, я прибыл в Чернобыль. Помню, нас всех в Тирасполе подняли по тревоге, причем не по фамильно, а по должностям: военный комендант, военный прокурор, начальник химической службы, председатель военного трибунала и так далее. На военно-транспортном самолете прилетели в Киев, оттуда на вертолете в Чернобыль, где я ужаснулся - мертвая зона, все в защитных костюмах. Первым, к кому меня подвели, был председатель правительственной комиссии, покойный уже Щербина, рядом с ним сидели бывшие председатель Совмина Рыжков и министр обороны Соколов. Я получил первый приказ, еще не зная, что делать, как себя вести. Вечером, когда патрулировал тридцатикилометровую зону и видел покинутые девяти- и шестнадцатиэтажные дома, я ощутил сильнейший страх: вот что может произойти, если будет ядерная война. Я никогда не забуду дорогу на Припять, там узкое шоссе, и кругом валялись мертвые крысы, а на деревьях не было ни единого листка - жуткое зрелище. Первый выброс произошел в восемь тысяч рентген, это был настоящий ядерный взрыв. И те люди, которые до сих пор там живут, они практически обречены.

И судьба офицеров, прошедших через зону (а я фактически пробыл там две смены, вместо 30 суток - 60, потому что ждали Горбачева, и министр обороны отдал приказ оставить весь личный состав до прибытия главы государства, который так и не прибыл), это постоянные госпитали, постоянные переливания крови. Из 28 офицеров, с которыми я служил в Чернобыле, в живых осталось четверо, а уж об участи мальчишек-солдат и говорить не приходится.

- А как сказалось пребывание в Чернобыле лично на вашем здоровье?

- Мне сделали пять полных переливаний крови. У меня был лучевой ожог... После конца смены меня сразу положили в госпиталь, который развернули рядом с Чернобылем, у меня резко упало давление, доходило до 80 на 50, и я похудел на 20 килограммов. Там сделали полное переливание крови, перевели в одесский окружной госпиталь, где я пролежал месяц, и врачи все-таки подняли меня на ноги. Я нахожусь, как чернобылец, на учете, каждый год лежу в госпиталях, только что месяц отлежал в госпитале имени Бурденко, прошел профилактику, в общем, держусь.

- Теперь обратимся еще к одному ордену - за предотвращение вооруженного конфликта в Приднестровье. Как вы считаете, этот конфликт, сейчас, слава Богу уже не вооруженный, когда-нибудь разрешится?

- Прошло уже восемь лет, а воз и ныне там. Виноваты, конечно, руководители, народ ни при чем. Поэтому я думаю, что ни какими силовыми методами этот конфликт не разрешишь, должно пройти время, чтобы люди перестали бояться: одних пугают объединением с Румынией, других - сепаратизмом, но на самом деле все рушится, народ беднеет, а мы все продолжаем конфликтовать. В Молдове хотят,

чтобы был только молдавский язык, а живет здесь 40 процентов людей других национальностей, которые этим языком не владеют. Приднестровье требует так называемой "независимости", а о простом человеке никто не думает, все совершается против людей. Но все же любой мир лучше, чем война. Когда в Тирасполе на кладбище я прохожу мимо аллеи героев, где похоронены участники приднестровского конфликта (такие же кладбища есть и в Молдове), я думаю о том, что погибшие оказались никому не нужны. Они нужны только своим близким, родным - родителям, женам, детям. Мать придет, жена, ребенок, поплачут. Ради чего отдал жизнь человек?

- Давайте поговорим теперь о том, как вы судились с министрами обороны России. Начнем с Грачева.

- С Грачевым ситуация была пикантная. Как только отстранили от командования Александра Лебедя, я возглавил кампанию по бойкотированию назначенного на его место генерала Явневича. Мы отказались принять нового командующего, фактически наши люди не позволили самолету сесть на аэродроме в Тирасполе, и самолет вернулся в Москву. Через несколько дней они приземлились в Одесской области, в Лиманском. Лебедь не хотел противостояния, я должен сказать честно, что если бы не он, мы бы тогда не подпустили к штабу никого, и мог возникнуть вооруженный конфликт, армия бы взялась за оружие. Но Лебедь предупредил, чтобы ни в коем случае этого не делать. Через неделю прилетел лично Грачев и сразу же вызвал меня. Отвел под руку в сторону и - прямым текстом: "Ты же понимаешь, ты умный человек, ты - еврей, поэтому думай, кто этот Лебедь, да мерзавец он такой-сякой", в общем, вылил на него ушат грязи. Я ответил, что ничего не знаю, но свита Грачева, в составе которой были его первые заместители - генералы армии, генерал-полковники, чуть ли не силой завели меня в кабинет и принялись обещать мне должность военного коменданта Москвы, звание генерала, лишь бы я дал показания против Лебедя. Я ответил, что на Александра Ивановича никакого компромата у меня нет. Тогда они начали угрожать: "Ты же знаешь, что мы с тобой сделаем, ты же еврей". Я ответил, что у меня ничего нет на Лебедя, повернулся и вышел. Самолет Грачева не успел взлететь, а уже поступил приказ о моем увольнении, и были заведены четыре уголовных дела. Потом пошли обыски, подняли целое вооруженное подразделение, чтобы захватить комендатуру и найти какие-нибудь бумаги, связанные с Лебедем. У меня дома и на даче тоже искали документы. Никогда не забуду, как они нашли у меня семейные фотографии - я с женой и Лебедь с женой - и обрадовались, что обнаружили компромат.

Естественно, дело было прекращено из-за отсутствия состава преступления, а я подал в суд в Москве. Судьей был полковник Туманов - юрист высшей категории, очень мужественный человек. В то время пойти против Грачева было равносильно прыжку с десятого этажа без парашюта. Этот человек совершил подвиг. Дело слушалось четверо суток, было множество, более сотни, корреспондентов, и я благодарен судьбе за то, что именно я, еврей, не испугался. То был 1996 год, когда

Лебедь стал секретарем Совета безопасности, и отстранили от должности Грачева и всю эту группу генералов. А 25 миллионов старых рублей, которые мне отсудили у "Паши-мерседеса", до сих пор "не нашли" адресата.

- Мой последний вопрос связан со вторым вашим процессом. Я прочитал в одной израильской газете, что маршал Сергеев затеял ваше увольнение из армии в связи с тем, что вы якобы без разрешения начальства съездили в Израиль.

- Тут опять говорили "Бергман", а подразумевали "Лебедь". В то время готовились выборы в Красноярске, я помогал Александру Ивановичу в избирательной кампании и, когда вернулся в Тирасполь, меня пригласил на беседу один из руководителей ФСБ. И начался шантаж: ты ведь еврей, значит, ты должен быть завербован Мосадом. Это не в первый раз, меня еще в 1992 году обвиняли в том, что я - агент четырех разведок. Мне стало просто смешно. Иду к командующему Явневичу и говорю: "Работник ФСБ обвиняет меня в шпионаже в пользу Израиля", а Явневич отвечает: "Ты лучше расскажи все о Лебеде, иначе тебе, как еврею, - ты же сам понимаешь - будет очень плохо".

Проходит несколько дней, Лебедь становится губернатором, компромат уже не нужен, и приходит приказ министра обороны Сергеева. Представляете, в воскресенье написан, в воскресенье подписан и в воскресенье же получен приказ о снятии с должности, потому что я - агент Мосада. После того, как мне вручили приказ, сразу же уволили без выходного пособия, без отпускных, вобщем, выгнали с волчьим билетом. После этого меня опять приглашает начальник из ФСБ и говорит: "Михаил Михайлович, ты только не поднимай шум, потому что тебя арестуют через три минуты". Естественно, я тут же доложил об этом Лебедю, подал в суд, и четыре месяца борьбы увенчались успехом. Был гарнизонный суд, затем армейский, потом Верховный суд, а после этого - коллегия Верховного суда Российской Федерации. И все приняли решение в мою пользу, а те деньги, что были присуждены за моральный ущерб, я перечислил в детский дом Красноярска.

- А какие "доказательства" ваших связей с израильской разведкой они предъявили?

- "Доказательство" было одно - авиабилет до Израиля, где стояла фамилия "Берланд". Но когда министр обороны понял, что нет ни одного документа и его просто подставили, когда командующий Явневич, выступая на суде, начал оправдываться, что этот вопрос его не интересует, и ему приказали подписать, а затем выступает эфэсбэшник и говорит, что ему приказал это сделать Явневич, стало ясно: команда поступила из Москвы от людей, для которых Лебедь, как кость в горле. Они хотели развить еврейскую тему, она была им нужна, чтобы показать - вот Лебедь пригрел агента Мосада. Мне стало смешно, и я сказал на суде: "Как же так, я - агент Мосада - сижу в Тирасполе в своем кабинете, никто меня не трогает, не арестовывает, где же ваша бдительность, как можно меня держать на свободе?" Но самое главное - наша власть никого не наказала: ни Явневича, ни министра обороны. Российская

же пресса подняла шум, требовала расследовать произвол в отношении меня, но всем все до лампочки.

- И, тем не менее, в вашей житейской и служебной биографии есть "израильский след". Я прочитал в израильской прессе, что там живет ваша дочь с семьей...

- Моя дочь действительно переехала в Израиль со всей семьей, она живет в Ашдоде, у меня там родился внук Фредди. Они с мужем хорошо устроены, и я благодарен Израилю, который приютил мою дочь и многих других, кто в этом нуждался…

БОРИС САНДЛЕР – МОЙ МЛАДШИЙ ДРУГ

Вспоминаю, как на мой пятидесятилетний юбилей откликнулась еврейская газета "Биробиджанэр штерн" статьей под названием "Сын своих родителей", где речь шла о моих родителях - еврейском актере и еврейской писательнице. Она оказалась приятна сердцу юбиляра, в ней были искренность, сердечная теплота, она подкупала своим языком - ясным, простым, прозрачным.

Написал ее Борис Сандлер, тогда начинающий еврейский писатель, проделавший непростой и нелегкий творческий путь.

Детство Борис провел в Бельцах, окончил там детскую музыкальную школу и поступил в Кишиневское музыкальное училище по классу скрипки. Отсюда и началось наше знакомство - молодого педагога (пианиста) и юного студента (скрипача). Постепенно оно перешло в дружбу. Кроме музыки, нас объединяла страсть к веселым "капустникам", где я режиссировал, а Боря был одним из ведущих актеров. Из этих "капустников" родился студенческий сатирический театр "Камертон". Когда буквально весь их курс поступил в консерваторию, наш "Камертон" в полном составе оказался в музыкальном вузе.

Боря успешно закончил в 1975 году консерваторию и прошел конкурс в симфонический оркестр Молдавской филармонии. Он постоянно общался с прекрасной музыкой, познакомился с выдающимися дирижерами, которые довольно часто тогда наезжали в Кишинев, вместе с оркестром гастролировал по всему бывшему Союзу... Чего, казалось бы, еще? Но в Боре уже тогда проснулся писательский зуд, который одолевал его все сильней.

В этом направлении, кстати, наши устремления тоже пересеклись. Окончив консерваторию и начав работать концертмейстером в нашем оперном театре, я вскоре почувствовал творческую неудовлетворенность. Начал писать рецензии на концерты, оперные спектакли. Меня печатали в русских и молдавских газетах Кишинева, потом в СМИ Москвы, других городов, в журналах. Но чувствовалась нехватка знаний, и я поступил заочно в аспирантуру на специальность "музыкальный театр". Таким образом приобрел вторую профессию - музыкального критика.

Видимо, та же неудовлетворенность достигнутым усадила Борю Сандлера за письменный стол. И, конечно, его еврейство, его детские и юношеские впечатления о семье, об узких улочках в Бельцах, заселенных колоритными еврейскими личностями, нашли отражение в литературном творчестве Бориса.

Но вскоре возникла проблема: Боря писал по-русски, а содержание, как и его герои, были еврейскими. Эта тематика в те годы была, мягко говоря, не популярна. Боря очень переживал, но две счастливые встречи в корне переменили его писательскую судьбу.

С Борисом Сандлером на приеме в Киеве в Израильском посольстве, август, 1994 год

Первая - с однофамильцем Бори, преподавателем кафедры иностранных языков Тираспольского пединститута Семеном Сандлером. Он стал его учителем идиша, языка, который Боря слышал с детства, все понимал, говорил на нем, но читать и писать не мог. Еженедельные поездки в Тирасполь дали положительный результат: Боря Сандлер начал писать свои новеллы, рассказы, миниатюры на идише.

Вторая встреча - с нашим известным писателем-идишистом Ихилом Шрайбманом. Общение с Ихилом Исааковичем стало для Бори уроками профессионализма. Ихил Шрайбман, слушая произведения Бори, делал критические замечания, открывал ему тонкости писательского мастерства. В результате в 1981 году появляются в Москве, в журнале “Советиш Геймланд” первые Борины рассказы на идише со вступительным словом Ихила Шрайбмана.

В этом же году на Высших литературных курсах при Литературном институте

им.Горького было открыто идишское отделение, куда поступил, по рекомендации Ихила Шрайбмана, Борис Сандлер. Два года, проведенных в Москве, были настоящими писательскими "университетами".

Вернувшись из Москвы, Боря регулярно печатается в "Советиш Геймланд", становится членом редколлегии этого журнала, его публикуют в "Биробиджанэр штерн" и в иностранных изданиях, а в 1986 году в издательстве "Советский писатель" выходит первая книга его рассказов на идише "Ступени к чуду".

В годы перестройки Боря оказывается на гребне возрождения еврейской культуры в Молдове. Он становится активистом Общества еврейской культуры, созданного в 1989 году в республике, избирается сопредседателем Правления. На этом посту, вплоть до отъезда в 1992 году в Израиль, Борис развивает активную деятельность. Он становится одним из создателей еврейской телевизионной программы "Аф дэр идишер гас", до сих пор существующей на Молдавском телевидении, на страницах "Ундзер кол" он вел идишскую часть газеты, которая, к сожалению, после его отъезда исчезла. Он - автор сценариев к двум фильмам: "Не сгибайся, идиш!" (1991) и "Где мой дом?"(1992) - о трагической судьбе бессарабского еврейства.

Приехав в Страну Обетованную, Борис не рвет духовной связи с Молдовой, со своими земляками. Он часто звонит в Кишинев своим друзьям и единомышленникам. Его квартира в Иерусалиме всегда открыта для гостей.

Израильская жизнь писателя складывается удачно: Борис Сандлер ведет научную работу на идишской кафедре Иерусалимского университета, одновременно преподает идиш на различных курсах, в общеобразовательной школе, ведет большую общественную работу во Всемирном Совете по идишской культуре. За несколько лет жизни в Израиле он выпустил три книги: документальную повесть "Дело номер 5390" - о кишиневских еврейских писателях, репрессированных при сталинском режиме (1992 г.), и два сборника рассказов - "Старый колодец" (1994 г.) и "Ворота" (1997 г.).

В эти же годы Борис издает первый в Израиле детский идишский журнал "Кинд ун кейт", привлекая к нему лучших идишских писателей Израиля, Америки, стран СНГ. Вскоре Борис Сандлер получает приглашение на работу в крупнейшую и старейшую идишскую газету в мире - нью-йоркскую "Форвэртс". И уже через несколько месяцев его выбирают главным редактором этой газеты.

Не знаю, как выглядел "Форвэртс" раньше (я получаю его только второй год), но, судя по письмам читателей, с приходом Бориса на должность руководителя газета совершенно изменилась и по форме, и по содержанию. Мне же она кажется захватывающе интересной, я читаю все ее 24 страницы от корки до корки.

Печатая в "Форвэртс" лучших идишских писателей и журналистов из разных стран, Борис почти в каждом номере не забывает о своей малой родине - Молдове. Это, прежде всего, проза его учителя Ихила Шрайбмана, стихи Моисея Лемстера, статьи о Молдове Михаила Хазина, Изяслава Левита, Арнольда Бродичанского,

Леонида Пинчевского, проживающих ныне в других краях. Наконец, это материалы о жизни в Молдове Вашего покорного слуги. Человеческие и творческие контакты, которые связывали Борю с Кишиневом после отъезда в Израиль, еще более окрепли после его переезда в Америку.

На дне рождения Бориса Сандлера вместе с Ихилом Шрайбманом, Моисеем Лемстером, Владимиром Биткиным и нашими женами

Причем не только через "Форвэртс", но и через радиопередачу "Час "Форвэртса", редактором и ведущим которой он является на одной из радиостанций Нью-Йорка. И здесь наши творческие пути опять пересеклись: его передача и моя "Идиш лэбн" на радио Молдовы обмениваются программами...

Тринадцать лет назад Борис поздравил меня с 50-летием. Сегодня тем же способом я поздравляю его с тем же славным юбилеем. По образному выражению Ихила Шрайбмана: "Борис сейчас находится в высоком полете". Пожелаем же ему, чтобы набор высоты продолжался!

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ БАСНЕР

3 сентября исполнилось пять лет со дня смерти выдающегося композитора Вениамина Баснера, чье творчество - одна из ярких страниц российской музыкаль-

ной культуры.

Еще в студенческие годы произошла встреча Баснера с Шостаковичем. Советы гениального композитора помогли быст-рому становлению молодого Баснера, как композитора, а потом его отношения с Дмитрием Дмитриевичем переросли в большую личную дружбу. Вспоминаю, с каким пиететом, с какой любовью говорил Вениамин Ефимович о Шостаковиче. И в знак памяти о великом Учителе написал в 1993 году симфонию "Катерина Измайлова" по мотивам одноименной оперы Д.Шостаковича.

Большая дружба связывала Баснера и с одним из самых близких Шостаковичу людей - профессором Ленинградской консерватории Исааком Гликманом. Именно Исаак Давидович - мой научный руководитель по аспирантуре, а затем и Учитель на всю жизнь - познакомил нас с Баснером.

Это произошло в 1994 году, когда Вениамин Ефимович написал первый в Петербурге еврейский мюзикл по роману американского писателя 20-х годов Давида Фридмана "Мендель Маранц" (Баснер назвал свой мюзикл "Еврейское счастье") и создал для постановки этого спектакля еврейский музыкально-драматический театр под названием "Симха".

- Нельзя сказать, что еврейская тематика до написания мюзикла была мне чужда, - рассказывал в нашей беседе Вениамин Ефимович. - В двух моих квартетах - 3-м и 5-м (а всего у меня их пять) я использовал еврейские мотивы. Один из скрипичных концертов я написал под впечатлением Освенцима и посвятил его замечательному ленинградскому скрипачу Михаилу Вайману. А свой виолончельный концерт я назвал "Царь Давид", он - программный: первая часть называется "Давид и Голиаф", вторая - "Давид и Саул", а последняя - "Давид и Вирсавия". Написанный в 1979 году, он объявлялся как концерт для виолончели с оркестром. Но в 1995 году в моем авторском концерте в Большом зале Ленинградской филармонии он уже был объявлен как "Царь Давид", и это было для меня большой радостью.

Написал я и несколько еврейских песен, в частности, "Лехаим" на стихи Леонида Школьника. Вообще, любовь ко всему еврейскому мне привили в родительском доме с детских лет. Мои родители - выходцы из Двинска - во время 1-й мировой войны эвакуировались в Ярославль, где я родился в 1925 году. Мои оба деда и родители говорили только на идише, и этот язык я помню до сих пор.

Хотя среди моих близких не было профессиональных музыкантов, у нас была

очень музыкальная семья. Дед был портной и, когда работал, всегда напевал еврейские песни. Я часто слушал эти песни, и они всплыли в памяти, когда я начал писать мюзикл “Еврейское счастье”. Написал партитуру на одном дыхании, за восемь дней. Никогда в жизни я так быстро не работал, и думаю, что вдохновение нашло потому, что я обратился к родной для меня музыке”.

Премьера “Еврейского счастья” состоялась в 1994 году в Петербурге. Хотя за литературную основу Баснер взял роман американского писателя, и действие происходит в Нью-Йорке в 20-е годы, оно вполне может быть перенесено в наши дни, ибо заботы у простых евреев одни и те же: где заработать, как выдать дочь благополучно замуж, как в старости жить поближе к внукам, как не отчаяться, если удача надолго отвернется от тебя... Главный герой мюзикла Мендель Маранц - сначала бедняк, затем богач и вскоре вновь бедняк, не потерявший только чувство юмора.

Вообще, сюжетная фабула “Еврейского счастья” явно перекликается с пьесой Шолом-Алейхема “200000, или Большой выигрыш”, где в такой же ситуации оказывается местечковый портной Шимеле Сорокер.

Но главной героиней спектакля “Еврейское счастье” является музыка Вениамина Баснера во всей ее мелодичности, ритмическом богатстве, тематическом разнообразии. Так как действие происходит в Нью-Йорке, Баснер переплетает еврейскую музыку с американской, используя такие танцевальные жанры, как фокстрот, румба, танго и т.д. Но, конечно душа мюзикла - еврейская музыка. И хотя актеры говорят и поют по-русски, блестящая партитура, напоенная ароматом еврейских мелодий, дает основание говорить о мюзикле как о национальном произведении (сравним для примера знаменитый мюзикл американского композитора Джерри Бока “Скрипач на крыше”, который исполняется на английском языке).

Премьера, на которой я присутствовал, прошла с огромным успехом. Мюзиклу Баснера рукоплескал весь театральный Петербург. Театр “Симха” выезжал с этим спектаклем на еврейский фестиваль в Оренбург, я вел переговоры с Баснером о приезде театра в Молдавию. Но внезапная кончина Вениамина Ефимовича (он умер за рулем автомобиля от сердечного приступа) сыграла роковую роль в судьбе театра “Симха”. Без своего художественного руководителя театр быстро ушел в небытие. Но “Еврейское счастье” Баснера не исчезло с кончиной автора. Пару лет назад молодежный театр при петербургском “Гилеле” поставил этот спектакль под названием “Лехаим, Мендель!” и завоевал на фестивале еврейских молодежных коллективов в Киеве диплом лауреата.

В этом году, на Международном фестивале детского и юношеского еврейского творчества в Москве, я увидел “Еврейское счастье” в исполнении юных артистов из Владимира. Да и у нас в Кишиневе мне удалось в нынешнем сезоне показать фрагменты из этого мюзикла в концертах музыкального клуба при “Сохнуте”, в Малом зале филармонии, и везде - с неизменным успехом.

Хочу надеяться, что в Кишиневе найдется еврейский режиссер, которого заинтересует партитура Баснера, и он сумеет воплотить на сцене эту замечательную

музыку. И вот что подумалось. А почему бы в Америке не поставить “Еврейское счастье”, показать американским евреям, как жили их отцы и деды в 20-х годах минувшего столетия. Ведь еврейское счастье во всем мире одинаково - оно заключается в любви - любви, которую нам завещали наши библейские праотцы, к близким, к семье, к детям, внукам. Эту идею и утверждает мюзикл Баснера...

Пять лет уже нет с нами Вениамина Ефимовича. Но он живет в своей прекрасной музыке, в сиянии звезды - малой планеты, которая получила, по предложению композиторов Санкт-Петербурга, имя - Вениамин Баснер.

ОНА СТОЯЛА У ИСТОКОВ

1.Вместо вступления.

Недавно я вернулся из Штатов, где провел чудесный месяц в творческом и дружеском общении со старыми знакомыми - нашими земляками и новыми американскими евреями. Приехал туда по приглашению своей ученицы и друга Ирины Мишуры, оплатившей дорогу и проживание.

Во время пребывания в Америке я вел дневник и собирался по возвращении написать очерк в одном из любимых своих жанров “путевые заметки”. Но жизнь сразу так завертела - юбилей Ихила Шрайбмана, 100 лет Кишиневского погрома, затем Песах и другие еврейские весенние праздники, что мои благие намерения разбились о постоянную “закрученность”. Но вот в напряженном графике образовалось “окно”, и я подумал, а почему, не соединить путевые заметки с творческим портретом Ирины Мишуры, стоявшей у истоков возрождения еврейской культуры в Молдове и превратившейся, благодаря своему огромному дарованию, в суперзвезду мирового оперного искусства, поющую на лучших оперных сценах мира с такими великими певцами, как Лучано Паваротти, Плачидо Доминго, Хосе Каррерас...

2.Несколько слов из истории возрождения в Молдове еврейской музыкальной культуры.

Еще в 1981 году, когда все находилось под запретом, мы с народным артистом Молдовы, солистом Молдавской оперы Борисом Раисовым (Кацем) создали программу еврейской вокальной музыки. Мы провели всего один концерт в Доме актера в забитом до отказа зале, прошедший с бешенным успехом, а потом советские власти сделали все, чтобы закрыть нам рот и не дать больше выступать.

Но вот наступила перестройка, еврейское искусство вышло из подполья, а у меня началась черная полоса. Раисова уже не было в живых, а тут неожиданно уходит из жизни молодой, талантливый скрипач и певец Оскар Нузман, с которым я рабо-

тал над еврейской программой. Переезжает в Москву другой певец, начавший выступать со мной в концертах еврейской музыки. Уходит в эстраду, прельстившись высокими заработками, молодая певица, с которой я сделал еврейскую камерную программу. Было отчего прийти в отчаяние.

3.Знакомство с Ириной.

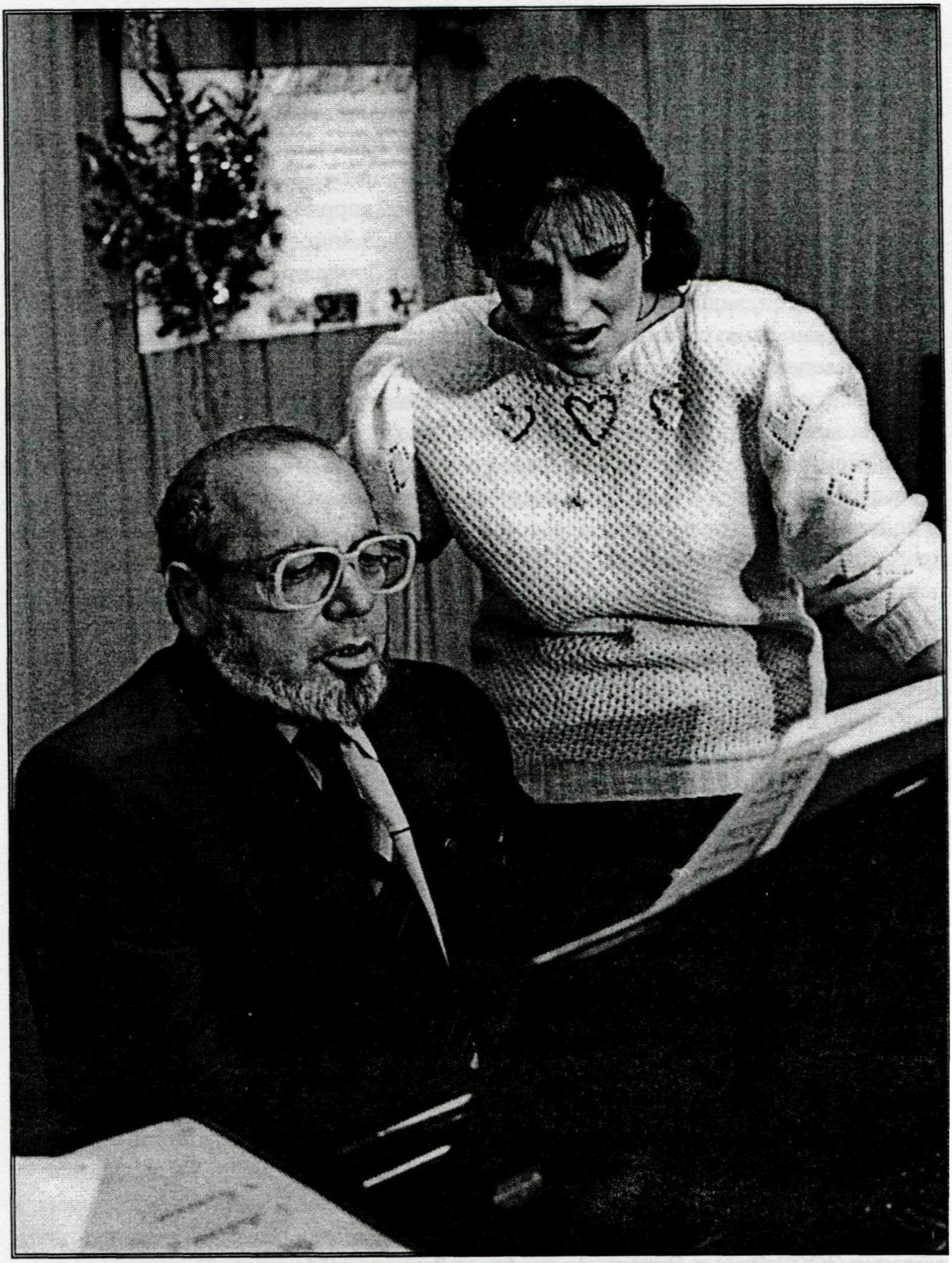
Как музыкальный критик, пишущий об опере и постоянно посещающий спектакли Молдавского оперного театра, я обратил внимание на стремительный творческий рост молодой солистки Ирины Мишуры. Она пришла в театр по окончанию Молдавской консерватории и аспирантуры Московского музыкального института имени Гнесиных. Свои первые шаги на оперном поприще она делала довольно робко, и я даже ее критиковал в некоторых рецензиях. Перелом наступил после начала занятий Ирины со старшей коллегой по театру, оперной певицей и режиссером Людмилой Алешиной. Педагогический метод Алешиной дал отличные результаты по отношению к Ирине, которая до сих пор считает своим главным учителем Людмилу Викторовну.

С ней Ирина сделала ведущие партии мирового репертуара для меццо-сопрано - Амнерис в "Аиде", Азучену в "Трубадуре", Эболи в "Дон-Карлосе", Адальжизу в "Норме", принцессу де Буйон в "Адриане Лекувкер", наконец - Кармен. К Ирине - молодой, обаятельной, пластичной, с красивым меццо-сопрано пришел успех на оперной сцене. Но, в отличие от многих коллег по театру, она никогда не отказывалась от участия в концертах камерной музыки, понимая, что этот жанр помогает певцу осваивать тонкие звуковые краски, способствует умению скупыми исполнительскими средствами превращать романс в законченную музыкально-театральную миниатюру.

И на таком вот концерте в лучшем зале Кишинева - Органном, посвященном творчеству Брамса, услышав, как Ирина на прекрасном немецком языке исполняет романсы великого композитора, я предложил ей заняться еврейской музыкой. Стимул был заманчивый - через месяц в Москве предстоял концерт композиторов Молдавии во Всесоюзном Доме композиторов, в его программу был включен цикл еврейских народных песен в обработке В.Биткина (тогда уже на улице стоял 1989 год, и запреты на еврейскую музыку упали). Ирина буквально влюбилась в талантливые обработки Биткина, занимались мы с ней очень много, и уже через месяц предстали в Москве перед искушенными слушателями, в основном, композиторами и музыковедами. Дебют Ирины Мишуры в еврейской музыке был признан ими, как очень успешный. Она вошла в нашу музыку на высокой ноте. И, вдохновленная признанием, решила подготовить большой, полнометражный концерт.

4.Программа "Ворт ун нигн".

Благо, что к этому времени у нас уже решилась проблема еврейского репертуа-

С Ириной Мишурой, 1990 год

ра, которая возникла при работе с Раисовым. Ведь тогда, кроме свадебной, другой еврейской музыки не существовало, и приходилось по крупицам собирать произведения довоенных еврейских композиторов. Сейчас же, кроме упомянутого цикла еврейских песен В.Биткина (он написал специально для Ирины несколько романсов), мы получили от Златы Ткач, вышедшей из подполья на еврейскую улицу, ее замечательный вокальный цикл на стихи Овсея Дриза "Дайн гутэр номэн" ("Имя доброе твое") и несколько обработок еврейских народных песен. Произведения этих молдавских композиторов, а также москвичей Зиновия Компанейца, Евгения Жарковского и Лейба Бирнова составили основу программы. Работали мы напряженно почти год, ведь кроме характерной для камерного жанра шлифовки, тонких красок, нужно было осваивать и особенности языка идиш, на котором Ирина пела все произведения. Когда программа уже была готова, и мы даже опробовали ее в Тирасполе, родилась идея пригласить к нам драматическую актрису Нелли Каменеву. На меня тогда произвела сильнейшее впечатление игра Каменевой в спектакле "Поминальная молитва", поставленном по мотивам Шолом-Алейхемовского "Тевье-молочника" в Русском драматическом театре им.Чехова. Она великолепно исполняла роль Голды - жены Тевье, и я предложил ей принять участие в нашей программе. Финальный монолог Голды Каменева исполняла во всех наших концертах, а кроме этого, она читала на русском языке стихи известных еврейских поэтов, включая и стихотворения моей назабвенной мамы - еврейской поэтессы Любы Вассерман. Нелли была и ведущей, и переводчицей текстов песен, которые пела Ирина. Так что, наш концерт был доступен любой интернациональной аудитории. Режиссер и актер театра им.Чехова Бено Аксенов так срежиссировал программу, что она предстала, как законченная композиция со своей внутренней драматургией, где музыка переходит в слово, а слово в музыку. Отсюда родилось и название программы "Ворт ун нигн" - "Слово и мелодия".

Премьера "Ворт ун нигн" состоялась 25 февраля 1990 года в Органном зале. Вот как писал об этом событии заслуженный деятель искусств Молдовы Зиновий Столяр: "В ряду уже увиденных еврейских программ эта занимает особое место, ибо выводит слушателя за рамки обычных впечатлений - "понравилось - не понравилось". Причина тому - продуманность всей композиции вечера, профессионализм, художественный вкус, талант исполнителей. То, что предложили Ирина Мишура, Нелли Каменева, Серго Бенгельсдорф, стало настоящим открытием для кишиневской публики" ("Советская Молдавия", 5 апреля, 1990 года).

Через месяц, с этой программой мы уже выступали в Черновицах, откуда привезли две рецензии - на украинском языке "Спасибі за вечір" и на идиш "А гайстлэхэ матонэ фун Кэшэнев" ("Духовный подарок из Кишинева").

6 апреля в Органном зале, по многочисленным просьбам, наша программа была повторена, а затем хлынул целый каскад приглашений из разных городов тогдашнего еще СССР. Рига и Одесса, Алма-Ата и Ленинград, Москва и Киев - вот далеко неполный перечень городов, где мы побывали за год с небольшим нашей совмес-

тной работы. Особенно запомнился Международный фестиваль еврейской музыки осенью 1990 года в городе моей юности - Биробиджане, который был записан на Центральном телевидении, и наше выступление было показано по всему Советскому Союзу несколько раз. И чтобы закончить рассказ о программе "Ворт ун нигн", хочу процитировать письмо в "Вечерний Кишинев" от 18.06.91 г. доктора искусствоведения, председателя секции фольклора Ленинградского союза композиторов Изалия Земцовского, побывавшего в мае того года на нашем концерте в Доме ленинградских композиторов: "Прихожу - зал абсолютно полный. С трудом нахожу местечко. На сцене - всего трое: Нелли Каменева - великолепная чтица и ведущая, солистка Молдавской оперы Ирина Мишура - обладательница изумительного меццо-сопрано, редкого по красоте и богатству тембра, а у рояля - душа ансамбля, пианист-виртуоз Серго Бенгельсдорф. Они - простейший камерный ансамбль, без шумных модных электроустановок, собрались, как в доброе старое время для общения. И общение состоялось, ничем незаменимое художественное общение - пение, чтение, игра на рояле - два низких женских голоса, гармонично соочетающихся с блеском фортепиано. Пианист, играющий не на публику, а для публики, а это совсем не одно и тоже. Ленинградцы, побывавшие на этом концерте, запомнят его надолго. Такие художественные радости не часто выпадают на нашу долю".

5.Плюс эмиграция всей страны.

И вот, на самом взлете нашего успеха все вдруг рухнуло. Конечно, не вдруг. Это подготавливалось теми негативными переменами, которые произошли в Молдове, как и в других советских республиках, после развала СССР. Воинствующий, агрессивный экстремизм, ничего не имеющий общего с национально-освободительным движением, породил у многих людей страх за свою жизнь, за жизнь и будущее своих детей; крайнее обнищание населения, особенно сказавшееся на деятелях культуры, науки, вообще интеллигенции - все это позвало в дорогу, как в начале 20 века, тысячи еврейских семей. Среди них был и Александр Лехтман с женой Ириной и дочерью Раей.

Сказать, что Америка встретила их с распростертыми объятиями - было бы большой натяжкой. Я помню первые письма Ирины, полные тоски и отчаяния, когда она хваталась за любое предложение - пела в ресторанах, в синагогальном хоре. Ее - никому тогда неведомую ни в оперном мире Америки, ни в еврейской общине Детройта, куда определили их семью - спас еврейский репертуар, приготовленный нами в Кишиневе и исполняемый постоянно в первые американские годы. Я помню, как она в начале эмиграции приехала по приглашению нашего оперного театра на постановку "Кармен", как она была счастлива, что вновь в Кишиневе, что вновь в родном оперном театре, что вновь выступила с Неллей Каменевой и со мной в программе "Ворт ун нигн" на Йом-Хашоа. А какой был у нее триумф

на премьере “Кармен”! Как она плакала от счастья, стоя после спектакля посреди сцены, невероятно красивая в белом платье, вся обсыпанная цветами! Именно с партии Кармен, созданной в Кишиневе с Людмилой Алешиной, с балериной Галиной Мелентьевой, с режиссером Евгением Платоном началось ее восхождение и в Америке, и в Европе. Теперь у нее нет отбоя от приглашений из всех ведущих оперных театров мира. Ее контракты расписаны на несколько лет вперед. В своем доме под Детройтом она хранит фотографии с автографами Плачито Доминго, с которым пела в “Метрополитен-опере” Нью-Йорка и в Вашингтоне премьеру оперы Сен-Санса “Самсон и Далила”, с автографом Лучано Паваротти после премьеры “Аиды” в Детройте, с Хосе Каррерасом.

6.Свидание через 10 лет.

Мой приезд в Америку Ирина приурочила к ее спектаклям в знаменитой “Метрополитен-опере”, где она в течении месяца спела в нескольких операх “Трубадур” партию Азучены.

И вот я на спектакле. Впечатления - незабываемые. И от заполненного до отказа огромного, роскошного зала с поднимающимися и опускающимися люстрами, и от звучания великолепного хора и оркестра, и от пения солистов, среди которых была и дорогая моя Ирина. Сердце наполнялось гордостью, когда, после каждого ее сольного эпизода зал взрывался аплодисментами. Мне казалось, что среди превосходных солистов из разных стран (в этот театр приглашают певцов только экстра-класса) она была лучшей. Ира брала за живое своей необыкновенной искренностью, полной эмоциональной отдачей. И в доказательство своей правоты такой факт: по окончанию спектакля, когда солисты выходят на поклон сначала все вместе, а потом - по-отдельности, самые горячие овации достались Ирине.

Несмотря на колоссальную нагрузку, связанную со спектаклями в “Мет” (я был свидетелем, как на следующий день после выступления Ира от слабости еле держалась на ногах, не могла ни с кем разговаривать) она сама изъявила желание и нашла время и силы принять участие в концерте, который организовал в честь моего приезда наш общий друг и земляк, главный редактор идишского еженедельника “Форвэртс” Борис Сандлер. Этот концерт прошел в центре Нью-Йорка в “Арбэтэр ринг” (“Рабочий круг”), где находятся редакции трех “Форвэртсов” - идиш, русского и английского. Благодаря рекламе, напечатанной в этих изданиях, в зале было много людей - и бывших кишиневцев, и американских евреев, подходивших в нам после концерта со словами благодарности.

А вот фрагмент из заметки в идишском “Форвэртсе” журналиста Ицика Готесмана “Мы имели редкую возможность услышать двух замечательных музыкантов. Серго Бенгельсдорф - пианист и еврейский журналист из Кишиневе начал программу с творчества известного еврейского композитора Юлия Энгеля и кишиневской композиторши Златы Ткач. Ирина Мишура выступила в сопровождении

Серго Бенгельсдорфа с несколькими еврейскими песнями и русскими романсами. О гостях и их творчестве рассказывал главный редактор "Форвэртса" Борис Сандлер. Такого концерта уже давно не было на еврейской улице Нью-Йорка, и мы надеемся иметь возможность еще раз услышать этих прекрасных музыкантов ("Форвэртс" за 14 февраля 2003 года).

И еще об одном концерте в Америке хотелось бы рассказать в заключении. Это было в Детройте, куда Ирина увезла меня после Нью-Йорка на свою виллу. У нее был сольный концерт в большом, но уютном зале Художественного музея. Она выступала с молодым американским пианистом, с которым приготовила программу русских романсов и арий из опер. Пела замечательно, ее бурно принимали детройцы, любящие и гордящиеся тем, что Ирина осталась патриоткой Детройта, хотя при своем нынешнем положении она могла бы жить и в Нью-Йорке, и в Вашингтоне.

В конце вечера Ирина обратилась к публике, сказав, что в зале находится ее учитель из Молдовы, пригласила меня на сцену, и в качестве "биса" мы исполнили с ней несколько старинных русских романсов и еврейскую народную песню "Рэбэ Элимэйлэх" в той самой превосходной обработке В.Биткина. Не буду описывать, что творилось в зале, но у меня в момент исполнения возникло ощущение, как будто не было 10 лет разлуки, как будто после Органного зала, после концертов в Москве, Ленинграде, Биробиджане мы продолжаем наше совместное творчество. И радость общения с выдающейся певицей, с которой мы начинали в Молдове возрождать еврейскую музыкальную культуру, одно из самих сильных воспоминаний от поездки в далекую Америку.

СЛОВО О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Хочу рассказать вам о человеке кристально честном, принципиальном, твердо защищающем свои убеждения, и, вместе с тем, - добром, чутком, с тёплой еврейской душой. Его зовут Шапс Абрамович Ройф. Он прожил большую, нелёгкую, интересную жизнь. В этом году ему исполнится 75, но он и сейчас полон энергии, которую щедро отдаёт общественной работе - возглавляет республиканскую Ассоциацию бывших узников гетто и концлагерей, является членом правления Ассоциации еврейских организаций и общин РМ и членом общественного совета "Хэсэд Иегуда". Казалось бы, более чем достаточно для одного пенсионера? Но он ведь еще и член Комиссии по проблемам пожилых людей при Президенте Молдовы, он - вице-президент Международного Союза организаций узников, который возглавляет московский академик Ефим Голегорский, и в который входят все страны СНГ, Балтии, а также Израиль, Финляндия и другие государства ...

Нынешняя деятельность Шапса Абрамовича, как говорится, на виду. Сколько раз, на заседаниях правления АЕООРМ я слышал толковые, деловые выступления

Ройфа и в защиту интересов бывших узников гетто, и по другим вопросам жизни общины, к решению которых он всегда проявлял взвешенный подход и компетентность. А как страстно и гневно он клеймит на многих митингах и собраниях кровавые деяния немецких и румынских фашистов, геноцид, осуществленный по отношению к евреям Молдовы, Транснистрии, Буковины! В отличие от некоторых наших еврейских осторожных "кабычегоневышлистов", Шапс Абрамович открыто говорил и говорит о вине режима Антонеску, о вине румынской жандармерии и армии в трагедии евреев нашего региона. Об этой трагедии Ройф знает не понаслышке: прошел все ужасы гетто, сначала в Бессарабии - в Рышканах и Маркулештах, потом на Украине - в Ободовке.

Шапс Абрамович и Зельда Давидовна Ройф на празднике Песах, 2006 год

Если бы я сочинял о нем рассказ, то назвал бы свое сочинение "Яблоня и яблоко". Яблоня - это Абрам Ройф - коренной бессарабец. Вот написал это модное слово ("коренной") и вспомнил свою беседу с руководителем Молдавского землячества Ришон Ле-Циона Менахемом Вайнбоймом. В свое время он, имея золотую медаль после десятилетки, не смог поступить в Кишиневский университет на факультет журналистики. Ему объяснили, что на этот факультет принимают только лиц коренной национальности. "А я разве не коренной? - удивился Менахем. - У меня дед и отец родились и жили в Бессарабии, сам я здесь родился и вырос".

Так вот, Абрам Ройф родился в Бессарабии и жил в селе Старые Друиторы Рышканского района, где у него появились на свет три сына: Зельман, Шапс и Давид. Отец занимался сельским хозяйством, но семья нуждалась, и Абрам подался на заработки в "золотую страну" Америку.

Он устроился там работать на ферме под Нью-Йорком и так хорошо себя зарекомендовал, что хозяин доверил ему управление фермой. За годы он развил, расширил это хозяйство, оно стало давать большие прибыли, и Абрам Шапс заработал много денег. Он вернулся в Старые Друиторы богатым человеком, закупил много земли, скота, тягловую силу, создал очень крупное хозяйство, в котором работали в сезон 500-600 человек...

Теперь я перекину мостик из 30-х годов в 50-е, чтобы объяснить поговорку "Яблоко от яблони недалеко падает". Яблоко - это уже Шапс Ройф, который повторил путь своего отца, возглавив в 1957 году колхоз в селе Бужоры Котовского (ныне Хынчештского) района. Он принял это нищее хозяйство, куда входило еще 12 сел с 300000 рублями годового дохода, а оставил его после 24 лет работы цветущим, многоотраслевым - здесь производили и молоко, и мясо, и птицу, выращивали зерно, подсолнечник, виноград, табак, и годовой доход достигал 14 миллионов рублей! Единственная разница - его отец стал богатым человеком, за что в 40-м году Советы его раскулачили, но не репрессировали: жители Старых Друитор защитили своего нанимателя за доброе отношение к людям, за хорошие заработки, за честность и порядочность. А сын за свою жизнь заработал скромную, трехкомнатную квартирку и правительственные награды - орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени, а при новой власти - орден "Глория Мунчий".

И вот мы сидим в этой небольшой, но уютно обставленной квартире на Ботанике, пьем чай, беседуем на идише, и Зельда Давидовна - жена Шапса Абрамовича - подает вкусные кихэлэх и другие гебекс (печённости).

- Откуда, Шапс Абрамович, у Вас такой хороший идиш?

- Я учился в хедере 5 лет, где все предметы велись на идиш. Этот хедер в Старых Друиторах так же, как и в двух прилегающих селах, содержал мой отец. В хедере мы освоили минимум знаний по идишкайт, торе, по истории еврейского народа, научились писать и читать на родном языке. Отец также содержал и синагогу, все евреи в местечке были глубоко верующими, соблюдали кашрут, еврейские праздники.

В сороковом, с приходом Советов, традиционная еврейская жизнь закончилась, хедеры и синагоги были закрыты. Но благодаря еврейскому воспитанию, идиш остался во мне. Я научил своих детей говорить на идиш, хотя чтение и письмо совсем забылись. Сейчас пытаюсь вновь вспомнить, читаю газету "Форвэртс", которую Вы мне регулярно поставляете, еврейские книги.

- Понимаю, что вам тяжело это вспоминать, но всё же - несколько слов о жизни в гетто.

- Мы пробыли в Ободовке три года. Благодаря героизму нашего отца, его способностям, находчивости, несмотря на голод и мучения, он сумел спасти всю семью, хотя очень многие наши родственники и близкие люди, как и большинство евреев из гетто, остались в земле Украины и Транснистрии.

- А что было после войны?

- Я закончил среднюю школу и педагогический институт в Бельцах. Работал 4 года преподавателем математики в школе, а потом был избран председателем колхоза.

- Ваше еврейское происхождение не сказывалось на руководящей работе?

- Конечно, сказывалось. При приеме в партию (а без этого я бы не смог руководить колхозом) мне предлагали поменять имя и отчество, и об этом шел потом разговор не раз, но я сохранил свое еврейство и для себя, и для своих детей...

- Расскажите о своей семье.

- У меня остался один сын, мы пережили большую трагедию - смерть дочери, она умерла молодой от рака. Сыну сейчас уже за сорок, он закончил Политех по специальности инженер-автомобилист, живет в Кишиневе. У него двое детей - моих любимых внуков, старший пошел по стопам отца - тоже учится на инженера, младший - в еврейской школе, старший, кстати, тоже там учился. У меня много родственников в Израиле, там живет мой младший брат Давид с семьей. Бываю у них в гостях. Моя жена - тоже учительница математики, но колхозом она не управляла, ей хватает командовать дома. Вся ее жизнь была связана со школой, а сейчас, будучи на пенсии, помогает мне в общественной работе. Она очень хорошо поет еврейские песни...

Узнав о таком хобби Зельды Давидовны, я загорелся мыслью записать ее пение у себя на радио. Тем более, что Шапс Амбрамович может сделать ей протекцию. Ведь к своим многочисленным общественным обязанностям он взвалил на себя еще одну - ведет в моей радиопрограмме “Идиш лэбн” рубрику “Антисемитизм - история и современность”.

Действительно, кто может лучше Шапса Ройфа - жертвы фашистского антисемитизма и страстного борца против него - рассказывать в эфире об этой смердящей, незаживающей язве на теле человечества?

РЫЦАРЬ ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКИ

Его называли “российским Карузо” - за теплый, чарующий голос с бесконечным дыханием, бархатными низами и огромным для тенора диапазоном, со всем тем, что входит в понятие “бельканто” - прекрасное пение. И в то же время он по праву принадлежит к поколению последних рыцарей еврейской культуры, которую впитал с молоком матери и которой отдал сердце и большую часть своей жизни.

Эмиль Горовец родился в местечке Гайсине на Украине, в семье кузнеца. Окончил местную еврейскую школу, где занимался в драмкружке и учился петь. Во время войны, в Ташкенте случайно обнаружил школу-студию знаменитого московского ГОСЕТа (Государственного еврейского театра), тоже находящегося в эвакуации.

Немногие сейчас знают, что Эмиль Горовец начинал путь в большое искусство как актер еврейского театра, и что "путевку в жизнь" дал ему сам великий Соломон Михоэлс, у которого он учился в школе-студии, а потом вместе с ним работал.

Вернувшись вместе с театром в Москву, играя с Михоэлсом в "Короле Лире", в спектакле "Фрейлэхс" - лебединой песне ГОСЕТа, он, развивая свои певческие способности, поступил в музыкальный институт имени Гнесиных. Разгром ГОСЕТа, вакханалия государственного антисемитизма в СССР в конце 40-х - начале 50-х годов, когда цвет еврейской культуры был раздавлен сталинским сапогом, к счастью, обошли Горовца стороной. Он окончил институт и был распределен... в Молдавский оперный театр, который к тому времени еще не открылся. Приехав в Кишинев, артист, вместо оперы, проработал один сезон в лекторской группе Молдавской филармонии.

Затем - вновь Москва, начало карьеры эстрадного певца. Его прекрасный голос, музыкальность и глубокое проникновение в душу произведения были замечены и оценены специалистами и публикой.

Ведущие советские композиторы стали писать для Горовца свои песни. Он был первым исполнителем таких шлягеров, как "Королева красоты", "Голубые города", и еще до того, как на экраны вышел фильм "Я шагаю по Москве", - одноименной песни А.Петрова. Для Горовца писали Френкель, Мурадели, Бабаджанян, Табачников...

В феврале 1963 года по радиостанции "Юность" прозвучал 45-минутный концерт Горовца - и к нему пришла настоящая слава. Он стал постоянным гостем популярнейшей радиопередачи "С добрым утром!" и телевизионного "Голубого огонька", где в его исполнении впервые прозвучала песня "Люблю я макароны" - и её запела вся страна.

Вместе с тем, Эмиль Горовец никогда не забывал о своей постоянной любви - еврейской песне. После смерти Сталина, с большими трудностями, Горовец добился официального разрешения выступить с еврейской программой "Свадебный карнавал". Премьера состоялась в Москве 31 августа 1956 года и стала историческим событием. Со "Свадебным карнавалом" он гастролировал по стране, но и тут власть предержащие не могли обойтись без мелких антисемитских уколов. Так, на Украину, где тогда жило много евреев, понимавших идиш, его посылали с русской программой, а в Сибирь - с еврейской. В 1959 году его даже выпустили вместе с группой других артистов-евреев, среди которых была и Нехама Лившицайте, в

Париж - на празднование 100-летия со дня рождения Шолом-Алейхема. А в 1960 году он стал лауреатом (I премия) Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Это была вершина его советской карьеры - выше ему подняться не дали. Его, подлинно народного артиста, не удостоили даже скромного звания заслуженного артиста РСФСР. Шесть раз подавались документы на это звание - и шесть раз был отказ.

В 1968 году на Гостелерадио пришел новый директор - махровый антисемит Лапин. Он рьяно начал искоренять здесь еврейский дух. Горовец продолжал концертировать, приносил государству миллионные доходы, но перед ним захлопнулись двери радио и телевидения. Ему запретили исполнять еврейский репертуар, хотя он еще ухитрялся протаскивать в свою программу "Песни народов мира" одну-две еврейские песни. Вскоре и это стало невозможным.

В 1972 году он с женой актрисой Маргаритой Полонской подал документы на выезд в Израиль. Прибыв на историческую родину, он сказал в первом интервью: "Я не уехал, меня уехали".

Горовец был первым эмигрантом из высшего актерского эшелона. Он уезжал на пике популярности и материального благополучия, продав генеральскую дачу и бросив квартиру на улице Горького, а также нажитое за много лет добро. Уезжал под свист и улюлюканье властей, с клеймом предателя. Его записи стирались, пластинки уничтожались (а он выпустил к тому времени 12 долгоиграющих дисков, которые разошлись многомиллионными тиражами).

К сожалению, в Израиле творчество Горовца на идиш оказалось невостребованным - тогда культура на мамэ-лошн не поощрялась, и для певца это был страшный удар. Воспользовавшись приглашением американской еврейской организации "Арбэтэр ринг" (Рабочий круг), Эмиль уезжает из Израиля в США с рабочей визой, выданной на семь лет. И хотя в Нью-Йорке Горовца встретили очень тепло - он много и успешно выступал по Америке - его душа по-прежнему рвалась в Израиль. Через семь лет он возвратился в страну своей любви и боли, дал там 22 концерта за один месяц, снова сделал попытку остаться... Была вакансия преподавателя вокала, но ему отказали.

Горовец вернулся в США. С еврейским и русским репертуаром певец объездил всю Америку, Канаду, Австралию, Латинскую Америку, Францию, Германию... И везде его принимали с огромным энтузиазмом. В 80-е годы он очень активно работал на еврейском радио Нью-Йорка. Его программа "Еврейское слово и еврейская песня" выходила раз в неделю. Вдова Эмиля Горовца Ирина (а он женился вторично - через семь лет после смерти первой жены Маргариты Полонской) передала мне несколько кассет с записями этих программ. Как прекрасен его литературный идиш! А какой богатейший мир культуры открывал он в этих передачах для своих радиослушателей! Специально для каждой программы Горовец сам сочинял песни на слова лучших идишистских поэтов: Хаима-Нахмана Бялика, Мани Лэйба, Ицика Мангера, Давида Гофштейна, Лэйба Квитко, Переца Маркиша, Иосифа Керлера, Шико Дриза...

В личном архиве певца, который хранит его вдова, сотни кассет и компакт-дисков с его песнями и еврейскими радиопрограммами. Будучи в прошлом году у нее в гостях в Нью-Йорке, я слушал многие удивительные записи Эмиля Горовца - русскую классику и русские народные песни, которые он сам перевел на идиш и исполнял: "Выхожу один я на дорогу", "Белеет парус одинокий", "Клен ты мой опавший", ария Ленского из оперы "Евгений Онегин", "Тройка мчится, тройка скачет...". Они звучат так же великолепно, как и популярные еврейские песни, переведенные им на русский язык. Он сближал две культуры, обогащая обе.

Мы сидели с Ириной Горовец в их уютной квартире на 20-м этаже в Манхэттене, и их дом, примыкающий вплотную к могучей Ист-Ривер (Восточной реке), напоминал плывущий корабль. Здесь всё сохранилось, как при жизни Эмиля Яковлевича, (он умер в 2001 году на 78 году жизни) - и кабинет с роялем, и студия звукозаписи, и шкафы с еврейскими книгами, нотами, пластинками, кассетами по всем комнатам.

Ирина - симпатичная, приятная собеседница - рассказывала мне, как она старается сохранить, классифицировать наследство своего мужа. Какую-то посильную помощь оказал в этом и Ваш покорный слуга, переведя с идиш на русский названия многих песен в исполнении Эмиля Яковлевича. И Ирина в долгу не осталась -подарила несколько СД и аудиокассет с записями мужа, которые позже прозвучали в трех передачах радиопрограммы "Идиш лэбн", а также много рецензий, газетных материалов на русском и идиш о творчестве Горовца, которые легли в основу этого очерка.

...Некролог в русской газете "Вечерний Нью-Йорк" заканчивался словами: "...Не было в эмиграции более ревностного рыцаря идишистской культуры, чем Эмиль Горовец".

Воистину так.

ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ, КРУПНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ.

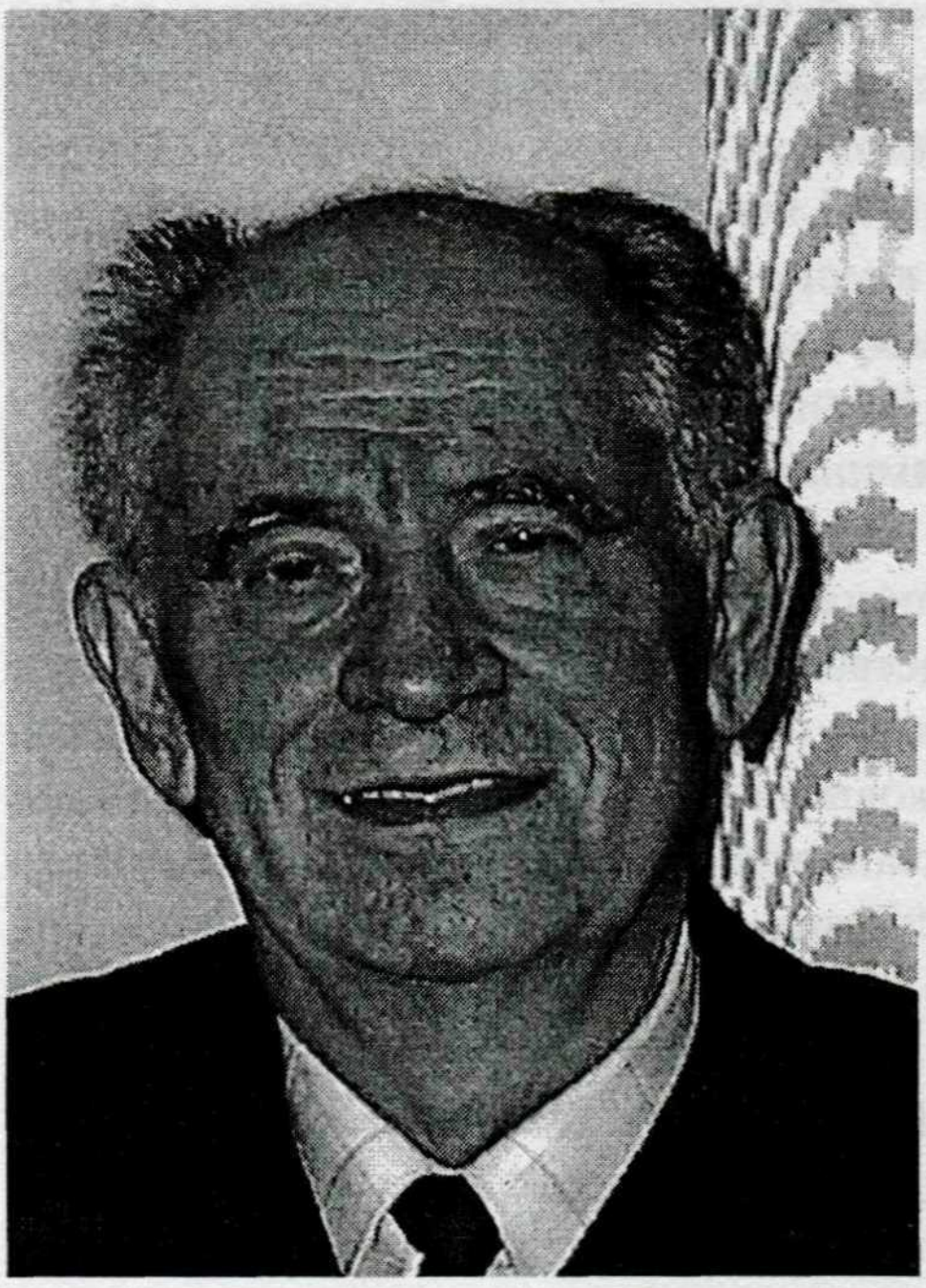
(К 75-летию Якова Копанского)

Среди представителей еврейской общины Молдовы есть несколько ярких личностей, сумевших своим талантом, мудростью, порядочностью, кристальной честностью завоевать авторитет лидеров общины, за кем хочется идти и по кому хочется равняться. К ним несомненно относится Яков Копанский - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела иудаики Института межэтнических отношений Академии Наук Молдовы, председатель Общественного Совета благотворительного центра "Хесэд Иегуда", чей 75-летний юбилей широко отмечается в нашей республике и далеко за ее пределами.

Последние15 лет главной сферой научных интересов профессора Копанского

является история евреев Молдовы 20 века. Он один из основоположников школы иудаики в нашей стране.

"Когда мы с коллегами начали разрабатывать эту тему - говорит Яков Михйлович, - это было почти непаханное поле. Многое приходилось начинать практически с нуля".

По мнению молдавского академика Константина Поповича, труды Я.Копанского вносят ценный вклад в процесс еврейского национального возрождения в Молдове и способствуют гармонизации межнациональных отношений в нашей стране. Наиболее крупными фундаментальными работами по еврейской тематике последних лет можно назвать вышедший в 2000 году сборник документов и материалов "Кишиневский погром 1903 года" и монографию 2002 года "Благотворительные организации евреев Бессарабии в межвоенный период 1918-1940 гг.".

Сборник о Кишиневском погроме, главным редактором и одним из составителей которого является Яков Копанский, можно без преувеличения назвать работой международного значения. Он состоит из документов, почерпнутых во многих архивах мира - Молдовы, Украины, США, Израиля, России. Важнейшая часть их - это впервые обнародованные материалы следствия и судов над участниками погрома, в которых упоминаются сотни имен и фамилий, связанных с этим событием. Сборник в целом создает объемную картину погрома, его вдохновителей и организаторов, отражает мировой отклик по этому поводу. С особой признательностью Яков Копанский вспоминает работу коллектива составителей - Клару Жигню, Изяслава Левита, Евгения Максименко. Заметим, что сборник "Кишиневский погром 1903 года" был признан одним из лучших на конкурсе работ против национальной розни, который провела в 2001 году Американская антифашисткая ассоциация иммигрантов из бывшего СССР.

Что касается монографии об еврейской благотворительности (а всего у Я.Копанского было опубликовано 13 монографий и около 250 научных статей), то она тоже получила широкий отклик в мире. Об этом труде высказывали свое мнение многие известные литераторы и общественные деятели. Приведу только отклик нашего земляка, ныне живущего в США, писателя и публициста Михаила Хазина: "Спасибо большое за превосходную книгу о нашей Бессарабии, о еврей-

ской благотворительности, а проще говоря - о человеческой доброте и самотверженности... Читаю твои страницы, словно художественное произведение. Нахожу много имен знакомых людей, названия десятков местечек, где бывал, и картинки прошлого оживают в памяти...".

Из других трудов на еврейскую тему, вышедших из под пера ученого, хотелось бы отметить монографию "Джойнт в Бессарабии"(Кишинев, 1994 г.), очерк "Облик бессарабского еврейства" (Тель-Авив, 1996 год, на иврите), коллективную работу "Еврейские корни в Украине и Молдове", изданную в Нью-Йорке...

Проводя большую часть времени в архивах, исследуя источники и документы, издавая на их основе книги и брошюры, выступая на многочисленных научных конференциях, Яков Копанский к тому же активно занимается общественной деятельностью. Он - член Академического совета Центра научных исследований и преподавателей иудаики в вузах СНГ "Сэфер" (Москва).

На юбилей ученого "Сэфер" за подписью председателя Академического Совета Рашида Капланова и директора Виктории Мочаловой прислал ему следующую телеграмму: "Ваши труды по иудаике обогатили историографию еврейства Восточной Европы и служат свидетельством возрождения еврейской национальной жизни на постсоветском пространстве. Все мы не только высоко ценим тот огромный вклад, который Вы внесли в гуманитарные науки, но и питаем к Вам глубочайшее уважение и симпатию как к замечательному человеку".

Те же чувства испытываем к Якову Копанскому и мы, его коллеги по совместной работе в правлении Ассоциации еврейских общин и организаций Молдовы, в общественном Совете благотворительного центра "Хэсэд Иегуда". Его выступления на заседаниях правлений еврейских организаций всегда взвешены, точно аргументированы, принципиальны. Поэтому к его позиции внимательно прислушиваются.

Несколько слов из биографии юбиляра. Он родился в бессарабском местечке Каушаны. Отец был приказчиком в мануфактурном магазине, мать - домохозяйка. Жили небогато, семья соблюдала еврейские традиции, праздники. Учиться начинал в Хедере, первый освоенный алфавит был идиш. (Он до сих пор читает идишский "Форвэртс", который регулярно получает). Ему было 11 лет, когда началась война, и семья эвакуировалась в Башкирию. Когда война закончилась, семья вернулась в Каушаны. Родители хотели, чтобы Яша продолжил учебу, прерванную войной, но в Каушанах была только школа-семилетка. И поэтому они приняли решение переехать в Бендеры, где Яков окончил среднюю школу. Талантливому подростку учеба давалась легко, но он еще был и талантливым спортсменом, участвовал в сборной Бендер по штанге.

Видимо, сочетание знаний и увлечение спортом позволили ему довольно свободно для еврея (а в советских вузах очень ценили студентов-спортсменов) поступить учиться на исторический факультет Кишиневского университета. После блестящего окончания в 1954 году учебы Копанский начал работать в Академии

наук Молдавии. Так что в прошлом году он отметил 50-е летие работы в этом научном учреждении.

Я думаю, что Якова Копанского можно назвать счастливым человеком. У него прекрасная семья: жена Лариса - доктор химических наук, 46-летний сын Александр - доктор математики и крупный бизнесмен, любимый внук Андрюша. Копанский совсем не похож на книжного "сухаря", грызущего в одиночестве гранит науки. Он живет полнокровной жизнью, постоянно посещает все еврейские мероприятия-праздники, выставки, концерты еврейской музыки, свой любимый Идиш-Центр, где радуется общению на идиш с Ихилом Шрайбманом. Сейчас Яков Копанский работает над материалами по истории еврейского национального движения в Бессарабии. Как говорит он сам: "Один из принципов моей работы (помимо анализа событий) - выхватить из массы сведений и имен несколько живых фигур. Неописуемое чувство испытываю, обнаружив документы, с которыми никто не работал. Всю жизнь стремился к тому, что должно стать новым словом в историографии. Свою работу я рассматриваю как вклад в воссоздание подлинной истории Молдовы, и одновременно в летопись еврейского народа".

ПРОЩАЙ, ДОРОГОЙ ДРУГ И УЧИТЕЛЬ!

Писать об Ихиле Шрайбмане в прошедшем времени просто невозможно. Ведь еще месяц назад он выступал в библиотеке им. Ицика Мангера на презентации библиографического сборника Сарры Шпитальник «Бессарабский стиль» и дал высокую оценку работе автора, собравшего под одной обложкой около семидесяти еврейских писателей на идиш - выходцев из Бессарабии. И приблизительно в это же время он дал интервью радиожурналистке из редакции «Содружество» о 15 летнем юбилее радиопрограммы "Идиш лэбн". Для меня - редактора этой программы - уход из жизни Ихила Шрайбмана особенно тяжелая потеря. Ведь он – выдающийся идишский писатель и превосходный носитель этого языка, был на протяжении всех 15 лет существования «Идиш лэбн», ее главным автором и исполнителем. Все свои новые произведения, эссе, творческие портреты (а он творил до последних дней своей жизни), он озвучивал в моих передачах. Кроме того, ежемесячно в эфире звучал репортаж из заседаний его любимого детища «Идиш-Центра», где главным действующим лицом был опять же Ихил Шрайбман.

Кроме радио, мы тесно сотрудничали с Ихилом Исааковичем на различных литературно-музыкальных вечерах, где он достойно представлял идишскую литературу. Сцена, выступление перед публикой всегда действовали на Ихила Шрайбмана, как волшебный эликсир. Как подлинно театральная, артистическая натура, он преображался на сцене, и будучи уже в далеко преклонных годах, со скрипом, с помощью Марины восходя на театральный помост, он начинал читать, и в глазах его появлялся молодой блеск, голос звучал свежо, красочно, передавая разнообраз-

ные нюансы, связанные с содержанием произведения.

Он прожил большую, и в общем, довольно счастливую жизнь. Он был окружен огромной заботой и вниманием своей жены и единомышленницы Марины, он вырастил достойного сына и гордился своей талантливой внучкой Олей. Особенно яркими были у Шрайбмана последние 15 лет его жизни, когда с приобретением Молдовой независимости, он получил мировое признание, как классик еврейской литературы, его книги издавались в Молдове и Израиле, он получил ряд Международных престижных литературных премий, побывал по приглашению идишских культурных организаций в Израиле и Германии.

О Шрайбмане, своем Учителе и близком друге, с которым мы очень часто встречались и благодаря нашей географической близости (соседству домов по улице Пловдива), я бы мог еще многое сказать, и надеюсь, что это сделаю.

Завершить же свой некролог я хотел бы словами, сказанными у открытого гроба: мы - его последователи и единомышленники по еврейской культуре, по родному языку - мамэ-лошн, все сделаем, что бы наш идиш не угас в Молдове, чтобы мы продолжали вовлекать в идиш все больше детей и молодежи - наших наследников чтобы каждый день рождения классика идишской литературы становился праздником мамэ-лошн, и это будет лучшим памятником выдающемуся еврейскому писателю.

Прощай, дорогой друг и Учитель!

Ду вэст фарблайбн аф эйбик ин ундзер зикорн!

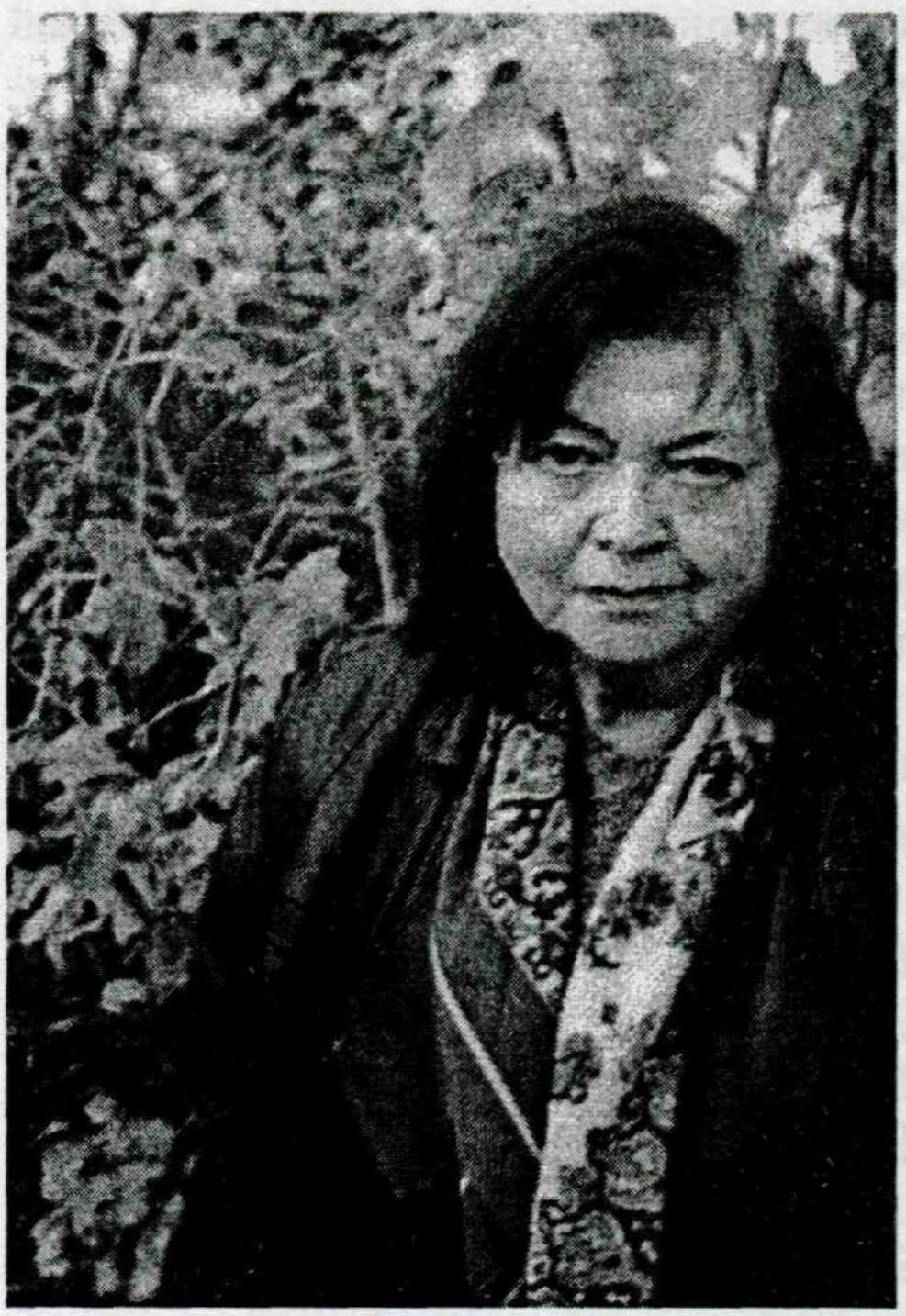
ИМЯ ДОБРОЕ ТВОЕ

Она ушла в первый день нового, 2006 года, не дожив нескольких месяцев до своего 78-го дня рождения. Ушла, полная творческих сил, новых планов и надежд 29 декабря она еще сидела на концерте еврейской музыки, посвященном пятнадца тилетию еврейских программ на Радио Молдовы, где, конечно, звучала и ее музы ка, и она вставала со своего места и отвечала поклоном на аплодисменты слушате лей. А 30-го пригласила друзей в свой гостеприимный дом, где она - замечательна хозяйка, знающая все секреты еврейской кухни, потчевала нас своей фарширован ной рыбой, фирменным салатом под названием «Злата Ткач», кугелем и рублено печенью. И мы поднимали тосты за Новый год, за новые творческие успехи и наш творческое содружество, которое продолжалось свыше пятнадцати лет.

Но, как говорится, человек предполагает, а Б-г располагает. Она приняла легкую смерть от инсульта...

И все-таки Злата - человек счастливой творческой судьбы, она во всем был первой. Она была первой женщиной среди композиторов Молдовы,она написал первую молдавскую детскую оперу и первый балет - «Андриеш». Она - первы композитор в возрожденной еврейской музыке в нашей республике и автор пер

вого изданного в истории Молдовы сборника еврейской вокальной музыки «Имя доброе твое», названного по вокальному циклу, вошедшему в этот сборник. Благодаря своей неукротимой энергии, умению собирать вокруг себя творческих людей - поэтов, певцов, музыкантов, почти все её и молдавские, и еврейские произведения были изданы и исполнены с концертной эстрады.

Родилась Злата в молдавском селе Лозово, и с Молдовой была связана вся ее жизнь. В ее доме с детства звучали два языка - еврейский и молдавский, а вокруг была слышна молдавская и еврейская музыка. И этот билингвизм во многом определил ее творчество. То, что было впитано с молоком матери, заложено в детстве, никуда не ушло. И в последние 15 лет, когда оковы тоталитарного режима пали, еврейская музыка буквально ворвалась в творчество Златы. Она создала несколько вокальных циклов на стихи Шико Дриза, на стихи Мойше Лемстера «Дос глэкэлэ», «Вандерштокс гешихтэ», писала романсы на стихи Переца Маркиша, Ицика Фефера, Любы Вассерман, Льва Беринского... У нее есть прекрасная «Соната-экспромт» для фортепиано, посвященная жертвам Холокоста, которую я неоднократно исполнял в своих концертах в разных странах, у нее есть замечательная трагическая поэма «Яд Вашем» и «Кадиш» на стихи Мойше Лемстера, посвященная Холокосту в Транснистрии. Этот список можно продолжать и продолжать, потому что еврейскую музыку Злата Ткач сочиняла во многих жанрах, начиная от симфонических и хоровых произведений и кончая обработками народных песен.

Так уж получилось, что она ушла от нас через три недели после смерти Ихила Шрайбмана. Неправда, когда говорят, что нет незаменимых людей. Потеря таких крупных мастеров еврейской культуры - невосполнимая утрата не только для евреев нашей республики, потому что эти имена звучали во всем мире.

Но они остаются с нами в своих книгах и нотах, в звучании их голосов и музыки, записанных на пленку, в сердцах их близких и друзей.

«Оставляет человек имя доброе свое» - таковы последние строчки последнего романса из цикла «Дайн гутер номэн» - «Имя доброе твое». Это Злата Ткач писала о себе. Ковэд ир ондэнк.

Серго Бенгельсдорф

ПОДНОШЕНИЕ ГОЛЬДФАДЕНУ

Борис Дубоссарский впервые встретился с еврейской музыкой, с еврейским театром ровно 40 лет назад

Будучи студентом Кишиневской государственной консерватории по классу скрипки и композиции, он принял активное участие в создании и становлении Кишиневского народного музыкально-драматического еврейского театра, который в течение 5 лет (1966-1971) своего существования был радостью и лучом света для молдавских евреев в темном царстве государственного антисемитизма, запрещавшего любое проявление еврейской культуры.

Борис играл в оркестре этого театра, а потом уже выступал в качестве дирижера. К тому же времени относятся его первые композиторские опыты в области еврейской культуры - он написал музыку к нескольким спектаклям театра, среди них были «Зямка Копач» и «Гершеле Острополер». Здесь же Борис познакомился и с творчеством Гольдфадена в спектакле «Новая Касриловка», куда был включен большой фрагмент из гольдфаденовской «Колдуньи».

После закрытия театра в 1971 году, когда почти все его участники совершили алию в Израиль, и еврейская жизнь опять погрузилась в спячку на долгие годы, Борис не уехал. Сочинял музыку в разных жанрах, сочетая композиторскую работу с педагогической и исполнительской.

Сейчас он один из лучших скрипичных педагогов в республике, недавно его студент из Академии музыки, театра и изобразительных искусств Юлиан Гырнец стал в Одессе лауреатом престижного международного конкурса имени Давида Ойстраха.

Большую популярность у нас в республике и за ее пределами получил руководимый Дубоссарским ансамбль «Скрипачки Молдовы», где молодые выпускницы Академии и студентки исполняют в аранжировке Дубоссарского популярную классическую музыку. С этим ансамблем Борис объехал всю Европу.

Когда началась «перестройка» и пали запреты на еврейскую жизнь, еврейскую культуру, Дубоссарский постепенно возвращается в творчестве к своим национальным корням. Сначала он оставался в тени на фоне активно начавших тогда творить в еврейской музыке композиторов Владимира (Зеева) Биткина и Златы Ткач. Затем - создал оригинальные аранжировки песен «Ин винтер фарнахтн» на стихи Д. Гофштейна, «Фрайтик аф дэр нахт», «Шпил же мир а лидэлэ ин идиш».. Главной его работой за последние годы можно считать создание концертного «Парафраза на темы оперетты А. Гольдфадена «Колдунья» для скрипки, виолончели и фортепиано". Этот опус сочинён в 2001 году, когда еврейская общественность Молдовы широко отметила 35-летие уже упомянутого народного еврейского театра и 30-летие трагической гибели его художественного руководителя Рувима Левина. Как признавался сам Борис, на него нахлынули воспоминания о днях его

юности и незабываемом энтузиазме всех создателей театра, и гольдфаденовские замечательные мелодии сами возникли в его душе. Взяв за лейтмотив тему Бабы Яхны «Кум, кум цу мир», Борис вкрапляет в ткань музыки другие известные темы - «Эйсе бабкелех», песню Гоцмаха «Гоцмах из а блиндэр», песню Мирэлэ «Ой, ир идн бней рахмоним, а гут арц из до ба айх» и другие. Мастерски их перерабатывая, он создает композицию со сквозным действием, давая возможность каждому из исполнителей Трио проявить свою индивидуальность и вместе с тем объединяет их в единый ансамбль. Со дня премьеры в 2001 году исполнители - сам Борис Дубоссарский (скрипка), самый известный в республике виолончелист Ион Жосан и автор этих строк (фортепиано) - с неизменным успехом играли это Трио во многих концертах еврейской музыки.

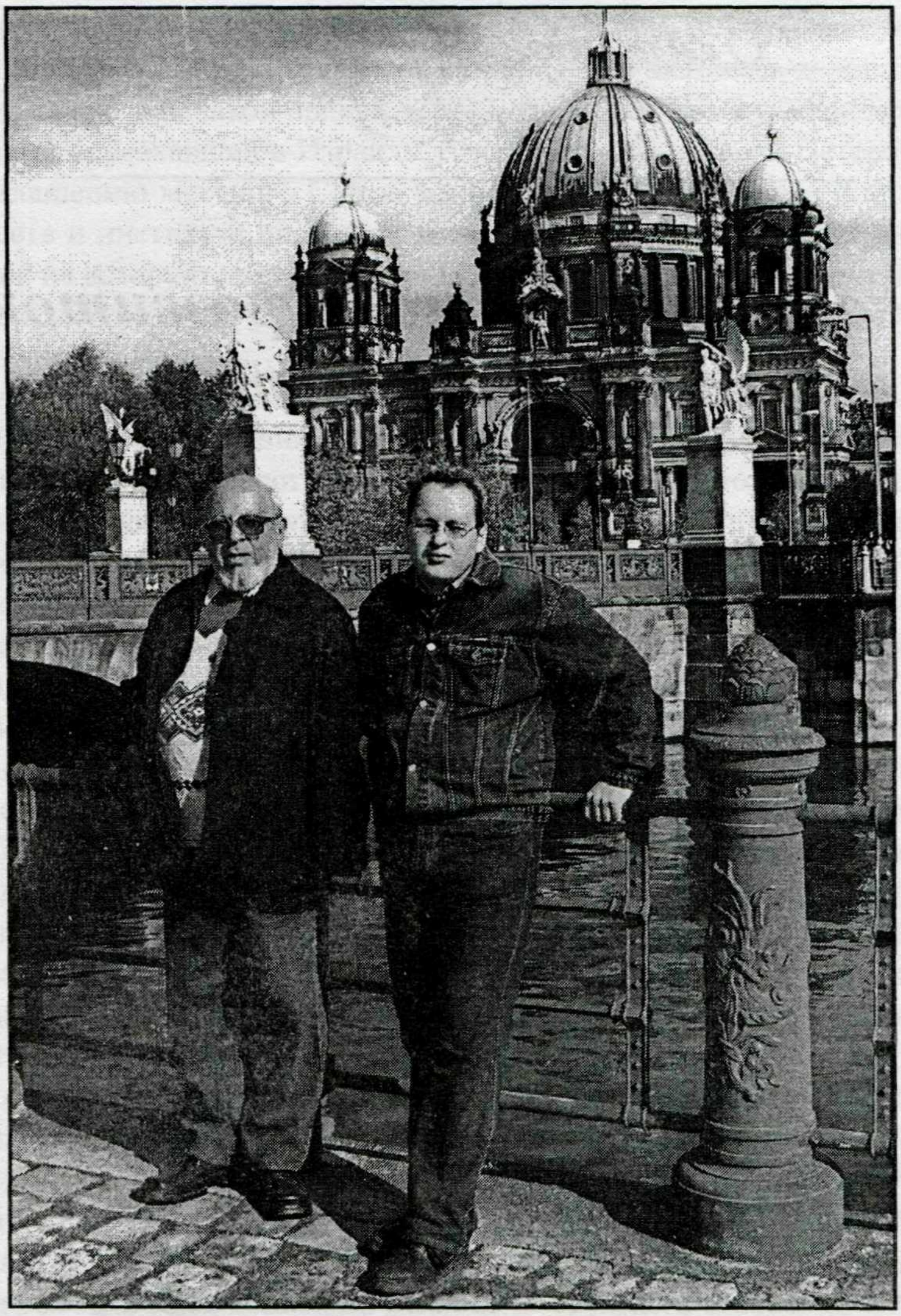
А совсем недавно Борис Дубоссарский написал новое Трио: «Из Гольдфадена - «Фантазия для фортепиано, скрипки и виолончели». На сей раз композитора привлекли мелодии из других произведений отца еврейского театра: «Шмендрик», «Куни лэмэл», «Кениген Эстэр», «Бар-Кохба».

Но больше всего мелодий он взял из «Шуламис» - «Рожинкес мит мандлэн», «Ди швуе», «Шуламис бам брунэм» и финальный марш «Ин Бэт-Амикдош», который Дубоссарский развил в грандиозный финал всего Трио. Впервые оно прозвучало на концерте, посвященном Дню Независимости Израиля, который мы дали в Бельцах. После исполнения произведения Дубоссарского публика, заполнившая зал местной музыкальной школы, устроила композитору и исполнителям бурную овацию.

Когда прозвучит это Трио в Кишиневе - пока неизвестно. Дело в том, что, имея в КЕДЕМе отличный концертный зал, как-то неловко арендовать другие - Органный или филармонический. Но профессиональная музыка требует и профессионального зала, ей соответствующего, а КЕДЕМовский пока таковым не является - там нет концертного рояля. Вот и лежит в тишине замечательная партитура Дубоссарского. А ведь это Трио и другое - «Из «Колдуньи» - могли бы украсить и Международный фестиваль им. Гольдфадена, который проводится каждую осень в Яссах - городе, где Гольдфаден создал первый еврейский профессиональный театр. Но это уже тема для другого разговора - о неравнодушии или равнодушии тех, кто обязан по долгу службы заниматься еврейской культурой.

Глава Пятая

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

ЄВРЕЙСЬКА РАДА УКРАЇНИ

нагороджує

Бенгельсдорфа Сергія
(Молдавія)

за великий внесок в розвиток єврейської культури України

Президент
Єврейської ради
України І.Левітас

м.Київ

Серго Бенгельсдорф

НАМ ПАМЯТНЫ ЭТИ СОЗВУЧЬЯ...

Заметки с международной конференции и музыкального фестиваля памяти М.Я.Береговского

Как все-таки тесен еврейский мир! Не успели мы - композитор Злата Ткач, юная певица, студентка Молдавской консерватории Алла Короид и автор этих строк появиться в Санкт-Петербурге, на Международной конференции и музыкальном фестивале, посвященных 100-летию со дня рождения Моисея Яковлевича Береговского, как нам сообщили, что делегацию из Молдовы разыскивает музыковед из Израиля Рита Фломенбойм. И первый сюрприз: она оказалась хорошо нам знакомой Ритой Складман, закончившей в 1972 году Кишиневскую консерваторию, и впоследствии переехавшей в Израиль. А прибыла она в Санкт-Петербург, как и мы, по приглашению местного Союза композиторов, Российского института истории искусств и института диаспоры «Меганит» для участия в уже упомянутой конференции, на которую собрались ученые и музыковеды, фольклористы и музыканты-практики из Москвы и Санкт-Петербурга, из Украины, Беларуси, Молдовы, из США, Израиля и Польши.

Кто же такой Моисей Яковлевич Береговский, почти совершенно не известный в наши дни? Он из того поколения еврейской интеллигенции, судьба которого оказалась наиболее трагичной. Блестящий эрудит, человек энциклопедических знаний, благодаря своим трудам превративший еврейскую музыкальную фольклористику в науку, Моисей Яковлевич прошел через сталинскую мясорубку лагерей и тюрем к полному забвению на исходе своих дней (он умер в 1961 году). А ведь за 30 лет подвижнической деятельности - с 20-х годов до ареста по ложному навету - он создал грандиозный труд, пятитомник «Еврейский музыкальный фольклор»: два первых тома - песни разных жанров, третий - напевы без слов - нигуним, четвертый - инструментальная музыка (клезмерский репертуар), пятый - народные театральные произведения (пурим-шпили и ахашверош-шпили). Из всего его наследия опубликованы пока только один том песен и «Еврейская инструментальная музыка». Своего часа ждут еврейские песни гетто и фашистских концлагерей, а также свыше 30 научных статей, написанных на языке идиш. Береговский спешил зафиксировать все сферы традиционной музыки родного народа в исключительный по драматизму и напряженности момент его истории, словно предчувствуя гибель этой культуры, ее творцов и носителей.

И вот это, в духе Береговского, сочетание теории с практикой - еврейской музыкой, звучащей каждый вечер - было, пожалуй, «драматургическим стержнем» Международной конференции и фестиваля.

Широчайшая амплитуда докладов и сообщений участников конференции - от воспоминаний М. Рольникайте (Вильнюс) о песнях гетто и фашистских концлагерей, где она провела годы войны, до доклада московского театроведа И. Соломоника «Евреи и театр кукол» - свидетельство разнообразия творческих устремлений

ученых, которых оплодотворила разносторонняя деятельность Береговского.

Среди наиболее запомнившихся разработок - доклад Б.Грановского (Москва) «Из истории русско-еврейских фольклорных связей» и выступление Р.Гусак (Киев) - «Фрейлехс в Подольском Поднестровье». Блестящий доклад сделала профессор И. Назина из Минской консерватории - «О еврейском элементе в народной музыкально-инструментальной культуре Беларуси», а сотрудница Российского института истории искусств Г.Копытова (Санкт-Петербург) прочитала интересное сообщение «Из истории еврейской музыки в Санкт-Петербурге». Из гостей дальнего зарубежья хотелось бы отметить доклады П.Эйзенштейн-Бэйкер (США) - «Еврейский фольклор в профессиональной музыке начала XX века» и уже упомянутой нашей землячки Риты Фломенбойм - «Юлий Энгель - основоположник еврейской композиторской школы в профессиональной музыке России».

Дискуссиям подвел итог один из организаторов конференции и фестиваля, заведующий кафедрой музыкального фольклора Российского института истории искусств, председатель секции фольклора Союза композиторов Санкт-Петербурга, доктор искусствоведения Изалий Земцовский. Он, в частности, сказал: «Мы очень рады, что у нас были гости из Молдовы, из Кишинева, потому что молдавская еврейская традиция, так же, как и украинская, всегда была в поле глубокого внимания самого Моисея Яковлевича и является одной из самых живых струй в истории восточно-европейской еврейской диаспоры».

По идее И.Земцовского, в празднование столетия со дня рождения М.Я.Береговского была «вмонтирована» презентация нового еврейского культурного очага Санкт-Петербурга - Еврейского музыкального общества. Точнее говоря, это возвращение к жизни уже существовавшего с 1908 по 1918 гг. Общества еврейской народной музыки, которое создали ученики Римского-Корсакова, очень ратовавшего за ее развитие в России. Он считал, что еврейская музыка так хороша, что ждет своего Глинку.

Наша группа из Молдовы показала небольшой концерт, состоящий из обработок композиторами Златой Ткач и Владимиром Биткиным еврейских народных песен, взятых из сборника Моисея Береговского. Камерный концерт еврейской музыки, в рамках которого мы выступили вместе с виолончелисткой из США, ансамблем еврейской музыки «Нигуним» и талантливым петербургским скрипачом - клэзмером Иосифом Вязовским, проходил в концертном зале Российского института истории искусств, бывшем дворце графа Зубова. Не хочу захваливать юную студентку Молдавской консерватории Аллу Короид, которая только третий год занимается вокалом у Тамары Алешиной, но то, что Алла показала в Санкт-Петербурге, в своем дебюте на еврейской сцене, свидетельствует о ее большом творческом потенциале.

И, наконец, еще один сюрприз. После нашего выступления подошла миниатюрная, средних лет женщина, скромная, с застенчивой улыбкой, робко заговорила, поздравила с успехом, а когда мы попросили представиться, назвалась - Эда Мо-

исеевна Береговская. Она сказала, что сегодня счастлива вдвойне - и за себя, и за своего отца.

Эда Моисеевна очень высоко отозвалась о качестве обработок Златой Ткач и Владимиром Биткиным еврейских народных песен. «Мы выросли и слушали вокруг себя не еврейскую музыку, а русскую, украинскую, молдавскую, и вдруг, уже в пожилом возрасте, обнаружили, что она не музейный памятник, а живая, потрясающая музыка что она рвет сердце и радует. И эти обработки - очень деликатные, мастерски выполненные, с большим вкусом доносят мелодии до слушателя даже неподготовленного. А об уровне исполнения и речи нет: для меня это огромный праздник, праздник искусства».

Наверное. Эда Моисеевна дала слишком восторженную оценку исполнения, но о том, что она была искренна, свидетельствует приглашение, которое было сделано нам с Аллой в Киев, в город, где Моисей Яковлевич жил и творил, где он похоронен. Там в январе 1993 года пройдет такая же Международная конференция памяти Береговского.

А совсем недавно на адрес Культурного центра «Идиш» пришла из Смоленска, где живет Эда Моисеевна, телеграмма:

«Благодарю всех за сердечную память о моем отце. Очень сожалею, что по служебным обстоятельствам не смогу быть рядом с вами на заседании, посвященном его 100-летнему юбилею. Желаю вам всяческих успехов в сохранении и развитии культуры идиш. Эда Березовская».

Вот такое продолжение получили петербургские встречи - встречи незабываемые, положившие начало творческой дружбы еврейских музыкантов Молдовы и великого города на Неве.

КОМУ УЛЫБАЕТСЯ “ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ”?

По приглашению композитора Вениамина Баснера, автору этих строк довелось провести неделю на еврейском театральном фестивале в Петербурге. Должен признать, что самым ярким, кульминационным впечатлением этих семи дней явился для меня просмотр мюзикла “Еврейское счастье”, в постановке только что родившегося музыкально-драматического театра “Симха”.

Художественным руководителем театра и автором мюзикла является Вениамин Баснер. Он хорошо известен широкой публике (достаточно вспомнить его песни “На безымянной высоте”, “Березовый сок”, “С чего начинается Родина”, которые любили и продолжают любить миллионы людей) и элитарной (прекрасные симфонии, квартеты, инструментальные концерты, романсы...).

И тот факт, что В. Баснер, внесший значительный вклад в русскую музыкальную культуру, обратился к музыке своего народа (кроме рецензируемого мюзикла, еврейские мотивы проходят у него через многие произведения последних лет), сви-

детельствует о том, что в еврейскую музыку приходят профессионалы высокого класса, которые поднимают ее на более высокий уровень. По этому поводу уместно вспомнить и композитора Злату Ткач, плодотворно занимающуюся последние годы различными жанрами еврейской музыки.

Многоопытный петербургский комедиограф Борис Рацер написал либретто мюзикла по мотивам романа американского писателя Давида Фридмана "Мендель Маранц". Действие романа происходит в Америке, в 20-е годы нашего века, а главный герой, бедный эмигрант Мендель Маранц - философ и изобретатель - в стране свободного предпринимательства вдруг сказочно богатеет, изобретя какую-то машину, облегчающая домашний быт, и так же быстро разоряется. Сюжетная фабула явно перекликается с пьесой великого Шолом-Алейхема "Большой выигрыш", где местечковый портной Шимеле Сорокер вписывается в тот же треугольник - бедность - богатство - бедность. А национальный характер Менделя Маранца - народная мудрость, чувство юмора и самоирония, доброта к людям - идёт от шолом-алейхемовского Тевье-молочника.

В профессионализме литературного либретто Б.Рацера - основы любого музыкально-театрального произведения - нет сомнений, хотя, на мой взгляд, показались несколько затянутыми некоторые эпизоды, не везде удовлетворил и вкус автора в стихотворных куплетах. Но главной, подлинной героиней спектакля "Еврейское счастье" является музыка Баснера во всей ее мелодичности, ритмическом богатстве, и многообразии. И хотя актеры говорят и поют по-русски, что, на мой взгляд, противоречит понятию "еврейский театр", блестящая партитура, напоенная ароматом национальных мелодий, в которой органически сочетаются смех и слезы, искрящийся еврейский юмор и проникновенная, берущая за душу лирика, дают возможность говорить о мюзикле Баснера, как о национальном произведении.

В качестве ударных номеров спектакля можно вспомнить развернутые ансамбли "Еврейское местечко" - кульминацию 1-го действия, свадебный "Фрейлехс" из 2-го действия, лирический дуэт "Ах, дети, дети", щемящую песню "Ностальгия" на стихи Михаила Матусовского, включенную, на мой взгляд, специально в мюзикл, чтобы перебросить мостик от американских эмигрантов 20-х годов в наши дни. И, конечно, нельзя не отметить мощный, написанный с задорным весельем превосходный финал, венчающий спектакль.

Говоря об актерском прочтении партитуры Баснера, хотелось бы напомнить, что актер музыкального театра, т.е. исполнитель оперетт и мюзиклов, должен быть многообразным: кроме драматического дара, у него предполагается наличие вокальных данных, умение танцевать, пластично двигаться по сцене.

Нельзя сказать, что все участники спектакля, по большому счету, отвечают этим требованиям, что в театре уже сложился ровный актерский ансамбль. Но ведущие исполнители: Лев Лемке - Мендель Маранц (он же и режиссер спектакля), Александр Хочинский - Человек от автора, Леонид Михайловский-Кацман, Михаил Брискин, Александр Ширман, Ирина Долинина, Жанна Черкашенко, Снежана

Чернова демонстрируют высокий профессионализм. Да и остальные участники, включая и балетную группу, поют и танцуют в мюзикле с настоящим воодушевлением и темпераментом.

Изобретательно решены декорации художником Галиной Романовской. Так, доминанта всей сценографии - огромный диван, символ семейного счастья, по ходу спектакля трансформируется в автомобиль, элегантная трость превращается в столик для еды и т.д. Из постановочной группы спектакля хотелось бы отметить и музыкального руководителя Сергея Гринберга, и балетмейстера-постановщика Милиана Таубе, усилиями которых исполнители довольно чисто и слаженно поют, свободно двигаются по сцене.

И еще об одном создателе и спектакля, и театра "Симха". Речь идет о спонсоре театра - президенте Международной еврейской ассоциации бизнесменов Анатолии Ефремове. Сефардский еврей, приехавший в Петербург из Азербайджана, никогда не имевший никакого отношения к искусству, он понимает, что без материального стимулирования у еврейской культуры нет будущего.

Может быть, прочитав эти строки, еврейские бизнесмены из Молдовы тоже обратят свой взор к нашим местным культурным проблемам, а может быть, помогут спонсировать и приезд театра Баснера к нам на гастроли?

Так что же это - еврейское счастье?

Находить и терять, терять и находить? А может быть, оно заключается в любви - любви, которую нам завещали наши библейские праотцы, - к близким, к семье, детям, внукам. Эту идею, на мой взгляд, и утверждает петербургский еврейский спектакль.

НА КОНФЕРЕНЦИИ В МОСКВЕ

Совсем недавно, под эгидой Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», в Москве прошла научная конференция на тему «Еврейская музыка: проблемы изучения и преподавания». Этот представительный форум собрал около 30 докладчиков из России и стран СНГ, которые в течении трех дней в прекрасном здании Президиума Российской Академии наук делились своими размышлениями о путях возрождения и развития еврейской музыки, об изучении богатого, но пока малоизвестного музыкального наследия древнего народа, о проблемах музыкального воспитания еврейской молодежи.

Молдова была представлена двумя участниками - музыковедом З.Столяром и автором этих строк. Хотелось бы отметить несколько чрезвычайно интересных выступлений, например "О феномене искусства клезмеров" профессора Московской консерватории, художественного руководителя трио "Мицва" Виктора Лензона, профессора Австрийской и Швейцарской музыкальных академий Льва Евграфова "Роль Нового Иерусалима в процессе развития культурных связей Россия-Изра-

иль", профессора Иосифа Рыжкина "Соотношение национальных истоков в музыкальном искусстве М.Гнесина и А.Шнитке" (замечу в скобках, что И.Л.Рыжкин был учеником Михаила Гнесина - одного из родоначальников еврейской музыки в послереволюционной России, и учителем знаменитого Альфреда Шнитке) и, наконец, доклад студентки 3-го курса Государственной Еврейской Академии им.Маймонида Марины Ефремовой-Басараб "Музыкальные инструменты в Танахе".

О существовании такой Академии, чьи педагоги и студенты, кроме участия в теоретической части конференции, дали для делегатов большой концерт из произведений еврейских композиторов, я узнал только в дни пребывания в Москве.

Думаю, что читателям не надо представлять великого еврейского ученого, чьим именем названа Академия. И вот - беседа с заведующей кафедрой истории музыки факультета мировой музыкальной культуры Академии доцентом Валерией Ражевой:

- Академия имени Маймонида была создана в 1992 г. после всех сложностей - общественных и политических. Ее создание было вызвано возникновением массы вопросов, связанных с еврейской культурой и искусством. Появились интересные люди, могущие ответить на эти вопросы, и молодежь студенческого возраста, готовая учиться. Это и подвигло профессора Веронику Рафаэловну Ирину, нынешнего ректора Академии, взяться за устройство этого учебного заведения. По специальному решению тогдашнего Совета Министров России было организовано специальное учреждение - Университет и Академия имени Маймонида. Первоначально планировалось, что доминантой Академии станет знаменитая библиотека Любавичского Рэбэ Шнеерсона, за которую вела борьбу В.Р.Ирина. К сожалению, библиотеку не удалось получить, но Академия была создана, и центральной организацией стал Университет, при котором есть еще и гимназия. Таким образом, получилась многоступенчатая лестница от начального образования до окончания в системе еврейского воспитания.

На вопрос, какова судьба библиотеки Шнеерсона, В.Ражева ответила, что ректор В.Р.Ирина очень надеялась на то, что священные книги перейдут к Любавичскому Рэбэ и очень заботилась о том, чтобы они ушли в Нью-Йорк. Но, к сожалению, как известно, решение было принято совсем не то, и библиотека Шнеерсона осталась в России. Правда, в этом решении говорится о том, что будет выделено специальное помещение, где верующим евреям можно будет приходить к священным книгам с соответствующим этикетом, и светская жизнь не будет мешать им приобщаться к реликвиям, к божественным откровениям.

Таково маленькое интермеццо с библиотекой Шнеерсона, судьба которой, как мне кажется, не безразлична евреям Молдовы.

Но вернемся к конференции. Памятной была встреча с композитором, заслуженным деятелем искусств России Сергеем Беринским. Он - наш земляк, выходец из Каушан, до сих пор сохраняет самые теплые чувства к своей малой Родине -

Молдове. Вспоминал с благодарностью своего первого учителя музыки - Логина Федоровича Цуркана, который, собственно, и направил его на музыкальную стезю. Сергей Беринский выступил с оригинальными размышлениями о самом себе под названием "Еврейское в творчестве Сергея Беринского". Он просил не считать это докладом, а лирическим этюдом о своей творческой биографии. Как он сказал, "произведений на еврейскую тему у него немного, но вся музыка его - еврейская". Среди еврейских произведений он назвал музыку к двум фильмам - документальному "Соломон Михоэлс" и художественному - "Дамский портной", где в главной роли выступил великий Иннокентий Смоктуновский. На конференции прозвучало в магнитофонной записи несколько фрагментов из его сюиты для 4-х виолончелей "Псалмы Давида", а также из вокального цикла на стихи Хаима Бейдера "Гвоздикес афн шнэй" - "Гвоздики на снегу". Запись всего цикла Сергей Беринский любезно подарил редактору "Идиш лэбн", и я надеюсь, что слушатели этой передачи смогут насладиться в ближайшее время музыкой нашего талантливого земляка.

И, наконец, несколько слов о представителях Молдовы на конференции в Москве. З.Столяр выступил с докладом "Взаимопроникновение еврейского и молдавского музыкального фольклора", а автор этих строк - с сообщением "Еврейская музыка на радио Молдовы". По реакции и приему слушателей мы почувствовали, что достойно представили нашу республику. Впрочем, привожу отзыв директора Центра "Сэфер" Виктории Мочаловой представителю "Джойнта" в Молдове, финансировавшего нашу поездку в Москву, госпоже Слезингер.

"Уважаемая Эмилия, позвольте поблагодарить Вас за сотрудничество в подготовке и проведении конференции по еврейской музыке. Представители Вашего региона выступили с чрезвычайно интересными докладами и украсили своим участием нашу конференцию. Мы надеемся опубликовать ее материалы, а также сделать подобные встречи регулярными. Позвольте надеяться и на дальнейшее плодотворное сотрудничество с Вами.

С глубоким уважением и благодарностью...".

И мы, евреи, живущие в Молдове, хотим надеяться, что такое сотрудничество будет продолжаться.

ПЕРВЫЙ «КЛЭЗФЕСТ»

Что такое "Клэз Фест"? "Клэз" это сокращенно "клэзмер", а "Фест" - "фестиваль", т. е. Клэзмерский фестиваль. Именно под таким названием состоялся недавно первый в истории СНГ семинар еврейской идишской музыки в северной столице России. Название это предложил один из руководителей американского "Фонда развития еврейских общин", который спонсировал семинар. Дело в том, что в Америке такие "Клэз Фесты" проходят ежегодно. Они собирают до 500 человек - еврейских музыкантов - профессионалов и любителей, совместно музициру-

ющих в течение недели.

Конечно, первый "Клэз Фест" в Петербурге был значительно скромней, на него собралось около 30 человек, но география была довольно обширна - Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Литва, Эстония, т. е. на востоке крайней точкой был Иркутск, а на западе - Вильнюс.

Несомненно, что "изюминкой" этого семинара было участие в его работе в качестве руководителя мастер-класса по еврейской песне известной еврейской певицы Нехамы Лифшицайте. Когда-то, в 60-е годы, это имя гремело по всему СССР, она была единственной певицей с профессиональным вокальным образованием (Вильнюсская консерватория), певшая на идише серьезные еврейские программы. Ее выступления (а я помню одно из них в Кишиневе, в Зеленом театре) часто превращались в политические демонстрации в поддержку запрещенной тогда еврейской культуры. Очевидно, поэтому Нехаму одну из первых, когда еще не было массовой алии, выпроводили в Израиль, издевательски закрыв дорогу для ее семьи - отца, дочери...

С Нехамой мы встретились в Петербурге, как старые друзья. Она хорошо знала моих родителей, бывала в их доме в Биробиджане, когда приезжала туда с концертами, была и у меня в Кишиневе. И через 30 лет по-прежнему виден озорной блеск в выразительных еврейских глазах Нехамы, неиссякаем ее юмор на замечательном мамэ-лошн, но главное, - ее исполнение еврейских песен по-прежнему волнует и трогает, потому что годы не властны над ее еврейской горячей душой, которую она отдает своим слушателям.

В Петербурге мы с Нехамой работали в двух концертах - в местном "Хэсэде Авраам" и во Дворце культуры "Маяк" - бывшем роскошном дворце графа Шереметьева. В этих концертах принимали участие все семинаристы и руководители мастер-класса, но особый успех выпал, конечно, на долю Нехамы. Многие старожилы города, пришедшие на эти концерты, помнили ее начало в бывшем Ленинграде, ведь именно Ленинградская областная филармония приютила тогда молодую певицу, которой из-за еврейской программы показывали везде от ворот поворот, и Нехама сохраняет признательность этому городу.

Из других участников концертов хотелось бы отметить юное клэзмерское трио из Казани - пианистку Софу Гуляк, скрипачку Тасю Попову и кларнетиста Митю Герасимова. Эти ребята буквально очаровали и участников семинара, и петербургских евреев своим обаянием юности, виртуозной, вдохновенной и вместе с тем юморной игрой с элементами театральности. В исполнительском стиле молодых музыкантов, конечно же, чувствовалась рука их педагога - известного еврейского скрипача, руководителя клэзмерского ансамбля "Симха" Леонида Сонца, который на "Клэз Фесте" вел мастер-класс по клэзмерской музыке. С ним мы встретились, как недавно расставшиеся, добрые друзья. Ведь в октябре прошлого года мы вместе выступали в Хабаровске на столетии еврейской общины этого города, о чем в свое время я подробно рассказал в "Путевых заметках", опубликованных в "Ис-

токах". Кстати, эту газету я отослал Сонцу в Казань, и в Петербурге он горячо поблагодарил за "Путевые заметки", сказал, что ему вся газета показалась очень интересной. Как и в Хабаровске, Леонид был нашим с Наташей Дигоре (она тоже приехала вместе со мной на "Клэз Фест") добрым ангелом.

Нас принимали очень тепло, а по окончании семинара одна из старейших его участников - воспитанница Одесской консерватории, ныне - дирижер-хормейстер в Ярославле Майя Шмерковна Герберг сказала, что благодаря "Клэз Фесту" ей удалось познакомиться с талантливой музыкой Златы Ткач, о которой она не имела понятия. Кстати, Нехама Лифшицайте тоже очень высоко отзывалась о музыке Златы, о ее вокальных циклах "Имя доброе твое", "Алефбейс", об обработках еврейских народных песен, которые она услышала в нашем с Наташей исполнении.

Что еще запомнилось в пятидневном семинаре "Клэз Феста"? Ежедневные лекции по языку идиш, которые вела молодая, симпатичная Лариса Печерская, лекции Валерия Дымшица и Евгения Хаздана по еврейскому народному театру и истории клэзмерской музыки. Вообще, организаторы семинара постарались в эти пять дней дать такую обильную информацию по проблемам еврейской музыки, еврейской культуры, что к вечеру хотелось только одного - поскорее погрузиться в объятия Морфея. Но ведь еще были концерты, ночная экскурсия (белые ночи уже начинались) по петербургским мостам, да и просто "междусобойчики" с новыми и старыми знакомыми. Так что Морфей зря ожидал со своими объятиями, отоспались уж потом, вернувшись по домам. Мы все жили в небольшой уютной гостинице, здесь же проходили занятия, здесь же мы и питались, причем пища была кошерная, но по вечерам на мини-банкетах кошерность иногда нарушалась. В общем, к концу мы уже почувствовали себя одной дружной семьей. И американские спонсоры семинара и его организаторы со стороны Петербургского центра еврейской музыки - Евгений Хаздан и его жена Евгения (партийные клички - Женя и Женечка) - высказали мнение, что первый семинар - не последний. Как говорят у евреев - алевай!

МОЕ ОТКРЫТИЕ ШВЕЦИИ

Все-таки, как тесен еврейский мир и как велик и могуч до сих пор наш всеми оплакиваемый и многократно похороненный еврейский язык - идиш! Вся эта история со Швецией началась в прошлом году в Иерусалиме, на творческом вечере, где автор этих строк играл концертную программу еврейской музыки, рассказывал на идише о культурной жизни евреев в Молдове и читал стихи (опять же на идише) своей незабвенной мамы - еврейской поэтессы Любы Вассерман. Заметка об этом вечере была напечатана в израильской идишской газете "Исроэл штиме" ("Голос Израиля") и попала в Швеции на глаза председателю гетеборского Союза еврейской культуры Ицхоку Шнайдману. Тут и

последовало от него письмо с предложением провести такой же вечер в Гетеборге, а также оказать помощь гетеборскому Союзу еврейской культуры.

1.С чего все началось.

С Ицхоком Шнайдманом я познакомился в 1994 году в Киеве, на очередной сессии Всемирного совета по идишской культуре. Он произвел на меня впечатление большого знатока и языка идиш, и еврейской литературы. Ицхок рассказал, что организовал в Гетеборге курсы по изучению идиша, на которые ходят евреи разных лет - от 20 до 80, что он приглашает в Гетеборг еврейских певцов и артистов из разных стран, где они выступают с концертами на различных еврейских праздниках. Также я узнал, что Ицхок печатается в различных еврейских периодических изданиях, где рассказывает о еврейской жизни в Гетеборге. И на сессии в Киеве Ицхок выступил с интересным докладом о культурной жизни евреев в Швеции. В своих радиорепортажах из Киева для передачи "Идиш лэбн" я рассказывал о многочисленных встречах с делегатами сессии, в том числе и с Ицхоком Шнайдманом, его голос звучал на Молдавском радио.

После Киева у нас с Ицхоком установилась дружеская переписка, так что приглашение в Швецию родилось не на голом месте, но толчком к нему явилась уже упомянутая заметка в "Исроэл штиме".

2.Дорога в неизведанное, или «страсти по душу».

Сказать, что поездка в Швецию далась легко, было бы большой натяжкой. Первая проблема возникла с визой. Вначале, когда все уже было договорено, в еврейской газете Гетеборга был дан анонс о моем приезде и билет на поезд Кишинев - Варшава (а самый короткий и дешевый путь в Швецию лежит через Польшу) уже был куплен, шведы отказали мне в визе из-за того, что у меня еще был "молоткастый, серпастый советский паспорт". Они этот паспорт несуществующей страны не признавали, пришлось срочно оформлять молдавский, и вторая попытка была более успешной: шведскую визу я получил. Но тут позвонил Ицхок Шнайдман и сказал, что сроки приезда переносятся из-за изменения плана мероприятий Союза еврейской культуры. Пришлось ему слать новое приглашение, а мне - ехать в Москву за новой визой. Но все-таки предыдущая сыграла свою роль: благодаря ей, я продрался через огромную толпу жаждущих попасть в Швецию у московского посольства, ворвался без очереди в консульство и через несколько часов получил желанную новую визу.

Второй проблемой оказалась дорога в Швецию. Дело в том, что гетеборгский Союз еврейской культуры - организация со скромным бюджетом. И взяв на себя все расходы по проезду, проживанию и питанию, Ицхок предложил мне самый дешевый путь в Швецию: как я уже упоминал - поездом до Варшавы, а оттуда - автобусом до Гетеборга. Откровенно говоря, я не очень огорчился этому предложению.

Конечно, самолет измеряет время часами, а тут надо потратить трое суток в один конец, но как истинный путешественник (странствовать - мое хобби с юных лет!) я обрадовался возможности увидеть из окон автобуса Польшу и Швецию, проплыть на пароходе через Балтийское море. Единственное смущало, как выдержу сутки в автобусе? Рассказы своих коллег из оперного театра, филармонии, как они мотаются на "Икарусах" во время гастролей по Европе с остановками в поле: "мальчики" - налево, "девочки" - направо, с сухомяткой, пылью, духотой, грязью, у меня всегда ассоциируются с историей африканских рабов, которых перевозили в XVIII веке в трюмах пароходов в благословенную Америку. Значит, и мне предстояло на сутки превратиться в такого раба? Но действительность оказалась гораздо приятней.

Когда в Варшаве на автовокзале я увидел двухэтажный "Мерседес" с надписью на борту "Tourbaltic", и шофер в белых перчатках вручил мне именной билет (Ицхок из Швеции заказал), то настроение пошло на крещендо. А когда Гунар, шведский шофер, дал на английском языке информацию, что автобус оборудован туалетом, и через каждые два часа будут подносить кофе или чай, то понял, что попал в цивилизованную Европу. Первое ощущение цивилизации у меня возникло еще в Варшаве, когда, приехав туда поздно вечером и явившись к своим польским друзьям, я сразу же направился в душ. Мой первый вопрос их удивил: "У вас есть горячая вода?" Пришлось им объяснить, что последний раз я принимал душ месяц назад в Израиле, так как в нашем родном Кишиневе все лето и весь сентябрь не было горячей воды, и мы добывали ее в кастрюлях и тазиках при помощи газовой плиты.

На следующее утро, перед дорогой в Швецию, я опять залез в душ, и друзья не осудили мои "душевые" страсти. Второй раз в этот день я принимал душ уже на пароходе. Наш "Мерседес" домчался быстро и легко до Гданьска, проехав половину Польши за 6 часов с остановками для кофе и чая, въехал после коротких таможенных формальностей в чрево огромного океанского лайнера "Lion Europe" ("Лев Европы"), где кроме нашего автобуса находилось еще штук 100 легковых машин из разных стран. Ну, думаю, в автобусе и заночуем. Но европейский сервис и здесь был на уровне. Всех пассажиров высадили из автобуса, подняли на лифте на 10-й этаж (здесь находится регистрационное бюро) и разместили по каютам. Оказывается, в стоимость автобусного билета входит и ночлег в каюте, комфортабельной, со всеми удобствами. Естественно, первое, что я сделал - принял горячий душ. Потом погулял немного по судну, оно - как гигантский плавучий город. Концертные залы, рестораны и кафе, шикарные магазины - все для отдыха! Но время уже было позднее, день выдался нелегкий, и под плавное покачивание судна я быстро погрузился в объятия Морфея.

Проснулся рано, соседи по каюте еще спали, а мое изголодавшееся тело опять потребовало... душа. Освежившись, вышел на палубу и застыл в изумлении. Солнце уже взошло над Балтикой, оно заливало все море, впереди виднелся берег, покрытый ярко-зеленой растительностью, на фоне которой приветливо выглядывали

красные черепичные крыши небольших домиков. Весь берег изрезан сотнями бухт, и в одну из них заходил наш пароход. Это был шведский порт Карлскрона.

3.Город Гетеборг…

Пограничные формальности в порту прошли довольно быстро, правда, из-за меня автобус ненадолго задержали. Дело в том, что из всех пассажиров я был единственным представителем третьей страны, остальные - поляки и шведы, которым не нужна виза при поездках друг к другу... Меня же шведский пограничник попросил заполнить въездную анкету и несколько раз повторил, что я должен покинуть Швецию до 1 октября, т е. до дня, который указан в визе. Как объяснил потом Ицхок, шведы с большой настороженностью относятся к гражданам СНГ, среди которых много криминального элемента, нелегальных эмигрантов и т. д. Но когда я показал пограничнику обратный билет на автобус на 29 сентября и на поезд из Варшавы в Кишинев, он как будто успокоился.

От Карлскроны до Гетеборга 400 км, и наш "Мерседес" домчался туда за 7 часов. Погода была дивная (вообще с погодой мне повезло все пять дней - в конце сентября в Скандинавии было тепло и солнечно). Может быть, поэтому страна показалась мне волшебно красивой. Поразила яркость красок - зеленые, сочные леса и поля, голубые озера, разноцветные - бордовые, желтые, белые крестьянские дома, в основном, деревянные, украшенные цветами и на крыльце, и вокруг. А городки - уютные, аккуратные, со старинной архитектурой и с огромным количеством велосипедов, как будто все шведы передвигаются только на этом виде транспорта, хотя и машин, в основном отечественных "Вольво" очень много, и качество дорог превосходное, но велосипеды - вне конкуренции. И моторные лодки. Потому что в какой городок ни приезжаешь, он стоит на воде - или огромное озеро, или морская бухта. И возле берега покачиваются на синей воде сотни белых катеров, яхт, моторок. Вот такой я увидел Швецию из окна автобуса во время недолгого путешествия.

В Гетеборге на автовокзале меня встретил Ицхок Шнайдман, и мы поехали к нему домой. Он живет в самом центре этого древнего города, в старинном квартале, где и новые дома стилизованы под старину Снаружи - как будто старые стены, узкие улочки с брусчаткой, без единого деревца, а дворы утопают в зелени, цветах, квартиры все модерновые, роскошные по нашим понятиям. В дом Ицхока можно попасть с четырех улиц, он имеет форму квадрата, внутри которого большой двор. И вот этот замкнутый квадрат-микрорайон имеет для своих жильцов сауну, спортивный зал, комнату отдыха, где устраивают для молодежи дискотеку, а также комнату для приезжих, куда меня и устроил Ицхок. Первый день - четверг - мы провели в разговорах, и я рано лег спать. А в пятницу утром уже началась работа: Ицхок сказал накануне, что у них по традиции приезжающие артисты и музыканты дают благотворительный концерт в Доме для престарелых евреев, и мы после

завтрака отправились туда.

Что сказать про Дом престарелых? Он был выстроен несколько лет назад на пожертвования какого то английского богатого еврея. Настоящий трехэтажный дворец, тоже имеет форму квадрата, внутри которого очень уютный двор с деревьями, со столиками и креслами, где в хорошую погоду можно пить чай, кофе, читать, отдыхать на воздухе. Комнаты - настоящие квартиры с прекрасными условиями для жизни. Нас пригласили в две такие квартиры. В каждой из них есть кухня: кто не хочет питаться в столовой, может сам себе готовить, а это значительно дешевле. В каждой квартире все виды бытовой техники - телевизоры, магнитофоны, музыкальные центры, холодильники, вентиляторы, микроволновые печи. Все квартиры имеют балконы, откуда открывается чудесная панорама на город, на близлежащий парк, где эти люди имеют возможность гулять. Этот дом можно было бы назвать пятизвездочным отелем для старых людей, но с одной особенностью - отсюда все-таки дорога одна. Я спросил у Моисея Ройзена - жильца этого дома, любезно пригласившего нас в свою комнату-квартиру, а после этого ставшего нашим гидом по всему корпусу: почему в этом здании такие огромные лифты? Он печально заметил, что в них едут не только живые. В этом году они отправили в последний путь 5 человек из 35, живущих в этом доме. Так что, как говорил Берл-Айзик у Шолом Алейхема, когда его спросили в отношении благополучной Америки, умирают ли там (в данном случае отнесем это к Швеции): “Еще как умирают”.

Однако расскажу о более веселом. В этот день в Доме престарелых отмечался 96-й год рождения одной из его обитательниц. В музыкальном салоне, где собралось человек двадцать гостей, она сидела в центре стола, как королева, в элегантном темно-зеленом платье, с ожерельем на шее, с ярким маникюром, с завитушками в волосах. А как элегантно, со вкусом одеты были ее гости! Когда мы пришли, они пили кофе и разрезали огромный торт, сооруженный в честь именинницы. Я сыграл для них несколько еврейских пьес на фортепиано, слушали очень внимательно и тепло принимали. После небольшого концерта ко мне подошла именинница. Мы с ней поговорили на идише (собственно, идиш был моим единственным языком общения в Гетеборге), она поблагодарила за концерт и доставленное удовольствие, я поздравил ее с днем рождения и пожелал по еврейской традиции до ста двадцати.

Директриса Дома престарелых пригласила нас на обед, который состоял из вкуснейшего кугеля (лапша и мясо), зеленого салата (в Швеции вообще едят очень много этого овоща) и фруктов (испанский виноград, вкуснее которого не приходилось пробовать!) Так что после обеда и экскурсии с Моисеем Ройзеном я сказал Ицхоку, что хочу жить в гетеборгском Доме для престарелых евреев.

А потом мы гуляли с Ицхоком по Гетеборгу, и я лишний раз убедился, что то, о чем свыше 70 лет, стуча себя в грудь, заверяли нас коммунисты - “забота о каждом человеке” - в Швеции видно на каждом шагу. Вот пример. На всех перекрестках, где стоят светофоры, вмонтированы звуковые сигналы. Когда включается зеленый

свет - раздается сильный звонок, когда красный - еле слышный. Как объяснил мне Ицхок, это сделано для слепых людей, чтобы они знали, когда могут перейти улицу. Или специально оборудованные в туалетах приспособления для удобства инвалидов! Вообще автоматические туалеты в Гетеборге достойны, как говорил Чехов, "кисти Айвазовского". Круглые, стоящие на каждом квартале, напоминающие по форме тумбы для театральных афиш, они украшены разнообразной рекламой. Подходишь к такой тумбе с обратной стороны, бросаешь монетку и открываешь дверь в чистейший одноместный "номер" с горячей и холодной водой в кране, благоухающим мылом, салфетками и т. д.

Главная улица в Гетеборге не названа именем каких-либо шведских вождей. Она носит скромное название Спортавеню, как бы подчеркивая спортивный характер шведской нации. На этой улице сосредоточены культурные центры города - филармонический концертный зал на 2 тысячи мест, драматический театр, публичная библиотека, огромный художественный музей, где в эти дни проходила выставка Клода Моне. Кстати, здание этого музея как бы замыкает Спортавеню, и на площади перед ним, где стоит великолепный фонтан-памятник морскому богу Посейдону, проходят, по словам Ицхока, первомайские демонст-рации жителей Гетеборга. Первомай в Швеции отмечают с большим размахом, так как долгие годы страной правят социалисты, провозгласившие заботу о рабочем классе, о простых людях своей первостепенной задачей. Поэтому рабочие в Швеции живут очень хорошо, даже, по словам Ицхока, слишком хорошо, так как социалистическое правительство выплачивает им зарплату больше, чем вырабатывается национального продукта, из-за чего сейчас в стране высокая инфляция и экономический кризис.

Так утверждал Ицхок, но, глядя на чистые, нарядные улицы, на веселые, цветущие лица горожан, на элегантные наряды женщин и мужчин, на заполненные до отказа кафе, рестораны, пивные на открытом воздухе (а пиво - национальный напиток шведов), как-то трудно было поверить в экономические неурядицы шведского государства. Действительно, цены в Швеции очень высокие, в 4-5 раз выше наших. Но и зарплаты несравнимы! Учитель средней школы получает на руки, при вычете высоких налогов, две тысячи долларов.

Что можно еще сказать о Гетеборге? В городе старая великолепная архитектура, обилие церквей, костелов, кирх, есть две синагоги на две тысячи евреев. Швеция больше двухсот лет не воюет, и ее не коснулись страшные разрушения нынешнего столетия.

Здесь много воды - через весь город проходит многокилометровый канал, вытекающий из морской бухты и впадающий в нее, а также много камня: до сих пор в некоторых кварталах видны выходы базальтовых пород, оставленные здесь, как напоминание, что когда то "о скалы грозные дробились с ревом волны". Вот эта дивная архитектура, обилие воды, многочисленные мосты, повисшие над каналом с гранитными набережными, делают Гетеборг похожим на Петербург, но без державного размаха, присущего городу на Неве.

4.... И его евреи.

Знакомство с евреями Гетеборга, после посещения Дома престарелых, продолжилось в Гетеборгской синагоге. Она находится в самом центре города во дворе здания Гетеборгской еврейской общины. Мы пришли с Ицхоком на субботнюю службу, и ощущение было такое, что попал к себе домой. Та же служба, те же евреи, одетые в тфилим и талес. Конечно, местная синагога побольше и побогаче выглядит изнутри, по сравнению с кишиневской, очень красивые витражи на окнах, роскошная люстра свисает с потолка, народ празднично одет, в добротных, дорогих костюмах. Службу вел молодой красивый раввин, присланный из Канады, а субботние молитвы читали на биме самые уважаемые евреи Гетеборга. Особенно трогательным был обряд присвоения имен младенцам. Три молодые мамы с тремя крохотными девочками на руках вышли на биму, и девочек нарекли библейскими именами - Рахиль, Лея и Сарра. Все присутствующие в синагоге, а народу собралось довольно много, поздравляли молодых мам и пап, дарили им подарки. Многие родители пришли в синагогу с маленькими детьми, и я не мог удержаться от улыбки, когда рядом с еврейского вида мужчинами стояли совершенно белобрысенькие, с волосами цвета льна, мальчишечки в ермолках и усердно повторяли субботние молитвы. Как объяснил мне Ицхок, это были дети от смешанных браков, и их матери - светловолосые шведки - перешли в иудаизм. Они стояли на балконе синагоги, также принимая участие в субботней службе.

После молитвы все перешли в здание общины, где в уютном небольшом зале стояли накрытые столы, и человек двести, совершивших субботнюю молитву, перешли к киддушу. На столах стояло субботнее вино, лежали бутерброды, потом поднесли кофе и волшебный по вкусу торт. Между блюдами на столах лежали афишки, извещающие о моем концерте в этом же зале, но на следующий день. Такие же афишки висели повсюду в здании еврейской общины.

Ицхок познакомил меня с раввином, а тот, в свою очередь, представил меня всей публике и пригласил ее на завтрашний концерт.

Скажу сразу, что это был скорей не концерт, а литературно-музыкальный вечер, подобный иерусалимскому. Мы с Ицхоком выработали программу, которую, даже не знающие шведский язык, могут понять по афишке. Первая часть вечера - играю еврейскую музыку, вторая часть - читаю на идише и на русском стихи своей мамы - поэтессы Любы Вассерман и рассказываю о ее судьбе. Третья часть - рассказываю о возрождении еврейской культуры в Молдове после развала СССР. Могу сказать без ложной скромности, что этот вечер прошел “на ура”. И хотя народу пришло не так много, как было на киддуше (сказалось то, что в этот же день, перед нашим вечером было еще одно мероприятие - юбилей директора еврейской воскресной школы), но принимали не просто тепло, а горячо. После вечера ко мне подходили зрители - в основном, интеллигентная публика - профессора вузов, врачи, художники и т. д. и все сердечно благодарили за доставленное удовольствие, за открытие

новых страниц в еврейской музыке. Признаюсь, я опасался перед вечером, что не все воспримут камерную еврейскую музыку для фортепиано, особенно произведения Златы Ткач, написанные в современной композиторской манере. Этого же опасался и Ицхок, говоря мне перед концертом, что гетеборгские евреи не воспитаны на такой музыке. Но, как уже было сказано, прием был превосходным. Особый успех выпал на долю Сонаты - экспромта Златы Ткач, посвященной памяти жертв фашизма. Очень тепло были приняты мамины стихи, которые Ицхок переводил на шведский язык, с большим интересом было выслушано мое сообщение о культурной жизни евреев в Молдове. Мои новые шведские друзья (а среди них и чистокровный швед Стафан, обучающийся у Ицхока языку идиш) говорили, что мы в Молдове, несмотря на нашу бедность, живем более богатой, насыщенной еврейской жизнью, по сравнению с ними. Вечер в Гетеборге закончился совместным исполнением популярных еврейских народных песен, и все пели с большим энтузиазмом.

Здесь надо сказать несколько слов об Ицхоке Шнайдмане. Все дни пребывания в Гетеборге я чувствовал определенную сдержанность в его отношении ко мне. Т. е. он был вежлив, выполнял все обязанности хозяина, данные в официальном приглашении, но какой-то холодок лежал между нами. Я это отнес к скандинавскому менталитету моего приглашателя, но, как потом объяснил Ицхок, я для него был все-таки "темной лошадкой", он очень волновался за вечер, примут ли меня евреи Гетеборга, но потом он буквально оттаял и превратился в горячего еврея, не уступающего своим темпераментом и юмором моим бессарабским землякам. Расстались мы не просто добрыми знакомыми, а хорошими друзьями. И свидетельство удачного дебюта - последовавшее после концерта его приглашение вновь посетить Гетеборг. На прощание Ицхок дал мне интересное интервью об еврейской жизни в Гетеборге и предложил сотрудничество с Обществом еврейской культуры Молдовы, вручил для передачи литературную премию Ихилу Шрайбману.

В час отъезда из Гетеборга прошел первый за 5 дней мелкий осенний дождь. Заплакала природа, и стало тяжело на душе, было жаль расставаться с чудесным городом, с моими новыми друзьями, у которых я оставил частицу своего сердца. Прощай, Швеция. А, может быть, до свидания?..

ЕВРЕЙСКИЙ СЕМИНАР В ОДЕССЕ

Вот уже восемь лет подряд каждое лето в различных городах бывшего СССР собираются на свои летние семинары любители языка идиш, нашего мамэ-лошн. Одни желают приобщиться к языку, на котором была создана великая еврейская литература, другие стремятся усовершенствовать свои познания, чтобы в дальнейшем применить их в практической работе в качестве преподавателей идиша. Словом, семинар, которым бессменно руководит большой знаток идиш израиль-

ский профессор Гершон Вайнер, завоевал широкую известность в странах СНГ, и его популярность растет с каждым годом. Многие кишиневцы-любители идиша хорошо помнят, как два лета подряд, в 1995 и 1996 годах этот семинар проходил в нашем городе, и о нем говорили, как о празднике на еврейской улице Кишинева. Потому что, кроме приезда почти ста семинаристов со всех уголков СНГ и великолепных педагогов - ученых, раввинов, писателей, музыкантов из Израиля, США, России, Молдовы, т.е. кроме интересных лекций по языку, еврейской литературе, еврейской традиции, еврейской культуре, в Кишиневе проводились творческие встречи с руководителями и педагогами семинара, организовывались концерты еврейской музыки, в которых принимали участие и гости, и хозяева. Эти концерты, особенно последний в Органном зале, вызвали большой интерес у еврейской общественности города.

В этом году идиш-семинар проходил в Одессе с 14 июля по 11 августа, и автор этих строк, будучи приглашенным профессором Вайнером в качестве музыкального руководителя, стал очевидцем работы семинара.

Могу из личных сравнений, из отзывов педагогов и студентов утверждать, что нынешний семинар получился наиболее удачным. Начнем с быта. В отличие от Кишинева, от других городов, где педагоги жили на частных квартирах, что создавало проблемы с транспортом, с общением между собой, со студентами, в Одессе все проживали компактно, в одном корпусе Дома отдыха "Маяк" на 11-й станции, в 15 минутах ходьбы до моря. Конечно, нашим профессорам из Израиля, Америки было непонятно, почему горячая вода подается 2 раза в день по часу, почему часто выключают электричество, холодную воду, но мы, бывшие советские, внушали им, что условия вполне сносные. Ведь в Кишиневе на лето вообще отключают горячую воду, и профессор Дов Ной вспоминал, как они грели воду в кастрюлях. А профессор Вайнер, помня Кишинескую одиссею с горячей водой, сразу же по приезду в Одессу купил цинковое ведро.

И все-таки все студенты жили в 2-х-3-х местных номерах с удобствами, занятия проходили в этом же корпусе, и по любым проблемам можно было тут же обратиться к нашему доброму ангелу - административному директору семинара и одновременно преподавателю идиш Песе Михаэли (наверное, эту обаятельную женщину в Кишиневе многие помнят по семинару 1996 года). Хотя мы питались в столовой Дома отдыха, Песе удалось организовать нам кашерное питание, привезли из одесской синагоги специальную посуду, и два наших раввина - рэб Хаим Альперн из Израиля и рэб Зисл Саламон из Нью-Йорка, читавшие курс еврейских традиций - были полностью удовлетворены в отношении кашрута. Нельзя сказать, что пища была очень разнообразна, но вот в канун святой субботы, на кабалат-шабат столы буквально ломились от явств, и это был настоящий праздник - и духовный, и материальный. Четыре субботы в Одессе незабываемы! Мы, действительно, чувствовали себя одной большой еврейской семьей, соблюдающей все субботние традиции и веселящейся по случаю этого праздника.

Нынешний семинар прошел под знаком перемен. В качестве эксперимента всех студентов, а их было свыше 100, поделили на 2 группы, каждая из которых занималась по 2 недели. В первый заезд приехали начинающие изучать идиш, и это была, в основном, молодежь, а во второй - уже владеющие языком, многие из которых сами преподают идиш в еврейских школах Украины, Москвы, Петербурга, Литвы, Беларуси, Молдовы... Конечно, с первой группой было больше проблем. Видимо, не все молодые люди понимали, на какой семинар они приехали. Привыкнув к летним еврейским лагерям отдыха, они решили, что приехали в Одессу в такой же лагерь. А тут, столкнувшись с напряженным расписанием занятий - три пары до обеда, и две - после, начали манкировать, просыпать утренние лекции, вместо самоподготовки по вечерам - шумно развлекаться, мешая остальным готовиться к завтрашним занятиям. И тут наша милая Песя проявила решительность и строгость. Четверо буянов из Донецка были исключены из числа студентов и тут же отправлены восвояси.

Что же касается второй группы, то здесь подобрались серьезные люди, многие из которых сделали за последние годы заметные успехи в освоении идиша. Я вспоминаю их по кишиневскому семинару, когда они только робко начинали говорить на родном языке, а сейчас владеют им вполне свободно. И в этом - несомненная заслуга руководителей семинара, тщательно пестующих своих питомцев.

Все занятия второй группы проходили на еврейском языке, и идиш был языком общения между педагогами и студентами, которые не скрывали своего восхищения блестящими лекциями знаменитого профессора-фольклориста из Иерусалима Дова Ноя и профессора Гершона Вайнера. Последний был душой всего семинара, увлекавшийся и увлекавший за собой всех на кабалат-шабат, на различные культурные мероприятия, организованные в рамках семинара. Так, запомнился организованный Гершоном Вайнером вечер памяти расстрелянной советской еврейской литературы. На этом вечере профессор рассказывал о судьбе выдающихся еврейских писателей - Давиде Бергельсоне, Переце Маркише, Ицике Фефере, Давиде Гофштейне, Льве Квитко, расстрелянных 12 августа 1952 года сталинскими палачами на Лубянке. Студенты семинара читали стихи погибших поэтов, а автор этих строк прочитал стихи своей мамы - еврейской поэтессы Любы Вассерман, написанные ею в сибирских лагерях ГУЛАГа.

Как "музик директор" семинара (так меня называл профессор Вайнер) я каждый день занимался со всеми группами, знакомя студентов с наиболее популярными еврейскими народными песнями. Этот курс назывался "Гезанг" ("Мотив"), производное от слова "зинген" (петь). А по вечерам готовил с наиболее способными в музыкальном отношении студентами концертные программы из еврейских песен. Было очень приятно познакомиться с талантливыми исполнительницами Мариной Якубович из Ровенской области, Марьяной Надеиной из Харькова, Евгенией Хаздан из Петербурга. Ну, а со своими сотоварищами по петербургскому "Клэзфесту" - Жанной Янковской из Омска, Аркадием Гендлером из Запорожья,

Людмилой Шолоховой из Киева - встретились, как родные. В этом я вижу важную роль подобных семинаров - в возможности общения с коллегами по искусству, в выявлении новых талантов на еврейской музыкальной улице. Хочу надеяться, что та творческая дружба, которая завязалась на идиш-семинаре, во время подготовки еврейских программ и выступлений с ними, будет иметь свое продолжение, и мы сумеем пригласить к нам в Кишинев талантливых еврейских исполнителей для выступлений в нашей республике.

Что еще важное хотелось бы выделить в нынешнем семинаре?

Поворот лицом к идишу со стороны Международного еврейского агентства "Сохнут". Как сказал профессор Вайнер, если раньше "Сохнут" был нашим врагом, то теперь он - наш союзник. Думается, что это не только добрая воля руководителя одесского отделения "Сохнута" Ноаха Надлера, страшно симпатичного здоровяка, постоянно помогавшего нам и в организации кабалат-шабат, и в организации интереснейших экскурсий по еврейским местам в Одессе.

Такое же отношение проявил к нашему семинару и руководитель Сохнута по всей Украине Мордехай Паз, приехавший к нам из Киева и выступивший на заключительном вечера на приличном идише. Думается, это поворот к идишу во всем израильском обществе, где наконец-то осознали, что нельзя игнорировать один из языков еврейского народа, на котором была не только создана великая культура, но и который дал понятие "идишкайт", т.е. еврейских традиций, сохранивших нас, как народ.

И последнее. Все руководители семинара выразили огромную благодарность нашему земляку - преподавателю идиш в "Хеседе Иегуда" Владимиру Яковлевичу Толполарю. Он был на семинаре незаменимым. С его приездом на вторую смену стала четкой организация питания всех участников семинара. Все профессора хвалили его, как одного из лучших студентов в самой подготовленной старшей группе. Кроме того, на всех службах и по поводу суббот, и в день 9-го Ава он был шамесом (а на этих службах присутствовали все студенты и педагоги), и вели их наши оба раввина, а на заключительном концерте Владимир Яковлевич или Вэлвл, как его любовно называли все семинаристы, был ведущим и с большим успехом читал стихи еврейских поэтов. Кстати, и Владимира Яковлевича, и автора этих строк профессор Вайнер вновь пригласил принять участие в идиш-семинаре, который предполагается опять провести будущим летом на берегу Черного моря в солнечной, гостеприимной Одессе.

КАКОЙ ИДИШ ЗВУЧАЛ В ПУЩЕ-ВОДИЦЕ!

В прошлом году, заканчивая свою статью о летнем идиш-семинаре в Одессе, который каждый год организует на территории стран СНГ Всемирный совет за идишскую культуру с центром в Израиле, я писал, что руководитель этих семи-

наров, президент Всемирного совета, профессор Гершон Вайнер договорился провести будущий юбилейный десятый семинар снова в Одессе, в том же Доме отдыха "Маяк" что расположен на 11-й станции Большого фонтана. Но вот весной, получив от профессора Вайнера приглашение вновь возглавить музыкальное руководство семинаром, я с огорчением обнаружил, что местом проведения юбилейной встречи идишистов из СНГ названа Пуща-Водица - курортный поселок под Киевом. С огорчением, потому что очень люблю Одессу, потому что каждый день - утром и вечером, перед началом занятий и после их окончания - можно было сбегать и окунуться в нежное и теплое Черное море, наконец, потому что Одесса рядом с Кишиневом, и в течение месяца работы на семинаре можно было по необходимости съездить пару раз домой.

Но, как говорится, начальству виднее, а приглашение на такой семинар почитаю за честь, и поэтому, собрав пожитки, куда входил целый чемодан нот с еврейской музыкой, мы с моим приятелем Вэлвлом Толпаларем (а он снова получил приглашение, как студент и как организатор кашерного питания) отправились в Егупец, т.е. в Киев, названный так с легкой руки Шолом-Алейхема.

Местом встречи участников семинара был указан Еврейский совет Украины в Киеве. Уже по прибытии туда, мы встретили некоторых знакомых по прошлым семинарам в Кишиневе и Одессе, тепло с ними поздоровались, а я вдобавок обрадовался, увидев двух певиц, с которыми познакомился еще на минувшем "Клазфэсте" в Петербурге. Стало ясно, что на открытии семинара концертом мы обеспечены. Но большинство будущих студентов оказалось нам незнакомым, и, что сразу бросилось в глаза - это были, в основном, молодые люди, приехавшие из 22 городов СНГ, чтобы изучать идиш - мамэ-лошн, язык наших отцов и матерей, который переживает сейчас не лучшие дни. И в этом, пожалуй, заключалось основное отличие нынешнего семинара от предыдущих, где процент молодежи был значительно ниже.

Конечно, молодые люди на семинаре появились не случайно, это результат кропотливой и тщательной работы по отбору студентов, проведенной предварительно руководительницей семинара, доктором наук Саррой Лапицкой - преподавательницей идиша из Тель-Авива. Она за месяц до начала работы прилетела в Киев, встретилась с руководителем Украинского Еврейского совета Ильей Левитасом, и они вместе отыскали в Пуще-Водице пансионат "Дюбек" - оригинальный по своей архитектуре трехэтажный особняк, стоящий прямо в лесу, где воздух напоен сосновым ароматом, а внутренний комфорт и уют даже не сравним с "Маяком". Ковровые покрытия в холлах, коридорах, номерах, в просторных комнатах большие балконы, везде телевизоры, а главное - круглосуточно горячая и холодная вода, о чем в Одессе можно было только мечтать, а в нашем Кишиневе летом даже мечтать нельзя. Если добавить к этому 5-разовое отменное кашерное питание (Сарра Лапицкая настояла, чтобы кроме завтрака, обеда и ужина после каждых двух пар студентов поили кофе и чаем со сладостями), то кажется, что лучших условий для

работы и отдыха не придумаешь.

Несомненно, такой превосходно налаженный быт был залогом отличного настроения и студентов, и преподавателей. Но думается, не менее хорошее настроение у студентов семинара создавал удачно подобранный преподавательский состав (а я могу сравнивать, потому что участвовал в четырех таких семинарах), где каждый педагог не просто крепкий профессионал, а - талантливая личность, которая создавала на своих лекциях атмосферу подлинного творчества. Я вспоминаю, как аплодировали студенты блестящим лекциям по еврейской литературе почетному председателю Всемирного совета за идишскую культуру писателю Аврому Карпиновичу, профессору иерусалимского университета Дову Ною, читавшему курс еврейского фольклора, с какой прилежностью и интересом посещали занятия американского литературоведа и театрального деятеля Сарры Файнштейн, писателя и литературоведа доктора Мордехая Юшковского из Израиля, той же Сарры Лапицкой и другого преподавателя идиша из Киевского международного Соломонового университета Мордехая Дербаремдикера, педагога по психодраме Рут Саломон из Нью-Йорка и ее мужа - раввина Зиселя Саломона, который вместе с другим раввином из Израиля Иосифом Грином читали лекции по еврейской истории, традициям, идишкайт.

Об Иосифе Грине скажу особо. Он настолько захватывающе проводил кабалат-шабат, насколько "заводил" своим темпераментом, своим могучим голосом всех педагогов и студентов во время встречи царицы-субботы, что еще до традиционной субботней трапезы, где выставлялись самые вкусные еврейские кушанья, начиная с замечательно выпеченной халы и кончая вкуснейшей "чолнт" - похлебкой, приготовленной по рецепту Сарры Лапицкой, все уже были заряжены праздничной энергией. Субботние молитвы рэб Иосиф проводил на открытой веранде, он придерживается точки зрения, что молитвы надо петь на знакомые мелодии, чтобы в них участвовало как можно больше народу, и потому весь поселок Пуща-Водица, и окружающие его леса оглашались звуками семидесятиголосого хора (столько нас было всего студентов и педагогов), певшего на иврите, на мотив русских народных и советских песен, субботние мотивы.

Очевидно, что эти встречи субботы, почти ежедневные импровизированные концерты, совместное музицирование по вечерам быстро сплотили нас в единую, дружную семью, что тоже выгодно отличало этот семинар от предыдущих. Я объясняю такое неравнодушное отношение всех студентов к занятиям и досугу тем, что и среди них было немало ярких, талантливых личностей увлекающих остальных своих энтузиазмом, своей преданностью еврейству, идишкайт. Здесь я хочу назвать в первую очередь артиста и режиссера московского Театра на Таганке Игоря Пеховича - неизменного участника всех наших спектаклей и концертов, таких же энтузиастов - замечательных певиц, знакомых мне еще с Петербургского "Клэзфеста" - Жанну Янковскую из Омска и Веру Гофман из Минска, талантливую самодеятельную актрису Бэллу Тонких из Белой Церкви, юную, обаятельную

Юлию Виргунову из Запорожья, вечно заряженную на творчество поэтессу Любу Перцюк из Закарпатья, очаровательного Юру Веденяпина - студента из московской еврейской Академии имени Маймонида. Преподаватель идиша этой Академии Борис Лахман привез в Пущу-Водицу отлично подготовленную команду своих учеников, среди которых были и Пехович, и Веденяпин, и всех этих ребят сразу определили в старшую, третью группу, где все предметы читались на идише.

Я не могу не упомянуть целую семью - отца, мать и сына Выгоднер из Бершади, среди которых выделялся шустрый, рыжий десятилетний Миша, ставший всеобщим любимцем, благодаря своей музыкальности и артистичности, которые он проявил исполнением еврейских народных песен. Мне бы хотелось рассказать еще о многих студентах - ведь в моей музыкально-театральной постановке "Флиендике ойсиес" ("Летящие буквы") на музыку Златы Ткач и стихи Лейба Квитко "Алфбэйс" пели и играли 29 студентов! (по количеству букв в еврейском алфавите), и каждый старался придумать себе костюм, реквизит, соответствующие характеру музыки и слов. Но к "Алэфбэйсу" мы еще вернемся, а заканчивая разговор о студентах, хочу отметить, что кроме семинаристов из 22 городов стран СНГ в Пущу-Водицу приехали четыре студента из Израиля, Да, да, из еврейского государства прибыли люди на Украину, чтобы совершенствоваться в языке идиш. Так что Всемирный совет за идишскую культуру во главе с профессором Гершоном Вайнером расширяет географические рамки летних идиш-семинаров, придавая им статус международных.

Немного - о культурных программах семинара. У нас была очень интересная экскурсия по еврейским местам Киева с посещением Бабьего Яра, где наши раввины прочитали Кадиш по невинно загубленным жертвам нацизма. Нам показали недавно сооруженный памятник Шолом-Алейхему в самом центре города, где он во весь рост, сняв шляпу, приветствует горожан, а со старинного здания напротив памятника как бы смотрит на него Голда Меир, чей барельеф установлен на доме, где она родилась. Мы посетили находящуюся сейчас на реставрации Большую синагогу Бродского, который в свое время финансировал ее строительство, нас принимали в Еврейском совете Украины, где гостеприимные хозяева рассказали о деятельности еврейских организаций в Киеве и других городах республики. Вообще, со стороны Еврейского совета Украины, со стороны украинских властей мы ощущали постоянную поддержку и внимание. Так, у нас была встреча с президентом Еврейского совета Украины, и он подчеркнул важность нашего семинара в плане подготовки учителей идиша, который на Украине решительно намерены возрождать. Об этом же говорили на торжественном открытии семинара члены правительства Украины, руководящие работники министерств просвещения, представитель "Сохнута" на Украине Эли Ицхаки.

Здесь же в честь открытия семинара состоялся концерт самобытного ансамбля Киевского театра еврейской песни "Нешомэ", который был очень тепло встречен участниками семинара.

Но большинство культурных программ рождалось внутри нашего, быстро сплотившегося коллектива. Это были, как я уже говорил, импровизированное концерты, возникшие и по поводу дня 9-го Ава, и по поводу встреч царицы-субботы, и по поводу дней рождения наших учителей. Это были вечера знакомств с преподавателями, где Авром Карпинович, Дов Ной, Мордехай Юшковский, другие педагоги рассказывали о себе, о своей деятельности в области еврейской культуры, знакомили со своим творчеством.

Мой вечер, который состоялся за неделю до 12 августа - дня расстрела сталинскими палачами цвета советской еврейском литературы, - я посвятил памяти своей мамы - еврейской поэтессы Любы Вассерман - жертве сталинского террора. Сначала в ее честь звучали фортепианные пьесы еврейских композиторов, среди них и нашей Златы Ткач, а потом мы с Вэлвлом Толпаларем читали на идише ее стихи, в том числе написанные в сталинских застенках, а Игорь Пехович и Сарра Файнштейн - переводы этих стихов на русский язык и иврит. Судя по теплому приему, по тому, что многие семинаристы подходили после концерта и просили визитную карточку с целью пригласить в свои города с этой программой, вечер удался.

И еще о двух последних культурных мероприятиях на семинаре не могу не рассказать. Речь идет об инсценировке оперетты Аврома Гольдфадена “Колдунья” и о заключительном концерте. Когда мы в первый раз встретились с Саррой Файнштейн по поводу “Колдуньи” (она - в качестве режиссера-постановщика, а я - музыкального руководителя), мне казалось, что из этой затеи ничего не выйдет. Я помню с детства досконально “Колдунью” - блистательную, искрометную постановку Биробиджанского ГОСЕТа, требующую от исполнителей и виртуозного владения языком, и актерского мастерства, пения, танцевальной пластики. Откуда все это могло быть у людей, кроме Игоря Пеховича, никакого отношения к театру не имеющих? Но вот началась ежедневная, изнуряющая, порой мучительная работа, отдельно отрабатывались язык, мизансцены, музыкальные номера, и все это шло по вечерам после тяжелейшего дня, состоящего из пяти пар лекций, к которым надо было постоянно готовиться. Ведь участие в спектакле - дело добровольное, и каждый мог отказаться. Но тот поразительней энтузиазм, о котором я уже говорил, и здесь победил! Постепенно контуры спектакля начали вырисовываться, а через три недели наши студенты играли на идише, пели, танцевали, как заправские актеры. Конечно, инсценировку Сарра Файнштейн сделала в укороченном варианте, заменив многие сцены комментариями ведущего (Любовь Перцюк), а недостаток профессионализма наши актеры компенсировали избытком темперамента и рвения, но успех был огромный. Как сказал растроганный Авром Карпинович, чье детство прошло за кулисами знаменитого Вильнюсского еврейского театра, где директором был его отец, когда он увидел на сцене оживших героев “Колдуньи” - Мирэлэ (Жанна Янковская), Маркуса (Игорь Пехович), Гоцмаха (Ефим Выгоднер), мачеху (Вера Гофман), бабу Ягу (Бэлла Тонких), Катеринщика (Элияху из Израиля), Лизу (Юлия Вергунова), кузена (Юра Веденяпин), то он как бы вновь

окунулся в атмосферу своего детства, в атмосферу еврейского театра, и это для него было самым большим подарком на семинаре.

Таким же подарком, по выражению Сарры Лапицкой, был показ на заключительном концерте уже упомянутой музыкально-театральной композиции "Флиендике ойсиес" на музыку Златы Ткач и стихи Лейба Квитко. И, придумывая последнюю мизансцену в заключительном хоре "Идише ойсиес" на стихи Ихила Шрайбмана (кстати, все студенты влюбились в этот хор и потребовали у меня ксерокс нот), где прославляется еврейский "Алэфбэйс" и выдающийся поэт Лейб Квитко, когда наш самый могучий семинарист из Петербурга Семен Иоффе высоко поднимал над собой маленького Мишу Выгоднера, державшего в руках развернутый "Алэфбэйс", я старался театральными средствами передать мысль о преемственности поколений, о том, что идише ойсиес (еврейские буквы), язык идиш - не умрут. А такие летние семинары - залог возрождения и продолжения жизни мамэ-лошн, языка наших незабвенных матерей и отцов, нашего родного языка.

"КЛЭЗФЕСТ" ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В прошлом году я рассказывал о первом в истории СНГ семинаре клезмерской и идишской вокальной музыки, состоявшемся в Петербурге, благодаря спонсорской помощи американского «Фонда развития еврейских общин в странах СНГ».

Очевидно, что резонанс от прошлогоднего «Клезфеста» был достаточно широкий. Как мне рассказали в оргкомитете семинара, на 27 мест в этом году претендовало свыше 90 человек, и потому отбор был чрезвычайно жестким. Кроме музыкальных, вокальных данных, вклада в еврейскую культурную жизнь своего города, учитывалась и география заявок. Оргкомитет старался как можно шире представить карту СНГ, и потому, кроме городов России - Москвы, Петербурга, Тулы, Уфы, Омска, Казани, Костромы, Екатеринбурга, Ижевска, Саратова, Самары - на «Клезфесте» были представлены пять столиц бывших союзных республик: Киев, Минск, Рига, Кишинев и Ташкент. В основном, от каждого города выбирали по одному участнику, и то, что Кишинев был представлен двумя - певцом Ефимом Черным и автором этих строк, - свидетельствует об успехах еврейских музыкантов Молдовы. Заканчивая разговор о географии, хочу упомянуть и девушку из Нью-Йорка Сарру Ферхольт. Сарра - студентка-филолог, но ее хобби - игра на трубе в клезмерских ансамблях. Прочитав в Интернете сообщение о «Клезфесте», она примчалась в Петербург за собственные деньги. Таким образом, если в прошлом году география «Клезфеста» была - от Вильнюса до Иркутска, то в этом году - от Нью-Йорка до Ташкента.

Если уж зашла речь о сравнениях, то нынешний «Клезфест» во многом отличался от предыдущего и по внешним, и по внутренним параметрам. По внешним - гораздо ярче стала реклама «Клезфеста»: его красочная эмблема на трех языках

(идиш, русском и английском) сопровождала нас повсюду - на большом щите в холле гостиницы, на сцене во время наших концертов, на изящной папке для бумаг, которую выдали каждому участнику и на «фирменных» майках, на которых особенно красиво смотрелись еврейские буквы. Эти майки все участники семинара одели на заключительный концерт.

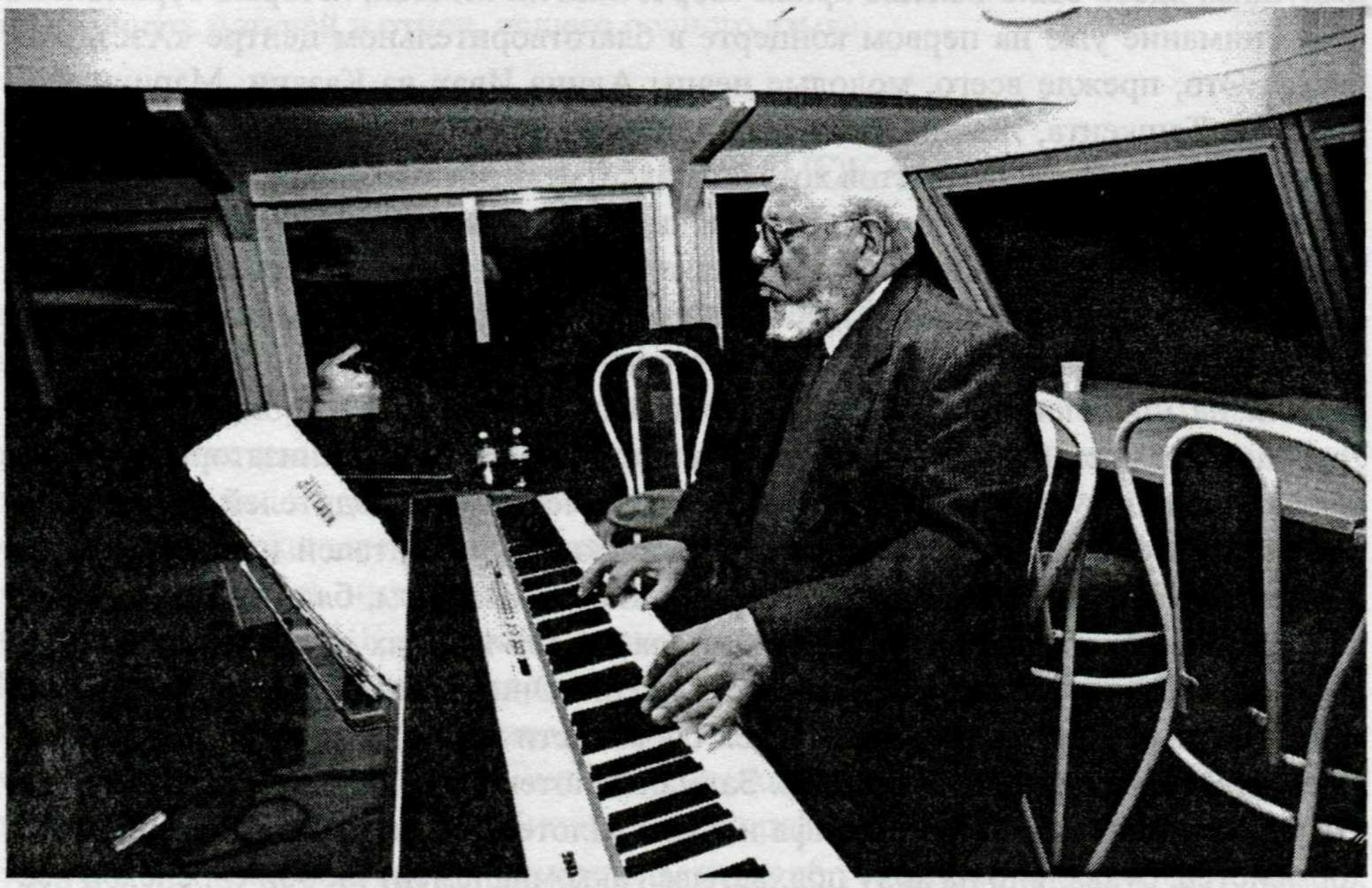
Четко, как и в прошлом году, работала служба быта. Юная Лика Френкель - наш добрый ангел - старалась во всем помочь каждому участнику семинара. Хозяева «Клезфеста» организовали две великолепные экскурсии - «По еврейским местам Санкт-Петербурга» и «Белая ночь на реках и каналах города».

Что касается внутренних параметров - профессионального уровня певцов и музыкантов, прибывших в Петербург, педагогического мастерства преподавателей - то нынешний «Клезфест» мне кажется ступенькой наверх по сравнению с предыдущим. Здесь было больше ярких творческих личностей, которые обратили на себя внимание уже на первом концерте в благотворительном центре «Хэсэд Авраам». Это, прежде всего, молодые певцы Алина Ивах из Казани, Марина Якубович из Ташкента, Жанна Янковская из Омска, Ада Эрми из Риги и наш Ефим Черный. Из инструменталистов хотелось бы отметить великолепного кларнетиста из Самары Александра Родина, клезмерский ансамбль из Тулы, который год назад организовал неутомимый «главный клезмер России» скрипач Леонид Сонц. Он и на этом семинаре вел мастер-класс по клезмерской музыке и отметил, что уровень музыкантов отличался от прошлогоднего в лучшую сторону.

Если на прошлогоднем «Клезфесте» его центральной фигурой была Нехама Лифшицайте - легендарная еврейская певица, то на сей раз организаторы семинара как бы удвоили «ударную силу», пригласив в качестве руководителей мастер-классов двух известных во всем мире американских исполнителей идишской песни Залмана Млотека и Хану Купер. Американские музыканты, благодаря своему таланту, личному обаянию, сумели создать на мастер-классах атмосферу радостного музицирования, праздника еврейской песни. Они делали юным исполнителям много ценных замечаний, касающихся образности пения, характера исполнения, выразительности еврейского языка. Залман Млотек, сын двух замечательных деятелей еврейской культуры Иосифа и Ханы Млотек, - сам прекрасный пианист и хормейстер, буквально на ходу подхватывал аккомпанемент любой еврейской песни и на концертах аккомпанировал многим исполнителям. Кроме индивидуальных занятий с певцами, Хана и Залман вели хор, предложив разнообразные, неизвестные у нас, интересные по музыке хоровые еврейские произведения. Хана Купер прочитала лекцию «Идишская культура сегодня и завтра», а тема лекции Залмана называлась «Исторический и тематический обзор еврейской (идиш) народной и профессиональной музыки». Эти лекции были прослушаны с большим вниманием и вызвали всеобщее одобрение.

И как на прошлом семинаре участие в концертах Нехамы Лифшицайте, так и на нынешнем - Залмана Млотека и Ханы Купер - стало той «изюминкой», доминан-

той, которая привлекла на эти концерты многочисленных слушателей. О последнем, заключительном концерте, состоявшемся в великолепном зале Дома Актера на Невском проспекте, хотелось бы сказать особо. Несмотря на его большую протяженность (около трех часов), несмотря на страшную, от большого скопления народа, духоту в зале, ни один зритель не ушел до конца, все номера принимались с огромным энтузиазмом, возгласы «браво» сопровождали весь концерт, а в финале зрители устроили настоящую овацию. Еврейские народные песни сменялись клезмерскими мелодиями, тон и характер которым задавал своим жарким темпераментом Леонид Сонц. В этом году, в отличие от прошлого, в наших концертах появился и разговорный жанр. Людмила Шолохова - музыковед из Киева - исполнила на отличном идиш фрагменты из повести Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл» и стихотворение Шимона Фруга. Так что идиш звучал не только в песнях.

На ночном теплоходе по Неве, лето 2004 года

На заключительном концерте сложились и своеобразные международные дуэты, причем два из них были связаны с Кишиневом. Один - когда очарованная талантливым исполнением еврейских народных песен нашим бардом Ефимом Черным американская певица Хана Купер предложила ему совместное музицирование, которое прошло «на ура». Другой дуэт – Кишинев - Рига - родился, когда руководители «Клезфеста» предложили автору этих строк подготовить к заключительному концерту несколько еврейских народных песен с певицей Адой Эрми. Судя по при-

ему публики, этот эксперимент удался, а благодарная Ада пригласила меня в Ригу для проведения мастер-класса по еврейской камерной музыке.

Концерт закончился около 11 часов вечера, но публика долго не расходилась. Среди присутствующих были и наши кишиневцы - учителя еврейских школ, находившиеся в Петербурге на учительском семинаре. Затем мы сели в автобус и поехали на набережную Мойки, где нас ждал теплоход для экскурсии по рекам и каналам Петербурга. (Кстати, и время в этом году для «Клезфеста» было выбрано очень удачно. Если в прошлом мае, вместо экскурсии «Мосты повисли над водами» мы получили «Дожди повисли над мостами», то на сей раз мы были свидетелями воочию, как при чудной погоде «одна заря спешит сменить другую».) Эта незабываемая экскурсия явилась мощным финальным аккордом «Клезфеста». Конечно, дивная архитектура старого Петербурга, его дворцы, великолепные здания, мосты, освещенные голубым, чуть потемневшим небом и зеркально отраженные в воде, эта застывшая в камне величественная музыка смотрелась с палубы теплохода совершенно иначе, чем днем, с запруженных транспортом улиц. В ночной панораме была какая-то таинственность, волшебство, необъяснимая притягательность великого города. Но кульминацией всей экскурсии был выход теплохода в Большую Неву к моменту разведения мостов, в 2 часа ночи. К тому времени на теплоходе состоялся прощальный банкет, и, разгоряченные светлой ночью и красным вином, музыканты расчехлили инструменты, и на Неве началось третье отделение концерта, где вместе с еврейскими песнями и клезмерской музыкой разгорелись еврейские танцы, и «фрейлехс» был такой огневой, что проходившие мимо прогулочние теплоходы (а их в этот час было много на Неве) замедляли ход, прислушиваясь к буйному веселью и разливам еврейской музыки, царившей этой ночью на просторах Невы. Мы вернулись в гостиницу в 5 утра, но никто не ложился спать. Начались прощания с новыми друзьями, обмен адресами. Залман и Хана в один голос говорили, что уезжают из Петербурга потрясенными, что хотели бы побыть здесь еще месяц или даже два. Они слышали в Америке, что еврейской культуры в бывшем СССР больше нет, что все евреи выехали, и они едут в культурную «пустыню». А тут им встретилось такое количество талантливых людей из разных регионов, и каждый регион показал свои фольклорные сокровища, свой стиль исполнения. Залман Млотек считает, что руководители «Клезфеста» должны были бы организовать из участников семинара несколько небольших концертных бригад, которые могли бы пропагандировать еврейское музыкальное искусство, разъезжая по регионам бывшего СССР. Ведь когда-то, в начале нашего века, организаторы Общества еврейской народной музыки в Петербурге развернули большую концертную деятельность по всей России. И сейчас Петербург мог бы стать координационным центром пропаганды и развития еврейской музыки. Конечно, для «раскрутки» такой концертной организации нужны средства, которые, впрочем, потом смогут окупиться. Может быть, американский спонсор «Клезфеста» - «Фонд для развития еврейских общин в СНГ», представители

которого Мартин Горвиц очень много сделал для нынешнего и прошлогоднего «Клезфеста», - заинтересуется этим предложением и обратится за помощью к американским еврейским организациям?

Вместе с Мартином Горвицем хотелось бы упомянуть и организаторов «Клезфеста» со стороны Петербургской еврейской общины: Александра Френкеля - директора Еврейского общинного центра Санкт-Петербурга, Евгения Хаздана - директора Центра еврейской музыки, Ларису Печерскую - преподавателя идиш и еврейского песенного фольклора. Всем им искренняя благодарность!

В прошлом году, заканчивая статью о первом «Клезфесте», я написал такую фразу: “Алэвай (Дай Бог), чтобы состоялся следующий «Клезфест»”. Что ж, мое пожелание сбылось. И теперь можно закончить заметки более оптимистичным лозунгом: “«Клезфесту» быть!”.

ВЫШЛИ МЫ ВСЕ ИЗ... МОЛДОВЫ

В конце марта нынешнего года композитор Злата Ткач и автор этих строк получили приглашение от председателей Молдавского землячества в Беер-Шеве Нелли Спивак и Валерия Ластова принять участие в праздничном вечере, посвященном годовщине создания этого объединения репатриантов - выходцев из Молдовы. К сожалению, Злата Ткач по объективным причинам не сумела воспользоваться приглашением, а Ваш покорный слуга, благодаря содействию представителя “Джойнт” в Молдове господина Игаля Котляра и руководителя Республиканской ассоциации еврейских обществ и общин господина Семена Шойхета, сумел прибыть в Беер-Шеву, имея в своем багаже, кроме еврейских нот и книг, четыреста “Мэрцишоров” - символов весны, любви и мира, предназначенных для всех предполагаемых участников вечера.

Скажу сразу, что не все “Мэрцишоры” были востребованы, т.к. публики оказалось меньше, чем надеялись устроители. Из-за очень скромного пока бюджета землячества не удалось взять в аренду объявленный в афише зал торжеств “Несиха” (“Принцесса”), и вечер проходил в маленьком помещении, где недавно справил новоселье отдел культуры Управления по абсорбции новых эмигрантов. Но ни тусклый интерьер, ни отсутствие фортепиано - моего профессионального инструмента, на котором я должен был выступать (вместо него стоял маленький электроорганчик, выглядевший по сравнению с пианино детской скрипочкой по сравнению с контрабасом) не смогли омрачить ту теплую, неофициальную атмосферу встречи, возможность дружеского общения людей, над которыми витал дух их малой Родины - Молдовы.

Первое, что бросилось в глаза при входе в зал - большой фотомонтаж, занимавший всю стену под броским названием “Вышли мы все из... Молдовы!” На снимках бывшего кишиневского фотожурналиста Израиля Земшмана запечатлены

пейзажи Молдовы, ее сады и виноградники, архитектурные памятники. И вот это зримое "присутствие" Молдовы на вечере, эта молдавская "нота" в оформлении дали зачин всему торжеству. В зале сидели "знакомые все лица" - музыканты, врачи, журналисты, с которыми недавно мы встречались в Кишиневе, и это еще более усиливало впечатление, что ты находишься не в далёкой Беер-Шеве на границе с пустыней Негев, а в Кишиневском благотворительном центре "Хесед", на одном из его воскресных вечеров.

Там часто выступал очень активный волонтер, самодеятельный певец Юрий Фиксон. И вот уже на вечере в Беер-Шеве Фиксон поет свой излюбленный репертуар - "Окий тэей фрумошь" Шико Аранова, "Песню об Израиле" молдавского композитора Олега Негруци, его же "Суббота" на стихи Моисея Лемстера. Вообще, кишиневский, а ныне израильский поэт Моисей Лемстер оказался одним из главных авторов художественной части вечера. Кроме песен на его слова прозвучали и замечательные идишские стихи о Молдове из сборника "Еврейский дождь" в переводе на русский язык Рудольфа Ольшевского, которые выразительно прочитал в сопровождении скрипачки Инны Барабаш бывший житель Рыбницы Борис Винник.

Музыкальные и литературные номера перемежались с выступлениями лидеров молдавского землячества. Так, Нелли Спивак коротко рассказала о проделанной за год работе Объединенния репатриантов - выходцев из Молдовы, а Валерий Ластов рассказал о создании Всеизраильского Молдавского землячества. В начале марта в городе Реховоте в присутствии представителей 19 городов Израиля прошел Учредительный съезд, на котором был принят устав землячества и были выбраны руководящие органы. Председателем Правления избрали Леонида Балцана - бывшего кишиневского журналиста и председателя Правления Кишиневского общества еврейской культуры, ныне жителя Ришон Ле-Циона, занимающегося издательской деятельностью.

Самое крупное мероприятие, которое планирует Всеизраильское молдавское землячество - провести в начале июня в Тель-Авиве съезд выходцев из Молдовы, на который приглашены наши известные земляки - депутаты кнессета, представители министерств, руководители различных Ассоциаций.

И, наконец, о моем участии в вечере. По программе я должен был показать фрагменты из композиции "Слово и мелодия" и ответить на вопросы о нынешнем состоянии дел в Молдове. В первой части программы - "мелодия", - я исполнил яркое зажигательное произведение еврейского композитора Юлия Энгеля "Танец нищих". И хотя этот танец был написан в начале 20 века, я сказал, что его название вполне подходит к нам - нынешним жителям Молдовы - евреям и неевреям. Так что ответ на вопрос о положении в Молдове был дан исчерпывающий. Наши земляки и сами прекрасно знают о наших бедах, сочувствуют нам и выражают надежду на изменение положения к лучшему.

Что касается другой части программы - "Слово", - то в ней я рассказал о траги-

ческой судьбе в бывшем Советском Союзе своей мамы - еврейской поэтессы Любы Вассерман, читал ее лагерные (она отсидела 7 лет в сталинском ГУЛАГе) стихи на идиш с переводом на русский язык. Возможно, мой рассказ и мамины стихи не совсем вписывались в праздничную атмосферу вечера встречи земляков, но мне хочется, чтобы как можно больше людей узнали о судьбе еврейской поэтессы, и я считаю своим сыновьим долгом пропагандировать ее творчество.

А закончить эти заметки мне хотелось бы стихотворением нашего земляка из Сорок, руководителя Сорокского землячества в Израиле и редактора бюллетеня "Голос бессарабских евреев" Давида Хахама. Мне показалось, что при своей простоте и художественной непритязательности они очень искренни, и отвечают ностальгическим чувствам большинства наших земляков в Израиле:

Молдавия! Ты - родина моя!
Тебя во веки не забуду я!
Учился там, работал много лет,
И лучше места на планете нет!
Но я - еврей! Израиль теперь мой дом,
Я здесь живу и думаю о том,
Как обе родины мне в сердце сохранить,
В единую любовь объединить!

НА ЕВРЕЙСКОМ ФЕСТИВАЛЕ В МОСКВЕ

Первый шаг для поездки в Москву на 5-й Международный фестиваль еврейского детского и юношеского художественного творчества был сделан весной 2000-го в стенах Общинного центра при библиотеке им.И.Мангера. В ходе занятий в творческой мастерской по подготовке еврейских музыкальных программ (которой я руковожу), обратил внимание на 11-летнего мальчика, солиста хорового ансамбля "Халом", организованного при Центре. Слушая его, вспомнил, что видел Женю Красовского на спектаклях Кишиневского оперного театра, где он явно выделялся в детском хоре в "Кармен", "Пиковой даме", "Щелкунчике". В дальнейшем я убедился, что при отличных вокальных данных, Женя обладает подлинным артистизмом, чувством сцены, которая его не смущает, а наоборот вдохновляет. На этих двух "китах" мы и построили свою работу над программой еврейских песен.

Прошло полгода напряженной работы, и уже осенью мы начали выступать на концертах еврейской общины - в Идиш-Центре, на праздниках Рош Ашана, Ханука, в музыкальном клубе МЕА "Сохнут". И везде с неизменным успехом.

Когда мы узнали, что весной в Москве пройдет 5-й Международный фестиваль еврейского детского и юношеского творчества, организованного Московским еврейским Центром искусств под патронажем главного раввина России Адольфа

Шаевича, послали туда заявку и видеокассету с выступлением Жени на большом ханукальном празднике. И вскоре получили приглашение. Подробно о фестивале рассказал руководитель его Оргкомитета, председатель правления "Еврейского Центра искусств", известный еврейский музыкант Владимир Плисс во время нашей встречи в Москве:

- С самого начала фестивали замышлялись как объединяющие детское и юношеское еврейское искусство на всем пространстве бывшего Союза. Идея фестиваля связана не столько с яркостью и театральностью концертных программ, сколько со стимулированием творчества еврейских коллективов в своих общинах. Если дети - участники танцевального, вокального, инструментального ансамблей, художественных мастерских - знают, что через полгода они должны продемонстрировать свое искусство в состязании с ровесниками из разных стран в Москве - городе с высоким уровнем культурных традиций, это заставляет их думать, работать, они активно участвуют в творческом поиске новых идей, интересного репертуара. И это самое главное в фестивалях. Мы считаем, что приезд детей, молодежи на фестиваль - хотя и скромная, но награда за их благородный труд.

Нынешний собрал около четырехсот пятидесяти участников. Представлены еврейские общины Москвы, Петербурга, Воронежа, Казани, Саратова, Самары (Россия), Полтавы, Луганска, Ужгорода, Харькова, Винницы (Украина), а также Израиля, Белоруссии, Грузии, Латвии, Молдовы, Узбекистана. О Молдове хочу сказать с особой теплотой - ее коллективы участвуют во всех пяти фестивалях. Я в свое время был поражен теми традициями, которые сохранились у канторов из Молдовы, Румынии. Я учился у них, в частности у Иосифа Портного, и очень рад, что в Молдове еще существует идишское языковое пространство, которого нет, к сожалению, в Москве. Поэтому мы рады, что приехал ваш маленьский солист Женя Красовский, поющий на идише, и хореографический коллектив "Кинэрэт" из Израильского культурного Центра.

Мы хотим, - сказал в заключение В.Плисс, - чтобы юные артисты из еврейской общины Молдовы всегда были на наших фестивалях, потому что в прошлом они проявили себя прекрасно, и мы надеемся, что так же будет и на этом фестивале".

Скажу сразу, что Женя Красовский оправдал эти надежды и надежды тех, кто его готовил к выступлениям и "болел" за него в Кишиневе. Уже в первый день, приехав прямо с Киевского вокзала в Московскую хоральную синагогу, мы приняли участие в большом концерте, посвященном открытию фестиваля. Женя спел известную песню на стихи Иосифа Керлера "Ам исроэл хай!" и сразу вызвал горячие аплодисменты прихожан и гостей синагоги.

В дальнейшем, на отборочных прослушиваниях к заключительному концерту главный режиссер фестиваля Александр Песин не переставал восхищаться вокальным и актерским талантом юного певца из Кишинева. Когда Женя пел песню Германа Яблокова "Купите, койфт же папиросн", я заметил, что главный режиссер, не стесняясь присутствующих, вытирал глаза, полные слез. Такой же шумный успех

ожидал Женю и на гала-концерте, где он выступал сразу за Иосифом Кобзоном. Женя просто "завел" публику, с потрясающим артистизмом исполнив веселую народную песню "Бин их мир а шнайдерл" ("Я - портняжка"). Его долго не отпускали со сцены, а в результате мы получили дипломы лауреатов фестиваля.

Чтобы меня не обвинили в субъективности, хочу привести здесь слова главного кантора Санкт-Петербургской хоральной синагоги Баруха Финкельштейна, сказанные во время "круглого стола":

- Великолепный мальчик из Кишинева Женя Красовский! Прекрасный голос и отличный язык идиш, он понимает все, что поет. Это очень приятно, ведь то, что идишская культура прививается с раннего возраста, сейчас редкое явление. И слава Б-гу, что есть такой человек, как Серго, который работает в этом плане, - идишская культура не должна умереть. Идиш на Международном конгрессе ЮНЕСКО был признан одним из международных языков, а культура на идише просто богатейшая!

К сожалению, на этом фестивале идиш был представлен довольно скромно. Кроме Жени, песни на этом языке звучали в исполнении вокального ансамбля из Саратова "Лихтэлэх" ("Свечечки"), а стихи на идише Хаима Нахмана Бялика и Давида Гофштейна читал Миша Выгоднер из Бершади, Винницкой области.

Идишская музыка звучала во многих хореографических и инструментальных номерах, хотя знаменитая песня "А идише мамэ" в исполнении камерного оркестра из Ташкента показалась без слов довольно монотонной. Сильное впечатление оставило выступление ансамбля народной песни и танца "Ионат ха Шалом" из Тбилиси. Его участники - юноши от 16 до 21 года - покорили своим профессионализмом и самобытной культурой. Грузинское многоголосное пение, зажигательные танцы не оставили никого равнодушными.

Если рассказывать о каждом из исполнительских коллективов - а их было около двадцати, - не хватит и газетной полосы. Все-таки не могу не отметить два ансамбля из Петербурга - вокальный "Теила" и инструментальный "Клезмер", подкупающие высокой исполнительской культурой.

И еще об одном мероприятии в рамках 5-го Международного фестиваля хочется упомянуть. Речь идет о художественной выставке в Центральном Доме художника. Талантливые еврейские дети представили на суд зрителей картины, написанные в разной технике, отразившие широкую тематику, но объединенные еврейской идеей. И здесь мне особенно приятно назвать девочку из Кишинева Сашу Работу, чьи картины на библейскую тему "Бал Эстэр", "Египетское рабство" и др. заняли одно из центральных мест на этой выставке.

В насыщенную программу фестиваля входили посещение московских театров, экскурсия по Москве, во время которой мы побывали на субботней службе в мемориальной синагоге на Поклонной горе, и встреча царицы субботы. Был проведен "круглый стол", где руководители из всех городов рассказывали о своих проблемах и бедах, выдвигали идеи и предложения о сотрудничестве. Интересной показалась

мысль о создании в Москве еврейской филармонии, объединяющей все еврейские творческие силы на территории бывшего СССР. Осталось дело за "малым" - найти спонсора под этот проект.

Наши встречи на фестивале, обмен репертуаром, творческими планами - живая кровь общения во времена искусственно созданной политиками разобщенности - дают серьезный импульс для активного сотрудничества в будущем. И в этом - один из главных результатов 5-го Международного фестиваля еврейского детского творчества.

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...

(путевые заметки)

Маршрут моих гастролей в конце прошлого и начале нынешнего годов по километражу занял полземного шара - Молдова - Дальний Восток, а оттуда - с коротким заездом в Молдову - Ближний Восток. Конкретнее: фестиваль еврейской культуры в Биробиджане, а после него - концерты в Израиле по приглашению молдавского землячества, т.е. евреев - выходцев из Молдовы. Сказать, что эти поездки были увеселительной прогулкой, - значит погрешить против истины. Судите сами - перелет Кишинев-Москва-Хабаровск занял 11 часов летного времени и еще 3 часа автобусом до Биробиджана, а там за три дня пребывания - три ответственных концерта при том, что разница во времени с Кишиневом в восемь часов постоянно сказывалась на биологическом ритме: когда в Биробиджане был полдень - страшно хотелось спать, а ночью, как говорится, сна ни в одном глазу. В Израиле же, хоть он находится в том же часовом поясе, что и Молдова, мы испытывали не меньшие перегрузки, потому что за две недели пребывания там пришлось дать семь концертов в семи городах страны, т.е. постоянные переезды с одного места в другое, постоянное общение с огромным количеством людей - наших земляков, все это не могло не сказаться на физическом самочувствии. Но морально, духовно дальнеближневосточное турне дали такой заряд творческой энергии, такой стимул для работы, что хочется вновь и вновь учить новые концертные программы, чтобы радовать слушателей лучшими образцами еврейской музыки.

Концерты моей группы "Ворт ун нигн" ("Слово и мелодия") в Биробиджане и Израиле подтвердили нашу востребованность в еврейском искусстве, и вместе с тем они обогатили меня и двух молодых солисток - Анжелу Пихут и Инну Лось - моих воспитанниц по Молдавскому университету искусств и по творческим мастерским при Еврейском общинном центре - новыми знакомствами с интересными, именитыми людьми. Так, на биробиджанском фестивале мы познакомились с известным писателем из Москвы Матвеем Гейзером, автором великолепной книги "Жизнь и смерть Соломона Михоэлса"- о великом еврейском артисте. Большое впечатление произвел на нас документальный фильм "В субботу я король", рас-

сказывающий о жизни еврейского местечка. Его автор - московский кинорежиссер Владимир Двинский, получивший за этот фильм несколько престижных премий, оказался на редкость добрым, компанейским человеком, с большим зарядом юмора. Таким же юмористом, хохмачом проявил себя художественный руководитель Московского еврейского театра "Шалом" Александр Левенбук (многие радиослушатели бывшего СССР помнят его еще как "радионяню"). На фестивале он выступил в разговорном жанре, разбавляя многочисленные музыкальные номера еврейскими анекдотами. Один из них Левенбук рассказал автору этих строк для его радиопередачи "Еврейская жизнь": как-то еврей пришел к колдуну и просит снять проклятие, которое висит на нем уже сорок лет. Колдун соглашается, но при условии, что еврей должен вспомнить каждое слово проклятия. Еврей клянется, что помнит все дословно: "Объявляю вас мужем и женой!"

И еще одно знакомство - с известными эстрадными певцами Аллой Иошпой и Стаханом Рахимовым. Наша группа "Ворт ун нигн" выступила с ними в Биробиджане в одном концерте. Как трогательно пела эта супружеская пара - еврейка и узбек на русском языке еврейские песни! Но всех - и участников фестиваля, и зрителей "уложило на лопатки" трио певцов из Китая, певших на чистейшем идише!

И еще одна встреча в Биробиджане, которая имела свое продолжение в Израиле. Речь идет об израильских музыкантах певице Рут Левин и скрипаче Моти Шмите. Именно Рут Левин и Моти Шмит оказались наиболее близкими по своим творческим устремлениям нашей группе "Ворт ун нигн", так как они, как и мы, пропагандируют еврейскую камерную музыку. К сожалению, в Израиле мы общались с этой супружеской парой только по телефону, так как насыщенный график концертов не позволил заехать к ним в гости в Иерусалим.

В Израиле, после суровых зимних морозов в Молдове, мы попали в настоящее лето. В Тель-Авиве, в Ашдоде было +20 градусов, а море +18. Конечно, январь для Израиля - не купальный сезон, но мы видели достаточно купающихся. Как нам объяснили, это купались "русские", так в Израиле называют всех евреев - выходцев из бывшего СССР. После заснеженного Кишинева так непривычно было видеть зеленые рощи, где деревья усыпаны мандаринами, апельсинами, лимонами. Ощущение, что ты попал в райскую страну. Но рай этот находится на вулкане арабского терроризма, и извержения то там, то здесь происходят почти каждый день. Слава Богу, в дни нашего пребывания в Израиле было тихо, но эта спокойная обстановка через несколько дней опять нарушилась терактами.

Какую действительно проблему мы почувствовали на себе, так это - "пробки" на дорогах. Несмотря на широкие шоссе и многочисленные развязки на них, Израиль буквально задыхается от огромного количества машин, бегающих по стране. Из-за пробок мы чуть не опоздали на концерты в Тель-Авив и Беер-Шеву, а в Реховоте зрителям пришлось ждать нас целый час. Благо, что по мобильному телефону из автомобиля мы докладывали обстановку на дороге, и публика терпеливо ждала. Уж очень хотелось нашим землякам получить живой привет из родной Молдовы в

виде еврейских песен и стихов, объявленных в нашей программе.

Особым успехом пользовались песни Златы Ткач о еврейских местечках Молдовы "Приезжайте к нам в Капрешты" на стихи Иосифа Керлера и "Местечко Единцы" на стихи Паулины Анчель-Барочиной. На каждом концерте, в каждом городе я спрашивал у публики - есть ли в зале выходцы из этих местечек! И всегда находились несколько человек, благодаривших нас со слезами на глазах за память об их малой Родине. Своеобразный колорит нашим программам придавала литературная часть, где я читал на идиш в оригинале и в прекрасном переводе на русский язык Юрия Павлова стихи своей незабвенной мамы - еврейской поэтессы Любы Вассерман. Иногда, переполненные эмоциями, люди выходили на сцену после нашего выступления, и окончание концерта превращалось в стихийный митинг. Так было почти во всех городах, где мы выступали, но особенно запомнилась встреча в Беер-Шеве, где собрались вместе два землячества - молдавское и биробиджанское. Их руководители - бывшие журналисты Нелли Спивак из Кишинева и Давид Вайсерман из Биробиджана - ныне работники городского отдела абсорбции - сделали все, чтобы вечер прошел как можно теплее. И столько людей из Молдовы и Биробиджана хотели сказать свое слово, выступить со своими воспоминаниями, что в конце концов я начал путать, где общался с этими людьми - в Кишиневе или на Дальнем Востоке.

Не могу не вспомнить и наш концерт в Тель-Авиве. К сожалению, в этом самом большом городе Израиля нет у бессарабского землячества своего отделения, поэтому некому было собирать публику, как в других городах. Но, несмотря на малое количество зрителей, нас порадовало их "качество" - на концерт пришел наш знаменитый земляк - писатель Ефрем Баух - и очень тепло отозвался о молдавских исполнителях. Такие же теплые слова мы услышали от советника посольства Молдовы в Израиле Аркадия Пасечника и его жены Вики Давидзон, от известной израильской журналистки, актрисы и певицы Леи Шлангер, от моей бывшей коллеги по Молдавской консерватории, ныне профессора Тель-Авивского университета Изольды Милютиной, которая написала большую статью о наших гастролях в еженедельное приложение "Еврейский камертон" к самой крупной русскоязычной газете Израиля "Новости недели". Кстати, "Еврейский камертон" редактирует наш земляк Александр Бродский.

И в заключение, чтобы меня не обвинили в субъективности, хочу привести здесь официальный отзыв, пересланный из Израиля в адрес руководства молдавского отделения "Джойнт" и республиканской Ассоциации еврейских общин и организаций, приложивших много усилий для организации нашей поездки в Израиль:

"В соответствии с Договором о деловом и культурном сотрудничестве между Объединением землячеств выходцев из Молдовы в Израиле и Ассоциацией еврейских организаций и общин Республики Молдова, заключенном летом 2001 года, мы были рады принимать в Израиле творческую группу "Ворт ун нигн", созданную более 10 лет назад большим энтузиастом языка идиш, талантливым пианистом, пе-

дагогом, музыкальным критиком Серго Бенгельсдорфом. Он и молодая одаренная певица Анжела Пихут с большим успехом выступили в семи городах Израиля. На каждом выступлении группы побывали примерно 100-150 человек. По моим сведениям, все присутствующие остались довольны встречей с данным коллективом, отмечая его высокий профессиональный уровень и мастерство.

Мы благодарны всем еврейским организациям Молдовы, Американскому еврейскому распределительному комитету "Джойнт" за оказанную помощь в доставке творческой группы "Ворт ун нигн" в Израиль. Благодарим Серго Бенгельсдорфа и Анжелу Пихут за то удовольствие, которое они доставили нашим землякам своими выступлениями.

Давид Хахам, исполнительный директор Объединения землячеств выходцев из Молдовы".

И ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...

1. Назло Залману Млотеку!

У немецкого композитора-классика Франца Шуберта есть вокальный цикл «Прекрасная мельничиха», и первая песня цикла начинается словами: «В движении мельник жизнь ведет, в движении!». Это - про меня. Не в смысле мельника, а в смысле того, что всю свою жизнь я непрестанно нахожусь в движении, муза странствий не дает до сих пор покоя, и страсть к путешествиям - не одна, но пламенная. Новые впечатления, люди, города, страны мне интересны и как журналисту, и как музыканту, и по первому зову я всегда готов двинуться в дорогу.

В этом плане Америка меня меньше интересовала, так как когда-то, 25 лет назад мы с женой провели в Нью-Йорке у своих родственников полтора месяца и «облазили» город Большого Яблока вдоль и поперек. Конечно, Нью-Йорк - это еще не вся Америка, но представление об американском образе жизни, о «загнивающем» капитализме я уже имел. (Мы тогда подлетали к Нью-Йорку со стороны океана ночью и были поражены, после мрачной и темной Москвы, океаном света, открывшемся под крылом. «Ничего себе загнивают!» - обменялись мы с женой восторженными восклицаниями.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. В данном случае Бог послал мне неприятные переживания, после которых я принял решение, во что бы то ни стало поехать в Америку. Дело в том, что на один из Петербургских «Клэзфестов» я привез свою очередную ученицу, тогда еще делавшую первые шаги в еврейской музыке - Анжелу Пихут. Там ее услышал известный американский еврейский хормейстер и пианист Залман Млотек, который вел на «Клэзфесте» мастер-класс по еврейской песне. Анжела ему очень понравилась, он поздравил меня с отличной подготовкой молодой певицы и в смысле исполнения, и в смыс-

ле языка идиш, но когда на следующий год он пригласил Анжелу среди лучших исполнителей «Клэзфеста» на концерты в Америку, то про меня как-то зыбыл. Понятно, что Залману Млотеку, самому отлично играющему на рояле, не нужен был еще один пианист, но все-таки какие-то правила этики, когда ты приглашаешь ученицу - посоветоваться с ее воспитателем хотя бы по поводу предстоящих концертов - должны существовать. Но не для американцев, и я в этом убеждался уже не единожды. Короче, как писал Михаил Зощенко в юмористическом рассказе, «он ничего не сказал, но в душе затаил некоторое хамство». А тут еще мои «приятели» по Кишиневской кеиле выражали «сочувствие», что моя ученица поехала в Америку, а меня не взяли. И тогда родилось решение, назло Залману Млотеку самому поехать в Америку со своей программой «Ворт ун нигн» ("Слово и мелодия"), где я играю на рояле еврейскую фортепианную музыку и читаю на идиш и на русском стихи своей незабвенной мамы - еврейской поэтессы Любы Вассерман. Тем более, что программа эта была апробирована в Молдове, Израиле, Швеции, и везде была тепло принята.

2. Дорога в Америку.

Об обиде на Млотека и о желании ему «отомстить» я написал в Детройт своей бывшей ученице и коллеге по концертам еврейской музыки Ирине Мишуре. Об этой выдающейся певице, ставшей в Америке суперстар, я недавно написал большой очерк «Она стояла у истоков», поэтому не буду повторяться. Ирина, не медля, прислала мне вызов и подкрепила его суммой денег на билет до Нью-Йорка. Единственная ее просьба была, чтобы я совместил свое пребывание в Нью-Йорке с ее выступлениями в знаменитой «Метрополитен-опера». Ей хотелось, чтобы ее учитель и друг послушал ее в спектаклях одного из лучших оперных театров мира. Мы договорились о встрече в феврале, когда Ирина пела в пяти спектаклях «Мет» Азучену в «Трубадуре».

Получив визу и купив билет, я связался с Борисом Сандлером - главным редактором американской идишской газеты «Форвэртс» - самой крупной идишской газеты в мире, выходящей раз в неделю на 24 страницах. С Борей Сандлером нас связывает многолетняя творческая и личная дружба, которая началась, когда он был еще студентом Кишиневского музыкального училища им.Няги, а я - молодым педагогом этого учебного заведения! Она продолжалась, и когда Борис переехал с семьей в Израиль, и когда он получил должность главного редактора «Форвэртса». Борис буквально перевернул эту газету, превратив ее в очень интересную и по содержанию, и по форме. И я горжусь тем, что на страницах «Форвэртса» довольно часто появляются мои материалы, связанные как с жизнью евреев Молдовы, так и других стран СНГ, куда меня забрасывает судьба музыканта и журналиста.

Борис сразу пообещал мне два концерта в Нью-Йорке и встречу в его радиопрограмме «Форвэртс-шо» («Час Форвэртса»). Поэтому, встав на крыло, я уже знал,

что «мой ответ Чемберлену» - т.е. Залману Млотеку - не заставит себя ждать.

3. Полет над Атлантикой.

Сказать, что перелет из Старого света в Новый - легкая прогулка, было бы большой натяжкой. Я добирался из Кишинева до Нью-Йорка почти сутки, которые сложились из перелета до Будапешта (2 часа), ожидания рейса на Нью-Йорк (6 часов), и полета из Будапешта в Нью-Йорк (9,5 часа). Поэтому, сев в «Боинг» в Будапеште, мной владела только одна мысль - поскорее уснуть. Но не тут-то было. Вышколенные стюардессы и стюарды с самого начала полета развернули такую бурную деятельность, что я невольно вспомнил анекдот про старого, больного еврея-эмигранта, которого американские родственники поместили в Нью-Йорке в больницу. Когда после советского ненавязчивого сервиса ему меняли три раза в день постельное белье, он не выдержал и начал кричать: «Антисемиты, прекратите издеваться надо мной!»

Так было и в «Боинге». Не успели взлететь, начали разносить напитки и аперитивы, только закончили с этим - раздали меню, чтобы ты мог сам, по своему вкусу заказать ланч. Кормили на убой, причем, перед каждым приемом пищи раздавали пинцетом лежащие на подносе горячие салфетки. Вот эти салфетки меня и доконали. Ну, зачем, спрашивается, горячие салфетки, когда можно пойти в благоухающий цветами туалет и помыть руки перед едой в горячей и холодной воде! Нет, сдались им эти салфетки, которые потом опять же в перчатках убирались. Конечно, это юмор, сервис, действительно, великолепный, все направлено на то, чтобы постоянно занимать чем-то пассажиров, скрашивая дальность перелета. Для этого в перерывах между юморными фильмами и мультипликацией постоянно на экране возникала карта маршрута, где было видно, в каком месте, над какой страной в данный момент пролетает наш самолет, с какой скоростью он летит, сколько пролетел и сколько осталось и по времени, и по расстоянию.

Так как мы летели на Запад, то время, казалось, остановилось. Вылетев в час дня из Будапешта и пролетев столько времени, мы прибыли в Нью-Йорк в 3 часа дня, прожив в эти сутки на 7 часов больше. Но свой биологический ритм не обманешь!

Едва только мой друг Михаил Тейтельбаум, у которого я жил 3 недели в Нью-Йорке, привез меня к себе домой, я упал, как убитый, и проспал до следующего утра, уже по нью-йоркскому времени.

4. Михаил Тейтельбаум и Боро-парк.

Думаю, что многие кишиневцы, оперные певцы, поклонники оперного искусства помнят еще главного администратора Молдавского оперного театра 60-х - начала 70-х годов Михаила Тейтельбаума. Это был настоящий фанат, влюбленный в оперу, знавший наизусть многие спектакли, обожавший талантливых певиц и

певцов, блестящий организатор гастролей и выездных концертов театра. Вместе со своим помощником Павлом Гульковичем они так «заделывали» гастроли на необъятных просторах нашей бывшей страны, что театр всегда возвращался домой и с чувством творческого удовлетворения, и с перевыполнением финансового плана. Миша до сих пор вспоминает об этом времени, как о лучших годах своей жизни, о дружбе с Марией Биешу, Тамарой Алешиной, Людмилой Ерофеевой, Борисом Раисовым, Михаилом Мунтяном...

С Павлом Гульковичем Михаила связывают до сих пор теплые, искренние отношения, и в какой бы город бывшего СССР ни приезжал Михаил по делам, он всегда вызывает из Кишинева «на свидание» своего старого друга.

В Америке Тейтельбаум не пропал. Он уже почти 30 лет работает клерком в одном из ведущих банков Нью-Йорка на 5-й Авеню, зарекомендовал себя очень добросовестным и знающим работником, и когда несколько лет назад он собрался было выходить на пенсию, хозяева банка тут же вернули его, сказав, что не могут без него обойтись. Занимается Михаил и продюсерской деятельностью, пропагандируя и в Америке, и в странах СНГ творчество своего родственника - известного американского композитора Стивена Гербера.

Принял меня Михаил чудесно. Почти месяц я провел у него и чувствовал себя, как дома. Он по-прежнему интересуется искусством, и мы были с ним несколько раз на концертах камерной музыки в знаменитом «Карнеги-холле», на спектакле в «Метрополитен-опере», где замечательно пела Ирина Мишура. Встретились мы и со Стивеном Гербером, с которым я познакомился в Кишиневе 10 лет назад, когда Михаил привез его на авторский концерт. Наша встреча в Нью-Йорке состоялась в кафе «Ла фортуна», находящемся недалеко от «Метрополитен-опера». Это кафе знаменито тем, что его посещали после выступления в театре великие дирижеры и певцы - Тито Руффо, Шаляпин, Марио дель Монако - и все они оставляли там свои автографы и пластинки. Теперь все стены этого небольшого, уютного кафе увешаны их автографами, взятыми под рамку, и старыми пластинками.

Благодаря тому, что квартира Тейтельбаума находится в примечательном районе Нью-Йорка - Боро-парке, я соприкоснулся на месяц с жизнью религиозных евреев, компактно проживающих здесь.

Уже в первом выходе на улицу по прибытии в Боро-парк мне показалось, что я попал в Меа шерим в Иерусалиме или в Бней-Брак под Тель-Авивом (это два крупнейших района обитания верующих евреев в Израиле). В каждом квартале - своя синагога, в Боро-парке их свыше 200, по улицам ходят евреи с пейсами, одетые в традиционные еврейские одежды - в черные лапсердаки, черные шляпы, а когда идет дождь или снег они надевают, чтобы не намочить шляпы, прозрачные пластмассовые колпаки, что напоминает шлемы космонавтов, и создается впечатление, что весь Боро-парк населен космонавтами.

Но что меня по-настоящему потрясло и тронуло, это общение между собой на идиш. Да, идиш в Боро-парке живет и процветает. Как говорят сами хасиды - ив-

рит - лошн-койдеш - это язык молитв для общения с Богом, а идиш - мамэ-лошн - для общения друг с другом. Поэтому с идишем я чувствовал себя в Боро-парке своим человеком - объяснялся в магазинах с продавцами, находил нужную улицу, спрашивая остановки автобуса или метро. Меня умиляли в Боро-парке школьные автобусы, где на боках все надписи еврейскими буквами - к какой ишиве приписан данный автобус. За рулем сидят обросшие длинными бородами в ермолках шоферы, которых в старые времена называли бы балагулами (извозчиками), а на остановке из автобуса начинают выскакивать маленькие пейсатые еврейчики - хасидики, говорящие на идиш. Я восторгался этими картинками из жизни так же, как и шабатом в Боро-парке, когда в пятницу после обеда все мужчины покупали и несли домой роскошные букеты цветов, потом одевались в праздничные одежды и шли в синагоги, а в субботу эти большие семьи (впереди важно вышагивали папа с мамой, а за ними куча детей – мал-мала меньше) степенно шли друг к другу в гости. Автомобильное движение в субботу в Боро-парке замирает, да и лифтами в домах почти никто не пользуется, надо ходить на своих двоих.

И, заканчивая тему Боро-парка, не могу не вспомнить хасидскую свадьбу, на которую меня взял с собой Миша Тейтельбаум. Признаюсь, что такой свадьбы я никогда не видал. Вот это было зрелище!

Кругом черные шляпы и сюртуки, мужчины ждут хупы в одном зале, женщины - в другом. Потом все собираются вместе, но сидят по разные стороны от прохода, под хупой становится красавица-невеста и библейского вида юноша с пейсами и бородкой. А хупа такой красоты, что и не описать! Вся увита белыми и красными розами. Миша сказал, что такая хупа стоит не меньше 5 тысяч долларов. Шесть раввинов читали молодым свою браху. А потом в ресторане шла гульба: после водки и изумительных кашерных блюд юные хасиды - друзья жениха вместе с ним так пели и плясали, что я испугался, как бы под ними не рухнул пол 2-го этажа, где проходил банкет.

Единственное, что для меня было непривычно, так это отсутствие женщин, включая невесту. Они в это время веселились за перегородкой, которая разделила банкетный зал пополам. И только по звукам музыки и шумам, раздававшимся за ширмой, можно было догадываться, что там происходит.

5. Борис Сандлер и «Форвэртс».

Два ангела-хранителя сопровождали меня в Америке – Ира Мишура и Боря Сандлер. И если Ирина, в основном, заботилась о материальной стороне моего пребывания в Штатах (жилье, питание, переезды), хотя и в творческом плане были с ней два незабываемых концерта в Нью-Йорке и Детройте, то Борис постоянно подкидывал мне порции духовной пищи. Я имею в виду встречу в редакции «Форвэртса», в уютном зале которого прошел наш совместный с Ириной концерт, а ведущим на нем был сам Борис, и на следующий день в идишском «Форвэртсе» появилась заметка журналиста Ицика Готесмана, что «такого концерта уже давно

не было на еврейской улице Нью-Йорка». Я имею в виду и мое выступление в Бронксе в «Культурном центре имени Шолом-Алейхема», где рассказ на идиш о жизни и творчестве моей незабвенной мамы - еврейской поэтессы Любы Вассерман, а также чтение (опять же только на идиш) ее стихов, и игра на рояле еврейской музыки произвели самое благоприятное впечатление. И это может подтвердить наш бард Ефим Черный, с которым судьба свела нас в одном концерте в Бронксе вместе с пианисткой Сюзанной Геркус, их принимали там с неменьшим успехом. Так что еврейский десант из Кишинева на берегах Гудзона проявил себя весьма достойно. Кстати, на этом концерте присутствовал и сам Залман Млотек, он обнимал и поздравлял меня, а я сказал, что он прощен и реабилитирован, потому что реванш состоялся. Он не очень понял, что я имел в виду, а у меня внутри все торжествовало.

Кроме этих встреч, Борис помог организовать и мой вечер в еврейском культурном центре Детройта, где я встретил много наших земляков, и среди них Риву Латинскую - директора этого центра. Во время встречи все они интересовались жизнью в Молдове, переживали за тяжелые испытания, выпавшие на нашу долю, с теплотой вспоминали Кишинев, просили передать приветы общим знакомым. Об этом же шла речь и в моих многочисленных встречах с бывшими коллегами по работе, добрыми знакомыми по Кишиневу, в трех радиоинтервью, данных для трех радиостанций Нью-Йорка. Самым интересным, конечно, было своеобразное интервью дуплетом на радиопрограмме «Форвэртс-шо» («Час Форвэртса»), которую ведет Борис Сандлер параллельно с работой главного редактора газеты. С одной стороны, я давал ему интервью о своем творчестве, о жизни в Молдове, а с другой - он отвечал на вопросы для моей радиопрограммы «Идиш лэбн» («Еврейская жизнь») на радио Молдовы. Таким образом, я привез в Кишинев записи этих двух интервью, и они уже прозвучали в одном из выпусков «Идиш лэбн». Кроме этого, Борис снабдил меня интересными материалами по еврейской истории, музыке, юмору, значительно обогатив еврейскую фонотеку на радио Молдовы. Вместе с Борисом и его женой Раей мы побывали на просмотре замечательного американского киномюзикла «Чикаго», а также в знаменитом концертном зале «Карнеги-холл», на концерте известной американской пианистки аргентинского происхождения Анне Марии Ботаззи. По горячим следам, по просьбе Бориса я написал рецензию на ее концерт, которая тут же была опубликована в «Форвэртсе».

Но я еще ни слова не сказал о наших с Борей экскурсиях по злачным местам Нью-Йорка, а тема питания в Америке заслуживает отдельной главы.

6. Спасибо Залману Млотеку!

Если в свой прежний приезд в Нью-Йорк я изучал город Большого Яблока через его театры, музеи, концерты, то на сей раз, так уж получилось, Нью-Йорк открылся мне своей «системой общественного питания», бесчисленным количеством уют-

ных кафе и ресторанов, куда меня водили мои американские друзья. Их названия и те кушанья, которые там подают, как в зеркале отражают многонациональный уклад мегаполиса, так же, как это отражается в вагонах метро, где люди сидящие рядом, читают газеты на всех языках мира, выходящие в Нью-Йорке.

Началась эта «обжираловка» (иначе я не могу назвать те трапезы из-за огромных порций) в уютном, маленьком украинском ресторанчике «Глэчик» на Брайтон-бич, куда меня пригласил Борис Сандлер в первый же день пребывания в Нью-Йорке. Надо сказать, что Брайтон-Бич, где я останавливался у своих родственников 25 лет назад, полностью изменился, на каждом шагу русские магазины и рестораны, есть русское такси и русская скорая медицинская помощь. Мне почему-то запомнилось, как около русского супермаркета стоял певец с гитарой, и по улице плыли дивные песни Окуджавы, которые он вполне прилично исполнял.

Но вернемся к «Глэчику». Украинские мотивы в интерьере - рушники, развешенные на стенах, глиняные кувшины (а «Глэчик» в переводе с украинского - кувшинчик), помещенные на плетеных перегородках между столами, официантки в украинских национальных костюмах - все это создавало ощущение украинской глубинки где-то в Жмеринке или Конотопе. Ну, а украинский борщ с пампушками и вареники с вишней, которые после рюмки горилки запивались хлебным квасом, укрепили это ощущение.

На следующий день Украина передала эстафету Южной Корее. Дело в том, что Миша Тейтельбаум пригласил меня на дневной концерт в Карнеги-холл, где в Малом зале корейские музыканты давали концерт классической музыки.

Концерт явно удался, музыканты были на высоте, исполняя произведения мировой классики. Зал был заполнен до отказа, в основном «лицами корейской национальности». После концерта всю публику пригласили на фуршет, все дружно поднялись на лифтах с 1-го на 9-й этаж, где находится огромный банкетный зал, там стояли столы с различными корейскими яствами, название которых я так и не запомнил. Помню, что все было очень вкусно, блюда выглядели изысканными, хотя и не понятно из чего они сделаны (невольно вспоминал анекдот про корейского пограничника, который постоянно возвращался из ночного дозора без собаки). Все корейцы ели палочками, а нам с Мишей пришлось обходиться вилками, что выдавало наше некорейское происхождение. Но вино, слава Богу, все пили бокалами (очень вкусное корейское вино), и при выходе сытые и хмельные, мы решили, что музыкально-фуршетный утренник по-корейски удался.

Я не буду утомлять читателя перечислением всех злачных мест, которые посетил в Нью-Йорке и Детройте, скажу только, что каждый ресторан имеет свое национальное лицо, как в интерьере, так и в ассортименте блюд. В итальянском ресторанчике я обратил внимание, что все блюда подавали с сыром. Сыр был в салате, в супе, в мясной отбивной. О том, что итальянцы любят спагетти - известно во всем мире, но о такой любви к сыру я узнал только в Нью-Йорке.

В турецком ресторане Борис Сандлер угостил меня потрясающим турецким

кофе, а что я пробовал в индийском ресторане - передать невозможно. Как вспомню, сразу появляется во рту ощущение пожара, хотя все было очень вкусно.

Про китайские рестораны Нью-Йорка, куда меня водил и Борис, и другие друзья, надо писать отдельно, но все-таки, об одном из них хочу рассказать. Моя коллега по работе в Кишиневском музыкальном училище Рита Эпштейн - талантливая пианистка, красивая женщина и вообще, очень хороший человек - была, как и я, очень рада нашей встрече в Нью-Йорке. Она, как и ее муж Володя, прошли через суровые испытания, пока достигли благополучной жизни в Америке. Она, пожалуй, единственная в Нью-Йорке из всех наших общих знакомых музыкантов, эмигрировавших из Кишинева, продолжает работать по специальности - педагогом фортепиано и концертмейстером, часто выступает в концертах. И вот Рита с Володей привезли меня в китайский ресторан на берегу залива. И хотя ресторан был китайским, но стол там «шведский», т.е. платишь за вход 10 долларов и сам себя обслуживаешь, можешь просидеть там весь день, испробовав все блюда. Конечно, китайцы не дураки, они знают возможности человеческого желудка, поэтому у них все просчитано. Но Рита с Володей - частые посетители этого ресторанчика - решили, видимо, на мне поставить эксперимент по ограблению китайских хозяев. Они как начали носить мне блюда - одно другого вкусней, сначала рыбной кухни - мидии, крабы, гребешки, потом последовали куры, пельмени, грибы, блинчики, и через 2 часа я взмолился о пощаде. Но глухие к моим стонам, они понесли десерт - виноград, ананасы, персики, груши (все это в начале февраля!), так что еще через час я выпал из ресторана прямо на мягкое сиденье Володиной машины и тут же погрузился в объятия Морфея.

И вот такая «обжираловка» сопровождала меня весь месяц пребывания в Америке, потому что, если в этот день я не был в ресторане, то обязательно у своих старых друзей по Кишиневу, где воспоминания вперемежку с застольями затягивались далеко за полночь.

И все-таки привез я из Америки не только растянутый желудок, который в Кишиневе удалось быстро затянуть, но и радость от общения со старыми и новыми друзьями (среди последних могу назвать страшно симпатичного еврейского журналиста, заместителя главного редактора «Форвэртса» Ицика Готесмана и его маму Бэйлу Шехтер-Готесман - известную еврейскую поэтессу; вдову знаменитого еврейского певца Эмиля Горовца Ирину, дочь известного певца и композитора, выходца из Бессарабии Сидора Беларского Изабеллу...

И, конечно же, радость общения, радость совместного творчества с выдающейся певицей Ириной Мишурой, с которой нас связывают годы большой дружбы, годы возрождения в Молдове, еврейской музыкальной культуры, дали мощный заряд для будущей работы. Думаю, что это подтвердили две мои последние филармонические программы - к 100-летию Кишиневского погрома и к празднованию Рош-а-Шана. Так что, спасибо тебе, дорогой Залман Млотек, за творческий заряд!

Серго Бенгельсдорф

В КВАРТИРЕ-МУЗЕЕ РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Недавно в Петербурге по приглашению Еврейского общинного центра города на Неве побывали музыканты из Кишинева - группа "Ворт ун нигн", которой руководит известный пианист и музыкальный деятель Серго Бенгельсдорф. Эта группа создана при творческой мастерской Серго Бенгельсдорфа в Кишиневском еврейском Общинном центре, и в ее состав входят две солистки-вокалистки, дипломанты Международного конкурса Анжела Пихут и Инна Лось.

По возвращении из Петербурга Серго Моисеевич встретился с корреспондентом "Нашего голоса" и ответил на ряд вопросов.

- Как родилась идея этой поездки, этого приглашения?

- С Петербургом меня связывает очень многое. Я с молодости влюблен в этот город, в гармонию его архитектурных шедевров. После окончания Молдавской консерватории я учился там в аспирантуре, и моим научным руководителем был выдающийся музыковед, театровед, литературовед, профессор Ленинградской консерватории Исаак Давидович Гликман. Именно Исаак Давидович был инициатором моего первого концерта еврейской музыки в тогдашнем еще Ленинграде. По его рекомендации председатель местного Союза композиторов, народный артист СССР Андрей Петров пригласил нас - замечательную певицу, солистку Молдавской оперы, а ныне солистку всемирно известной "Метрополитен опера" в Нью-Йорке Ирину Мишуру-Лехтман, народную артистку Молдовы Нелли Каменеву и Вашего покорного слугу - выступить с литературно-музыкальной композицией в чудесном концертном зале Дома композитора. Это был незабываемый вечер в мае 1991 года (у меня сохранились афиши и ленинградская пресса), и с тех пор дорога в Петербург оказалась открытой для еврейских музыкантов Кишинева. Вместе с композитором Златой Ткач и певицей Аллой Короид мы участвовали в фестивале еврейской музыки, посвященном 100-летию со дня рождения выдающегося еврейского музыканта-фольклориста Моисея Береговского в 1992 году, затем трижды, с певицами Натальей Дигоре, Анжелой Пихут, а в прошлом году с Вячеславом Фарбером я участвовал в летних фестивалях ежегодно организуемого в Санкт-Петербурге "Клэзфеста", а в 2001 году мы с Анжелой Пихут дали концерт еврейской камерной музыки в мемориальном музее-квартире выдающегося русского композитора Н.А.Римского-Корсакова. Концерт прошел с огромным успехом, и тому свидетельство - прекрасные отзывы петербургской прессы и наше повторное приглашение в этот концертный зал, на сей раз - в более расширенном составе.

- А как был организован ваш приезд в Петербург?

- В первую очередь, большая благодарность Кишиневскому еврейскому Общинному центру и Молдавскому филиалу "Джойнта", спонсировавшим наш проезд до Петербурга и обратно, что стоит сейчас немалых денег. Наши хозяева - руководители Общинного центра в Петербурге - приложили все усилия, чтобы создать

хорошие условия пребывания в городе на Неве. Мы жили в приличной гостинице в самом центре Петербурга на Литейном проспекте, нам предоставили возможность для репетиций, по городу висели красочные афиши на русском и идиш языках, а такие же афиши в уменьшенном виде были напечатаны в одной из самых популярных питерских газет "Невское время", а также в петербургской еврейской газете "Ами" ("Мой народ') и в ежемесячных программах, выпускаемых Еврейским Общинным центром. Отношение к нам со стороны руководителей центра Александра Френкеля и Евгения Хаздана и со стороны сотрудников музея-квартиры Римского-Корсакова было просто трогательным.

- Расскажите теперь о самом концерте.

- Его программа состояла из двух отделений: первое - оригинальные произведения еврейских композиторов, второе - еврейские народные песни в обработке композиторов Молдовы. Конечно, и в первом, и во втором отделениях доминировали произведения нашей самой активной на ниве еврейского композиторства Златы Ткач, которые во многом оказались откровением для петербургской еврейской (и не только еврейской) публики. Речь идет прежде всего о ее масштабных произведениях - трагической поэме "Монолог матери" по мотивам повести Паулины Барочиной "Асенька" и жанровой вокальной поэме "Славатич" (на стихи Любы Вассерман). Тепло были встречены публикой и песни Сидора Беларского, Лейба Бирнова, Зиновия Компанейца. А народные песни в обработке той же Златы Ткач, Бориса Дубоссарского, Зеева Биткина просто прошли на "ура".

Говоря о концерте, не могу не вспомнить о подарке, который мы преподнесли петербуржцам. Мы включили в программу несколько произведений композиторов - классиков и современных, творивших и творящих в северной столице России. Это - романс Римского-Корсакова на стихи Льва Мея "Еврейская песня", это - вокальный цикл "Субботние песни" Евгения Хаздана, наконец - фрагменты из мюзикла Вениамина Баснера "Еврейское счастье". На концерте присутствовала дочь Вениамина Баснера и горячо поблагодарила за память об отце и за доставленное удовольствие. Обе исполнительцы - Анжела Пихут и Инна Лось, были, как говорится, в ударе. Выступать в таком престижном зале, где пели Шаляпин и Фигнер, где играли на рояле Рахманинов и Скрябин, в доме, где были написаны великие оперы "Царская невеста", "Садко", "Золотой петушок" - было отчего прийти в состояние эйфории. Казалось, что над нами витал во время концерта дух этих замечательных музыкантов.

Есть что-то символическое в том, что в доме Римского-Корсакова, который дал благословение своим ученикам-композиторам евреям на создание в Петербурге еврейской профессиональной музыки, сейчас такая музыка звучит.

- Большое спасибо за ваш интересный рассказ. А какие заметные события произошли в Вашей творческой жизни в последнее время?

- Недавно побывал в США по приглашению моей воспитанницы, уже упомянутой Ирины Мишуры. По возвращении - участвовал в двух крупных событиях

еврейской жизни Молдовы - 90-летии нашего классика Ихила Шрайбмана, 100-летии кишиневского погрома, готовлюсь к юбилею Златы Ткач. Так что планов много, а для музыканта, артиста самое главное - быть востребованным, знать, что твое искусство нужно людям. И сейчас -маленькая ложка дегтя по поводу пророков в своем отечестве.

Со своими молодыми талантливыми певицами мы часто выступаем в Кишиневе, были на Международном фестивале еврейской музыки в Биробиджане, сейчас вернулись из Петербурга. Но в родной Молдове, кроме Дубоссар, мы нигде свою программу не показывали. Меня очень огорчает равнодушие руководителей еврейских организаций городов Молдовы к нашему творчеству. Может быть, прочитав эти строки, они сделают для себя какие-то выводы?

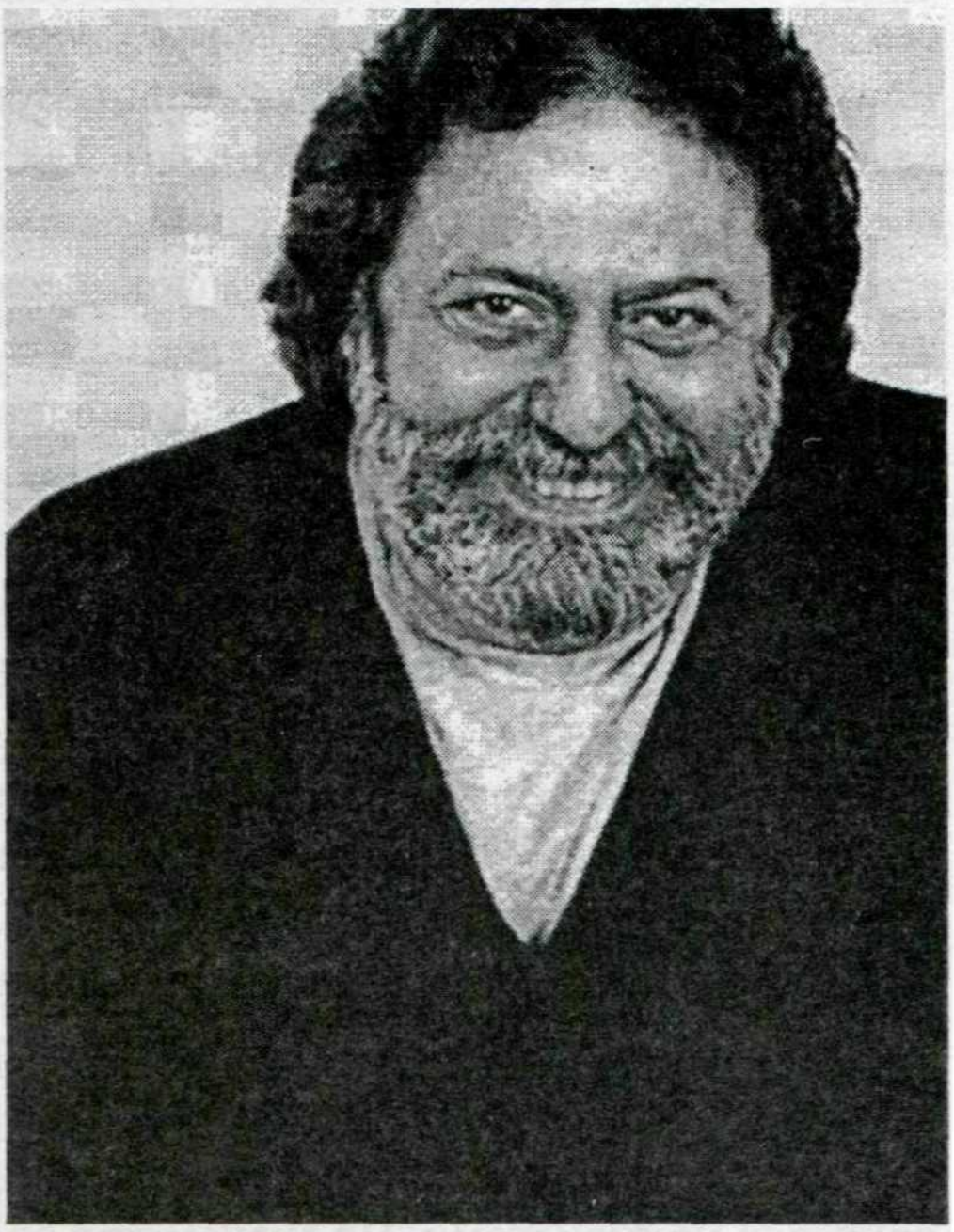
БЕРЛИНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Когда один из руководителей Берлинской еврейской общины Марк Айзикович позвонил мне летом и пригласил на концерт, мой первый вопрос был, почему он выбрал нашу группу «Ворт ун нигн» («Слово и мелодия»)? На что Айзикович ответил, что они осенью проводят большой фестиваль, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося еврейского писателя Башевица-Зингера - первого из идишистских писателей, удостоенного Нобелевской премии. А так как Башевиц-Зингер всегда жил в больших городах и в своей жизни был далек от «местечковости», то концерт клэзмерских музыкантов, которых в Германии пруд пруди, навряд ли бы подошел к юбилейной дате писателя. Поэтому Айзикович искал музыкантов, исполняющих еврейскую камерную музыку - романсы, инструментальные произведения классиков и современных композиторов, т.е. ту музыку, которой я занимаюсь с начала возрождения еврейской культуры в постсоветские времена. Узнав от наших земляков - Бориса Сандлера – главного редактора американской идишской газеты «Форвэртс», тоже участника фестиваля и Арнольда Бродичанского, живущего сейчас в Германии, о направлении, которое мы разрабатываем в еврейской музыке, Марк направил мне официальное приглашение.

Несколько слов о самом Айзиковиче. Он родился в Полтаве, окончил Харьковский институт искусств по двум факультетам – вокальному и актерскому, т.е. он полностью отвечает понятию певец-актер, что так важно в творчестве любого вокалиста. В Советском Союзе Айзикович часто разъезжал с концертами по стране в составе рок-группы «Фестиваль», где был солистом-вокалистом, принимал участие в съемках многих фильмов, в том числе и на «Молдова-Филм». Его колоритная внешность привлекала внимание кино- и драм режиссеров, у него были различные предложения, как у поющего драматического актера.

Одним словом, Марк и не помышлял об эмиграции. Но в конце 80-х - начале 90-х годов, когда антисемитизм в России начал принимать откровенный характер, и

пресловутая «Память» выступила с неприкрытыми угрозами в адрес евреев, Марк принял решение покинуть страну. В Лондоне, где он был на гастролях со своим ансамблем в 1990 году, его добрые друзья сообщили, что есть возможность остаться в Германии. Так Марк оказался в Берлине, где ведет огромную творческую и общественную деятельность: играет в еврейском театре на идиш, поет в концертах и записывает еврейские песни на СД, а как заместитель председателя Совета Берлинской еврейской общины, он уделяет большое внимание проблемам еврейской культуры.

Его взгляды на развитие еврейской музыки на сто процентов созвучны с моими, и мне хотелось бы привести его одно высказывание из нашей беседы: «Мы имеем сегодня много ансамблей, которые доказывают, что они играют еврейскую музыку, но кроме тех же самых песенок, которые уже давно сидят в печенке, мы не слышим от них ничего. Правда, публика бедная, изголодавшаяся по еврейской песне, радуется и этой серости. Но это очень опасно, потому что со временем такой уровень становится «образцом», который может привести всю культуру к катастрофическому положению». Ну, разве последние концерты заезжих еврейских коллективов и солистов в нашем городе не свидетельствует о правоте слов Айзиковича?

Что касается нашего концерта, то мы выступали в большом зале прекрасного здания Еврейской общины, находящегося в самом центре Берлина, где есть своя синагога, большая библиотека, кашерная столовая, а на сцене зала на 600 мест стоит великолепный концертный рояль. Берлинские евреи приняли нас очень тепло, каждый номер сопровождался горячими аплодистентами, а в конце концерта нам устроили овацию. Потом подходили слушатели, благодарили за доставленное удовольствие, а черту подвел тот же Айзикович на банкете, данном в нашу честь устроителями концерта. Он сказал, что впервые услышанные в Берлине имена еврейских композиторов, среди которых выделялась своими произведениями Злата Ткач, что высоко профессиональное исполнение этих произведений заслуживают самых добрых слов. А оригинально составленная программа и несет в себе большой эстетический и просветительский заряд, и по своей ауре, по атмосфере перекликается с духовным началом, заложенным в литературном творчестве Ба-

шевица-Зингера.

Читатели «Еврейского местечка» хорошо знакомы с творчеством талантливых молодых певцов Анжелы Пихут и Алексея Дигоре. А вот о четвертом нашем исполнителе - скрипаче Николае Черном хотелось бы сказать несколько подробней. Окончив Одесскую консерваторию, он несколько лет проработал в симфоническом оркестре Молдавской филармонии в должности концертмейстера первых скрипок и всего оркестра. Одаренный скрипач - он вынужден был уехать 3 года назад в Германию, так как на свою зарплату в оркестре он не мог содержать свою семью - жену и двух детей. Еще будучи в Кишиневе, Коля принимал участие в моих программах еврейской камерной музыки, которые мы показывали в Кишиневе, Одессе, других городах Молдовы. Так что в Германию он уехал с полноценным еврейским репертуаром, но, к сожалению, за все 3 года он ни разу не смог там его показать. Он работает в симфоническом оркестре небольшого города Герлиц на границе с Польшей, живет с семьей в достатке, но полного творческого удовлетворения не испытывал, так как перестал выступать с сольными программами. Потому мое предложениме об участии в нашем концерте в Берлине Коля воспринял с радостью. При нашей первой репетиции чувствовалось, что он очень волнуется, отвык от аккомпанемента, подзабыл нужные темпы. Но, как у истинного профессионала, все это было на репетициях восстановлено, а на концерте он играл просто отлично и его последний номер - «Фрэйлэхс» композитора Юваля Энгеля - вызвал в зале крики «Браво!». Конечно, как музыкант, Коля был счастлив, и после концерта долго благодарил меня за приглашение в программу, за общение со своими творческими коллегами Анжелой и Алексеем. Николай был нашим гидом по Берлину, проведя нас по центру города с его замечательными архитектурными ансамблями на центральной улице Унтер дэн Линден (Под липами), с Бранденбургскими воротами и Рейхстагом...

Конечно, за 3 дня познать такой огромный город невозможно, тем более, что мы приехали не туристами. Но знакомство состоялось, дебют наш прошел успешно, и это дает нам возможность надеяться на будущие встречи, на взаимный творческий обмен.

ЮБИЛЕЙНЫЙ «КЛЭЗФЕСТ»

Десятая встреча еврейских музыкантов в Петербурге в рамках «Клезфеста» имела свою интригу. Во-первых, это был своеобразный творческий отчет о десятилетней работе еврейских певцов, клезмерских музыкантов, участвовавших во многих предыдущих праздниках клезмерской музыки в Петербурге. Во-вторых, на сей раз из двух составляющих «Клезфеста» - учебы и концертных выступлений - акцент был сделан на последних, которых, в отличие от предыдущих лет, было гораздо больше.

Кажется, руководители «Клезфеста» - директор Петербургского еврейского об-

щинного центра Александр Френкель и музыкальный директор этого центра Евгений Хаздан - нашли точную пропорцию между опытом и молодостью, как в составе преподавателей, так и участников фестиваля-семинара.

Из опытных педагогов, стоящих у истоков «Клезфеста», в первую очередь надо упомянуть неувядающего Аркадия Гендлера - преподавателя идиша из Запорожья (по рождению он - наш земляк из Сорок). В свои 84 года он не только на высоком уровне вел уроки идиша, но и сам прекрасно пел с детским хором свою, сочиненную специально к петербургским «Клезфестам», песню «Зингт аф идиш» («Пойте на идиш»).

Кларнетиста Кристиана Давида из Берлина, скрипача Стаса Райко из Гамбурга, исполнителя еврейских песен из Нью-Йорка Лорина Скламберга, преподающих на «Клезфесте» уже несколько лет, успели полюбить все - и участники, и взыскательная петербургская публика, перед которой эти музыканты предстают не первый год. Но настоящим открытием юбилейного «Клезфеста» был талантливейший молодой музыкант из Монреаля (Канада) Джош Долгий. Обладатель оригинального, близкого к хазанской манере исполнения, голоса, прекрасно владея музыкальными инструментами - фортепиано, аккордеоном, он никого не оставил равнодушным на всех концертах. Его трогательная музыкальность и вместе с тем чувство юмора создают какую-то особенную атмосферу на сцене. А его бурный темперамент, безудержное веселье так увлекли студентов, с которыми он создал несколько концертных номеров, что их голоса слились с голосом учителя в какой-то фантастической «оде к радости».

Вообще, ощущение радости творчества, радости общения пронизывало «Клезфест» все 5 дней. Удивительно теплая атмосфера витала над всеми участниками и на концертах, и на занятиях, и во время отдыха, приходившегося на белые ночи, когда веселье продолжалось до утра. И вместе с тем, каждый день проводились серьезные занятия у певцов и клезмеров по освоению идишского репертуара, читались лекции по идишской музыке, проводился «круглый стол» по теме «10 лет клезмерского движения в странах бывшего СССР». Лорин Скламберг привез с собой замечательный фильм, выпущенный в США в 1949 году под названием «Catskill Honeymoon» («Медовый месяц в Катскилле»). Это своеобразный концерт, где лучшие еврейские певцы, актеры, музыканты выступают в различных жанрах - от оперных арий до мюзикла и джаза, разыгрывают юмористические сценки, и всё это, в основном, на превосходном идише.

А сейчас время сказать об идише на «Клезфесте». Изучение языка всегда является важной стороной семинара, но в этом году занятия по идишу, особенно в «продвинутых» группах, оказались намного продуктивней и по количеству, и по качеству. Я имею в виду значительно увеличившийся состав этой группы, и что больше всего радовало - в ней появилось много молодежи, довольно свободно общающейся на мамэ-лошн. Это, прежде всего, молодые петербуржцы Митя Гордон, Маша Цейтлина, Валя Федченко (петербургская школа идиша дает свои результа-

ты!), это Таня Гутёнтев из Москвы, это Ася Вайсман из Бостона, которая не только была активной на занятиях группы, но и сама прочитала лекцию «Диалекты в идише», что является темой ее диссертации. А профессор из Бостона Рут Вайс прочитала - конечно же, на идиш - замечательный реферат о творчестве еврейских поэтов Мордехая Гебиртика и Абрама Суцкевера.

Как всегда, в отчетах о «Клезфесте» невозможно обойти вниманием географию музыкального праздника. Он с каждым годом приобретает все большую популярность и в странах СНГ, и за его пределами. Так, в этом году на карте фестиваля появились новые страны - Швеция и Англия, а бывший СССР был широко представлен - от Латвии до Узбекистана. Интересно, что из России на сей раз, кроме традиционных еврейских центров - Петербурга и Москвы, участвовали и представители «нееврейских» городов - Ярославля, Ижевска, Самары. Оказывается, и там евреи развивают свою культуру.

И, наконец, несколько слов о нашей молдавской делегации. Она состояла из шести человек, и на фоне всех 46 участников выглядела весьма достойно. Поездку еврейских музыкантов из Молдовы спонсировали КЕДЕМ и «Даркон» (по просьбе АЕООРМ), за что им большое спасибо.

Тепло принимала петербургская публика Аллу Дереско, Владимира Гойхмана, Славу Фарбера, а известная пара Ефим Черный и Сюзанна Гергус - участники почти всех «Клезфестов» - и на сей раз были в числе лидеров, самых активных концертантов. Ефим Черный, кроме выступления с сольными номерами, был ведущим на всех концертах, скрепляя своим остроумным конферансом отдельные номера в единое целое.

И, по традиции, не могу не отметить заключительный аккорд фестиваля - «Клезмерский» пароход по ночной Неве, когда одна заря спешит сменить другую, когда разводятся невские мосты, а на просторах могучей реки, украшающей великий город, всю ночь звучат зажигательные еврейские мелодии в исполнении всех клезфестовцев.

ПОДАРОК КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Нет, все-таки пословица «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» - никак не устарела. С Ицхаком Ниборским - крупным ученым, профессором-идишистом - мы познакомились в Киеве в 1994 году на международной конференции, проводимой тогда Всемирным советом по языку идиш и идишской культуре.

Помню, из Кишинева приехала солидная делегация, возглавляемая Ихилом Шрайбманом, а Ицхак Ниборский прибыл из Парижа, где он работал в научном отделе Медем-библиотеки - одного из крупнейших в Европе книгохранилищ еврейских фолиантов. Все участники конференции жили в гостинице «Украина», в самом центре города, и мы с Ицхаком много общались, вместе гуляли по вечернему Крещатику, ходили по еврейским местам Киева, посетили Бабий Яр, где пок-

лонились жертвам Холокоста. Естественно, языком общения был идиш, так как русского Ицхак не знает. Он родился в Аргентине, поэтому испанский - его второй язык, французский освоил в Париже, где живёт долгие годы, а на иврите говорит так же свободно, как и на идише. Словом, своей интеллигентностью, деликатностью, внутренней культурой и простотой в общении Ниборский произвел на меня самое лучшее впечатление. Для своей радиопрограммы «Идиш лэбн» я записал интервью с ним, а также фрагменты его замечательного доклада о проблемах развития языка идиш.

С тех пор наша связь не прерывалась. Иногда мы обменивались письмами, но больше узнавали друг о друге через самую крупную в мире идишскую газету «Форвэртс», которую издает в Нью-Йорке наш земляк Борис Сандлер. Там часто печатают статьи Ниборского из Парижа, а Ваш покорный слуга рассказывает об еврейской жизни в Молдове. В нашей переписке несколько раз вставал вопрос о моём визите в Париж, о выступлении в Парижском идиш-центре, который не так давно возник на базе Медем-библиотеки, но то сроки не подходили, то возникали финансовые проблемы, так как этот центр имеет довольно скромный бюджет. Но вот в канун своего дня рождения я получил от Ниборского предложение провести две встречи в Парижском идиш-центре – с сотрудниками и деятелями центра и Медем-библиотеки, а также выступить с литературно-музыкальной программой, включающей стихи моей мамы и еврейские фортепианные произведения. Конечно, условия, которые мог предложить Париж, были по-прежнему весьма скромными, но не всё в жизни, в конце концов, измеряется деньгами, а умереть, не увидев Парижа... В общем, авиакомпания «Эр-Франс» доставила меня через Киев во французскую столицу. Описывать этот город - центр мировой культуры, музыки, живописи, литературы, архитектуры - значит, ломиться в открытую дверь. Скажу только, что за неделю удалось исходить весь центр Парижа и повидать почти все достопримечательности, указанные в путеводителях и туристских картах. Конечно, знакомство было поверхностным: для таких музеев, как Лувр, Роденовский, д'Орсэ, где находится самая большая в мире коллекция художников-импрессионистов, и по одной неделе на каждый маловато.

Не могу сказать, что постижение Парижа вызвало один восторг. Да, изящный вкус, культура быта здесь чувствуются на каждом шагу. И манера поведения парижан, их подчеркнуто вежливое обращение, умение небрежно-элегантно одеваться, по-особому носить шарф, и виртуозно оформленные витрины магазинов, кафе, маленькие уютные площади - всё это вызывает восхищение. И вместе с тем - клошары, лежащие и на тротуарах, и на скамейках в метро... Как мне говорили, эти нищие - очень ленивый народ. Им недосуг пойти в мэрию и получить пособие по безработице, которого вполне хватает на безбедное существование. Им в кайф валяться в спальных мешках в самых людных местах и просить милостыню.

Совсем не понравилось парижское метро. Из-за того, что оно очень старое и залегает неглубоко под землей, там почти нет эскалаторов. И если вниз 20-30 кру-

тых ступенек пройти нетрудно, то наверх... Вагоны узкие, тесные. Для большего числа посадочных мест вмонтированы откидные сидения, и, когда приближается станция, начинается такой грохот от них, как будто стреляют из крупнокалиберных пулемётов. И (пусть простят меня читатели за дерзкие рассуждения) резкое неприятие вызвала у меня Эйфелева башня.

На фоне потрясающей архитектуры Парижа, сложившейся окончательно в XIX столетии, этот кусок железа выглядит так нелепо, чужеродно. Подчеркну - я не такой уж оригинал: Эйфелеву башню не воспринимали многие выдающиеся писатели, деятели искусства. Ги де Мопассан, по рассказам, ходил на Эйфелеву башню каждый день, потому что «это самое лучшее место, откуда её не видно». Как объяснили мне новые друзья, Париж воспитан на скандалах, эпатаже, и сооружение Эйфеля - тому пример. Так же, как и плафон на потолке Гранд-опера, выполненный великим Марком Шагалом. При всей моей любви к гениальному художнику, его манера резко контрастирует с роскошным барочным стилем этого грандиозного здания, выполненного по эскизам выдающегося архитектора 19 века Шарля Гарнье.

Однако пора перейти непосредственно к делам, связывающим всех евреев, где бы они ни жили - в Париже, Нью-Йорке или Кишиневе. Начнем с еврейской библиотеки. Медем-библиотека была основана в 1929 году, и к началу войны здесь уже были собраны тысячи фолиантов. К большому счастью, эти драгоценные книги удалось спасти во время немецкой оккупации. Их заколотили в ящики и спрятали в подвалах, так что сразу же после войны библиотека продолжила своё существование. В ней сейчас свыше 30 000 книг, и она превратилась в крупный еврейский культурный центр, занимающийся и просветительской, и издательской, и научной деятельностью.

Сюда приходят для работы над диссертациями, над дипломами на еврейскую тематику, т.к. здесь могут предоставить и необходимую литературу, и исторические документы. Сюда приносят старые письма, написанные на идиш, старые бумаги - и здесь их расшифровывают. В Медем-библиотеке постоянно издают книги на идиш - научную и художественную литературу, различные словари. Так, Ицхак

Ниборский сделал мне замечательный подарок - составленный им словарь ивритских слов, употребляемых в идише, великолепно изданный в 1999 году. Каждое ивритское слово дается в идишской транскрипции и в переводе на идиш, а также цитируются фрагменты из произведений знаменитых писателей-идишистов, использовавших данные ивритские слова. Среди этих писателей я обнаружил и фамилию нашего Ихила Шрайбмана. Думаю, Ихил Исаакович был бы очень доволен, увидев свою фамилию в созвездии лучших представителей еврейской литературы. Такой словарь очень важен и для тех, кто изучает идиш, и для тех, кто его преподаёт. Надеюсь, что он пригодится и в моей педагогической работе, если у нас ещё останутся евреи, желающие изучать свой родной язык.

И тут я приближаюсь к теме, вызвавшей у меня особую зависть. При Медем-библиотеке существуют курсы языка идиш, которые посещают 200 (!) человек, разбитых на 20 групп, в зависимости от степени подготовленности. Им преподают язык волонтёры - сотрудники библиотеки. Летом здесь проводятся международные трехнедельные семинары по языку идиш, куда собирается молодежь из разных стран Западной и Восточной Европы. Ицхак Ниборский сказал, что они с удовольствием приняли бы на эти семинары еврейских юношей и девушек из Молдовы, у них есть для этого небольшие стипендии. Но кого можно послать на семинар в Париж, если нашей молодежи совершенно безразлична судьба родного языка? Я наблюдаю, как радостно и беззаботно порхают вокруг моего класса в КЕДЕМе наши юные «гилелевцы», когда я веду там уроки идиш два раза в неделю с группой аж из шести человек, и никто из них, несмотря на постоянные просьбы, не изъявил желания присоединиться к моей горстке идишистов. Так что за судьбу идиша в Париже я спокоен, а в Кишиневе, если не будет понимания и поддержки со стороны руководства еврейских организаций, будущее идиша в тумане, хотя я и отдаю должное самоотверженной работе Марины Шрайбман в лицее им. Рамбама, где она преподаёт этот язык в нескольких классах.

Что ещё мне запомнилось в Медем-библиотеке? Здесь все стараются говорить на идиш. На этом языке проводят встречи, лекции, концерты, здесь на стенах висят еврейские афиши, старые фотографии знаменитых еврейских артистов, общественных деятелей, классиков идишской литературы. Культурный центр и Медем-библиотека - настоящие идиш-ланд, где ты себя чувствуешь своим благодаря всемирному языку идиш. Старейший работник библиотеки Шулэм Розенберг рассказывал мне о деятельности этого еврейского очага в Париже, а я познакомил новых парижских друзей с еврейской жизнью в Молдове. Конечно, они не имеют такого роскошного здания, как КЕДЕМ, но еврейского духа, на мой взгляд, там больше. Всё-таки мы здесь, как и во всём бывшем Союзе, очень ассимилировались, хотя исторически это скорее наша беда, чем вина, потому что советский режим насильно превратил нас в ассимилянтов.

Очень много вопросов касалось моего родного города - Биробиджана. Он по-прежнему интересует еврейский мир.

Потом состоялся мой концерт, прошедший с большим успехом. Ицхак Ниборский поблагодарил от имени публики, сказал, что обязательно напишет об этом концерте в «Форвэртс», и пригласил вновь в гости.

Неделя пролетела стремительно, но этот короткий праздник теперь будет всегда со мной.

Глава Шестая

ИЗ КРИТИКА В ОБЪЕКТ КРИТИКИ

IPNA Compania "Teleradio–Moldova"

DIPLOMĂ DE ONOARE

70

Se decernează

Domnului BENGHELSDORF Sergo

pentru muncă conştiincioasă

Preşedintele Companiei ***Ilie TELEŞCU***

03 martie 2007 *Chişinău*

Серго Бенгельсдорф

НАЧАЛО ПУТИ

Как-то прочитал в "Вестнике еврейской советской культуры" размышления старого, мудрого человека, директора уникальной еврейской библиотеки в Буэнос - Айресе Рожанского, посвятившего всю свою жизнь еврейской культуре. На вопрос, что он понимает под еврейской культурой, последовал ответ - "Это мировая культура плюс еврейская", подразумевая, что любая национальная культура может развиваться, если она впитала все лучшее, что существует в мировой культуре. К большому огорчению, в Советском Союзе еврейская культура в годы сталинщины и брежневщины не только потеряла связь с мировой культурой, (а ведь до войны знаменитый английский режиссер Гордон Крэг специально приезжал в Москву, чтобы посмотреть, как Михоэлс играет на идиш короля Лира), но вообще переста-
ла существовать, как профессиональная культура.

В данном случае разговор идет о театре и музыке, так как еврейской литературе больше повезло. Благодаря журналу "Советиш Геймланд" ("Советская Родина") сумевшему собрать под свое крыло после "знаменитых" сталинских погромов уничтоживших весь цвет еврейской культуры, чудом уцелевших и вернувшихся из тюрем и лагерей еврейских писателей, этот животворный родник родного слова не пересох.

Что же касается еврейской музыкальной культуры, то единственным концертным залом у нее за 40 послевоенных лет был банкетный зал ресторана или столовая общепита, где проходили еврейские свадьбы. И не вина, а беда двух поколений советских евреев, что лишенные своего профессионального музыкального искусства, они до сих пор считают (и в этом им активно помогают появившиеся в последние годы, как грибы после дождя, на волне позитивных изменений в нашем обществе, дельцы от эстрады) свадебные шлягеры типа "семь-сорок", "тум балалайка", "гефилтэ фиш" ("фаршированная рыба") и т.д. высшими образцами еврейской музыкальной культуры.

Год назад в столице Молдавии состоялось Учредительное собрание республиканского Общества еврейской культуры. Избранные в правление Общества музыканты-профессионалы - композитор В.Биткин, директор камерного оркестра Молдавской филармонии А.Аптекарь, писатель и скрипач Б.Сандлер, пианист и музыкальный критик С.Бенгельсдорф решили поставить одной из главных задач Общества возвращение к жизни подлинных образцов еврейского музыкального искусства, опираясь в своей работе на высокий профессионализм авторов и исполнителей, который только и может поднять уровень любой национальной культуры. И "первой ласточкой" в этом направлении стала программа "Ворт ун нигн" ("Слово и мелодия"), дважды показанная нынешней весной на сцене лучшего концертного зала Кишинева - Органного, а затем в городах Молдавии и Украины, и везде встретившая теплый прием как публики, так и прессы.

Солистка Молдавского академического театра оперы и балета Ирина Мишур

актриса Русского драматического театра имени Чехова, народная артистка МССР Нинель Каменева и Серго Бенгельсдорф представили на суд интересную литературно-музыкальную композицию, состоящую из оригинальных вокальных произведений советских композиторов на стихи еврейских поэтов, из цикла еврейских народных песен в талантливой обработке В.Биткина, из еврейской поэзии и прозы. Искусно срежиссированная артистом и режиссером театра имени Чехова Бено Аксеновым, эта программа выглядит, как законченная композиция со своей внутренней драматургией.

Вот что рассказывает о программе ее инициатор С.Бенгельсдорф: "Я родился и вырос в Биробиджане. Мой отец был актером еврейского профессионального театра, за кулисами которого прошло мое детство. Мать - известная в еврейском мире поэтесса Люба Вассерман. Поэтому любовь к родному языку, к еврейскому искусству была заложена с детства. Окончив Молдавскую консерваторию по классу фортепиано, я остался работать в Кишиневском музыкальном училище им. Няги. Таким образом, Молдавия стала моим вторым домом.

Сказать, что этот дом в годы застоя с радушием воспринял мою попытку развивать профессионально еврейскую музыкальную культуру - было бы большой натяжкой. Еще в 1981 году мы приготовили вместе с ныне покойным народным артистом Молдавии, солистом Молдавского академического оперного театра Борисом Раисовым полнометражную программу еврейской вокальной музыки, но сумели ее показать только один раз в миниатюрном Доме актера, после чего нам, в буквальном смысле, закрыли рот, и все попытки выступить на филармонической сцене натыкались на 1001 способ отказа, которым отменно владели представители командно-бюрократической системы. Но даже после 1985 года, когда, казалось бы, были сняты все запреты (к сожалению, Раисова уже не было в живых), у меня наступила полоса сплошного невезения. Скоропостижно скончался молодой певец и скрипач, с которым мы начали работать над еврейской программой, переехал в другой город следующий певец, хорошо проявивший себя в еврейской музыке, уходит в эстраду в погоне за заработком молодая певица, с которой уже почти была готова камерная программа.

Но, посещая, как музыкальный критик, спектакли Молдавского оперного театра, обратил внимание на стремительный творческий рост молодой оперный солистки Ирины Мишуры. Ее последние работы в театре-Амнерис, Адальжиза в "Норме", принцесса де Буйон в "Адриане Лекуврер" свидетельствовали о появлении в театре нового лидера в группе меццо-сопрано. Ирина охотно откликнулась на предложение принять участие в еврейской программе. Прошел год напряженной работы, в которой осваивались не только тонкости музыкального и исполнительного характера, но и язык идиш, на котором Ирина исполняет все произведения. А идея приглашения в программу Нинель Каменевой родилась на спектакле "Поминальная молитва", поставленного в Кишиневском русском театре, где актриса превосходно сыграла роль Голды - жены Тевье-молочника. В нашей программе Каменева

читает на русском языке стихи известных еврейских поэтов, а также юмористический рассказ Шолом-Алейхема “Два антисемита”, связанный с Бессарабией. Она и ведущая, и переводчица текста песен, которые исполняет И.Мишура. Так что наш концерт доступен для любой интернациональной аудитории.

- Соприкоснувшись с музыкальным материалом, который мне предложил Серго Бенгельсдорф, - рассказывает Ирина Мишура, - я убедилась, какое духовное, эмоциональное богатство я смогу донести до слушателей, чье знакомство с национальной музыкой ограничивается чаще всего двумя-тремя запетыми и заигранными шлягерами. Да и многим ли из нас знакомы оригинальные произведения композиторов, пишущих романсы и песни на стихи современных еврейских поэтов? А ведь в них, как и в фольклоре - лицо, душа, характер целого народа с его многотрудной историей и судьбой.

Особенность нашей программы - в добротной, высокохудожественной литературной основе отобранных сочинений. На слова известного еврейского поэта Хирша Блоштейна написана песня “Лэхаим!” (“За жизнь!”) В.Биткина. Эта визитная карточка концерта звучит как гимн человеколюбию, тем добрым чувствам, что сближают и объединяют людей. Тем же композитором положены на музыку антивоенные, антифашистские стихи Арона Вергелиса, строки его поэмы “Песнь об Иосифе Бумагине”- биробиджанском пареньке, повторившем в самом конце войны у стен Вроцлава подвиг Александра Матросова. Главный дирижер Молдавского оперного театра, народный артист МССР А.Самоилэ, прослушав наше исполнение этого произведения, назвал его своеобразной монооперой, в наш антивоенный цикл входят и песни популярных советских композиторов Е.Жарковского и З.Компанейца.

С большим удовольствием исполняю я и тонкий, лирический цикл заслуженного деятеля искусств Молдавии композитора Златы Ткач на стихи большого еврейского поэта Овсея Дриза “Имя доброе твое”... .

После успешных концертов в городах Молдавии и Украины мы начали получать приглашения на гастроли в Ригу, Алма-Ату, Биробиджан... Хочется верить, что программа “Ворт ун нигн”, рожденная в большой, кропотливой работе, буквально выстраданная моим наставником и концертмейстером, найдет дорогу к сердцам любителей подлинного искусства, какой бы национальности они не были”.

Б.Сергеев

ДАРУЯ ДОБРО

Воистину, подлинное искусство возвышает и облагораживает человека, учит добру и милосердию. В который уж раз убеждался в этом, побывав на литературно-музыкальном вечере «Ворт ун нигн» («Слово и мелодия»). Многое изменилось в нашей жизни. Ныне концертами еврейской музыки и поэзии никого не удивишь. Но в ряду уже увиденных программ эта занимает особое место, ибо выводит слу-

шателя за рамки обычных впечатлений - «понравилось - не понравилось». Причина тому - продуманность всей композиции вечера, профессионализм, художественный вкус, талант исполнителей.

Нет, конечно, с яркими художественными личностями мы уже встречались здесь - достаточно вспомнить нашу Анну Гинзбург. Но в данном случае - другой жанр: камерный. Понятно, что ни театрализация музыкальных программ, ни тем более их эстрадизированная направленность не могут затронуть тех глубин души, вторгнуться в те ее тайники, на которые рассчитан камерный жанр. Повышенные требования ощущения музыки в камерном жанре предполагают и необходимость ее осмысления. Чувствовать и думать - иначе не состоится таинство восприятия, акт сопереживания. На вечере «Ворт ун нигн» такое чудо свершилось и, повторюсь, причина тому - художественный уровень исполнения.

То, что предложили зрителям солистка Молдавского академического театра оперы и балета Ирина Мишура, народная артистка МССР Нелли Каменева и Серго Бенгельсдорф (фортепиано), стало настоящим открытием для кишиневской публики. В первом отделении концерта была представлена целая гамма образов - от тонких лирических миниатюр Златы Ткач на стихи О.Дриза до трагедийной кульминации и жизнеутверждающей героики в триптихе З.Компанейца, Е.Жарковского и В.Биткина на стихи А.Вергелиса. От мудрых и добрых, согретых теплом человеческой души образов в литературной композиции на стихи советских поэтов, к кровоточащему монологу М.Тейфа «В переулке Гитки Тайбы»...

Потом звучали стихи из еврейской народной поэзии, народные песни, мастерски обработанные В. Биткиным, шуточные монологи. Украшением вечера стал рассказ Шолом-Алейхема «Два антисемита».

Воздавая должное мастерству Нелли Каменевой, певческому дарованию Ирины Мишуры, хотелось бы отметить огромный, прямо скажем, самоотверженный труд инициатора программы, готовившейся более года, Серго Бенгельсдорфа и режиссера Б. Аксенова. В концерте, состоявшемся в Органном зале, проникнутом ярко выраженным национальным колоритом, господствовали идеи общечеловеческих ценностей, мотивы интернациональной гармонии и братства людей. Это еще одно важное предназначение высокого искусства - гуманизм.

З. СТОЛЯР, заслуженный деятель искусств МССР

МЫ МАЛО СЛУШАЕМ ДРУГ ДРУГА

В истории ашкеназской культуры музыка евреев Молдовы занимает особое место. Мне, интересующемуся песней на языке идиш, давно хотелось познакомиться с ней поближе, и вот - неожиданный и приятный сюрприз: в родном для меня Доме ленинградских композиторов объявлен музыкально-литературный вечер «Ворт ун нигн» («Слово и мелодия»).

Наш дом, должен, сказать, знаменитый - построен самим Монферраном (создателем Исаакиевского собора, что неподалеку, а рядом - не менее известный дом, связанный с именем Владимира Набокова). Прихожу - зал абсолютно полон. С трудом нахожу местечко. На сцене - всего трое: народная артистка Молдовы Нелли Каменева, великолепная чтица и ведущая, солистка Молдавского академического театра оперы и балета Ирина Мишура-Лехтман - обладательница великолепнейшего меццо-сопрано, редкого по красоте и богатству тембра, а у рояля - душа ансамбля пианист-виртуоз Серго Бенгельсдорф. Всего трое - простейший камерный ансамбль, без шумных модных электроустановок - собрались, как в доброе старое время, для общения. И общение состоялось, ничем незаменимое художественное общение - пение, чтение, игра - два низких женских голоса, гармонично сочетающихся с блеском фортепиано. Пианист, играющий не на публику, а для публики, а это совсем не одно и то же!

Чтение по-русски чередовалось с пением на идиш, и певица, для которой идиш, вовсе не родной язык, справилась с трудной задачей превосходно.

Концерт состоял из двух больших отделений. После вступительного слова С.М.Бенгельсдорфа прозвучали две великолепные песни Владимира Биткина, как своеобразный эпиграф концерта, как своего рода визитная карточка ансамбля: «За жизнь» на слова Г. Блоштейна и «Все берега хотят покоя» на стихи Д. Тейтельбойм. Затем была исполнена композиция на стихи советских еврейских поэтов - от О.Дриза до А.Вергелиса, включающая музыку Златы Ткач, композитора, хорошо известного в Союзе. Завершили первое отделение две песни Биткина - об Иосифе Бумагине и «Сим Шалом». Все второе отделение составили еврейские народные песни - фольклорные, эстрадные и хасидские - в обработках В.Биткина. Надо отдать должное автору обработок. Композитор создал яркие концертные версии известных песен. Я много слышал обработок еврейских песен, хорошо знаю, как трудно найти в этой области что-либо новое и оригинальное, сохранив при этом душу народного напева. Обработки Биткина - яркое явление в этом жанре. И, надо сказать, композитору повезло: интерпретация ансамбля - дуэта И. Мишуры и С.Бенгельсдорфа - была не просто безупречной, но вскрывающей душу песни, изюминку композиторского замысла.

Ленинградцы, побывавшие на этом концерте, запомнят его надолго. Такие художественные радости не часто выпадают на нашу долю. И касается сказанное не только музыки, но и поэзии и прозы, которая звучала со сцены в исполнении Н. Каменевой. Особенно запомнился, думаю, рассказ Шолом-Алейхема «Два антисемита». Самоирония евреев - поистине национальная черта.

Концерт познакомил слушателей не только с шедеврами национальной литературы и музыки, но и с особенностями национальной психологии и эстетики, а это - вернейшее средство для воспитания взаимоуважения. Мы мало знаем друг друга, мы мало слушаем друг друга. Через знание культуры другого народа, его художественных традиций приходит и понимание, и уважение. Кишиневские артисты

делают большое и важное дело. Этим письмом мне хочется поблагодарить их за доставленное удовольствие, пожелать новых творческих успехов, новых столь же добрых общений с людьми разных наций.

Приезжайте еще, привозите новый репертуар! Может быть С.Бенгельсдорфу удастся привлечь и инструменталистов-солистов, способных возродить шедевры традиционной свадебной музыки евреев, так называемых клезмеров? Это было бы прекрасно. В свою очередь, музыканты Ленинграда, специализирующиеся на еврейской традиционной музыке, могли бы познакомить молдавских слушателей со своим искусством. Пусть вечер 15 мая 1991 года станет добрым началом наших культурных связей. Не сомневаюсь, что в Ленинграде с удовольствием встретят талантливых представителей разных национальных культур Молдовы. Двери нашего гостеприимного дома на улице Герцена, 45 всегда открыты для вас, дорогие кишиневские коллеги и друзья!

Изалий И. ЗЕМЦОВСКИЙ, доктор искусствоведения, Председатель секции фольклора Ленинградского Союза композиторов

НА ЯЗЫКЕ, НЕ ТРЕБУЮЩЕМ ПЕРЕВОДА

Так уж сложилось в нынешнем году: параллельно Дням славянской письменности и культуры в Молдове проходили Дни еврейской культуры, посвященные 50-летию Победы над фашизмом. Заинтересованный зритель, перебегая из зала в зал, едва успевал порой переключаться с одного вида искусства на другой, получив уникальную возможность не только по достоинству оценить, но и сопоставить художественное наследие разных народов.

Одно из центральных мест в еврейской части этого своеобразного смотра заняла музыка, чей язык в любые времена не требовал никакого перевода. И весьма показательно, что следом за "Импровизацией" для скрипки и фортепиано потомка легендарных иудеев Эрнста Блоха, звучали произведения Дмитрия Шостаковича. Его знаменитое военное "Трио памяти И.Соллертинского" для скрипки, виолончели и фортепиано и впервые показанные кишиневцам фрагменты вокального цикла "Из еврейской народной поэзии" убедительно продемонстрировали, насколько свободно может чувствовать себя истинный талант в любой стилистической среде.

В данной связи особенно убедительно искусство лауреата Государственной премии республики Златы Моисеевны Ткач. Мастер, давно отшлифовавший свой почерк и неизменно расширяющий круг жанровых пристрастий, она в разные периоды деятельности смело обращается к стилистике русской, молдавской и еврейской музыки, выдавая интересные по замыслу и убедительные по реализации сочинения. Таковы, к примеру, три ее на редкость выразительных, мелодически щедрых "Музыкальных букваря", основанных на кириллице, латинице и алфавите языка идиш. Последний из них, вызвавший восторг слушателей, создан совсем недавно

на стихи Лейба Квитко - известного еврейского поэта, невинно погибшего в 1952 году на Лубянке.

Апеллируя более к зову сердца, чем разума, к простым человеческим эмоциям, З.Ткач говорит с нами доступным, ясным, но отнюдь не упрощенным языком. Ее музыка, доставляющая с первого прослушивания просто эстетическое удовольствие, заставляет не только сопереживать, но и мыслить. Подтверждение тому - одночастная Соната № 2 для кларнета соло. Словно настоенная на еврейских интонациях, она напрочь лишена каких-либо цитат, тогда как в Четырех пьесах для струнного квартета имеется ремарка "На мотивы еврейских народных мелодий".

Глубоко личный, где-то даже интимный, мир композитора передан в Трех романсах на стихи Мирославы Метляевой. Обращаясь к библейским мотивам, авторы глубоко осмысливают, порой безжалостно оценивают не только свою судьбу, но и историю человечества. Трагической кульминацией вечера прозвучала молитва для голоса и фортепиано "Кадыш", посвященная З.Ткач и поэтом Моисеем Лемстером тремстам тысячам евреев, загубленным в Транснистрии (их захоронения обнаружены недавно в Косэуцком лесу).

Концерт в Органном зале длился без перерыва два с половиной часа. Однако никто из публики не ушел, никто не пресытился яркими впечатлениями, надолго запавшими в душу. За этот праздник духовности и красоты мы в первую очередь благодарим неутомимого энтузиаста и разносторонне талантливого профессионала Серго Бенгельсдорфа, практически не уходившего в этот вечер со сцены. Увлекательно комментируя каждое сочинение (ведь большинство из них были премьерными!), он затем садился за рояль и становился равным и очень удобным партнером каждому из тех солистов, чье дарование по-новому открывалось публике именно его стараниями. Назовем здесь певцов Николая и Татьяну Бусуйок, Альбину Цинман и Ирину Жарких, скрипачку Эсфирь Каплун и виолончелиста Марка Лозника, кларнетиста Михаила Корецкого и струнный квартет Национальной филармонии.

К осени Серго Бенгельсдорф и возглавляемое им музыкальное отделение Еврейского общества Молдовы обещают подготовить уже два "полнометражных" авторских концерта, посвященных Д.Шостаковичу и З.Ткач, которая, кстати, в текущем году отмечает 40-летие своей творческой деятельности.

Сергей ПОЖАР, музыковед

ЭНТУЗИАСТ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Имя Серго Бенгельсдорфа неизменно ассоциируется с самыми важными музыкальными событиями в еврейском Обществе с первых лет его существования в республике. Его роль рельефно высветил и юбилейный вечер, недавно прошедший в зале Национальной филармонии, когда многие с удивлением узнали: Серго Бенгельсдорфу - 60!

Серго Бенгельсдорф

Выставленные в фойе афиши, фотографии и вырезки из газет еще раз напомнили, что Серго Бенгельсдорф удивительным образом оказался востребованным в роли проводника еврейской культуры в наши дни, когда, на первый взгляд, в конце второго тысячелетия странно говорить о ее возрождении. Но как раз лет десять назад пробуждение национального самосознания совпало с особенно интенсивным оттоком талантливых людей, и ситуация в местной культуре стала напоминать ту, которую физики называют "неравновесным состоянием вещества". Возникла потребность сохранить это самое "вещество" - национальную культуру, сконцентрировать творческие силы - композиторские и исполнительские, расширить сферу пропаганды еврейской музыки, литературы и языка. И главное было сделано правильно: создавали новое, не пытаясь удержать то, что просачивалось сквозь пальцы и уходило. И потому сегодня уже можно с уверенностью сказать, что за эти годы еврейская музыка в Молдове не только не исчезла, а существенно обогатилась и обрела самобытный облик. Пример тому - прозвучавшие на вечере и во многом вдохновленные именно сотрудничеством с С.Бенгельсдорфом произведения хорошо всем нам известного композитора Златы Ткач.

В свое время, обратившись к еврейской теме, З.Ткач как-то сразу поверила в исполнительский энтузиазм С.Бенгельсдорфа, и, хотя все начиналось с мелочей - фортепьянных миниатюр и обработок народных песен (их вместе с обработками В.Биткина пела в концертах еще И.Мишура-Лехтман), сегодня в творческом портфеле автора более тридцати еврейских сочинений. И входят в этот список уже очень серьезные и масштабные опусы, оригинальные по жанровому замыслу и сложные в концептуальном отношении - такие, как "Кадиш", "Яд-Вашем", вокальные циклы на стихи Овсея Дриза, Михаила Лемстера, Эмилии Слезингер. Рядом с ними - баллады и поэмы, музыкальный букварь на идиш "Звучащие буквы" на слова Ихила Шрайбмана и Льва Квитко и, конечно, моноопера-поэма по повести Паулины Анчел "Асенька".

Особо надо отметить и вокальную поэму "Славатич", созданную композитором на стихи Любы Вассерман, еврейской поэтессы, матери Серго Бенгельсдорфа. Эта своеобразная музыкальная картинка-воспоминание о ее родном местечке на границе Польши и Белоруссии дорога юбиляру еще и потому, что воплощает его главную, кроме фортепьяно, привязанность к вокальной музыке, звучанию человеческого голоса. Причем С.Бенгельсдорф не только всякий раз участвует в представлении и пропаганде музыки З.Ткач, он вместе с композитором подбирает вокалистов для предстоящей премьеры, а порой способствует появлению новых редакций сочинения.

В расчете на С.Бенгельсдорфа и на его участие в исполнении З.Ткач написала и второе свое фортепьянное трио на материале одной из частей Двойного флейтового концерта памяти отца, и одночастную фортепьянную Сонату-экспромт с еврейскими темами, впервые прозвучавшую именно на прошедшем юбилейном концерте. Собственно, почти вся музыкальная часть вечера словно была символом

столь плодотворного сотворчества этих двух мастеров еврейской музыкальной культуры: кроме Сонаты, состоялась первая премьера в концертном зале вокального триптиха на стихи М.Лемстера "История дорожного посоха" в исполнении В.Вулпе - студента Академии музыки им.Музическу, прошел повторный показ премьеры "Lamento" с участием Н.Гаврилан. Талантливые музыканты, как правило, концентрируют вокруг себя способную молодежь, вовлекая ее в орбиту своих художественных интересов. Аспирантка Академии музыки, лауреат конкурса вокалистов в Румынии Н.Дигоре начала работать с С.Бенгельсдорфом в недавно организованной студии еврейской музыки и уже успела съездить вместе с ним на юбилейный фестиваль на Дальний Восток. На вечере в исполнении Н.Дигоре мы услышали "Еврейский вальс" З.Компанейца и, как сказал сам юбиляр, "снова Злата Ткач!" - ее обработки и баллады: "В овсе и во ржи", "Хватайте его". Такое особое отношение С.Бенгельсдорфа к творчеству этого композитора нельзя считать случайным. Он давно сформулировал для себя четкое кредо: возрождая и сохраняя еврейскую культуру или создавая ее после более чем пятидесятилетнего забвения, нужно делать это профессиональными руками, не опускаясь до дилетантизма или ограничиваясь перепевами клезмерской музыки.

На вечере было сказано, как водится, очень много теплых слов в адрес юбиляра. Не повторяя их, от себя хочу добавить: для меня Серго Бенгельсдорф всегда был интересен прежде всего своей разносторонностью и широтой, особой увлеченностью и жизнелюбием. Привлекает и то, что он недавно удостоенный почетного звания "Maestru în arte", видный критик и журналист, педагог и исполнитель - лишен всякого самомнения, а его постоянное участие во всех музыкальных событиях - плод естественного, спонтанного самовыражения, присущей ему энергии и стремления щедро поделиться собственной радостью от самого процесса творчества. В этом плане он, как мне кажется, работает не только на еврейскую культуру. Очень важно, что он пробуждает влечение к еврейской музыке со стороны людей самых разных национальностей. Его национальное самосознание одновременно и интернационально и включает в себя как постоянные контакты с крупными ленинградскими музыкальными учеными И.Гликманом и И.Земцовским, общение с дочерью М.Береговского, так и внимание к музыке Шостаковича, к русской музыке (в том числе звучащей в репертуаре его учеников по колледжу).

Вера С.Бенгельсдорфа в важность предназначения музыканта по-прежнему непоколебима в отличие от некоторых уехавших из Молдовы. Ведь многим из них пришлось с болью ощутить в новых местах ненужность своей профессии. С.Бенгельсдорф просто продолжает делать на этой земле свою повседневную и такую благородную работу: он собирает камни разрушенного храма культуры и вытесывает новые, чтобы построить другой храм, еще более прекрасный.

Г. В. КОЧАРОВА, доктор искусствоведения

Серго Бенгельсдорф

СЕРЕБРО НАШИХ ДАТ

“Ах, эти даты”... Отмечаемые в малых концертных залах, они часто памятнее тех, что зовут в большие. Камерность сближает людей, раскрывает их. Как и этот юбилей известного музыканта, заслуженного деятеля искусств Сергея Бенгельсдорфа. Кто-то сравнил его с Эрнестом Хемингуэем. Что ж, в этом есть резон. Но, пожалуй, более, чем внешне, он похож на него творческой энергетикой. Музыкант, исполнитель, воспитатель, открывший и приобщивший к творчеству немало талантов, журналист, тележурналист...

Не каждому дана такая многогранность интересов. Она по силам только талантливой индивидуальности, которая, кстати, умеет не поддаваться возрасту.

Юбилей был встречей не с 60-летием маэстро, а с молодостью его. И - с новыми страницами творчества. В исполнении Учителя и учеников - выпускников колледжа имени Няги, Музыкальной Академии и еврейской камерной студии прозвучало много премьер. Среди них - произведения Златы Ткач, раскрывающие трагизм судьбы еврейского народа.

А потом из добрых слов в “адрес” слагался “портрет юбиляра”. Аристократа духа. Большого и доброго человека. Романтика и подвижника. Последнюю строку в нем дописал сам виновник торжества. Поклонившись тем, кому обязан датой - матери и отцу. Они тоже были романтиками. Уроженец Аргентины и уроженка Палестины встретились на пароходе, который плыл в страну их мечты - СССР. Здесь мать юбиляра, известную поэтессу Любовь Вассерман вскоре “поглотил” ГУЛАГ. Она была романтиком. Стала узником... Но трагедия не разрушила главного в том, кому эта женщина дала жизнь. Сын режиссера и известной поэтессы унаследовал от них талант любить жизнь, жить светло и мужественно. Это и дарит ученикам. С любовью. И они отвечают тем же.

Еще не осень, маэстро, совсем не осень. И в серебре - только наши даты...

Раиса КАЗАКОВА

В МАЖОРНОМ ДУХЕ

Вечера, проводимые в Клубе еврейской камерной музыки, снискали большое количество поклонников. Порой сюда приезжают не только кишиневцы, но и представители диаспоры из других городов и местечек. Всех их объединяет одно - большая, святая к музыке любовь. Сезон в Клубе, организованном при Международном еврейском агентстве “Сохнут”, начался в прошлом году. Руководитель Клуба Серго Бенгельсдорф с самого начала сумел организовать и поставить его работу так, что о вечерах сразу же заговорили, передавая из уст в уста информацию о том, что здесь можно не только послушать еврейскую музыку и приятно отдохнуть, но также узнать много интересного из жизни композиторов, исполнителей, раскрыть тайны “белых пятен” в истории этой музыки, а заодно и проконсультироваться у

специалистов "Сохнута" по многочисленным волнующим проблемам.

Если в самом начале работы Клуба встречи проводились в крошечном зале детской музыкальной школы, то уже очень скоро из-за того, что не хватало места всем желающим они стали проходить в зале Дома актера, который находится в том же здании, что и еврейское агентство, адрес которого знают практически все: ул. Пушкина, 24.

Весь сезон в довольно вместительном зале были аншлаги - автор этих строк тому свидетель. Молодежь и убеленные сединами старцы, люди среднего поколения, многие с детьми и внуками даже зимой в непогоду добирались сюда. Среди них можно было видеть и школьников, и студентов, и рабочих, и служащих, и профессуру высокого ранга и простую уборщицу-еврейку. В чем же секрет такой популярности Клуба? Во-первых, в том, что пианист и искусствовед С.Бенгельсдорф немало потрудился, прежде чем организовать каждый из вечеров. Заключается это в поисках забытых или "нерасконспирированных" по сию пору еврейских композиторов и их произведений, на которые было наложено вето, тщательном подборе репертуара и исполнителей. Для того, чтобы провести вечер, посвященный, к примеру, еврейским композиторам начала XX века, руководителю клуба пришлось покопаться в архивах, пообщаться со многими людьми музыкального мира в других городах, в том числе Санкт-Петербурге и т. д. Удалось раздобыть уникальные материалы, о которых даже искусствоведы, как выяснилось, услышали впервые. Многие из кишиневских еврейских меломанов стали в наше время первыми слушателями первого современного исполнения многих музыкальных произведений и песен именно в Клубе. Внимательный читатель наверняка заметил, что о многих вечерах мы уже писали и что ни одна музыкальная встреча не походит на другую по тематике и духу.

Всего за сезон было проведено семь встреч. Многие помнят, как заполнившие зал зрители превращались в единый организм и слушали музыку, пение. Ах, какая музыка звучала! Это незабываемо!

Через некоторое время Клуб расширил свои рамки, включив в сценическое действие художественное слово. Теперь, кроме скрипачей, пианистов, виолончелистов, певцов на подмостки стали выходить и широко известные артисты: народная артистка РМ Н.Каменева, заслуженный артист РМ М.Миликов и др. Зазвучали стихи, проза, отрывки из спектаклей на еврейскую тему. Поэтому неудивительно, что в работу включился заслуженный артист РМ режиссер Б.Аксенов - она уже требовала профессиональной выстроенности, композиционности. И от этого все происходящее на сцене засияло новыми гранями, приобрело форму музыкально-литературного спектакля. Зрители все прибывали. И встречали здесь свое родное, близкое, то, по чему так долго тосковали, к чему стремились. Под израильским флагом прошел удивительный вечер, посвященный Иерусалиму. Благодарные слушатели выносили на сцену букеты цветов, многие вытирали слезы, обнимали артистов и руководителя клуба. Слов "остались довольны" недостаточно, чтобы

охарактеризовать все чувства, которые наполняли зрителей на каждом концерте-спектакле, будь он посвящен Дню катастрофы, творчеству Шостаковича или еврейскому музыкальному фольклору. Все единодушно благодарны "Сохнуту" за оказание помощи в организации такого родного очага, как Клуб еврейской камерной музыки. А руководитель агентства В.Фишер, как правило, скромно сидел в задних рядах зала и так же, как все, наслаждался звуками музыки: рыданием или сладкоголосым пением скрипки, "рассказом" фортепиано, удивительными модуляциями меццо-сопрано...

И вот заключительный вечер. На этот раз авторы-создатели решили провести его на веселой ноте. Если коротко, то охарактеризовать его можно так: "На всем лежит еврейский глаз, у всех еврейские ужимки, и с неба сыплются на нас шестиконечные снежинки". Снежинок, правда, не было (исключая одной - той, что на израильском флаге, который украшает сцену каждый раз), но без "еврейского счастья" на этот раз не обошлось. В городе в этот день была отключена электроэнергия, троллейбусы по многим маршрутам не ходили, поэтому зрители добирались на концерт кто как мог: кто пешком, кто бегом. Многие опоздали. Запыхавшиеся, утомленные, взволнованные, они заполняли зал и настраивались на восприятие музыки и слова. Наконец, все расселись, вечер еврейской народной музыки и юмора стартовал.

Дорожные "издержки" были с лихвой компенсированы и вскоре забыты за волной искрометного и радостного юмора, забавных песен, остроумных колкостей ведущих в адрес друг друга (Н.Каменева и М.Миликов), а также в адрес мужчин и женщин по отдельности.

В этот день для нас пели дипломант международного конкурса Наталья Гаврилан /меццо-сопрано/, звезды Национальной оперы Беата Ганзел /меццо-сопрано/ и Лилия Шаломей /сопрано/, выпускница Музыкальной академии Анжела Пихут / сопрано/. За роялем традиционно находился мастер искусств РМ С. Бенгельсдорф, который лихо реагировал на шутки словесные и музыкальные, был в явно приподнятом настроении. Артисты Национальной филармонии Э.Сурис /скрипка/ и М. Лозник /виолончель/ тоже были склонны пошутить как при помощи виртуозного владения смычком, так и выразительностью мимики, особенно когда исполняли шуточные произведения. Среди авторов, музыкальные и литературные произведения которых были исполнены на вечере: Злата Ткач, Владимир Биткин, Юлий Энгель, Наум Гребнев, Эфраим Севела, Любовь Вассерман, Игорь Губерман. Между прочим, в последнее время у нас в Кишиневе начался настоящий "бум" на И.Губермана, который уже много лет живет в Израиле, но создаваемые им остроумные четверостишия "гарики" ходят по всем странам СНГ. Книги этого автора и у нас многие ищут... Многоголосый смех вырывался из открытых окон Дома актера, когда Н. Каменева и М. Миликов устроили на сцене "пикировку" строками из Губермана. Очень смешной была и сцена из спектакля "Остановите самолет, я слезу" /реж. Б.Аксенов/, во время которой реплики подавал прямо из зала Г. Лер-

фельд.

Все были рады, что завершился сезон в столь мажорной интонации. Вы спросите: а когда начало очередного сезона и будет ли он? Конечно, будет! Вечера Клуба еврейской музыки, а также Клуба израильской поэзии возобновятся в сентябре. Приходите обязательно и друзей приводите! Вам будет интересно - это мастера сцены вам гарантируют.

С. КАЛИНИНА

НАС СРОДНИЛА ЛЮБОВЬ К ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКЕ

Уже два года большой популярностью среди посетителей Еврейского агентства в Кишиневе пользуется Клуб еврейской музыки, возглавляемый мастером искусств Республики Молдова, пианистом Серго Бенгельсдорфом.

Люди приходят в этот Клуб и в зимние морозы, и в осеннюю слякоть, и в летний изнуряющий зной. Всех приводит сюда, как говорится, «святая к музыке любовь».

Недавно состоялось закрытие очередного сезона. С.Бенгельсдорф, являвшийся ведущим вечера, на этот раз представил слушателям программу, состоящую из блистательных номеров прошлых концертов. На сцену, украшенную флагами Израиля и «Сохнута», неожиданно для всех присутствующих вышли... дети! Такое в клубе было впервые. Мальчики и девочки оказались питомцами композитора, нашей известной современницы, кишиневки Златы Ткач, которая ведет при Еврейском агентстве школу юных композиторов. Ребята исполнили мини-оперу, сочиненную талантливой ученицей Златы Ткач - юной Диной Вайсельбух. В музыкальной сказке о царе Соломоне ребята проявили себя как настоящие оперные певцы и певицы, старательно выводя арии мудрого Царя, Пчелы, Царицы Савской и т. д. Одеты юные артисты были в костюмы, соответствующие времени действия сказки. Когда Царь Соломон праздновал победу со своими приближенными (а это был финал сказки), в зале раздались горячие благодарные аплодисменты и крики «браво!”. В этот самый момент к ним поднялись работницы «Сохнута» и каждому юному исполнителю вручили подарок.

Едва растроганные зрители успели отойти от аплодисментов, как на сцене появился известный виолончелист Марк Лозник, и под сводами зала зазвучала чудесная «Мелодия» нашего великого земляка, композитора Антона Рубинштейна, творчеству которого ранее был посвящен специальный вечер. Вдохновенно исполнил романс «Ночь» скрипач Наум Хош, а две персидские песни (по мелодике напоминающие молдавские и еврейские) задорно и выразительно спели солисты Анжела Пихут и Мефодий Бужор.

Как не вспомнить было и вечер оперетты, который так понравился слушателям

ранней весной! Арию из оперетты И.Штрауса «Летучая мышь» с лихим актерским куражом исполнил солист Национальной оперы Вилорий Заволокин. Певца долго не отпускали со сцены. А как была хороша Анжела Пихут со своей «Карамболиной-карамболеттой» из многими любимой оперетты И.Кальмана «Фиалка Монмартра»!

Еще будучи студенткой консерватории, Анжела вошла в концертную группу С.Бенгельсдорфа в клубе еврейской музыки при «Сохнуте». За последние годы она из девочки-студентки выросла в профессиональную певицу (сопрано), стала лауреатом нескольких конкурсов, аспиранткой, сейчас едет в США, где примет участие в концертах среди известных мастеров оперной сцены. В своих успехах Анжела «винит» маэстро Серго Бенгельсдорфа, который являлся и является для нее, впрочем, как и для многих других молодых учеников, настоящим «раввином», наставником, другом.

Затем слушатели перенеслись в мир романса (был у нас в клубе и такой вечер). Знаете ли вы, что популярный, всем хорошо знакомый романс «Ямщик, не гони лошадей!» написал еврей Яков Фельдман? Надо сказать, что Анжела Пихут неплохо спелась в этот вечер с молодым басом Мефодием Бужором. Два романса (один на стихи И.Керлера, другой на музыку З.Ткач) этот дуэт исполнил и романтично, и лукаво, и лирично, и весело.

Вспомнили организаторы и вечер, посвященный творчеству замечательного Исаака Дунаевского. Арии из его оперетт исполнил так полюбившийся слушателям Вилорий Заволокин, высокий, статный певец с могучим голосом. А песню из кинофильма «Искатели счастья", в котором рассказывается о строительстве Биробиджана, вместе с солистом пел весь зал.

Не забыли устроители и о творчестве еврейских композиторов начала века, ноты к произведениям которых так тщательно искал С.Бенгельсдорф, совершив поездку в Санкт-Петербург, глотая архивную пыль, расспрашивая людей. И вот в результате его поисков со сцены Клуба еврейской музыки звучат произведения Лео Цейтлина «Эли Сион», печальная «Мелодия» Иосифа Ахрона и многие другие забытые композиции. Состоялась в завершающий вечер и премьера песни С.Беларского «Пусть придет избавление», которую повезет с собой в Америку Анжела Пихут.

А завершилась встреча в клубе очаровательным молдавско-еврейским «букетом», сочиненным Златой Ткач на стихи И.Керлера «Приезжайте к нам в Капрешты».

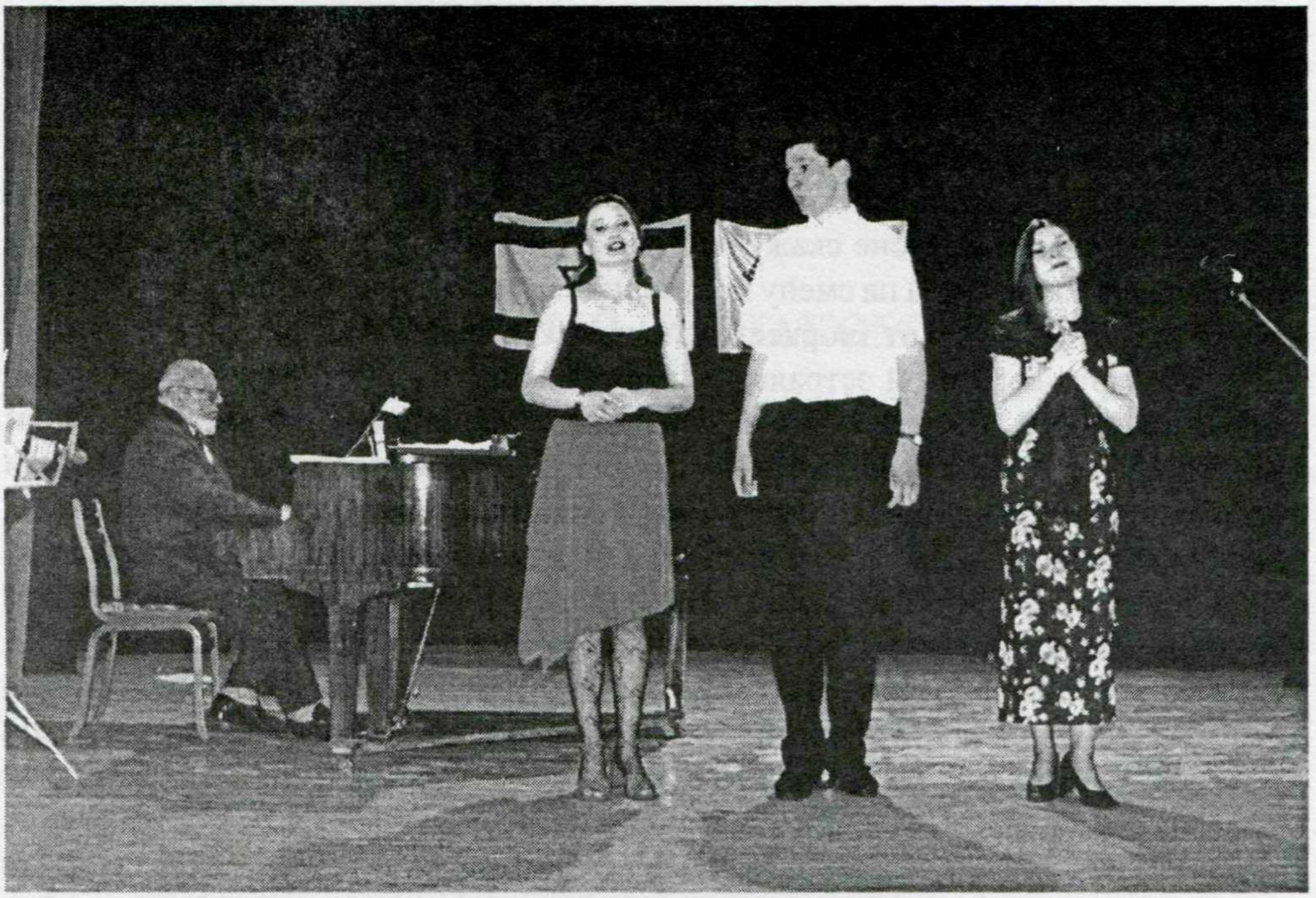
Светлана Калинина

ГЛАВНОЙ ГЕРОИНЕЙ БЫЛА ЕВРЕЙСКАЯ МУЗЫКА

Сезон бывает не только театральный. Бывает и клубный. И вот один из таких сезонов, а именно в Клубе еврейской музыки, созданном при агентстве «Сохнут»

завершен. Каким он был, дает ответ, подытоживая сделанное, руководитель клуба, мастер искусств, музыковед и пианист Серго Бенгельсдорф.

- Направление нашей деятельности было заявлено еще с первых наших вечеров, которые вот уже три года проходят обычно в последнее воскресенье месяца. В творческом плане - это возрождение еврейской музыкальной культуры, которая в советские времена была изгнана из концертных залов и со сценических площадок. В материальном - поддержка талантливых музыкантов, независимо от национальности, влачащих в наши дни, как и большинство жителей Молдовы, жалкое существование.

На вечере, посвященном творчеству Вениамина Баснера, Кишинев, "Сохнут", 2000-й год

Еврейскую музыкальную культуру мы трактуем довольно широко – это произведения композиторов как евреев, так и не евреев, писавших и пишущих еврейскую музыку. Среди них - наша землячка Злата Ткач, композиторы из Петербургского общества еврейской народной музыки, существовавшего в начале 20 века, великий Дмитрий Шостакович, чей вклад в еврейскую музыку трудно переоценить. Другое направление-творчество выдающихся композиторов (евреев по происхождению), внесших большой вклад в мировую музыкальную культуру, таких, как Мендельсон, Мейербер, Оффенбах, Малер, Кальман, Рубинштейн... Наконец, еще один пласт, который мы стараемся поднимать,- библейская тема в музыке.

Единственный критерий, по которому подбирались исполнители для каждого

концерта - это их талантливость. И вместе с тем я старался сочетать опытных, зрелых мастеров и одаренную молодежь. Так, в музыкальном Клубе при "Сохнуте" выступали солисты молдавской оперы Михаил Мунтян, Николай и Татьяна Бусуйок, Вилорий Заволокин, Иван Кваснюк, Беата Ганзел, Лилия Шаломей, солисты филармонии Ион Жосан, Николай Черный, Марк Лозник. И одновременно с ними я привлекал к концертам молодых вокалистов - студентов своего класса по камерному пению при Молдавском университете искусств, для которых участие в таких вечерах было отличной школой концертного опыта, потому что, сколько ни репетируй в классе, только сцена, как лакмусовая бумажка, проявляет все недочеты и проблемы музыкального образования. Среди своих воспитанников, участвовавших в концертах музыкального Клуба, я бы хотел отметить молодых лауреатов и дипломантов международных конкурсов Наталью Гаврилан, Анжелу Пихут, Мефодия Бужора, Валерия Димова.

Сейчас уже трудно вспомнить все концерты за три года, их было свыше тридцати, но о последнем сезоне скажу несколько слов. Он отличался разнообразием жанров и программ, когда на смену популярной классике приходила зажигательная музыка оперетты, когда от творчества Антона Рубинштейна перекидывался мостик к "Моцарту советской эстрады" И.Дунаевскому, когда строгие классические романсы Шуберта, Масснэ, Глинки, Чайковского, Свиридова сочетались в одном концерте со старинным русским, румынским, цыганским городским музыкальным фольклором. И вместе с тем через все вечера сквозной линией проходила еврейская тема, без которой наш музыкальный клуб не представляет своего существования.

Это проявлялось то в рассказах о композиторах и их еврейских корнях (Рубинштейн, Дунаевский), то во включении в "Вспомним оперетту" произведений Жака Оффенбаха, Имре Кальмана, Джорджа Гершвина, Исаака Дунаевского. Наконец, даже в том, что при подготовке старинных русских романсов удалось установить (и об этом было сказано), что автором одного из самых популярных романсов "Ямщик, не гони лошадей!" был Яков Фельдман.

Но, конечно, сама еврейская музыка - и популярная, и редко исполняемая, и новая - была главной героиней как предыдущих, так и этого сезона. И потому она заняла такое большое место в заключительном концерте, который вобрал в себя все лучшее, что было показано на протяжении последнего сезона. Это две пьесы "Эли Сион" ("Бог Сиона") и "Еврейская мелодия" композиторов Петербурга начала 20 века Льва Цейтлина и Иосифа Ахрона в отличном исполнении солистов филармонии Марка Лозника (виолончель) и Наума Хоша (скрипка), это "Еврейский танец" Дунаевского в концертной обработке Самуила Герчикова для фортепиано (Серго Бенгельсдорф) из кинофильма "Искатели счастья", а "Еврейская застольная" из этого же фильма в исполнении Вилория Заволокина так понравилась публике, что ее пришлось "бисировать". Анжела Пихут на великолепном еврейском языке спела известную песню Сидора Беларского "Пусть придет искупление", а ее дуэт с Мефодием Бужором, исполнивший песню "Приезжайте к нам в Капрешты" Златы

Ткач, внесшей огромный вклад в развитие в Молдове современной еврейской музыки, явился замечательным заключительным аккордом как последнего концерта, так и всего минувшего сезона. Исполняя в этом дуэте партию фортепиано, я подумал, какой прекрасный пример для воспитания в духе любви и дружбы людей разных национальностей дает такая, основанная на еврейских и молдавских интонациях песня про молдавское местечко Капрешты, которую написали два еврейских автора - Злата Ткач и поэт Иосиф Керлер, а звучала она в русском переводе в исполнении двух молдавских певцов и еврейского пианиста. Настоящий "букет Молдавии"!

И в заключение - благодарственные слова в адрес молдавского отделения "Сохнута", его бывшего директора Виктора Фишера, по инициативе которого создан музыкальный клуб, и нынешней руководительницы Розы Бен Цви, намеревающейся продолжить работу клуба еще более интенсивно. Без их поддержки, спонсорской помощи наш клуб просто не мог бы существовать.

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Под таким названием в Израильском культурном центре при консульстве Израиля в Молдове проходят вечера встречи с местными еврейскими музыкантами, артистами, художниками, которые в небольшом уютном и теплом (что немаловажно в наши дни) зале Центра рассказывают о своей жизни, творчестве, демонстрируют свое искусство.

На этот раз гостем Центра был известный музыкант и журналист, редактор еврейских передач радио Молдовы Серго Бенгельсдорф. Вместе со своими молодыми коллегами певицей Анжелой Пихут и скрипачом Николаем Черным - он представил литературно-музыкальную композицию "Ворт ун нигн" - "Слово и мелодия". В музыкальную часть программы вошли произведения еврейских композиторов разных поколений, чью музыку Серго Бенгельсдорф восстанавливал из небытия, работая в музыкальных архивах Петербурга и Иерусалима. Это "Танец старого раввина" израильского композитора Реувена Коссакова для фортепиано, это скрипичный "Фрэйлэхс" ("Веселый танец") Юлия Энгеля и "Еврейская мелодия" Иосифа Ахрона - представителей Петербургского общества еврейской народной музыки, существовавшего в начале XX века. Это и творчество выходца из Бессарабии Сидора Беларского, ставшего впоследствии знаменитым оперным певцом и композитором.

Особое и самое значительное место в концертной программе заняла музыка нашей землячки, известного в Молдове и за ее пределами композитора Златы Ткач. Ее тесное сотрудничество с Серго Бенгельсдорфом приводит к тому, что все произведения на еврейскую тематику, выходящие из-под пера талантливого композитора, озвучиваются, т.е. приобретают концертную жизнь. Так, на вечере в исполнении

певицы Анжелы Пихут прозвучали прекрасные обработки Златы Ткач ивритских и идишских народных песен,, Николай Черный сыграл ее искрометный "Еврейский танец", а совместное исполненение тремя музыкантами ее еврейско-молдавской песни "Приезжайте к нам в Капрешты" на стихи Иосифа Керлера встретило самый горячий прием в зрительном зале.

Музыкальная часть программы уже была обозначена в афише знакомыми фамилиями музыкантов. Но вот то, что Серго Бенгельсдорф рассказал на вечере о своей маме - поэтессе Любе Вассерман и читал ее стихи на идише и русском, а потом учительница иврита из 22-й еврейской школы, израильтянка Шунамит прочитала стихи Любы Вассерман на иврите, - это был сюрприз для многих посетителей вечера, отвечающего названию "Знакомый незнакомец".

Люба Вассерман - человек трагической судьбы. Приехавшая в 30-е годы из подмандатной англичанам Палестины в Биробиджан, она была одна из первостроителей Еврейской автономной области, считала, что строит еврейский дом, куда соберутся все евреи. Но в 1949 году ее, известную уже тогда поэтессу, бесчеловечный сталинский режим обрек на семь долгих лет тюремного заключения.

Из сибирских лагерей она вернулась тяжелобольная, и после смерти ее мужа, актера Моисея Бенгельсдорфа, Серго перевез ее в Кишинев, где она жила до последнего дня и обрела вечный покой. На вечере Серго прочитал ее трагические лагерные стихи "В тюрьме" и "Красная глина" (перевод на русский Юрия Павлова), а Шунамит - стихи о Тель-Авиве и несколько лирических стихотворений из палестинской юности поэтессы, которые недавно были изданы в Израиле в переводе на иврит.

Литературно-музыкальная композиция "Слово и мелодия", где музыка сочетается с поэзией, прошла с большим успехом. Хочется пожелать Серго Бенгельсдорфу и его молодым талантливым коллегам новых творческих свершений, чтобы эта программа еще не раз была показана и в Молдове, и в городах СНГ, да и не только СНГ. Качество литературно-музыкального материала и талантливость исполнителей дают повод для такого пожелания.

Сержиу ГАЛАН

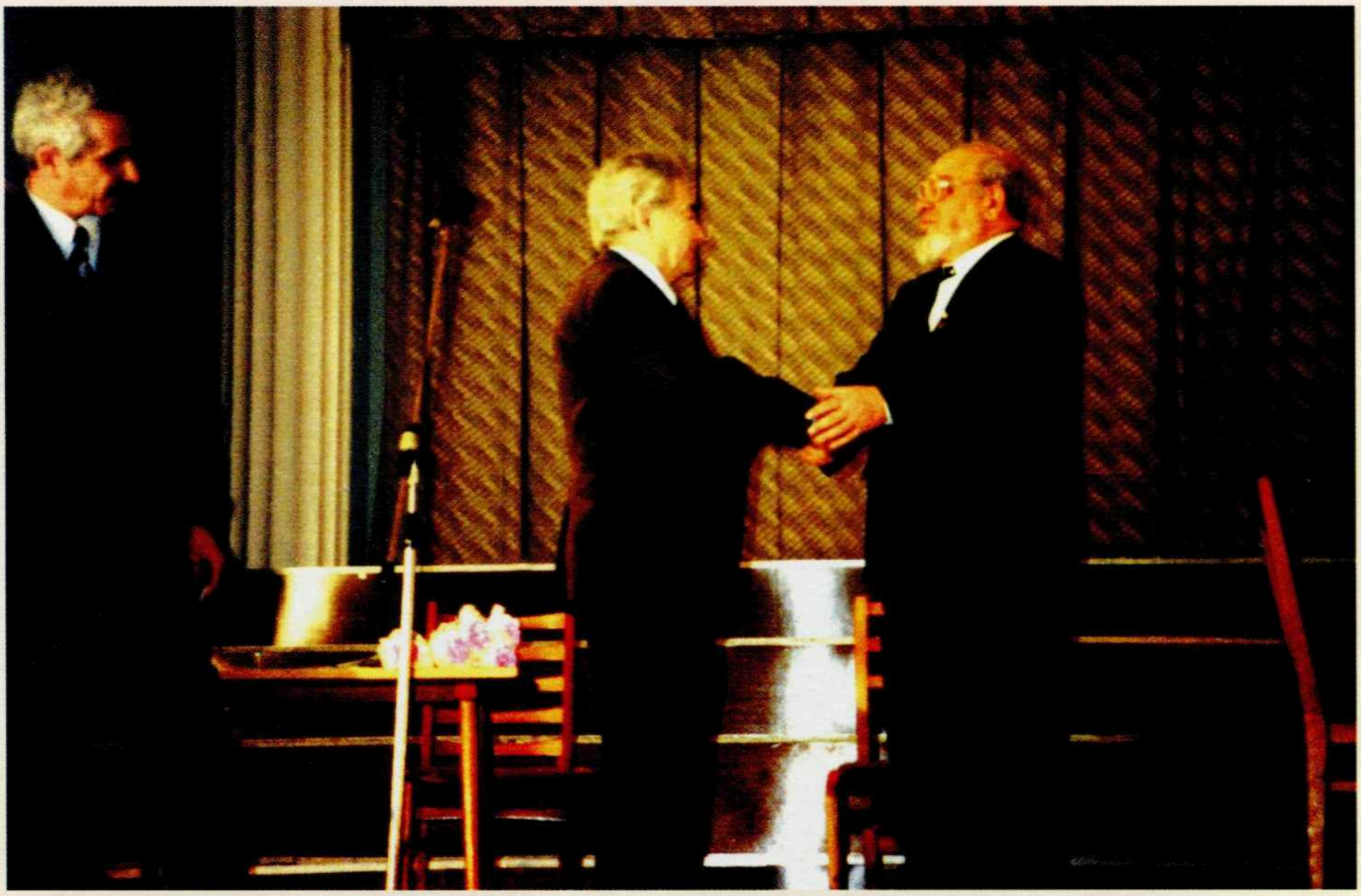
ДАЙН ГУТЕР НОМЕН

Кишиневские евреи, и не только евреи, любят ходить на музыкальные вечера Серго Моисеевича Бенгельсдорфа. И правильно делают. Здесь точно будет музыка, здесь точно будут порой щемящие, порой радующие сердце слова и мелодии, без которых жизнь в этом беспокойном и неустойчивом мире была бы совсем серой.

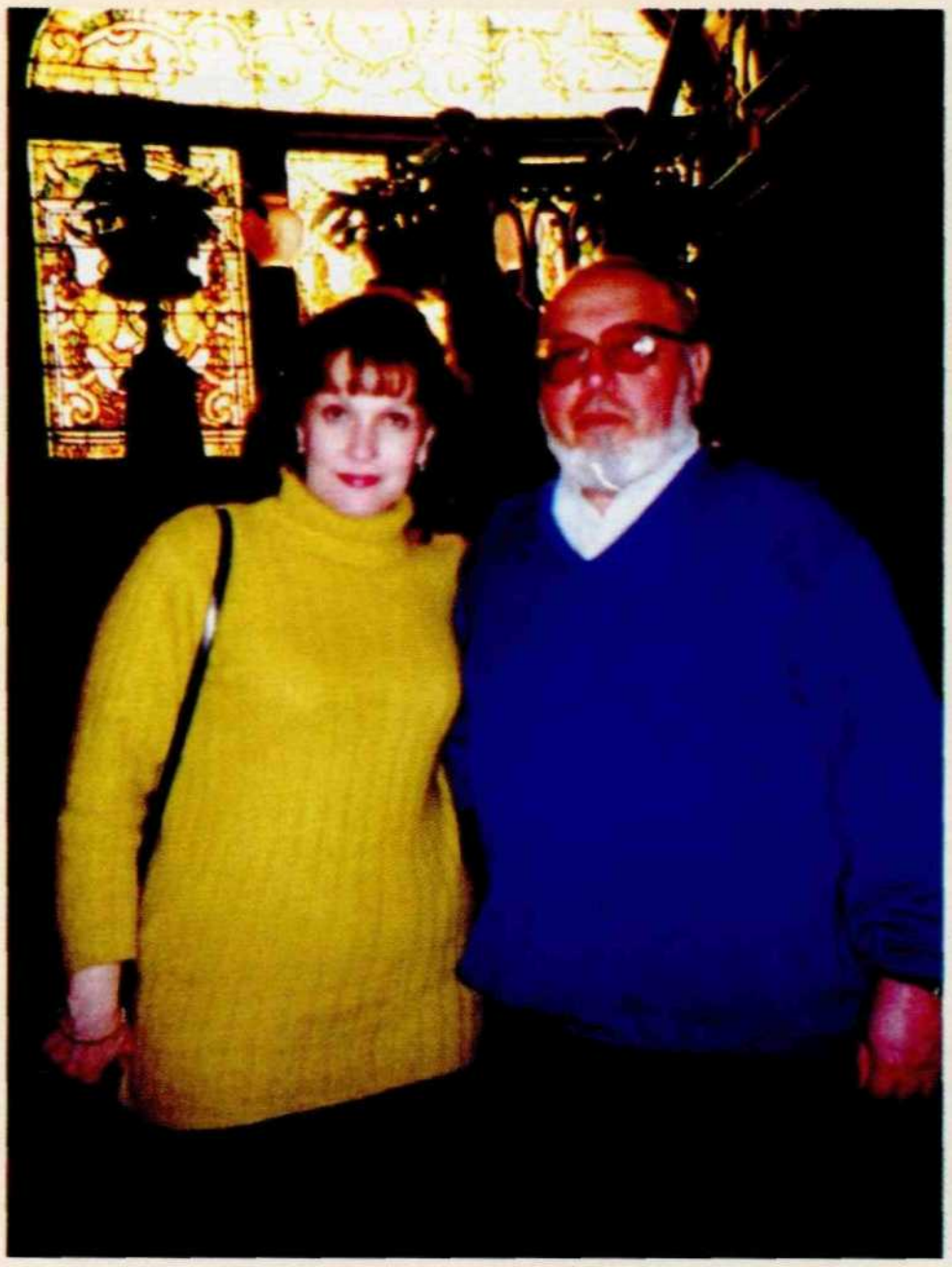
Кстати, темой очередного вечера стал своеобразный отчет Серго Бенгельсдорфа о концерте под названием "Слово и мелодия" ("Ворт ун нигн"), который дали наши музыканты в Санкт-Петербурге в середине января. Прибыли они сюда по приглашению питерского еврейского общинного центра и выступали в Мемо-

Ирина Мишура после спектакля "Кармен" в гостинице,
Сан-Франциско, сентябрь, 1995 год

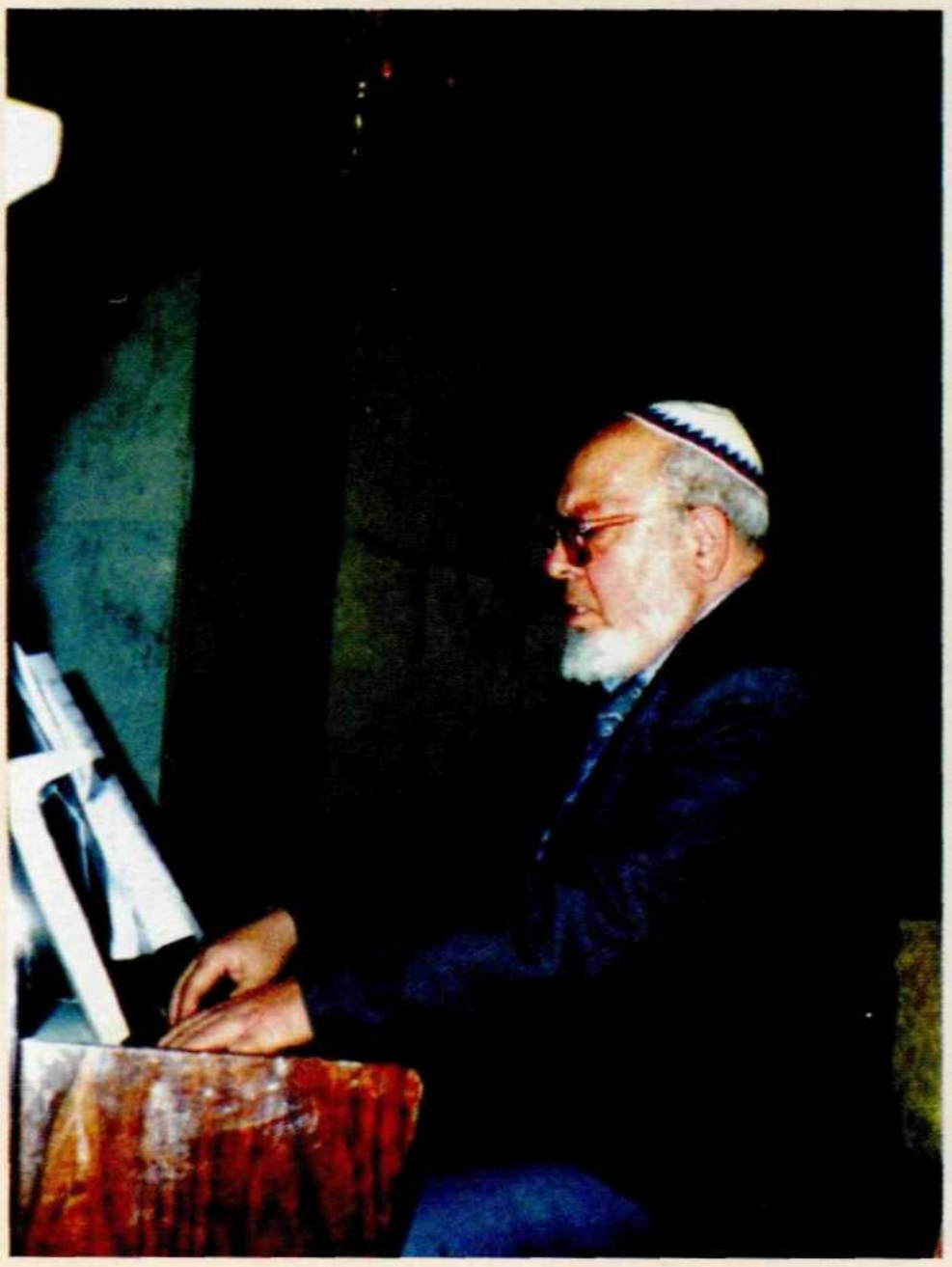
С Ихилом Шрайбманом на юбилее - 60 лет. Слева стоит поэт Моисей Лемстер

С Ириной Мишурой в ресторане "Уитни" - лучшем ресторане Детройта

На вилле Ирины Мишуры под Детройтом

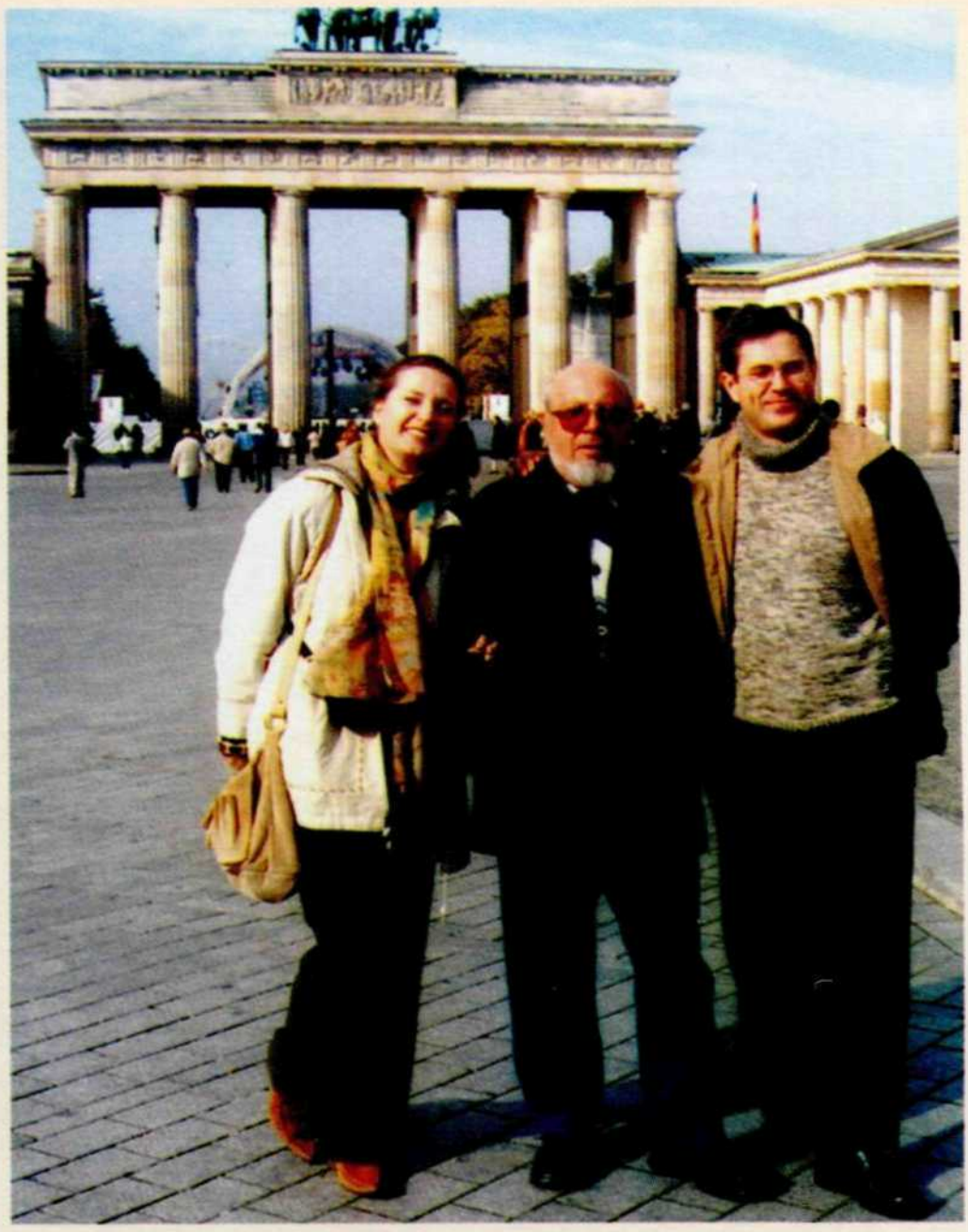
В центральной синагоге, Москва, 2001 год

В Еврейском культурном центре на Большой Никитской, Москва, октябрь, 2002 год

С уличной красоткой, Берлин,
октябрь, 2004 год

У Бранденбурских ворот с А.Пихут и
Н.Черным, Берлин, октябрь, 2004 год

После концерта в Еврейском общинном Центре, Берлин, октябрь, 2004 год

На концерте в Гетеборге, Швеция, октябрь, 1997 год

На фестивале в Санкт-Петербурге со Славой Фарбером, 2003 год

С Анжелой Пихут после концерта в Мемориальном музее-квартире Н.А.Римского-Корсакова, Санкт-Петербург, 2001 год

На первом "Клезфесте" в Санкт-Петербурге с Нехамой Лившиц, 1997 год

На юбилее молдавского землячества в Беэр-Шеве, Израиль, декабрь 2001

По дороге на концерт, Израиль, 2001 год

В городе Нахария с женой, Израиль, декабрь, 2001 год

На международном семинаре по еврейскому языку, Пуще-Водица, 2000 год

С Марией Биешу, 1997 год

На концерте с виолончелистом Марком Лозником в Тирасполе, 2000 год

С коллегами по редакции национальных
меньшинств "Радио Молдова"

Мои первые ученики в музыкальном колледже имени Ш.Няги, 1967 год

Концерт памяти композитора Антона Рубинштейна, Тирасполь, 1998 год

С коллегами Наумом Хошем, Ионом Жосаном, Борисом Дубоссарским,
Алексеем Дигоре г.Бельцы, 2004 год

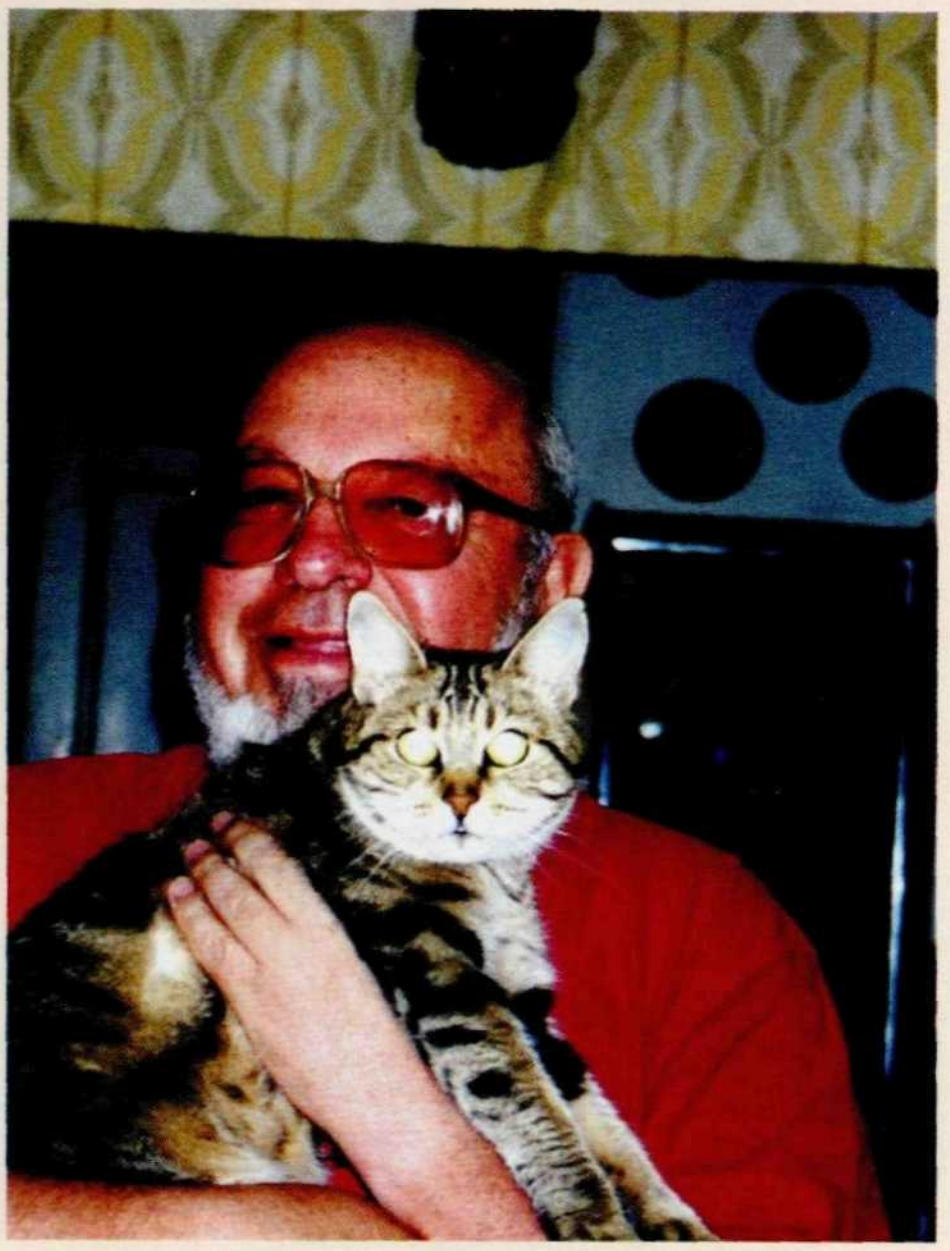
Концерт с виолончелистом Ионом Жосаном, г.Бельцы, 2004 год

Концерт в Тель-Авиве, Израиль, январь, 2007 год

Со студенткой Наталией Роман
в Органом зале на юбилейном концерте
композитора В.Ротару, 2001 год

С любимой кошкой Люсей

С женой и любимыми внуками, Израиль, январь, 2007 год

риальном музее-квартире Н.А.Римского-Корсакова. В программе вечера звучали вокальные и фортепианные произведения еврейских композиторов в исполнении С.Бенгельсдорфа (фортепиано) и А.Пихут (вокал), еврейские народные песни, стихи поэтессы Любы Вассерман.

Как рассказал Серго Моисеевич, в основном исполнялись произведения на музыку или в обработке нашего известного композитора Златы Ткач, что явилось для петербургской публики настоящим откровением и открытием. С.Бенгельсдорф читал также стихи своей мамы - Любы Вассерман. Рискнул читать на идише и не ошибся - публика все поняла. Получился очень теплый и не оставивший никого из сидящих в зале равнодушными концерт.

Вечер в концертном зале кишиневского отделения еврейского агентства "Сохнут" С.Бенгельсдорф и А.Пихут начали, как и в Питере, с цикла "Имя доброе твое" ("Дайн гутер номен"), включающего шесть романсов на слова прекрасного еврейского поэта Овсея Дриза.

Премьерой для Анжелы стал "Монолог матери" - произведение, которое Злата Ткач создала по мотивам поэмы П.Барочиной "Асенька". Полный драматизма и не столь легкий для исполнителя "Монолог..." прекрасно прозвучал в исполнении Анжелы и вызвал горячую реакцию зала.

- Сюрпризом для питерских евреев, - сказал С.Бенгельсдорф, - стал вокальный цикл "Субботние песни" на музыку Евгения Хаздана в исполнении кишиневских музыкантов. Почему сюрпризом? Потому что Евгений Хаздан - петербургский композитор. И то, что его знают в Кишиневе, удивило и обрадовало аудиторию.

С удовольствием прослушали этот цикл в исполнении А.Пихут и С.Бенгельсдорфа и кишиневские евреи. Романсы сменили песенно-танцевальные произведения. В этой части концерта солировал юный певец Евгений Красовский. Две песни в обработке Златы Моисеевны, исполненные Женей, вызвали бурю аплодисментов. Известную песню "Купите папиросы" мальчик не только спел, но и сыграл. Трудно было не заметить, что наряду с тонкой музыкальностью, Женя обладает немалым артистическим даром.

В завершение концерта прозвучала песня в исполнении Анжелы и Жени на музыку композитора Льва Когана, стихи недавно умершего поэта Иосифа Керлера "Ам Исроэл хай!". Овации долго не стихали в зале. Следующий музыкальный вечер обещан нам Серго Бенгельсдорфом в феврале. С нетерпением будем ждать новой встречи с музыкантом и его "творческой командой".

Люся КАЦ

СКАЖЕМ СЛОВО О ЕВРЕЯХ...

В конце апреля в кишиневском представительстве МЕА «Сохнут» состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный Дню Катастрофы и героизма европейского еврейства.

Сотрудники Еврейского агентства вместе с ведущим музыкального Клуба, мастером искусств Серго Бенгельсдорфом придумали оригинальный сценарий, который блестяще реализовали на сцене. Это был действительно необычный вечер. Ведущий не объявлял исполнителей и музыкальные произведения, зрители не аплодировали. Все проходило сдержанно. Участники вечера памяти были преисполнены скорби по погибшим во время Холокоста родственникам, 6 миллионам братьев и сестер, матерей и отцов. Ведущий зажег первую из шести свечей в память о погибших узниках гетто, среди которых были и его, Серго Моисеевича, родственники. Литературно-музыкальный вечер начался. Выступали вокалисты ансамбля «Халом», руководимого Наталией Барабанщиковой-Минц, лауреат Международного фестиваля еврейского детского творчества Женя Красовский исполнил известную песню Владимира Терлецкого «Скажем слово о евреях, уничтоженных войной», а в конце программы Женя вдохновенно солировал, когда «Халом» исполнял «Ам Исроэл хай!». Вокально-инструментальная часть вечера была выше всяких похвал. В предыдущих номерах «Рейса» мы уже не раз отмечали, что музыкальные Клубы, проводимые маэстро Бенгельсдорфом, по сути являются самыми настоящими камерными концертами, которые дарят завсегдатаям Клуба ни с чем не сравнимое наслаждение величайшим из искусств. На этот раз были приглашены: виолончелист Марк Лозник, скрипач Николай Черный, а также известные вокалистки Анжела Пихут (дипломант Международного конкурса вокалистов) и Инна Лось (лауреат Республиканского конкурса вокалистов).

Все прозвучавшие в тот памятный вечер произведения глубоко тронули слушателей. Это сыгранная Н.Черным «Еврейская мелодия» Иосифа Ахрона и «Кадиш для скрипки» Златы Ткач, чьи произведения часто звучат в нашем музыкальном Клубе. Конечно, никого не оставила равнодушным «Кол Нидрей» Макса Бруха (М.Лозник) и «Трио», ч.4 Д.Шостаковича. Это произведение стало кульминацией музыкально-инструментальной части вечера памяти. Исполняли «Трио» С.Бенгельсдорф (фортепиано), Н.Черный (скрипка) и М.Лозник (виолончель).

Литературную часть вечера подготовили участники семинара «Марш живых», проходившего в Польше, в местах массового уничтожения евреев: Освенциме, Майданеке, Плашове. Ирина Болбочану, Александр Кац, Михаил Мишурис напомнили о страданиях сынов Израиля в годы Холокоста, рассказали о «конвейерах смерти» - нацистских лагерях в Польше, зачитали отрывки из воспоминаний узников гетто и лагерей. По мере продвижения концерта к финалу зажигались свечи. Катастрофа коснулась каждого еврея (если не напрямую, то косвенно). Почти у каждого присутствовавшего Холокост отнял родственников, друзей, знакомых... Глава представительства «Сохнут» в Молдове Роза Бен Цви Литаи зажгла свечу в память о погибших родных в Девятом Форте, Каунасском гетто и Панарах, преподаватель иврита и «Еврейского самосознания» Александр Кац зажег свечу в память о брате и сестре своего отца, координатор Ирина Болбочану - в память о своем дедушке, пропавшем без вести. Помянули всех - отцов, матерей, детей, род-

ных, которых нет сейчас с нами. Литературно-музыкальный вечер, посвященный Катастрофе и героизму европейского еврейства, завершился гимном еврейских партизан «Не говори, что ты идешь в последний путь» и «Ам Исроэл хай!». Происходящее настолько вдохновило нескольких гостей музыкального Клуба, что они решили выйти и прочитать перед публикой свои стихи, посвященные Холокосту и Израилю. Также вниманию гостей, пришедших на литературно-музыкальный вечер, была представлена небольшая экспозиция, составленная из документов, фотографий, предметов домашней утвари, оставшихся от погибших на территории Бессарабии евреев.

ВЕНИАМИНУ БАСНЕРУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

20 мая в «Сохнуте» состоялся музыкальный вечер, посвященный творчеству известного композитора Вениамина Баснера.

Ведущий музыкального Клуба «Сохнута» Серго Моисеевич Бенгельсдорф сказал, что давно «подбирался» к творчеству Вениамина Ефимовича Баснера. И решил, что май - месяц Победы - как нельзя лучше подходит для того, чтобы вспомнить произведения композитора, который написал музыку ко многим песням на военную тему. Широкой аудитории Баснер известен по музыке к фильмам «Щит и меч», «Судьба человека», «Мичман Панин» и другим (музыка композитора звучит более чем в ста советских кинофильмах). Приглашенные вокалисты - Владимир Митрашевский (солист ансамбля МВД Молдовы), Анжела Пихут (дипломант Международного конкурса вокалистов) и Инна Лось (лауреат Республиканского конкурса вокалистов) - исполнили известные песни: «На безымянной высоте», «Березовый сок», «Это было недавно», «Парижский шарманщик» и другие. Вторая часть музыкального вечера была посвящена произведениям для скрипки. Скрипка - эта «душа еврейского народа» - была любимым инструментом Баснера. Солист филармонии Николай Черный исполнил две скрипичные пьесы «Поэма» и «Скерцо». В перерывах между музыкальными номерами Серго Моисеевич рассказывал о творческом пути композитора, в котором скрипка занимает особое место. В.Баснер, как и И.Дунаевский, начинал как скрипач. Он окончил Ленинградскую консерваторию в 1949 г. по классу скрипки, а затем начал учиться на композитора. Также ведущий музыкального Клуба рассказал о еврейских корнях композитора, которые проявились в том числе и в мюзикле «Еврейское счастье», написанном Баснером по роману Давида Фридмана «Мендель Маранц». Серго Бенгельсдорф в октябре прошлого года встречался с вдовой композитора, и она передала ему партитуру мюзикла. Фрагменты этой искрометной трагикомической истории, артистично исполненные вокалистами под аккомпанемент Николая Черного и Серго Бенгельсдорфа, доставили зрителям море удовольствия. Минувший музыкальный Клуб стал очередным открытием. Гости «Сохнута» познакомились с творчеством

замечательного композитора, удивительного мелодиста и нежного лирика, народного артиста, лауреата государственной премии Вениамина Баснера, в очередной раз насладились игрой на фортепиано мастера искусств С.Бенгельсдорфа и скрипичной музыкой в исполнении Н.Черного. Это был настоящий праздник музыки, подаривший ее ценителям незабываемое наслаждение. В следующий раз в музыкальном Клубе «Сохнута» состоится гала-концерт, в котором будут представлены лучшие музыкальные композиции, исполнявшиеся в течение всего сезона. Не пропустите!

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Собравшись на встречу с земляком Серго Бенгельсдорфом, я даже себе не представляла, что она будет такой волнующей и интересной. Серго приехал из Кишинева, столицы Молдавии, чтобы погостить у своих детей, живущих в Израиле, встретиться с земляками, поездить по историческим местам и заодно показать здесь свою новую концертную программу под названием “Слово и мелодия”. Вместе с ним приехала замечательная молодая певица Анжела Пихут, обладающая очаровательным лирическим сопрано.

В зале хостеля “Золотой возраст” собралось очень много людей. Некоторые были знакомы с Серго по Биробиджану, где он жил со своими родителями в 50-е годы; его знали бывшие кишиневцы как заслуженного деятеля искусств, преподавателя консерватории, видного музыканта. Он и сейчас работает в консерватории и на радио - редактором еврейских передач.

На вечере мы услышали очень интересные воспоминания Серго о своей матери, известной биробиджанской поэтессе Любови Вассерман, прожившей очень трудную жизнь, прошедшую через тюрьмы и лагеря, но не сломленную. Она писала прекрасные стихи на идиш, и на вечере мы услышали их из уст ее сына. Отец Серго был режиссером Биробиджанского еврейского театра и, когда театр закрыли, он пошел работать на завод. Родителей уже нет, но Серго чтит их память и свое выступление перед земляками посвящает им.

Концертная программа начинается с песни-молитвы, и потом в течение вечера мы услышали много песен еврейских композиторов в исполнении Анжелы и Серго. “Кадиш” они посвятили памяти всех погибших евреев, потом звучали песни на идиш “Пусть придет освобождение”, “Еврейский вальс”, “Я не одна”; цикл песен еврейского местечка, написанный молдавским композитором Златой Ткач, песни из фильма “Искатели счастья”. Потом Серго рассказал о том, как прошел фестиваль еврейской музыки, состоявшийся недавно в Биробиджане. Там он встретился с певцами и музыкантами, собравшимися из разных городов России.

Гости очень довольны теплыми встречами здесь, на земле Израиля. На вечере их приветствовали руководители молдавского и биробиджанского землячеств

Беер-Шевы Нелли Спивак и Давид Вайсерман. Давид подарил им свою книгу о Биробиджане, где он жил много лет и знал семью Серго Бенгельсдорфа. Нелли преподнесла гостям большие букеты цветов.

Под конец весь зал пел вместе с гостями песню "Народ Израиля жив". На такой оптимистической ноте закончилась эта встреча. Но люди не спешили расходиться. Они еще долго разговаривали с гостями, делились впечатлениями и сфотографировались на память об этом вечере.

Майя Пинская

У НАС В ГОСТЯХ

В февральском номере "Еврейского камертона" опубликована большая статья доктора искусствоведения Изольды Милютиной о выступлениях музыкантов из Кишинева, маэстро Серго Бенгельсдорфа и его ученицы Анжелы Пихут. Приводим ее в небольшом сокращении.

Семь дней, семь городов Израиля, семь интересных концертных выступлений. Именно таков масштаб художественных впечатлений, о которых речь и которые, в ряду других, принес нам последний месяц минувшего года. На сей раз это удовольствие дарили заинтересованным слушателям музыканты, приехавшие из Кишинева.

Инициатором этой творческой акции, основным ее участником и ведущим был заслуженный деятель искусств Молдовы пианист Серго Бенгельсдорф, большой энтузиаст в пропаганде еврейской, еще точнее - идишской культуры, организатор Клуба еврейской камерной музыки при Сохнуте в Кишиневе, он же - музыкальный критик, много лет комментирующий на кишиневском радио передачи "Идиш лебн", ("Еврейская жизнь").

С ним вместе выступала на творческих встречах певица Анжела Пихут, обладательница красивого сопрано, недавно закончившая аспирантуру Кишиневской академии музыки. В настоящее время она сотрудничает с "Театром еврейской песни" Ефима Черного в Кишиневе.

Совсем молодая, Анжела Пихут уже успела заявить о себе высокой культурой пения (сказалось, наверное, то, что она получила образование и как музыкальный теоретик), успехами не на одном певческом конкурсе. В том числе - на международном конкурсе им. Даркле в Румынии, где она получила почетный диплом. Следует подчеркнуть, что особую значимость этому престижному состязанию придает само имя знаменитой румынской певицы Хариклеи Даркле (1860-1939), которая вошла в историю мировой музыкальной культуры как первая исполнительница партии Тоски в одноименной опере Пуччини. Нелишне напомнить, что уникальный голос Даркле обширного (более трех октав) диапазона восхищал в

свое время и других знаменитых оперных композиторов - Гуно и Верди, Леонкавалло и Масканьи. Именно для Даркле они писали заглавные партии в некоторых своих операх.

Направляясь в Ришон Ле-Цион, где в гостеприимном "Бейт оле" (руководитель местного отделения молдавского землячества - энергичный Менахем Вайнбойм) проходила очередная встреча с кишиневскими музыкантами, я знала, что мне предстоит приятный вечер, и не обманулась в своих ожиданиях. Выступление кишиневских музыкантов стало еще одним фактом в ряду других, отражающих большую открытость в жизни еврейской общины Молдовы... По моим наблюдениям (я уехала из Кишинева сравнительно недавно), положение явно изменилось после приезда музыкантов из Израиля в 1991 году. Тогда в Кишиневе проходили Дни израильской культуры, организованные по инициативе Союза композиторов и Министерства культуры республики и лично Марка Копытмана - одного из ведущих композиторов Израиля, в свое время жившего в Молдове и даже написавшего оперу "Каса маре" (по знаменитой пьесе известного молдавского писателя Иона Друцэ).

А теперь, как мы видим, многих притягивает Земля Израиля. Вполне закономерно стремление музыкантов (и не только музыкантов) из Молдовы поделиться с израильтянами, рассказать им о том новом, что происходит в тех краях, откуда в разные годы (начиная с 20-х минувшего теперь уже столетия, и даже еще ранее) приезжали многие, живущие сейчас на Святой Земле.

Оба музыканта, выступавшие сейчас перед израильской аудиторией, знакомы мне еще по Кишиневу, а потому захотелось добавить кое-что к тому, что говорил, представляя гостей, исполнительный директор Молдавского землячества в Израиле Давид Хахам, да и сам пианист, сопровождавший комментариями концертную программу.

Серго Бенгельсдорф - вообще очень деятельная натура. Получив высшее образование как пианист, он проявил затем большой интерес к оперному искусству и учился в аспирантуре по оперной режиссуре. А своими еврейскими программами он известен не только в Кишиневе, но выступал с ними также на фестивалях в Москве, Санкт-Петербурге, Риге, Биробиджане, Черновцах, Алма-Ате и Одессе. Мне же запомнилась, в числе прочего, концертмейстерская работа С.Бенгельсдорфа в оперном классе Национальной академии музыки в Кишиневе, которым руководил мой отец, профессор, народный артист Молдовы Борис Милютин.

Мне очень хочется вспомнить сейчас в связи с этим еще об одном хорошем человеке, имеющем прямое отношение к предмету разговора.

Программе "Слово и мелодия" ("Ворт ун нигн" на идиш), с которой сейчас выступали С.Бенгельсдорф и А.Пихут в Израиле, уже более двадцати лет, и в разные годы к исполнению привлекались пианистом разные участники. Он начинал работать над программой, как сам рассказывает, еще в начале 80-х годов с замечательным оперным певцом, народным артистом Молдовы Борисом Раисовым.

Раисов - это сценический псевдоним, настоящая его фамилия Кац, под которой мы все знали в студенческие годы этого веселого, общительного человека, замечательного музыканта и верного друга. Добрая душа, он был очень талантлив и неутомим в творчестве.

Ему, выросшему в Бершадском гетто на Украине, были очень близки творческие интересы и планы С.Бенгельсдорфа, связанные с еврейской музыкой. Но подготовленная ими тогда программа оказалась многострадальной. Исполнению ее препятствовали, музыкантам-энтузиастам не давали ходу. К сожалению, Б.Раисов рано и внезапно ушел из жизни (1926-1984).

Первая же программа еврейской музыки, подготовленная после этого С.Бенгельсдорфом с замечательной оперной певицей Ириной Мишурой-Лехтман, была посвящена памяти Бориса. Представленная на сцене Кишиневского Органного зала, она прошла с большим успехом. Многих тогда растрогали исполнители.

И вот еще одна интересная подробность. Все певицы, с кем в течение этих лет работал Бенгельсдорф над еврейским материалом, приобщая их к национальной культуре, разлетелись по свету. Ирина Мишура-Лехтман в Америке (по слухам, там она делает замечательную оперную карьеру). Об этой певице - особый разговор. Можно назвать и других: Алла Короид - в Германии, Лилия Соцкая - в Канаде, Наташа Дигоре - здесь, в Израиле. А недавно подготовленный пианистом вокальный дуэт - Инны Лось и Анжелы Пихут (лирическое и драматическое сопрано) выступил с успехом на последнем клезмерском фестивале в Биробиджане, с которого они вернулись только что, перед приездом в Израиль.

Литературно-музыкальная композиция “Слово и мелодия”, с которой выступили гости из Кишинева, включала в себя самые разнообразные песни и фортепианные пьесы, вышедшие из-под пера композиторов Златы Ткач, Зеева Биткина, Сидора Беларского, Йоэля Энгеля, а также стихи еврейской поэтессы Любови Вассерман (матери Серго).

Очень важно, что С.Бенгельсдорф видит свою задачу достаточно широко. Он не только выучивает с молодыми певицами, проявившими интерес к еврейской музыке, текст, музыкальный и словесный, идишский (признаем, что это непросто человеку, для которого этот язык совсем нов), но помогает проникнуться ментальностью еврейской души. И это удается ему совсем неплохо.

Очень тронуло включенное в программу литературное интермеццо, ибо продиктовано оно было самым святым чувством - любовью к матери (с давних пор резонирует в моей душе вычитанная где-то когда-то восточная мудрость: “Если даже сделаешь для матери яичницу на своей ладони, все равно останешься у нее в долгу”), преклонением перед ее талантом еврейской поэтессы, памятью о ней, давно ушедшей в небытие. (Неординарна и драматична судьба этой женщины, в молодости перебравшейся из Польши в Палестину, а затем высланной оттуда в Россию во времена английского мандата, в конце концов по линии МОПРа попавшей в Москву, затем - в Биробиджан. В своих стихах она писала о посмертном свидании

с сыном, который у ее могилы "постоит, отягченный думой: ...здесь покоится мамино тело. Она дружбу водила с Музой и еврейские песни пела..."

В каждом своем выступлении теперь сын поклоняется памяти матери.

Неожиданным сюрпризом (для меня, во всяком случае) явилось включение в программу фрагментов музыки Йоэля Энгеля к знаменитой пьесе С.Анского "Дибук", с постановки которой Е.Вахтанговым в 20-х годах прошлого века началась, как известно, история театра "Габима". Ноты эти найти было непросто (по сведениям, полученным мною от д-ра Риты Фломенбойм, эта музыка в виде сюиты была издана еще в 1926 году, а рукопись партитуры Энгеля, кстати говоря, была найдена ею сравнительно недавно в театральном архиве Тель-Авивского университета)... Надо отдать должное поисковой инициативности С.Бенгельсдорфа, который всякий раз предлагает своей аудитории интересную, порой малоизвестную или незаслуженно забытую еврейскую музыку.

Многое еще можно было бы сказать по поводу нынешних выступлений музыкантов из Кишинева. Но в заключение я бы только хотела заметить, что ничего не может быть лучше подобных творческих акций для поддержания связей, уже установившихся между Израилем и Молдовой, и обусловленных исторически. Недаром закреплены они и подписанием в Кишиневе соответствующего договора летом прошлого года. А все ли помнят, что Тель-Авив и Кишинев обрели почетный статус городов-побратимов?! Хотелось бы, чтобы это проявлялось в конкретных делах как можно чаще. Усилия посланцев доброй воли должны сыграть здесь не последнюю роль.

Изольда МИЛЮТИНА,
доктор искусствоведения. Израиль

ИТОГИ И ПРЕМЬЕРЫ

"Сегодняшняя наша встреча в Музыкальном Клубе МЕА "Сохнут" особенная, она совпала с двумя юбилеями. - Так начал очередную программу Серго Моисеевич Бенгельсдорф. - Нашему Клубу исполнилось 5 лет, а мне 65. В богатых странах это возраст, когда можно уже не беспокоиться о хлебе насущном, а предаться удовольствиям, развлечениям и отдыху. Но в нашей кипучей стране мы должны как можно дольше оставаться молодыми".

Юбиляр выразил огромную благодарность предыдущим руководителям "Сохнута", содействовавшим открытию Клуба, и особенно - Розе Бен Цви, всемерно поддерживающей деятельность этого музыкального объединения.

За 5 лет было проведено свыше 60 концертов, что дало возможность сложиться творческому ядру Клуба, ставшему настоящим центром музыкальной культуры для евреев.

Благодаря помощи еврейского общинного центра при библиотеке им.Мангера у

Серго Бенгельсдорфа сегодня появилась возможность вести творческие мастерские для одаренных детей, часть из которых выступила на юбилейном вечере.

Зрители тепло приняли недавнюю дебютантку Юлию Фока, полюбившихся всем Анжелу Пихут, Женю Красовского, Инну Лось, Вячеслава Фарбера. Вокальные номера сменялись инструментальными пьесами в исполнении самого юбиляра, доцента Университета искусств Наума Хоша (скрипка), Марка Лозника (виолончель), сыгравших произведения еврейских композиторов санкт-петербургской школы начала XX в.

Ни одна встреча в Музыкальном Клубе не обходится без премьеры. И в этот раз Серго Бенгельсдорф не обманул ожиданий публики, представив первый номер красочного журнала "Радуга" со статьей о своей маме, известной поэтессе Любе Вассерман. Он прочитал одно из ее стихотворений - "Сыну" в переводе Анатолия Гая.

А потом Инна Лось спела любимую всеми с детства песню "А идише мамэ". Как обычно, концерт завершился гимном "Ам Исроэл хай!", после которого наступил самый знаменательный момент - поздравление юбиляра. Один за другим с цветами и подарками на сцену поднимались представители "Сохнута", "Джойнта", ИКИЦа, Университета искусств, Ассоциации еврейских общин Республики Молдова, благодарные ученики и зрители.

Своим вниманием почтила юбиляра и консул Израиля в РМ Сима Менделис.

Газета "Истоки" присоединилась к хору поздравлений и пожелала заслуженному деятелю искусств, редактору еврейских программ Радио-Молдова и постоянному автору "Истоков" Серго Бенгельсдорфу крепкого здоровья, творческих успехов, талантливых учеников и долгих лет жизни!

Л. ИТЕЛЬЗОН

КАКАЯ МУЗЫКА ЗВУЧАЛА

Давно известно всем - "Москва слезам не верит", лжеискусству тем более. Московского зрителя - искушенного, капризного (в хорошем смысле этого слова) - не проведешь. В этом я еще раз убедился, когда был на концерте Беаты Ганзел и Серго Бенгельсдорфа - музыкантов, которые привезли свое искусство в Москву из "провинциальной" столицы - Кишинева.

С каждым из мастеров этого дуэта порознь я был знаком до встречи с ними в Московском культурном еврейском центре 25 октября прошлого года. Серго Бенгельсдорф был участником фестиваля еврейского искусства в Биробиджане в ноябре 2001 года. Я имел не только удовольствие, но и счастье услышать в исполнении его учениц современные еврейские песни. Это были песни-спектакли, поставленные умелым режиссером-музыкантом. С этой точки зрения Бенгельсдорф является создателем если не нового жанра, то нового направления в идишистском музыкальном искусстве. С этим моим выводом согласился известный кинорежиссер

Владимир Двинский.

С Беатой Ганзел я познакомился совсем недавно, а когда прослушал несколько раз диск с исполнением ее арий из опер, то понял заслуженность успеха оперной дивы на сценах многих театров мира. И с этой точки зрения дуэт Ганзел-Бенгельсдорф удивителен, необычен, но теперь можно сказать, прекрасен.

Еврейский слушатель так уже привык к песням еврейского местечка, к песням, возникшим в черте оседлости, что, вероятно, не представлял себе существование других еврейских песен, тем более, исполнителями старых еврейских песен были такие певцы, как Эпельбаум, Шульман, сестры Берри, Александрович. Пожалуй, очень немногие подозревали, догадывались, что в дни преследований, гонений на еврейскую культуру идишистская песня продолжала существовать, а после снятия запретов возникли новые современные еврейские песни и романсы. Свидетельством тому - репертуар концерта: вокальный цикл Златы Ткач “Дайн гутэр номэн” (“Имя доброе твое”) на стихи Овсея Дриза, произведения Мориса Равеля, Зиновия Компанейца, Исаака Дунаевского... Само по себе исполнение еврейских песен оперной певицей, тем более, обладающей прекрасным меццо-сопрано, - явление уникальное еще и потому, что в ней текут крови разных народов: чехов, поляков, евреев, украинцев.

Концерт этот состоялся в Москве в те дни, когда террористы держали заложников, и по сути Москва оказалась на военном положении. И даже в такое время

на концерт пришло немало людей, которые искренне и восторженно восприняли искусство великолепного дуэта Ганзел-Бенгельсдорф, исполнивших также народные песни в обработке композиторов Молдовы Зеева Биткина, Златы Ткач, Бориса Дубоссарского. И здесь на память приходят слова поэта Межирова:

Какая музыка была!
Какая музыка звучала,
Когда и души и тела
Война проклятая попрала.

Матвей ГЕЙЗЕР, доктор филологических наук,
член союзов писателей и журналистов России

НОВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЕЗОН СЕРГО БЕНГЕЛЬСДОРФА

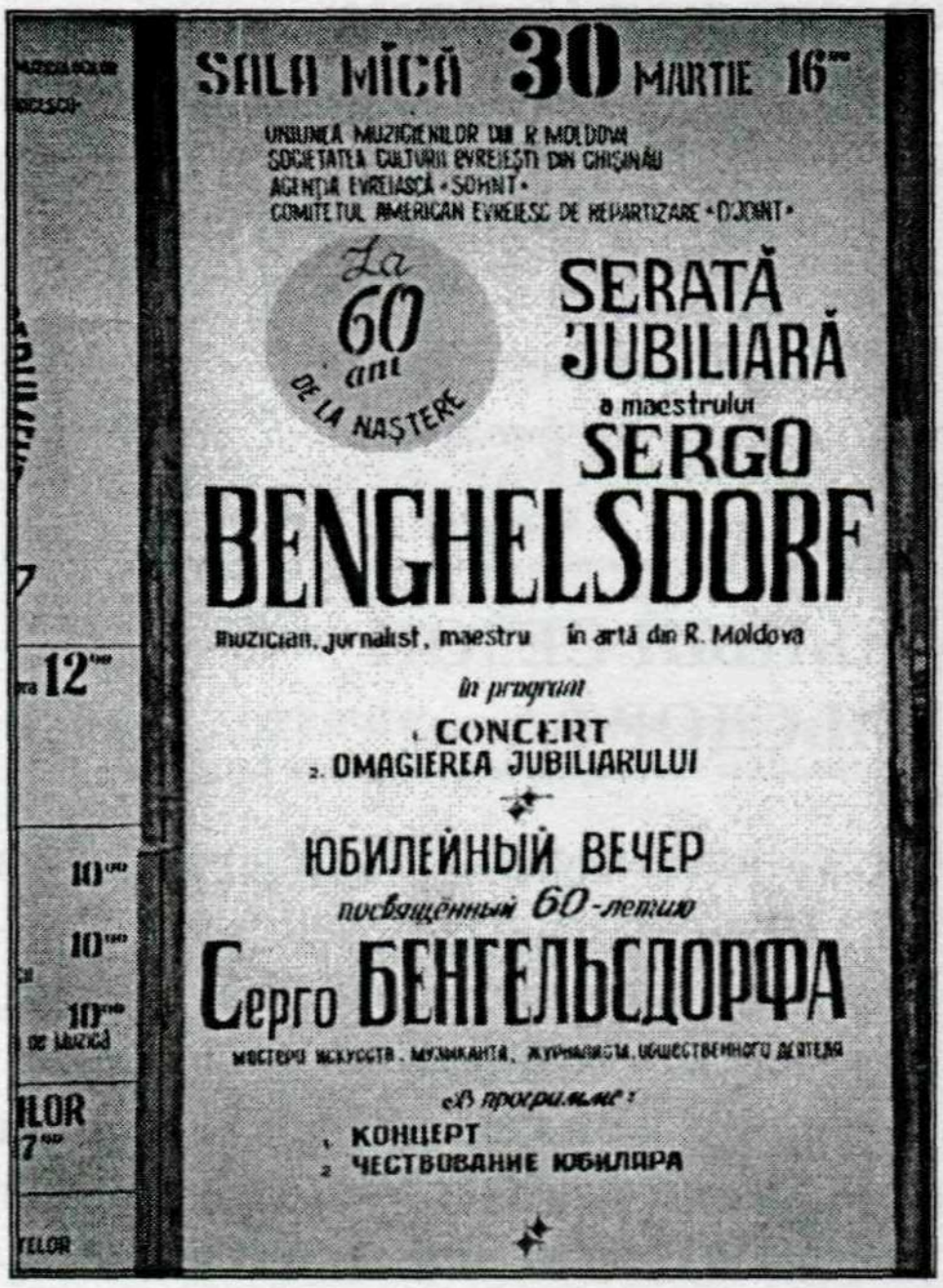
Целой серией концертов отметил новый музыкальный сезон педагог, журналист и пианист Серго Бенгельсдорф. Последнее время он активно сотрудничает с Израильским культурным центром, двери которого гостеприимно распахнуты для всех, кому небезразлична многообразная палитра еврейской культуры.

Не в последнюю очередь это связано с тем, что директор ИКЦ Б.Розенцвайг - тонкий, интеллигентный человек, ценитель классической и джазовой музыки. (Поэтому так органично вписались в программу ИКЦ музыкальные вечера С. Бенгельсдорфа).

Причем, на концертах, которые дают мастер и его талантливые ученики, частыми гостями бывают не только евреи, а все, кто знает и любит музыкальные "сезоны Бенгельсдорфа". На одном из последних концертов, что называется, яблоку негде было упасть. И это неудивительно, ведь на импровизированной сцене актового зала ИКЦ царствовала столь любимая народом классическая оперетта. Предваряя каждую сольную партию кратким экскурсом в историю произведения и биографию автора, не делая при этом перерывов между теорией и следующей за ней арией, дуэтом или канканом, С.Бенгельсдорф сам создал концерт-оперетту. Молодые исполнители начинали петь и танцевать прямо в проходе между креслами, и публика окуналась в вихрь музыки, веселья и любви, в прямом смысле не сходя с мест.

Умение С.Бенгельсдорфа находить талантливую молодежь хорошо известно. Список полюбившихся публике исполнителей пополнился новыми именами, открытыми для нас мастером. Это Алексей Дигоре, прекрасно исполнивший арию мистера Икс, Инна Лось, с блеском исполнившая арию из "Фиалки Монмартра", это Виктория Никитченко, Ирина Михайлова, Сергей Пилипецкий... Каждый из россыпи начинающих звезд (пока они студенты Академии музыки) сорвал бур

ные аплодисменты и возгласы “браво”. Как и исполненное доцентом музыкальной академии Б.Дубоссарским (скрипка) и С.Бенгельсдорфом (фортепиано) попурри из кальмановской “Сильвы”.

Вклад еврейских композиторов Имре Кальмана, Иоганна Штрауса, Жака Оффенбаха, Исаака Дунаевского в золотой фонд классической оперетты невозможно переоценить. Но как трудно этой легкой, чистой и вечной музыке перехлестнуть мутные воды фальшивых фигаро... И когда это все же происходит, ощущаешь возможность красоты, радости и света бытия. Спасибо, Серго!

Люся КАЦ

СЕРГО И ЕГО КОМАНДА

Граф Орловский из штраусовской “Летучей мыши” с легкой руки музыканта и культуртрегера Серго Бенгельсдорфа пригласил к себе на бал таких же, как сам, оперетточных героев. А поскольку сей праздник случился в Израильском культурном центре, то и главными его гостями были, естественно, персонажи из оперетт композиторов-евреев, блистательно вписавшихся в мировую музыкальную классику. Кому же неизвестны их имена - Кальман, Оффенбах, Дунаевский и тот же Штраус, в родословной которого явно прослеживаются еврейские корни. Так

открылся новый сезон в музыкальном салоне ИКЦ, где постоянным ведущим является С.Бенгельсдорф, а участниками - исполнители, которые прошли через творческую мастерскую маэстро.

Еврейская музыка - его конек, с которым он уже много лет оказывается "на коне", выступая на "ура" с концертами не только в Молдове и для членов ее еврейских организаций, но и в России, Израиле, Соединенных Штатах, других странах, притом не только со сцены, но и в радиоэфире, на телевидении. Казалось бы, все о'кей! Но Серго чувствует себя неудовлетворенным. Ему и его команде хочется большего - иметь стабильную возможность доносить до слушателя, особенно молодого, не только фольклор, но и лучшие образцы еврейской классической музыки, "серьезные" произведения современных композиторов, в которых звучит еврейская тема.

- Что для этого нужно, и есть ли у вас для того порох в пороховницах? - спрашиваю у Серго Моисеевича.

- Нужна концертная организация, а база для нее у нас есть. Со мной сотрудничают отличные музыканты-исполнители - композитор и скрипач Борис Дубоссарский, скрипач Наум Хош, известный виолончелист, профессор Академии музыки народный артист Молдовы Ион Жосан и другие. В команде и хорошие вокалисты, назову хотя бы певицу Анжелу Пихут, с которой мы концертировали во многих городах, Инну Лось, дипломантку международного конкурса вокалистов в Санкт-Петербурге, студента упомянутой выше Академии Алексея Дигоре, любимца еврейской публики Вячеслава Фарбера.

- И за репертуаром, конечно, дело не станет. Будете черпать для него живую воду, как из чистого бездонного колодца?

- Не говоря уже о популярной классике, которая у многих на слуху. Немногие знают, что еврейская тема звучит в сочинениях выдающихся композиторов, представителей иных национальностей. У Дмитрия Шостаковича, к примеру, есть с десяток таких произведений, среди которых вокальный цикл "Из еврейской народной поэзии", "Трио памяти Соллертинского", виолончельный концерт, а у Сергея Прокофьева - "Еврейская сюита". У нас в Молдове плодотворно работают Злата Ткач, Борис Дубоссарский, всегда готовы представить свои сочинения бывшие кишиневцы, живущие ныне в Израиле, Соединенных Штатах. Из Сан-Диего, к примеру, мне позвонил Аркадий Люксенбург, сообщивший, что недавно написал симфонию "Памяти Холокоста". Хотелось бы, чтобы она прозвучала у нас в апреле, в День Катастрофы. Помимо всего, я постоянно ищу мало известные любителям музыки, но очень достойные произведения.

Хочется надеяться, что познакомим наших слушателей с попурри для струнного трио из оперетт основателя современного еврейского театра в Яссах (1872 г.) композитора, драматурга, режиссера Аврома Гольдфадена, перу которого принадлежит оперетта "Колдунья".

- Стало быть, у вас есть все, чтобы мечты и надежды стали реальностью?

- Все, разве что кроме энтузиазма и желания помочь со стороны наших родных национальных организаций.

В это, признаться, мне поверилось с трудом, ведь, казалось бы, кто-кто, а евреи, больше, чем кто-либо, заботятся о своей пастве. На языке вертелся вопрос, касающийся отношения отдельных еврейских руководителей к культуре, но я не задала его, потому как уверена, Серго скажет: “No comment”.

Раиса ХОМЕНКО

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

По инициативе Еврейского конгресса Молдовы и при его финансировании музыкальный коллектив “Ворт ун Нигн” (“Слово и мелодия”), созданный при общинном центре, начал серию концертов по республике. Первым пунктом стали Бельцы, где в конце прошлой недели концертом еврейской классической музыки были отмечены две важных даты - День Катастрофы и 56-я годовщина провозглашения независимости Государства Израиль.

В городской музыкальной школе собрались многочисленные представители местной общины, что лишний раз доказало: по “живой” классической музыке соскучились не только пожилые люди, но и молодежь. И, как подчеркнул вдохновитель, организатор и руководитель “Ворт ун нигн”, мастер искусств Серго Бенгельсдорф, успех в равной степени сопровождал обе части концерта, составленного из двух музыкальных тем - “светлой и темной”. “Светлая” и мажорная посвящалась Дню Независимости Израиля, а “темная” и минорная - Холокосту.

Никого не оставила равнодушным трогательная и печальная пьеса “Еврейская мелодия” Иосифа Ахрона, которую вдохновенно исполнил доцент столичной Академии музыки, театра и изобразительных искуств скрипач Наум Хош. Многие в зале не скрывали слез во время премьеры песни молдавских авторов, которую с чувством исполнил Алексей Дигоре - “В память о погибшей в гетто маме” (композитор Злата Ткач, на слова поэта Анатола Гужеля). Долго аплодировал зал и классической “А идише мамэ” в исполнении лауреата Международных конкурсов Инны Лось. В заключение темы Холокоста траурным реквиемом прозвучала в исполнении народного артиста Молдовы, виолончелиста Иона Жосана выразительная пьеса Макса Бруха “Кол Нидрей”, основанная на теме главной молитвы в Судный день.

Но, как и было положено, концерт закончился на светлой ноте, ведь жизнь победила и продолжается. Успех выпал и на долю песен Исаака Дунаевского, спетых Инной Лось на иврите, и композиций, посвященных Израилю. Всех порадовал своими музыкально-театральными миниатюрами популярный исполнитель народных еврейских песен Слава Фарбер. А в заключение уже не только солисты - весь зал хором пел “Ам Исроэл хай!” (“Народ Израиля жив!”).

На концерте присутствовал исполнительный директор Еврейского конгресса

Молдовы Роман Аронов, председатель бельцкой еврейской общины Лев Бондарь, который с благодарственным словом обратилась к именитому кишиневскому "музыкальному десанту". Группа гостей побывала в бельцком "хэсэде", затем возложила цветы к монументу жертвам Холокоста в центре города.

ЗЕМЛЯКАМ С ЛЮБОВЬЮ

По приглашению Объединения землячеств выходцев из Молдовы в Израиль приехал известный музыкант, журналист и редактор радиопрограмм на идише Серго Бенгельдорф.

На протяжении 15 лет, с первого дня создания в Кишиневе Общества еврейской культуры (ныне - Ассоциация еврейских общин и организаций Республики Молдова), Серго вместе со своими единомышленниками и учениками ведет активную работу по возрождению в Молдове еврейской камерной музыки в городах республики и за ее пределами. Он постоянно, выступает в еврейской прессе Молдовы. Несколько лет назад в приложении к нашей газете "Окна" был опубликован большой материал Серго Бенгельсдорфа о знаменитом тираспольском полковнике Бергмане.

Наш корреспондент встретился с Серго в Тель-Авиве.

- С прибытием в нашу страну, Серго. Вы ведь здесь не впервые?

- В Израиле я бываю довольно часто, здесь живут моя дочь и внуки, многие мои ученики, не говоря уже о друзьях и добрых знакомых, которых в Израиле гораздо больше, чем осталось в Кишиневе. Я влюблен в эту маленькую прекрасную страну с ее необычной городской архитектурой, дивной природой, приветливыми людьми. Влюблен - и испытываю гордость за нее.

- Если Вы так любите Израиль, отчего бы Вам не переехать сюда?

- Вопрос сложный. Прежде всего я в Кишиневе востребован. Ведь кроме авторских радиопрограмм на идише и творческих мастерских при Кишиневском еврейском общинном центре, где я занимаюсь с молодыми исполнителями еврейской музыки, я еще веду в Молдавской Академии музыки класс камерного пения. И потому мне кажется, что своей работой я приношу Израилю больше пользы, чем если бы сидел здесь на социальном пособии и вел праздную жизнь. Хотя, возможно, и в Израиле, несмотря на жесткую конкуренцию среди музыкантов, я бы смог найти свою нишу. Тем более, что у меня есть своеобразная рекомендация от президента Израиля Моше Кацава, который, встречаясь в Кишиневе с представителями еврейской общественности, дал довольно высокую оценку моей деятельности.

- Вернемся к вашему нынешнему приезду в Израиль. Как родилась идея этих концертов?

- Она родилась еще в 2001 году, сразу после подписания Договора о деловом и культурном сотрудничестве между израильским Объединением землячеств вы-

ходцев из Молдовы и нашей ассоциацией, и в том же году была реализована, мы побывали с концертами в семи городах Израиля. Судя по теплому приему, по отзывам прессы, мы тогда понравились. А в апреле 2003 года руководители молдавских землячеств из Ашкелона, Реховота, Ришон Ле-Циона, прибывшие на церемонию, посвященную 100-летию Кишиневского погрома, в составе израильской делегации, вновь позвали нас в гости. В организации поездки нам помогли авиакомпания "Трансаэро" и благотворительный фонд "Дор ле Дор", руководству которых мы чрезвычайно признательны за поддержку. Не в последнюю очередь, благодаря им, уже в ближайшие дни мы приглашаем на встречи наших земляков в Реховоте, Ришон Ле-Ционе, Ашкелоне, Тель-Авиве и Иерусалиме.

Лола Гумберт

ЯРКИЙ ДЕБЮТ

Зрители, заполнившие концертный зал Иерусалимского культурного центра на улице Хилел, долго аплодировали восходящей звезде еврейского вокального искусства - певице из Кишинева Анжеле Пихут.

Успех молодой, но уже именитой исполнительницы (лауреата Международного конкурса вокалистов в Бухаресте) по праву разделили ее наставник, заслуженный деятель искусств Молдовы Серго Бенгельсдорф (в концерте он аккомпанировал певице на рояле и виртуозно исполнил две инструментальные пьесы) и ведущий концерта, композитор и музыковед, иерусалимец Дмитрий Якиревич.

Заслуживает добрых слов программа концерта, составленная Бенгельсдорфом: она содержит эстетически значимые произведения и несет большой просветительский заряд. Основу концерта составили еврейские песни композиторов XX и XXI веков. Слушателей убедили еще раз, что идиш и связанная с ним культура - все еще, слава Б-гу, не музейные раритеты. Исполнителю есть из чего выбирать. Большинство песен каждый из присутствовавших услышал впервые.

Три песни кишиневского композитора Златы Ткач ("Зай а хохем", "Майн фетер Эли от а бойм", "Штетл Единец") Анжела исполнила с особой задушевностью. Две песни ("Виглид" и "Цу Русланд"), которые пела Анжела, написаны Якиревичем (слова и музыка); вторая из них - "К России", выражающая любовь и уважение к бывшей родине, вызвала особый отклик в зале. Слушая песню Зиновия Компанейца "А идишер вальс", пришедшие на концерт поняли, что автор слов Арон Вергелис был не только малопочтенным советским функционером (это знают все), но и талантливым поэтом. А песня "Мазл" Аврома Эльштейна выявила, что еврейским поэтом была и известная американская актриса Молли Пикон.

Три народные песни, задорно исполненные Анжелой ("Ин обер, ин корн", "Хапт им, немт им", "Ин Адес") тоже не входят в обойму часто исполняемых и были открытием для слушателей. Одну из них - "В Одессе" - ведущий назвал "уличной".

Она и впрямь с "люмпенским" налетом, но мелодична и красива. Четвертой народной песней, обозначенной в программе, оказалась сефардская "Авраам Авину" (на языке ладино); ее тоже очень тепло приняла публика, вовсе не сефардская. А прекрасная песня "Зол шойн кумен ди Геуле!", которую очень многие знают и "держат" за хасидскую народную песню, оказалась (спасибо ведущему!) авторской. Мелодию еще до Второй мировой войны написал религиозный авторитет и мыслитель, главный раввин Эрец-Исраэль Авраам Ицхак Кук, а слова - уже после войны - партизан Шмерке Качергинский.

Четыре популярные песни певица исполнила на красивом иврите - "Эли, Эли" (на слова Ханы Сенэш) и переводные: "Маргариткес" (на слова З.Шнеура) и две из них - песни из советских кинофильмов Исаака Дунаевского ("Ох, ты, сердце" и "Как много девушек хороших").

Анжела Пихут - певица очень широкого репертуара, отнюдь не только еврейского. В концерте с большим мастерством и успехом она исполнила "Колыбельную Клары" из оперы Дж.Гершвина "Порги и Бесс", песню Нино из оперетты Имре Кальмана "Фиалка Монмартра", классический русский романс "Отцвели уж давно..." (Случайно, нет ли, но авторы двух из трех "нееврейских" произведений программы - евреи все-таки).

Большой концерт (23 сценических номера) шел без антракта. Две паузы, во время которых певица могла отдохнуть, маэстро Бенгельсдорф заполнил шедеврами еврейской инструментальной музыки прошлого века - "Танцем нищих" Юлия Энгеля из спектакля "Дер Дибек" С.Анского и "Еврейским танцем" Дунаевского из советского фильма "Искатели счастья".

Успеху просветительской составляющей концерта зрители обязаны в огромной мере ведущему Дмитрию Якиревичу. У него есть что рассказать по истории еврейской музыки, и делает он это с видимым удовольствием. Но комментарии ограничивались необходимым минимумом, первенство тактично было отдано гостям.

Сильный, дивной мелодичности голос, редкий сегодня правильный и естественно звучащий литературный идиш, превосходная исполнительская техника, включающая отчетливое произношение, красота и сценическое обаяние певицы покорили зал. Академическая манера исполнения, правда, установила некоторую дистанцию между сценой и залом, принятую на бывшей родине. Но атмосфера все теплела, и когда была объявлена песня "Ам Исроэл хай!" - неофициальный гимн московских отказников -несколько голосов из зала подхватили песню. А припев пели уже почти все, как это принято в Израиле.

Израильский дебют большой - верю! - певицы состоялся. Мы еще наверняка много раз услышим имя Анжелы Пихут. А главное - побываем на ее концертах в Израиле.

Абрам Торпусман

Серго Бенгельсдорф

ПАМЯТИ ПОЭТОВ

В Департаменте межэтнических отношений состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный памяти еврейских писателей и поэтов, расстрелянных 12 августа 1952 г. на Лубянке в Москве. Писавшие свои произведения на идише талантливейшие поэты Перец Маркиш, Лейб Квитко, Ицик Фефер, Давид Гофштейн, а также прозаики Давид Бергельсон, Шмуэль Персов, пробуждавшие в своих произведениях самосознание народа, попали под маховик сталинских репрессий в рамках кампании борьбы с так называемым "буржуазным национализмом".

С вступительным словом к залу, где яблоку негде было упасть, обратился известный музыкант и еврейский журналист Серго Бенгельсдорф. В исполнении скрипачки Эсфири Каплун (Германия) свежо и выразительно прозвучала "Еврейская мелодия" И.Ахрона. Выдающийся писатель Ихил Шрайбман в память о погибших писателях и поэтах прочитал на идише эссе "Кровавое 12 августа" - своеобразный кадиш (поминальную молитву). Беата Ганзел (меццо-сопрано) из Москвы, выпускница кишиневской консерватории, в прошлом ведущая солистка молдавской Оперы с большим чувством спела "Кадиш" выдающегося французского композитора Мориса Равеля.

В ее же исполнении прозвучала песня "Ин винтер фар нахтн" ("Зимой в сумерках") Эмиля Горовца на стихи замечательного поэта Д. Гофштейна. Александр Ортенберг прочитал трагические стихи Переца Маркиша, посвященные памяти великого актера и режиссера Соломона Михоэлса, загубленного режимом, а также хрестоматийный стих Ицика Фефера "Я еврей". Народный артист Молдовы, профессор Ион Жосан вдохновенно исполнил пьесу для виолончели "Эли Сион" (музыка Лео Цейтлина). Лагерные стихи своей мамы - Любы Вассерман, еврейской поэтессы, пострадавшей от сталинского режима, с теплыми лирическими интонациями прочитал Серго Бенгельсдорф. В стихотворении "В тюрьме" Любовь Вассерман ставит трагический вопрос, который задавали миллионы репрессированных советских граждан: "За что?".

Инна Лось (драматическое сопрано), аспирантка Академии музыки, театра и изобразительного искусства замечательно спела поэму "Славатич" (муз. Златы Ткач, стихи Любы Вассерман). Юная Яэль Коган (Израиль), делающая первые шаги в той же Академии, трогательно исполнила фрагменты из цикла "Алэфбейс" Златы Ткач на стихи Лейба Квитко.

Борис Дубоссарский, композитор и скрипач, заслуженный деятель искусств Молдовы, Ион Жосан и Серго Бенгельсдорф с прекрасным чувством ансамбля исполнили еврейский финал трио Шостаковича, в котором великий композитор XX века выразил свою боль за жертвы Холокоста.

Заключительным аккордом литературно-музыкального вечера прозвучало произведение "Ам Исраэль хай!" - "Народ Израиля жив" в обработке Л.Мирона (стихи Иосифа Керлера - также жертвы сталинских репрессий). Переполненные впечат-

лениями зрители долго не хотели расходиться после концерта, обсуждая услышанное.

Литературно-музыкальный вечер в Департаменте показал, что великая литература и великая музыка, исполняемая на высоком профессиональном уровне, вызывает в сердцах еврейской публики горячий отклик.

Б.Ястребов

"ВОРТ УН НИГН" В БЕРЛИНЕ И КИШИНЕВЕ

В клубе "Золотой возраст" еврейского благотворительного центра "Хэсэд Иегуда" с большим успехом состоялась музыкальная программа "Воспоминания о Берлине".

Программа была посвящена впечатлениям руководителя Творческих мастерских при Кишиневском еврейском общинном центре, мастера искусств Республики Молдова, преподавателя Академии музыки, театра и изобразительного искусства Серго Бенгельсдорфа о поездке группы "Ворт ун нигн" - "Слово и мелодия " в Берлин на фестиваль, посвященный творчеству выдающегося еврейского писателя и лауреата Нобелевской премии Башевиса- Зингера, 100 лет со дня рождения которого исполнилось в этом году. Это был своеобразный творческий отчет о поездке, о встрече с деятелями берлинской еврейской общины. Музыка перемежалась рассказом, звучали произведения, которые исполнялись в Берлине.

Наш корреспондент Борух Троицкий задал несколько вопросов Серго Моисеевичу Бенгельсдорфу.

Б.Т. Почему пригласили именно Вашу группу?

С.Б. Потому что ее репертуар состоит из камерной еврейской музыки, и устроители фестиваля посчитали, что наш репертуар, посвященный еврейскому городскому романсу, вполне отвечает духу творчества Башевиса-Зингера, которого в меньшей степени занимала местечковая тема, а в большей - проблема еврейской жизни в больших городах.

Организаторам понравилась наша программа, включающая романсы Златы Ткач на стихи Моисея Лемстера, Мирославы Метляевой, Лейба Моргентау и других современных поэтов, а также современных композиторов Зеева Биткина, Евгения Жарковского, Яна Френкеля, Юлия Энгеля и других.

Б.Т. Кто еще выступал с Вами в Берлине?

С.Б. В Берлине к нам с Алексеем Дигоре присоединились Анжела Пихут, прилетевшая из Стокгольма, и скрипач Николай Черный - из Германии, который, еще проживая в Молдове, участвовал во многих наших концертах.

Б.Т. Как реагировала публика?

С.Б. Публика приняла нас очень тепло. Вот о чем писала берлинская пресса:

"2 октября 2004 года в большом зале Еврейской общины г. Берлина прошла встреча-концерт со студентами и преподавателями музыкальной академии г.Кишинева под руководством известного знатока еврейской музыки и традиций, профессора Серго Бенгельсдорфа, посвященная 100-летию Исаака Башевиса-Зингера. С большим вниманием и восхищением восприняла немецкая публика великолепное исполнение городского еврейского романса солистами А.Пихут и А. Дигоре, а также музыкальное сопровождение Н.Черного (скрипка) и профессора С.Бенгельсдорфа (рояль). Культурный отдел, комиссия по культуре и публика Еврейской общины Берлина сердечно благодарят группу артистов из Кишинева за чудесную творческую и познавательную деятельность на благо пропаганды еврейской культуры и искусства во всем мире. До новых встреч. Ина Штайн.".

Если берлинские меломаны услышали наши произведения впервые, то для нашей публики в "Хэсэде" это были уже знакомые вещи. Но были премьеры песен и в Кишиневе. Это песня Зеева Биткина на стихи Блоштейна "Лехаим" в исполнении Алексея Дигоре, два романса американских еврейских композиторов Ольшанецкого и Эльштейна в исполнении Анжелы Пихут - "Глик" и "Мазл". И в Берлине, и в Кишиневе очень тепло была принята знаменитая песня Яна Френкеля "Журавли", которая впервые прозвучала на идиш в замечательном переводе Арона Вергелиса стихов Расула Гамзатова. В заключительной части концертов и в Германии, и в Молдове с особым энтузиазмом был воспринят новый, только что образовавшийся дуэт А. Пихут - А.Дигоре. В их исполнении прозвучала ставшая визитной карточкой Молдовы песня Златы Ткач на стихи Иосифа Керлера "Приезжайте к нам в Капрешты". По традиции заканчивается концерт группы "Ворт ун нигн" песней И.Керлера "Ам Исроэл хай!".

Участникам концерта в "Хэсэде" подарили пышные букеты астр, и Елена Тымчишина презентовала каждому по одному своему уникальному произведению прикладного изобразительного искусства - флористики на музыкальные темы.

Руководитель клуба "Золотой возраст" Стелла Хармелина сразу после программы сказала для газеты "Истоки жизни":

- Музыка - лучшее лекарство для души. Наши подопечные говорят, что музыкальные программы продлевают им жизнь и, слушая их, они забывают о своих проблемах, болезнях и невзгодах. Такие люди, как С.М.Бенгельсдорф и его ученики, больше, чем волонтеры. За все это им наши горячая благодарность и признательность.

КОНЦЕРТ В ДУБОССАРАХ

Переполненный зал дубоссарской школы рукоплескал творческой мастерской Серго Бенгельсдорфа. При поддержке Еврейского конгресса Молдовы здесь прошёл большой концерт. Были показаны фрагменты сразу двух программ, каждая из которых заслуживает особого разговора. Первая - совсем новая и чисто еврейская

по тематике - представлялась недавно на международном фестивале в Биробиджане. Она включала разнохарактерные народные песни в обработке З.Биткина и З.Ткач, популярнейших «Журавлей» Я.Френкеля в переводе на идиш, скрипичную пьесу «Фрейлехс» Ю.Энгеля и фантазию Б.Дубоссарского на темы из оперетты «Колдунья».

Органичным переходом ко второй части концерта, посвященной уже 105-летию со дня рождения И.Дунаевского, явилась его малоизвестная музыка к старой киноленте «Искатели счастья», которая рассказывает об евреях - первостроителях Биробиджана. Наследие «Моцарта советской эстрады» блистало также всеми своими красками в популярнейших песнях, куплетах, вальсах, маршах, дуэтах из оперетт и кинофильмов, в динамичной увертюре к «Детям капитана Гранта».

Публика по достоинству оценила вокальные данные и актерское мастерство молодых исполнителей - Алексея Дигоре и Олега Лебедева, Людмилы Ревуцкой и Елены Бондарь. Все они значительно «выросли» благодаря интенсивной сценической практике и советам своего руководителя. Особую значимость этому событию придало участие в концерте композитора, профессора Бориса Дубоссарского.

Председатель местной еврейской общины Ознас Укштейн тепло поблагодарил гостей и выразил надежду, что они приедут вновь. А представители Еврейского конгресса сказали, что готовы поддержать и другие мероприятия, направленные на сближение членов еврейской общины Молдовы с обоих берегов Днестра.

Сергей ПОЖАР, музыковед

ЮБИЛЕЙ РАДИОЖУРНАЛА “ИДИШ ЛЭБН”

За эти годы в эфир вышло около 400 выпусков. Юбилей передачи совпал с 75-летием радио Молдавии. По этому случаю на телеканале “Молдова-1” в программе “Под одним небом” был показан телеочерк о мастере искусств, профессоре музыки и журналисте Серго Бенгельсдорфе и его передаче “Идиш лэбн”, знакомящей слушателей с сокровищами культуры мамэ-лошн и ее яркими представителями.

Передача когда-то стала первой ласточкой перестройки, когда община впервые услышала язык еврейских местечек по официальному каналу. Теперь идиш - привычное явление в общине - на нем проводятся семинары, выходят книги и организуются курсы для обучения молодежи. Тем не менее радиожурнал по-прежнему уникален тем, что он единственный из всех СМИ республики олицетворяет языковую принадлежность еврейской общины.

Особенно высоко ценят слушатели музыкально-литературные композиции радиожурнала, в которых звучат голоса Нехамы Лифшиц, Анны Гинзбург и других выдающихся деятелей еврейской культуры. Тут немало помогает и личный богатый архив ведущего. Как подчеркнул в интервью Агентству еврейских новостей Серго Бенгельсдорф, “Молдавия - одна из немногих республик СНГ, где на идише могут проводиться целые мероприятия: концерты, литературные вечера, заседания

клубов и радиопередачи. Наша задача - эти традиции сохранить и укрепить".

Идиш стал полноправным хозяином и на вечерах музыкального коллектива "Ворт ун нигн" ("Слово и мелодия"), созданного все тем же Бенгельсдорфом. Этот педагог воспитал в стенах консерватории целую плеяду певцов, которые блистательно и высокопрофессионально исполняют народные еврейские песни, шлягеры минувших лет и целые виртуозные оперные партии на идише. В их исполнении звучат произведения Изи Харика, Переца Маркиша, Ицика Фефера и других знаменитых поэтов. И все музыкальные новинки первым делом "обкатываются" в радиопередаче "Идиш лэбн".

Ш.Громан

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРЕМЬЕРЫ МАЯ

Вечер вокальных циклов к 100-летию со дня рождения Д. Шостаковича состоялся в Большом зале Академии. «Испанские песни» (исполнитель О. Цибулько), романсы на стихи Евгения Долматовского (исполнитель О. Лебедев) не раз звучали со сцены, в эфире. А вот сатирическая опера «Антиформалистический раёк» прозвучала в Кишинёве впервые. Великий композитор XX столетия сочинил её в 1948 году и тайно показывал узкому кругу друзей в годы культа личности. И хотя суровые времена миновали, эту музыкальную сатиру незаслуженно забыли. Зал взрывался хохотом и аплодисментами, узнавая эпоху, её вождя и других - далёких от музыкальной культуры - партийных деятелей, выносящих приговоры композиторам под звуки «Сулико», «Лезгинки», «Корневильских колоколов», военного туша. Все четыре вокальные партии не просто исполнил, а буквально «сыграл» аспирант Алексей Дигоре.

Впервые в нашей столице на этом вечере прозвучал вокальный цикл «Из еврейской народной поэзии». Эта музыка явилась ответом Д. Шостаковича на политику государственного антисемитизма, началом которой стало убийство гениального еврейского актёра Соломона Михоэлса. Первые восемь грустных историй - «Заботливые мама и тётя», «Колыбельная», «Дуэт перед разлукой», «О нужде» и другие - не могли быть изданы без оптимистической концовки. Поэтому и появились песни «О еврейском счастье», «Советская пастушка», «Осыпанная благами семья сапожника». Чтобы они не звучали комично, Серго Бенгельсдорф нашёл эти романсы на языке оригинала - на идиш. «Еврейские песни» исполнили солистка молдавской оперы Зара Варданян, студенты Елена Бондарь и Сергей Пилипецкий.

А накануне концерт еврейской классической музыки прошёл в КЕДЕМе. Вёл его также Серго Бенгельсдорф. Немногочисленные поклонники классики, пришедшие на этот вечер, услышали в исполнении студентов Академии романсы своего земляка Антона Рубинштейна и редко звучащие, известные только в музыкальных кругах, пьесы Феликса Мендельсона-Бартольди. Этот композитор остался в тени своих великих современников - Бетховена, Шуберта, Шумана. С его романсами на

SALA CU ORGĂ

DE ZIUA LUI ȘOSTAKOVICI

100 ani de la naşterea compozitorului!

O SEARĂ DE MUZICĂ VOCALĂ

Chişinău
26 septembrie 2006

Proiect, prezentare, pian
Sergo BENGHELSDORF,
Maestru în Artă al Republicii Moldova

CĂNTECE SPANIOLE, op. 100

Adio, Grenada
Steluţele
Prima întâlnire
Ronda

Interpretează
Oleg ŢIBULCO, student în anul III
al Academiei de Muzică, Teatru şi Arte Plastice

* * *

CINCI ROMANŢE

pe versuri de Evghenii Dolmatovski, op. 98

Ziua întâlnirii
Ziua declaraţiei de dragoste
Ziua supărărilor
Ziua bucuriei
Ziua amintirilor

Interpretează
Valeriu CARADJA, solist al Operei Naţionale

* * *

RĂIŞOR ANTIFORMALISTIC
Monoopera satirică

Interpretează
Alexei DIGORE, aspirant al AMTAP

* * *

DIN POEZIA POPULARĂ EVREIASCĂ
Ciclu vocal, op. 79

Bocet la moartea pruncului
Mama şi mătuşa grijulii
Cântec de leagăn
Înaintea despărţirii îndelungate
Avertizare
Tată părăsit
Cântec despre necesitate
Iarna
Viaţă bună
Cântecul domnişoarei
Fericire

Interpretează
Elena BONDARI, studentă în anul IV a AMTAP
Olga HRISTEA-STAN şi **Serghei PILIPEŢCHI,**
soliști ai Operei Naţionale

Sergo BENGHELSDORF *a absolvit Conservatorul "G. Musicescu" din Chişinău şi aspirantura la Conservatorul "N. Rimski-Korsakov" din Leningrad. Din 1960 a activat la Teatrul de Operă şi Balet în calitate de concertmaistru. Din acelaşi an este profesor de pian la Colegiul de Muzică "Şt. Neaga". Mai bine de 10 ani conduce clasa de canto cameral la Academia de Muzică, Teatru şi Arte Plastice, fiind docent al catedrei canto academic. Participanţii acestui concert sunt actualii studenţi şi discipoli ai clasei canto cameral, condus de Sergo Benghelsdorf.*

Sponsor

стихи Г. Гейне нас познакомила Елена Бондарь (на немецком языке).

Слушатели узнали о солисте Мариинского театра, известном басе Сидоре Беларском. Он - родом из Бельц, после революции 1917 года эмигрировал в США и посвятил себя аранжировке и исполнению песен на идиш, в том числе на стихи Ицика Мангера «О Бессарабии». Их исполнила Яэль Коган.

Романсы на стихи М.Эминеску композиторов Бессарабии и Молдавии, евреев по происхождению - Давида Гершфельда, Бориса Дубоссарского, Соломона Шапиро - спела Елена Нистряну. Острохарактерные пьесы Зеева Биткина о свадебном балагуре из Калараша и весёлом путешествии в Одессу исполнил Алексей Дигоре. Между вокальными номерами Ольга Семёнова сыграла скрипичную пьесу Эрнста Блоха «Баал Шем», посвященную основателю хасидизма.

Поздравить с премьерой и поддержать студентов аплодисментами пришёл их педагог, заведующий кафедрой Академии музыки, театра и изобразительных искусств, народный артист СССР Михаил Мунтян.

Аккомпанировал всем на фортепиано неутомимый Серго Бенгельсдорф, заслуженный деятель искусств РМ.

Алла БЕРМЕС

ВЫСТУПИЛИ ПЕРЕД ЗЕМЛЯКАМИ

В ашдодском зале «Бейт Эйтан» прошел концерт еврейской вокальной музыки. Свою программу песен на идиш представили мастер искусств СергоБенгельсдорф и молодой певец, лауреат международных конкурсов Алексей Дигоре. Несмотря на проливной дождь, был аншлаг. Интересная программа из 3-х частей включала в себя цикл песен на идиш в обработке современных композиторов, стихи еврейской поэтессы Любови Вассерман, которые в память о своей матери с вдохновением исполнил Серго Бенгельсдорф, и мини-оперу «Антиформалистический раёк», написанную великим Дм.Шостаковичем в 1948 году.

Алексей Дигоре великолепным исполнением сумел показать сарказм и насмешку композитора над режимом временщиков. Слушатели тепло приняли и народные песни в обработке израильского композитора, бывшего кишиневца Зеева Биткина. Этот творческий отчет перед своими земляками Серго Бенгельсдорф и Алексей Дигоре провели, благодаря поддержке объединения выходцев из Молдовы в Израиле «Извораш». Перед собравшимися выступил также ценитель и знаток языка идиш, заместитель мэра Ашдода Гершон Фельдман.

Гости из Молдовы блеснули талантами и на нескольких творческих вечерах в Иерусалиме, Тель-Авиве, Кирьят-Арбе. Заключительная встреча в Кармиеле, организованная при прддержке заместителя мэра города Рины Гринберг, произвела особое впечатление на Серго Бенгельсдорфа. Здесь он встретил и земляков из Биробиджана, и даже получил в подарок памятную фотографию сорокалетней дав-

ности, где запечатлены артисты Биробиджанского театра, которым руководил его отец.

Приезжайте еще, друзья! - эту фразу не раз слышали в Израиле посланцы Молдовы. Ждем вас!

Ася Халфип-Хинкис, Объединение выходцев из Молдовы в Израиле

РЫЦАРЬ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Если публиковать все, что он нам предлагает, - сокрушался недавно редактор авторитетной кишиневской газеты "Еврейское местечко", -то надо отдельные спецномера под него выпускать. А не печатать Серго Моисеевича грешно: пишет интересно, затрагивая важные для местной диаспоры темы... Неугомонный, трудолюбивый, одержимый новыми идеями, он в любом деле строг и бескомпромиссен, а потому далеко не всегда удобен для чиновников.

Радиожурнал "Идиш лэбн" на волнах Первого молдавского канала он ведет уже 16 лет. Все это время не только информирует соотечественников о важнейших событиях в жизни евреев страны и всего мира, но и сплачивает их, деликатно подпитывая национальное самосознание. Рыцарь "мамэ-лошн", с детства знающий идиш и преподающий его на разных общедоступных курсах, он после смерти молдавского классика-идишиста Ихила Шрайбмана с особой ответственностью несет миссию популяризации родного слова.

Свое 70-летие Серго Моисеевич отметил в два приема. Сначала - в роли доцента Академии музыки, театра и изобразительных искусств дал концерт в Израильском культурном центре Кишинева, где аккомпанировал студентам вокальной кафедры (с ними, между прочим, объездил всю республику, выступал в престижных Органном и Филармоническом залах). Выходя далеко за рамки привычных классных отчетов, первая юбилейная встреча отличалась преобладанием в программе русской классики иудейской направленности. Согласно еврейской традиции, грустные романсы и песни чередовались с веселыми. Гвоздем же программы стала моноопера "Антиформалистический раек" Д.Шостаковича, десятилетиями тайно хранившаяся "до лучших времен" у М.Ростроповича. Смело выписанные в ней пародийные образы Сталина, Жданова и Берии сценически и вокально ярко преподнес лауреат международных конкурсов Алексей Дигоре, недавно вернувшийся со своим наставником с успешных гастролей по Земле обетованной.

А уж какой получился вечер в Кишиневском едином доме евреев Молдовы (КЕДЕМ)! Прежде всего потому, что за Бенгельсдорфом, где бы он ни появлялся, буквально по пятам ходит праздник. Имея, помимо, пианистического, еще и режиссерское образование, полученное у петербургских профессоров Романа Тихомирова и Исаака Гликмана (близкого друга Д.Шостаковича), к тому же гены режиссера-отца, он, как обычно, сам выстроил и сам же вел свое чествование. Делал

это так свободно, искренне, увлекательно, как умеет только он один. Без всякой ложной скромности зачитывал телеграммы от коллег и многочисленных учеников из Америки, Израиля, Швеции и других стран, из родного ему Биробиджана. Поначалу с улыбкой на устах, потом пронзительно-горько декламировал стихи своей мамы - незаслуженно осужденной талантливой поэтессы Любы Вассерман, - посвященные колоритным еврейским местечкам и их, увы, исчезновению. Объяснялся в любви к М.Мусоргскому, Д.Шостаковичу, И.Дунаевскому. За что - было ясно из музыки.

Увлекательно поведал о своей безмерной коллекции еврейских произведений, собранных по всему миру, о поиске редких нот и переводов на идиш популярных песен, о том, почему не обходит вниманием с виду легкий, казалось бы, жанр оперетты, требующий, однако, особой многогранности дарований.

Тепло и зримо очертил Серго Моисеевич эпизоды своего весьма плодотворного сотрудничества с композиторами Златой Ткач и Зеевом Биткиным, с певцами Борисом Раисовым (Кацем) и Ириной Мишурой, с актрисой, художественным руководителем Русского драматического театра имени А.П.Чехова Нелли Каменевой, с поэтом Моисеем Лемстером и писателем Ихилом Шрайбманом. Увы, “иных уж нет, а те далече...”.

Легко перемещаясь от микрофона к фортепиано, маэстро лично аккомпанировал то своим юным питомцам по вузу и по творческим мастерским КЕДЕМа, то признанным солистам Национальной оперы, то самому Борису Дубоссарскому, покорившему виртуозностью своей скрипки. И щедро лились еврейские мелодии... Шутка ли - 28 музыкальных номеров! И каждый из них - жемчужина, от всего сердца преподнесенная юбиляром и его коллегами переполненному и восторженному залу. Не оттого ли столь незаметно для всех промелькнули два с половиной часа?

Приветствуя его, бизнесмен Яков Тихман заметил, что вовсе не случайно он родился накануне 8 марта, ибо лучшего подарка нашим женщинам и не придумать. Певец Владимир Закликовский добавил, что и мужчинам в компании этого мудрого, теплого, отзывчивого человека находиться истинное счастье. Видный архитектор и еврейский общественный деятель Семен Шойхет благословил его, только вступившего в период “юной зрелости”, на дальнейшие творческие подвиги. А любимец местной публики певец Слава Фарбер (тоже, оказывается, его ученик), перефразируя известное “Письмо к ребе”, шутливо напевал: “К духовному раввину Бенгельсдорфу спешат за советом люди...”

Весьма символичным было завершение этого необычного бенефиса любимой песней юбиляра “Народ Израиля жив!”. Ведь красной нитью здесь проходила мысль о том, что именно Серго Моисеевич познакомил соплеменников и представителей других национальностей с историей еврейского народа и еврейской культуры, чуть ли не половину Молдовы превратив в ее почитателей. Добавим: Кишинев стал одним из центров еврейской музыки. Только за это маэстро достоин особого уважения.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

KISHINEV JACOBS JEWISH CAMPUS "KEDEM"
5, Diorditsa str. Kishinev 2012 Republic of Moldova. Tel. +373 22 509 602 +373 22 509 605 fax

KEDEM
www.jewish.md
E-mail: kjc@jewish.md

11.03.2007

Дорогой Серго Моисеевич!

От имени Еврейского Культурного Центра КЕДЕМ мы сердечно поздравляем Вас с юбилеем!

Уже много лет Вы являетесь признанным маэстро музыки, неутомимым пропагандистом еврейской культуры и языка идиш, прекрасным педагогом и бессменным ведущим радиопередачи «Еврейская жизнь».

Вы являете собой пример редкого сочетания творческого начала, высокого профессионализма, доброты и искренности.

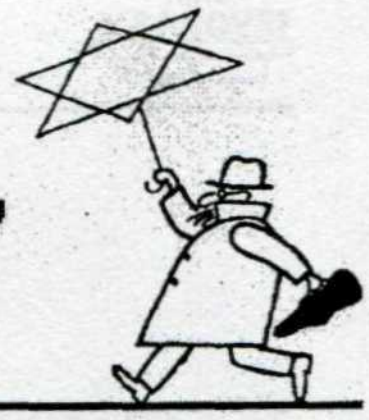
Мы от всей души желаем Вам творческого долголетия, здоровья, благодарных зрителей и талантливых учеников.

Всего Вам самого наилучшего!

До 120!

Илья Шац и
Сотрудники ЕКЦ КЕДЕМ

ЕВРЕЙСКИЙ ОБЩИННЫЙ ЦЕНТР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Россия, 191025, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 3
Телефоны: (812) 713-38-89, 571-64-40 Факс: (812) 314-51-17
E-mail: frenk@lea.spb.su Интернет: www.jew.spb.ru

25.02.2007

С. М. Бенгельсдорфу
Кишинев

Дорогой Серго Моисеевич!

От имени Еврейского общинного центра Санкт-Петербурга и оргкомитета Международного фестиваля-семинара «Клезфест в Петербурге» сердечно поздравляем Вас с 70-летием, желаем крепкого здоровья, семейного благополучия и творческого долголетия. Биз хундерт ун цванцик!

Нас восхищает Ваша многолетняя деятельность на благо еврейской музыки. Надолго запомнились петербуржцам Ваши выступления на «Клезфестах» и в камерных концертах совместно с Вашими учениками, талантливыми исполнителями из Кишенева Натальей Дигоре, Анжелой Пихут, Инной Лось, Славой (Ициком) Фарбером и другими. Мы высоко ценим Ваш вклад в возрождение нашей культуры как музыканта, музыкального критика и писателя. Именно благодаря Вашим статьям весь просвещенный еврейский мир узнал о первом на территории бывшего СССР фестивале, посвященном традиционной музыке евреев Восточной Европы, — «Клезфест в Петербурге».

Зная как трепетно Вы относитесь к Санкт-Петербургу, мы из самого сердца «северной столицы» России шлем Вам искренний привет и с нетерпением ждем новых встреч и совместных творческих акций.

Директор Еврейского общинного центра СПб А. С. Френкель

Директор Центра еврейской музыки Е. Я. Хаздан

IZVORASH
IZVORASH
יזוואראש - התאחדות יוצאי מולדובה בישראל (ע"ר)
אשדוד 77642, רחי אדונני גרוך 5, טל/פקס: 08-8637672, נייד: 0544-635045
E-mail: info@izvorash.org

Уважаемый Серго Моисеевич!

От имени всех выходцев из Молдовы, живущих сегодня в Израиле, поздравляем Вас с Вашим славным юбилеем.
Ваша творческая, педагогическая, просветительская деятельность известна далеко за пределами Молдовы.
Любят, помнят и ценят Вас и в Израиле.
Ваши творческие встречи, не раз проходившие с успехом в Израиле, принесли Вам любовь и известность не только среди Ваших бывших земляков, но и среди многочисленных любителей и почитателей идиш нашей в стране.

Желаем Вам счастья, здоровья и дальнейших творческих успехов в Вашей многогранной деятельности.

С уважением,
Эфраим Баух- председатель Объединения выходцев из Молдовы в Израиле.
Аркадий Бровер- исполнительный директор Объединения.

БРОБИДЖАН 901 104 7/3 0804=

ЛЮКС МОЛДОВА 2043 КИШИНЕВ БУЛЬВАР ДАГИЯ 18-85
БЕЛЬГЕЛЬСДОРОРУ СЕРГО МОИСЕЕВИЧУ=

УВАЖАЕМЫЙ СЕРГО МОИСЕЕВИЧ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С 70-ЛЕТИЕМ ВЫ НЕ РАЗ БЫВАЛИ В НАШЕМ ГОРОДЕ СО СВОИМИ КОНЦЕРТАМИ НА ЕВРЕЙСКИХ ФЕСТИВАЛЯХ КУЛЬТУРЫ И ВСЕГДА БИРОБИДЖАНЦЫ УХОДИЛИ С НИХ ПЕРЕПОЛНЕННЫЕ САМЫМИ СВЕТЛЫМИ И РАДОСТНОВЫМ ЧУВСТВАМИ. ОТ ИМЕНИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ЛЮБЯЩИХ ВАС И ЦЕНЯЩИХ ВАШ ТАЛАНТ ПРИМИТЕ САМЫЕ ИСКРЕННИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯС ЮБИЛЕЕМ ЖЕЛАЕМ ВАМ КРЕПКОГО ЗДОРОЬВЯ ТВОРЧЕСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ВСЕХ НАДЕЖД ПУСТЬ ВАШИ КОНЦЕРТЫ ЕЩЕ ДОЛГО-ДОЛГО РАДУЮТ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ ВЫ И ВАШИ БЛИЗКИЕ=ГЛАВА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОД БИРОБИДЖАН МЭР ГОРДА А А ВИННИКОВ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ П В ВОРОЖБИТ-

НННН 0711 07.03 0006

POSTA MOLDOVEI ОТПРАВОВ CHISINAU 50

ייִדיש

אגודת סופרי ועיתונאי ייִדיש בישראל
פאַראיין פון ייִדישע שרייבערס און זשורנאַליסטן אין ישראל

בית לייוויק | לייוויק הויז
המרכז הישראלי לתרבות ייִדיש | צענטער פאַר ייִדישער קולטור

רח' דב הוז 30, תל-אביב ת.ד. 11100 טלפון: 03-5231830 פקס: 03-5237177 info@leyvik.org.il www.leyvik.org.il

תל-אביב דעם 9טן מערץ 2007

חשובער פּראָפעסאָר, סערגאָ בענגעלסדאָרף!

דער פאַראיין פון ייִדישע שרייבער און זשורנאַליסטן אין ישראל באַגריסט אייך האַרציק מיט אייַער 70-יעריקן יובילייַ און וווּנטשט אייך פיל געזונטע און שעפּרישע יאָרן. די ליבהאָבערס פון ייִדישער מוזיק, פון ייִדישע פאָלקסלידער געדענקען אייַערע וווּנדערלעכע, דערפאַלגרייַכע קאָנצערטן בייַ אונדז אין בית-לייוויק. איר טוט זייער אַ וויכטיקע און זייער אַ נייטיקע אַרבעט אויפֿן געביט פון ייִדישער קולטור – איר פּראָפאַגאַנדירט אמתע, ערנסטע שאַפונגען פון אונדזער פאָלק, פון אונדזערע בעסטע קאָמפּאָזיטאָרן. אַדאַנק אייַך, אַדאַנק דעם גרויסן צאָל פּראָפּעסיאָנעלע זינגער אין וועלכע איר האָט אייַנגעפֿלאָנצט אַ ליבע צו דער ייִדישער מוזיק, צו דער ייִדישער פאָלקסליד, אַדאַנק דעם גרויסן צאָל תּלמידים אייַערע, וועלכע איר האָט אויסגעלערנט זינגען אויף ייִדיש – לעבט און אַנטוויקלט זיך די ייִדישע מוזיקאַלישע קולטור. מיר האָפֿן, אַז די פאַרערער פון אייַער פּעדאַגאָגישן טאַלאַנט אין ישראל, וועלן ניט איין מאָל נאָך האָבן די מעגלעכקייט צו באַזוכן די קאָנצערטן פון אייַערע תּלמידים בייַ אונדז אין בית-לייוויק.

ביז 120 !

דניאל גלאי - פאָרזיצער

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Глава Первая
МОЙ БИРОБИДЖАН

"Биробиджан, каким я его помнию" - *газета "Еврейское местечко", № 26, 2005 год.*
"Слово о маме" - *журнал "Кодры", № 7, 1989 год.*
"Биробиджанский еврейский театр" - *журнал "Радуга", № 2, 2000 год.*
"Воспоминания о щедрой осени" - *газета "Биробиджанэр штерн", июль, 1991 года.*
"Моя душа полна" - *газета "Биробиджанэр штерн", 19 октября 1996 год.*
"Удивительная встреча" - *газета "Биробиджанэр штерн", октябрь, 1996 год.*
"Главная нота" - *газета "Биробиджанская звезда", октябрь, 1996 год.*
"Путешествие в юность" - *газета "Истоки", март, 1997 год.*
"И вновь путешествие в юность" - *газета "Истоки", № 5, 2002 год.*
"Дружеская встреча в Каса маре Серго Бенгельсдорфа" - *газета "Биробиджанэр штерн", 7 февраля 2002 года.*
"Биробиджан, каким я его увидел" - *газета "Еврейское местечко", № 38, 2005 год.*

Глава Вторая
УЧИТЕЛЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

"Память сердца" - *"Мемориальный сборник, посвященный памяти И.Д.Гликмана", 2005 год.*
"Еврейская тема в творчестве Шостаковича" - *еженедельник "Еврейский камертон", Израиль, 12 сентября 1997 года.*
"Праздник души" - *газета "Истоки", № 8, 2001 год.*

Глава Третья
ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

"Куда идешь, КЕМТ?" - *газета "Советская Молдавия", 9 декабря 1986 года.*
"Тевье говорит по-грузински" - *газета "Советская Молдавия", 19 июля 1988 года.*
"Возвращение Вадима Мулермана" - *газета "Вечерний Кишинев", февраль, 1989 год.*
"Начало пути" - *газета "Советская Молдавия", 20 апреля 1989 года.*
"Поэзия, песни, спектакли..." - *газета "Вечерний Кишинев", 24 октября 1989 года.*
"О ком кадыш звучит?" - *газета "Советская Молдавия", 27 марта 1990 года.*
"Нужна ли евреям Молдовы своя культура?" - *газета "Вечерний Кишинев", 11 апреля 1991 года.*
"Дни памяти в Кишиневе" - *газета "Биробиджанэр штерн", 9 июня 1993 года.*
"Отмечая юбилей классика" - *газета "Независимая Молдова", апрель 1994 год.*

"Идиш-центру - три года" - *газета "Литератор", № 6, 1996 год.*
"Дни еврейской культуры в Молдове" - *газета "Наш голос", июль, 1996 год.*
"Живой голос Шолом-Алейхема" - *газета "Истоки", 1998 год.*
"Это было недавно, это было давно" - *газета "Наш голос", январь 1999 года.*
"Шолом-Алейхему посвящается" - *газета "Ами", Санкт-Петербург, 15 июня 1999 года.*
"Спектакль или концерт?" - *газета "Истоки", июль 1999 года.*
"Дунаевский звучит на иврите" - *газета "Рейс 4335", ноябрь, 2000 год.*
"Дому еврейской книги - 10 лет" - *газета "Столица", 2000 год.*
"Последний еврейский театр в Кишиневе" - *газета "Наш голос", март, 2001 год.*
"Мы - дети своих родителей" - *газета "Наш голос", июнь, 2002 год.*
"Кол Нидрей" в день юбилея" - *газета "Наш голос", июнь, 2003 год.*
"Первая встреча с новым ансамблем" - *еженедельник "Форвэртс", август, 2004 год.*
"Размышляя о фестивале "Бесарабер лид" - *еженедельник "Форвэртс", сентябрь, 2005 год.*
"Пусть чаще звучит "Колокольчик" - *газета "Еврейское местечко", май 2005 год.*
"Дорогие гости" - *еженедельник "Форвэртс", ноябрь, 2005 год.*
"Бесарабский стиль" - *еженедельник "Форвэртс", декабрь, 2005 год.*
"Пятнадцать лет в эфире" - *газета "Еврейское местечко", 30 декабря 2005 года.*

Глава Четвертая
ИМЕНИТЫЕ ЛИЧНОСТИ В ЕВРЕЙСКОМ МИРЕ - МОИ ДРУЗЬЯ И ЗНАКОМЫЕ

"Леонид Горовец рассказывает" - *газета "Истоки", № 1, 1996 год.*
"Ихил Шрайбман - лауреат Шведской премии" - *газета "Истоки", октябрь, 1997 год.*
"О юбилее Ихила Шрайбмана" - *газета "Наш голос", 5 января 1998 года.*
"Чай со звездами" Златы Ткач" - *еженедельник "Еврейский камертон", Израиль, декабрь, 2003 год.*
"Слово о Михоэлсе" - *газета "Истоки", № 5, 1998 год.*
"Марк Зельцер - гость Молдовы" - *газета "Истоки", № 4, 1999 год.*
"Он жил сценой" - *газета "Истоки", № 5, 1999 год.*
"Американский десант" в Молдове" - *газета "Истоки", август, 1999 год.*
"Полвека в музыкальной педагогике" - *газета "Истоки", октябрь 1999 год.*
"О полковнике посрамившем министров" - *"Окна", приложение к газете "Вести", Тель-Авив, 13 апреля 2000 года.*
"Борис Сандлер - мой младший друг" - *газета "Истоки", № 6, 2000 год.*
"Звезда по имени Баснер" - *газета "Истоки", № 10, 2001 год.*
"Она стояла у истоков" - *еженедельник "Еврейский камертон", Израиль, 3 июня 2003 года.*
"Слово о настоящем человеке" - *газета "Еврейское местечко", № 17, 2004 год.*
"Рыцарь еврейской музыки" - *газета "Еврейское местечко", № 1, 2005 год.*

"Талантливый ученый, крупный общественый деятель" - *еженедельник "Форвэртс", апрель, 2005 год.*
"Прощай дорогой друг и учитель!" - *газета "Еврейское местечко", декабрь, 2005 год.*
"Имя доброе твое" - *газета "Еврейское местечко", № 1, 2006 год.*
"Подношение Гольдфадену" - *газета "Еврейское местечко", 28 июля 2006 года.*

Глава Пятая
ВСТРЕЧИ В ПУТИ

"Нам памятны эти созвучья..." - *газета "Независимая Молдова", декабрь, 1992 год.*
"Кому улыбается еврейское счастье?" - *газета "Истоки", апрель, 1996 год.*
"На конференции в Москве" - *газета "Истоки", май, 1996 год.*
"Первый "Клэзфест" - *газета "Истоки", август, 1997 год.*
"Моё открытие Швеции" - *газета "Истоки", январь, 1998 год.*
"Еврейский семинар в Одессе" - *газета "Истоки", сентябрь, 1998 год.*
"Какой идиш звучал в Пуще-Водице!" - *еженедельник "Еврейский камертон", Израиль, 15 июня 1999 года.*
"Клэзфест" продолжается - *газета "Истоки", № 4, 1999 год.*
"Вышли мы все из... Молдовы" - *газета "Капитала", 27 мая 2000 года.*
"На еврейском фестивале в Москве" - *газета "Истоки", № 7, 2001 год.*
"Из дальних странствий возвратясь..." - *газета "Истоки", № 3, 2002 год.*
"И вновь я посетил..." - *газета "Наш голос", март, 2003 год.*
"В квартире-музее Римского-Корсакова" - *газета "Наш голос", январь, 2004 год.*
"Берлинские встречи" - *газета "Еврейское местечко", октябрь, 2004 год.*
"Юбилейный "Клэзфест" - *газета "Еврейское местечко", 30 июня 2006 года.*
"Подарок ко дню рождения" - *газета Еврейское местечко", № 14, 2006 год.*

Глава Шестая
ИЗ КРИТИКА В ОБЪЕКТ КРИТИКИ

"Начало пути" - *газета "Вечерний Кишинев", май, 1990 год.*
"Даруя добро" - *газета "Советская Молдавия", 5 мая 1990 год.*
"Мы мало слушаем друг друга" - *газета "Вечерний Кишинев", 18 июня 1991 года.*
"На языке, не требующем перевода" - *газета "Независимая Молдова", 10 июня 1995 года.*
"Энтузиаст еврейской культуры" - *газета "Истоки", № 8, 1997 год.*
"Серебро наших дат" - *"Деловая газета", 4 апреля 1997 года.*
"В мажорном духе" - *газета "Наш голос", июль, 1997 год.*
"Нас сроднила любовь к еврейской музыке" - *журнал "Сохнута" в Киеве, июль, 1998 год.*
"Главной героиней была еврейская музыка" - *газета "Капитала", 8 июля 2000 года.*
"Знакомый незнакомец" - *газета "Капитала", 25 ноября 2000 года.*

"Дайн гутер номен" - *газета "Истоки", январь, 2001 год.*
"Скажем слово о евреях" - *газета "Рейс 4335", № 4, май, 2001 год.*
"Вениамину Баснеру посвящается" - *газета "Рейс 4335", № 4, май, 2001 год.*
"Вечер воспоминаний" - *еженедельник "Новости Беер-Шевы", 27 декабря 2001 года.*
"У нас в гостях" - *газета "Истоки", № 7, 2002 год.*
"Итоги и премьеры" - *газета "Истоки", март, 2002 год.*
"Какая музыка звучала" - *газета "Наш голос", декабрь, 2002 год.*
"Новый музыкальный сезон Серго Бенгельсдорфа" - *газета "Истоки", октябрь, 2003 год.*
"Серго и его команда" - *газета "Капитала", 24 января 2004 года.*
"Первая ласточка" - *газета "Еврейское местечко", апрель, 2004 год.*
"Землякам с любовью" - *газета "Вести", Израиль,май, 2004 год.*
"Яркий дебют" - *еженедельник "Еврейский камертон", Израиль, июнь, 2004 год.*
"Памяти поэтов" - *газета "Истоки жизни", август, 2004 год.*
"Ворт ун нигн" в Берлине и Кишиневе" - *газета "Истоки жизни", декабрь, 2004 год.*
"Концерт в Дубоссарах" - *газета "Еврейское местечко", сентябрь, 2005 год.*
"Юбилей радиожурнала "Идиш лэбн" - *еженедельник "Еврейский камертон", январь, 2006 год.*
"Музыкальные премьеры мая" - *газета "Еврейское местечко", № 19, 2006 год.*
"Выступили перед земляками" - *газета "Еврейское местечко", № 6, 2007 год.*
"Рыцарь еврейской культуры" - *еженедельник "Еврейский камертон", май, 2007 год.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....3

Глава Первая.
МОЙ БИРОБИДЖАН

Биробиджан, каким я его помню.....7
Слово о маме.....13
Биробиджанский еврейский театр.....17
Воспоминания о щедрой осени.....18
Моя душа полна.....25
Удивительная встреча.....27
Главная нота.....29
Путешествие в юность.....30
И вновь путешествие в юность.....39
Дружеская встреча в Каса маре Серго Бенгельсдорфа.....45
Биробиджан, каким я его увидел.....48

Глава Вторая.
УЧИТЕЛЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Память сердца.....55
Еврейская тема в творчестве Шостаковича.....68
Праздник души.....75

Глава Третья.
ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Куда идешь, КЕМТ?.....81
Тевье говорит по-грузински.....87
Возвращение Вадима Мулермана.....89
Начало пути.....92
Поэзия, песни, спектакли….....95
О ком кадыш звучит?.....97
Нужна ли евреям Молдовы своя культура?.....100
Дни памяти в Кишиневе.....103
Отмечая юбилей классика.....105
«Идиш-Центру» - три года.....107
Дни еврейской культуры в Молдове.....108
Живой голос Шолом-Алейхема.....111
Это было недавно, это было давно.....113
Шолом-Алейхему посвящается.....115
Спектакль или концерт?.....116
Дунаевский звучит на иврите.....120
Дому еврейской книги – 10 лет.....122

Последний еврейский театр в Кишиневе....124
Мы – дети своих родителей....126
«Кол Нидрей» в день юбилея....131
Первая встреча с новым ансамблем....132
Размышляя о фестивале «Бесарабер лид»....134
Пусть чаще звучит «Колокольчик»....135
Дорогие гости....137
Бессарабский стиль....138
Пятнадцать лет в эфире....140

Глава Четвертая. ИМЕНИТЫЕ ЛИЧНОСТИ В ЕВРЕЙСКОМ МИРЕ - МОИ ДРУЗЬЯ И ЗНАКОМЫЕ

Леонид Горовец рассказывает....145
Ихил Шрайбман - лауреат Шведской премии....149
О юбилее Ихила Шрайбмана....151
«Чай со звездами» Златы Ткач....153
Слово о Михоэлсе....157
Марк Зельцер - гость Молдовы....160
Он жил сценой....163
«Американский десант» в Молдове....172
Полвека в музыкальной педагогике....177
О полковнике, посрамившем министров....180
Борис Сандлер - мой младший друг....187
Звезда по имени Баснер....191
Она стояла у истоков....193
Слово о настоящем человеке....199
Рыцарь еврейской музыки....202
Талантливый ученый, крупный общественный деятель....205
Прощай дорогой друг и учитель!....208
Имя доброе твое....209
Подношение Гольдфадену....211

Глава Пятая. ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Нам памятны эти созвучья....215
Кому улыбается “еврейское счастье”?....217
На конференции в Москве....219
Первый «Клэзфест»....221
Мое открытие Швеции....223
Еврейский семинар в Одессе....230
Какой идиш звучал в Пуще-Водице!....234
«Клэзфест» продолжается....238
Вышли мы все из… Молдовы....242

На еврейском фестивале в Москве....244
Из дальних странствий возвратясь....247
И вновь я посетил....250
В квартире-музее Римского-Корсакова....258
Берлинские встречи....260
Юбилейный «Клэзфест»....263
Подарок ко дню рождения....265

Глава Шестая.
ИЗ КРИТИКА В ОБЪЕКТ КРИТИКИ

Начало пути....271
Даруя добро....273
Мы мало слушаем друг друга....274
На языке, не требующем перевода....276
Энтузиаст еврейской культуры....277
Серебро наших дат....280
В мажорном духе....280
Нас сроднила любовь к еврейской музыке....283
Главной героиней была еврейская музыка....284
Знакомый незнакомец....287
Дайн гутер номен....288
Скажем слово о евреях....289
Вениамину Баснеру посвящается....291
Вечер воспоминаний....292
У нас в гостях....293
Итоги и премьеры....296
Какая музыка звучала....297
Новый музыкальный сезон Серго Бенгельсдорфа....299
Серго и его команда....300
Первая ласточка....302
Землякам с любовью....303
Яркий дебют....304
Памяти поэтов....306
“Ворт ун нигн” в Берлине и Кишиневе....307
Концерт в Дубоссарах....308
Юбилей радиожурнала “Идиш лэбн”....309
Музыкальные премьеры мая....310
Выступили перед земляками....315
Рыцарь еврейской культуры....316
Вместо эпилога....318
Первоисточники....322
Содержание....326

✡ ✡ ✡

Имя Серго Бенгельсдорфа неизменно ассоциируется с самыми важными музыкальными событиями в еврейской общине с первых лет ее возрождения в республике.

Г.Кочарова, доктор искусствоведения, профессор

✡ ✡ ✡

Серго Бенгельсдорф - очень деятельная натура. Получив высшее образование как пианист, он проявил затем большой интерес к оперному искусству и учился в аспирантуре по оперной режиссуре. А своими еврейскими программами он известен не только в Кишиневе, но выступал с ними в Москве, Санкт-Петербурге, Риге, Биробиджане, Черновцах, Алма-Ате, Одессе, у нас в Израиле, а также в Швеции, США, Берлине, Париже...

И.Милютина, доктор искусствоведения